

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

О.Р. Айрапетов
М.А. Волхонский
В.М. Муханов

ДОРОГА НА ГЮЛИСТАН...

Из истории российской политики
на Кавказе во второй половине XVIII –
первой четверти XIX в.

Москва
2014

Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М.

Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. – М.: Книжный Мир, Международный Институт Новейших Государств, 2014. – 384 стр.

ISBN 978-5-8041-0673-8

В череде юбилеев и круглых дат, в которые вступила наша страна, Гюлистанскому миру 1813 года было уделено крайне мало внимания. Разумеется, это событие куда как менее известно, чем Отечественная война 1812 года, и менее значительно, чем Первая Мировая война, начавшаяся в 1914 году.

Однако русско-персидская война 1804-1813 годов, итоги которой и были подведены в Гюлистане, по своему значению, масштабам охваченных войной и миром территорий и, конечно же, по последствиям этого мира для судеб народов, живущих там, далеко выходит за пределы локального конфликта между Россией и Персией, который велся скромными силами на краю ойкумены.

К тому же, в отличие от других событий периода противостояния с Наполеоном, наследие Гюлистана несет еще для многих смысловую политическую нагрузку. В отличие от Франции, Италии, Германии и Великобритании, где решения Венского конгресса могут затронуть только души и умы специалистов, на Кавказе и в Закавказье все обстоит по-другому. История Гюлистана востребована политиками, что в нынешних условиях неизбежно ведет к агрессивным и потому далеким от объективности трактовкам.

Именно поэтому предлагаем вниманию самого широкого круга читателей труд широко известных исследователей историков «Дорога на Гюлистан». Объяснение и осмысление значения факта, относящегося к прошлому, возможно лишь путем реконструкции исторического контекста этого факта, а не политической контекстуализации факта, сплошь и рядом основанной на незнании.

«Дорога на Гюлистан» – это широкая историческая картина событий, значение и значимость которых достойны трезвого взгляда.

ЗАО «Книжный мир»: 129085, г. Москва, а/я 26, Тел.: (495) 720-62-02

ISBN 978-5-8041-0673-8

© О.Р. Айрапетов, М.А. Волхонский, В.М. Муханов 2014
© Международный Институт Новейших Государств 2014
© Книжный Мир, 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в русской политике

Балканы и Закавказье, два географически удаленных друг от друга региона, являющиеся составными частями постимперского пространства, которые в XIX-XX веках вступили в процесс создания национальных государств, тяготеющих к этнически «чистому идеалу».

Само понятие «империя» настолько замызгано его сторонниками и противниками, что утратило всякое подобие смысла. Ясно лишь одно – сторонники приписывают ему все хорошее, противники – все плохое, что только могут себе представить. Оговоримся, что Империя в своей внутренней политике на традиционном имперском пространстве, где никогда или почти никогда не существовало национальных государств, исходит из исторически сложившегося административно-территориального принципа, то есть подходит к национальным вопросам «территориально», противопоставляя универсализм подданства национальной принадлежности.

Национальное государство исходит из необходимости достижения максимальных границ существовавшего когда-либо или даже не существовавшего реально никогда мифического государства – великой национальной идеи. Национальное государство, таким образом, противопоставляет исторически сложившимся реалиям своей взгляд на территории, стремясь добыть и преобразовать их в интересах одной национальности. Ведь по достижению этих пределов, как это, например, име-

ло место в Королевстве Венгерском после «Ausgleich» – согласия 1867 г. или в Польше после 1920 г., начинается культурная революция, нацеленная на лишение этнических меньшинств их идентичности, а проще абсорбция.

Таким образом, часто, очень часто, почти всегда для многих народов Империя предоставляет шанс на выживание, развитие, достижение определенных и притом весьма неплохих результатов национальной культуры. Империя не всегда несет угрозы национальному существованию слабого народа, национальное государство – как правило.

Но вернемся к Балканам и Закавказью. Оба региона возникли в русской политике примерно одновременно. Векторы активной русской политики на Балканах и в Закавказье относятся к периоду правления Петра Великого – это начало XVIII столетия, знаменитые Прутский (1711) и Персидский (1722-1723) походы. Разумеется, разновременные культурные, экономические контакты, военные столкновения имели место и раньше, еще со времен Киевской Руси вплоть конца XVI – начала XVII веков, но эти походы, браки, переговоры и союзы, выезды на Москву иконописцев, знатоков Св. Писания и даже царей – все это так и не стало фактором реальной политики, поэтому и осталось предметом исторических исследований или спекуляций – в зависимости от способностей или совести отдельно взятого историка.

Близость процессов в двух регионах достаточно очевидна. Балканы и Закавказье в период XVIII-XX веков существовали на окраине трех традиционных центров притяжения, трех имперских центров.

На Балканах – Россия, Австрия и Османская Турция, две христианских державы разного толка (православная и католическая), и одна мусульманская страна. При кажущемся явном культурно-конфессиональном противостоянии такое было отнюдь не очевидно. Россия

появилась в регионе, когда традиционные противники – Габсбурги и Османы – начали уже явно утомляться от традиционного противостояния. Ведущий игрок в антиосманской борьбе вплоть до середины XVIII века, Австрия уступает эту роль России, а появление нового сильного игрока привело к ослаблению австро-турецких противоречий. С начала XIX века все более значительным в районе Балкан и Проливов становится русско-британское и русско-французское противостояние, апофеозом которого становится Крымская война. К началу XX века это противостояние начинает падать в связи с ростом влияния нового игрока – Германии и в Первую Мировую войну бывшие противники России на Балканах и Проливах – Франция и Германия – становятся ее союзниками.

Изменения претерпевает и мотивация русской политики на Балканах. Появляясь здесь преимущественно из соображений стратегической обороны против вассала Османской империи или в качестве партнера и причем не главного – своего двусмысленного союзника Священной Римской империи германской нации, во второй половине XVIII века Россия резко меняет свое поведение. Она теперь самостоятельно выбирает роль, и эта роль – ведущего, не ведомого. После окончания наполеоновских войн резко меняется значение черноморской торговли – ее показатели постоянно растут, и торгово-экономическое значение Проливов для России резко возрастает и продолжает расти вплоть до начала XX века, когда уже окончательно складывается вполне современная модель русской внешней торговли. На Балтике – это преимущественно ввоз из Европы, и причем ввоз промышленных товаров, предметов роскоши, и т.п., в то время как на Черном море это преимущественно вывоз и вывоз сырья, в XIX веке – хлеба, с конца XX – углеводородов.

В Закавказье – Россия, Персия и Османская Турция. Две мусульманские державы разного толка (шиитская и суннитская), и одна христианская страна. И снова при кажущемся явном культурно-конфессиональном противостоянии такое было отнюдь не очевидно. Россия появилась в регионе, когда традиционные противники – персы и турки – утомились от традиционного соперничества. Ведущий игрок в антиосманской борьбе в регионе вплоть до второй половины XVIII века, Персия уступает эту роль России, а появление нового сильного игрока привело к ослаблению персо-турецких противоречий. И здесь с начала XIX века в качестве активных игроков возникают Англия и Франция, причем первая держава, исходя из концепции активной обороны дальних и ближних подступов к Индии, пытается удержать Россию от выхода за Кавказский хребет.

Россия появляется здесь, в отличие от Балкан, преимущественно, исходя из соображений торгово-экономического характера. Династический кризис в Иране, вызванный вторжением афганцев и отречением в 1722 г. последнего полноправного шаха из династии Сефевидов – Солтан Хусейна – активизировало набеговую активность горцев Кавказа и поставило под угрозу торговые пути и астраханскую торговлю России – важнейший пункт в торговле Империи со Средним Востоком. Вместе с тем ее интересам угрожал и возможный выход Турции к побережью Каспия. Петр закрепил за собой узкую полосу побережья от Дагестана до Гиляна, не допустив реализации этой угрозы, которая потребовала бы создание на Каспии полноценного флота.

На Балканах и в Закавказье Россия первоначально стремилась к непрямому присутствию – созданию цепи протекторатов, и эта политика оказалась несостоятельной. Вынужденный, по соображениям политического и конфессионального порядка, отказ от нее в Восточной

Грузии привел к выходу владений Петербурга в Закавказье и постепенному их расширению, вплоть до 1878 г., когда к России была присоединена Карская область, уступленная Советской Россией Турции Атаатюрка в 1920 г.

На Балканах *de facto* совместный с оттоманами протекторат был реализован в отношении Дунайских княжеств, и вместе с другими европейскими державами частично – в отношении Сербии и Греции, однако предел территориального распространения России на полуострове был положен раньше – в 1829 г., а отступления Парижского мира в 1856 г. были компенсированы в 1878 г. К этому времени существовавшие там государства сформулировали свои собственные концепции справедливого переустройства Балкан за счет соседей, неизменно выставляя счет исторических претензий в адрес России.

Исторически основой русского влияния в двух регионах была крестьянская православная семья, воспринимавшая императора всероссийского как законного наследника православных монархов Византии и связавшая с Россией свои надежды на освобождение от османского и персидского гнета.

Разумеется, что местные католики и мусульмане не имели оснований для подобного рода чувств, но их симпатии приобретались другим способом – прекращением конфликтов, установлением мира, просвещением, веротерпимостью и т.п.

Со второй половины XIX века ситуация начинает меняться. Процесс секуляризации культуры элиты приводит к формированию национальной интеллигенции на основе учений европейского происхождения.

В этот момент Россия начинает совершать одну ошибку за другой – русское правительство этого периода перестает воспринимать образование и культуру как элементы своей политики. Их недооценка приводит

к весьма чувствительным поражениям, самым заметным из которых стала потеря влияния в Болгарии и разрыв отношений с этим княжеством в 1885 г.

Следует отметить одну интересную закономерность – на Балканах и в Закавказье революционные русские учения преобразовались. Место архи-врага – самодержавия в них постепенно замещалось Россией, претензии к которой за все собственные ошибки или недостатки становились традицией местных политических элит.

Сейчас, когда миновало 200-летие Бухарестского и Гюлистанского мирных договоров, которые во многом наметили начало того пути, о котором мы говорили, самое время попытаться начать его научное осмысление. Очевидно, что незавершившийся в Закавказье (частично – и до сих пор на Балканах) процесс становления национальных границ в постимперский период делает невозможным объективное исследование этих событий.

Время – понятие условное и не поддается единому измерению. Одни и те же события воспринимаются в России как нечто безусловно далекое, для многих людей в Закавказье это сплошь и рядом вчерашний день, победы одних и поражения других воспринимаются также живо, как будто на полях тех сражений еще не погребли павших. Эмоции подогреваются и направляются вовне. В какой-то степени это неизбежно. Для внутренней консолидации необходим внешний враг, для оправдания сегодняшних реалий – претензии к несостоявшемуся по вине метрополии иному, лучшему прошлому.

Неизбежность такого рода конструкций не делает их приемлемыми, зато в очередной раз объясняет наше обращение к проблеме Гюлистана и его наследия. Возможно, объяснение прошлого сделает его понятным и приемлемым для возможно большего числа людей, интересующихся историей.

ОТ АВТОРОВ

Над книгой трудился следующий
авторский коллектив:

О.Р. Айрапетов, кандидат исторических наук, заместитель декана по научной работе факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (6-я и заключительная главы);

М.А. Волхонский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России (1-я, 2-я, 3-я и 4-я главы);

В.М. Муханов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО(У) МИД России (5-я и заключительная главы).

* * *

Авторы выражают благодарность директору Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО(У) МИД России, профессору *В.В. Дегоеву* за неоценимую поддержку в ходе работы над книгой.

ГЛАВА 1.

«Диверсия» императрицы: отряд генерала Г.Г. Тотлебена в Грузии (1768-1774)

Ко времени вступления на престол Екатерины II в Петербурге уже имели богатый практический опыт военно-политической деятельности как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Своего рода квинтэссенцией этого опыта стала написанная для императрицы летом 1762 г. канцлером М.И. Воронцовым записка о международном положении Российской империи. Итак, на какие важные моменты российской внешней политики на южных границах империи пытался обратить внимание императрицы опытный дипломат, канцлер граф М.И. Воронцов? Относительно Ирана сообщалось, что *«между Российской империей и Персидским государством настает трактат вечного мира, заключенной в 1732 году, которой потом и другим в 1735 году подтвержден»*, что *«обоими оными трактатами уступлены в Персидскую сторону бывшие во владении Российском тамошние провинции»*, что *«установлена и продолжается была до 1747 года дружеская пересылка с обеих сторон о делах»*. Однако, продолжал далее канцлер со времени смерти Надир-шаха в 1747 г. *«здешних дел с Персиею никаких нет, кроме того, что производится купечеством»*, поскольку *«по смерти шаха Надыра во всей Персии сделались бунты, кои и до ныне продолжаются, так, что тамошние ханы, усиливаясь один перед другим производят меж-*

ду собою войну, и отнимают один и другова города и провинции, желая каждой во владение себе покорить все Персидское государство»¹.

Подробно в записке канцлера излагались главные сферы взаимоотношений с Турцией. В первую очередь, в документе подчеркивался факт отсутствия между государствами общей границы: *«ныне сия держава от соседства с Россиею почти совершенно отлучена, и токмо граничит с нею владениями хана Крымскаго, васала своего от южной же стороны»*. В записке подробно обрисовывались «барьерные земли» между двумя империями, где в направлении с востока на запад выделялись земли кабардинцев, *«которые по трактату с Портою имеют пребыть вольным народом и служить барьерою между обеими державами»*, затем земли вокруг устья Дона, которые по тому же трактату 1739 г. *«учинились между обеими империями барьерною землею»*, и наконец, земли *«Малой Татарии»*, под которой канцлер подразумевал *«Крымския и другия орды жительствующия у Черного моря, на Кубани и между реками Доном, Днепром, Бугом, Днестром и Дунаем, кои все находятся под владением хана Крымскаго»²*. Создание по трактату 1739 г. барьерных земель, по мнению канцлера, приводило к ситуации, когда *«обе империи между собою непосредственно ничего делить и опасаться не имеют»*. В то же время канцлер, предостерегая императрицу, указывал на ряд существовавших для Порты потенциальных возможностей нанести ущерб позициям России. Наряду с угрозой вмешательства Турции в польские дела, а также опасности набегов крымских татар на российские пограничные области, в записке особенно подчеркивалась

1. Кавказский вектор российской политики (далее – КВ). Сборник документов. Т. 1. XVI-XVIII вв. / Составители М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2011. С. 216.

2. Там же. С. 216, 219, 220.

угроза возможной территориальной экспансии турок в Иране, *«особливо близ Каспийского моря»*. Канцлер указывал, что в этом случае *«не трудно им будет не токмо заведенной на том море Российской торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы Российские»*³.

Из этой записки, а также из других документов первой половины XVIII в. можно видеть, что Кавказ в целом в Петербурге воспринимался как некий «барьер», состоящий из ряда независимых или полунезависимых земель, который отделял российские границы от турецких и иранских. С нашей точки зрения, термин русской дипломатии XVIII в. – «барьер» – по своей смысловой нагрузке соответствует выработанному в современной западной и российской историографии терминам «фронтир» или «пограничье». Отметим, что для Кавказа больше подходит термин «пограничье», которое лучше передает историческую и политическую специфику кавказского региона в XVIII – первой половине XIX вв.:

1. длительное соперничество трех империй (Ирана, России и Османской империи) за контроль над этим пространством;
2. сложное политическое устройство кавказского «пограничья», выражавшееся в большом количестве второстепенных, местных игроков;
3. непрерывное пограничное взаимодействие, выражавшееся в торговле, установлении различных форм политической зависимости кавказских владетелей и народов от Ирана, России и Турции, в набегах и в ответных карательных походах;
4. высокий уровень перемещения населения как внутри «пограничья», так и за его пределы, включая миграции, колонизации, депортации;
5. сомнительная лояльность со стороны народов кавказского «пограничья» в отношении имперских властей;
6. чрезвычайно гибкая политика имперских властей в пограничном

3. Там же. С. 217, 219.

регионе, колеблющаяся от организации наступлений внутрь пограничного региона к созданию оборонительных линий по его периметру; от заключения соглашений с местными правителями до жестких репрессий в их адрес, с единственной целью поддержания здесь безопасности и стабильности.

За скупыми строчками записки канцлера М.И. Воронцова проглядывает накопленный за первую половину XVIII в. солидный опыт управления кавказским «пограничьем», который следует рассмотреть чуть подробнее. Первой серьезной попыткой управления политическими процессами в этом регионе со стороны России стал Персидский поход Петра I. Документы свидетельствуют, что главным мотивом вмешательства в закавказские дела для Петербурга явился страх перед возможностью перехода каспийского побережья в руки турок. В инструкции первому российскому консулу в Иране Семену Аврамову еще в декабре 1720 г. предписывалось следить за тем, чтобы турки не завладели побережьем Каспийского моря⁴.

Безусловно, большое значение имел и вопрос о защите русской торговли. Отправленный в 1715 г. посланником в Исфаган А.П. Волинский имел соответствующие инструкции – безопасность торговли и совместное противостояние Турции были тесно связаны друг с другом⁵. Русско-персидский торговый договор был заключен еще в 1718 г., но в условиях кризиса он не мог выполняться персидской стороной. В Шемахе при нападении на нее лезгин и кумыков были ограблены и убиты русские купцы, но шах, не смотря на протесты Петербурга, ничего не мог сделать⁶. Между тем, кроме убийств,

4. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 24.

5. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. История России с древнейших времен. Тома 17-18. М., 1993. Кн. 9. С. 356-357.

6. О Персидском походе, при Петре Великом бывшем // Русский архив (далее – РА). 1899. Вып. 12. С. 481-482.

был нанесён и немалый имущественный ущерб – до 500 тыс. рублей. Пришлось попытаться навести порядок самостоятельно. 18 июля 1722 г. Петр вышел из Астрахани – водным путем шло 22 тыс. пехоты, 5 тыс. матросов, по суше – 9 тыс. регулярной конницы, 20 тыс. казаков, столько же калмыков и 30 тыс. татар⁷. Поход проходил удачно, основные укрепленные пункты – Дербент и Баку – особого сопротивления не оказали⁸.

В другой инструкции тому же Аврамову от 25 июня 1725 г. Петр I писал: *«Предлагай шаху старому или новому или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали... Турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, ни себе ею владеть. Однако ж, не имея с ними обязательства, за них вступатца не можем, но токмо по морю лежащие земли отберем, ибо турок тут допустить не можем»*⁹. Характерно, что Петр I ничего нового не придумал, поскольку такой же сценарий пытался в конце XVI в. осуществить иранский шах Аббас I Великий, когда предлагал царю Федору Иоанновичу уступить города Дербент, Шемаху и Баку, если русское войско выступит против турок, которые тогда смогли захватить эти города.

Политика Петра I и его преемников на Северном Кавказе и Закавказье являлась типичной для имперского «пограничья». Речь, в первую очередь, шла не о захватах, а об управлении этой территорией, путем контроля над стратегическими пунктами, а также распространения своего политического влияния. Кстати, пря-

7. Соловьев С.М. Указ. соч. Тома 17-18. Кн. 9. С. 364, 367.

8. Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642-1700-1886. СПб., 1888. С. 92-96.

9. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 32.

мой, постоянный контроль над территорией всего кавказского «пограничья» на тот момент был не под силу ни Российской империи, ни Ирану, ни Турции. Дело было не только в постоянном соперничестве трех империй, но также в сопротивлении местных кавказских правителей, которые ловко лавируя между тремя силовыми центрами, добивались, таким образом, своей де-факто независимости. Политический хаос, охвативший Сефевидский Иран, снова нарушил равновесие в этом регионе. Для Турции возникла возможность еще раз, как в конце XVI в., попытаться изменить в свою пользу политическую конфигурацию внутри Закавказья путем территориальных захватов, приведения к власти дружественных Порте местных правителей и главное взятия под свой контроль каспийского побережья. Этого Российская империя допустить не могла.

Несомненно, большую роль в принятии решения о Каспийском походе сыграл тот интерес, который проявлял Петр I к транзитной торговле шелком по Каспию. Шелковый транзит имел притягательную силу для русского правительства со времени открытия Волжско-Каспийского пути. С выходом России в Балтийское море, а также ростом русской промышленности, этот торговый путь, как считали в Петербурге, мог принести огромные доходы в казну. В планах Петра I значилось устранить засыле купцов Ост-индской компании, а также турецких купцов. В 1711 и 1713 гг. русское правительство заключило соглашение с компанией джюльфинских армянских купцов о торговле шелком через Россию вместо Турции. Однако компания не выполняла своих обязательств вследствие внутренних разногласий по вопросу выгод торговли через Россию. В 1716 г. Петр I поручил своему представителю в Гамбурге, а в 1717 г. – представителю в Силезии составить торговые компании для транзит-

ной торговли шелком через Россию. В это время, в 1715-1718 гг., в Иран с посольством был направлен Артемий Волынский, в инструкции которому, в числе прочего давалось поручение, специально обратить внимание *«не мочно ль препятствия какого учинить смирянскому и алеппскому торгам, где и как?»*¹⁰. Заключенный Волынским 30 июля 1717 г. с шахом Хусейном торговый договор¹¹ был чрезвычайно выгоден для русского купечества, которое получало теперь право свободной беспошлинной закупки шелка. Согласно договору, в Исфагане и Шемахе учреждались консульства. Характерно, что одновременно с российским посольством в 1716 г. в Исфаган прибыло турецкое посольство, которое выдвинуло требование, чтобы вся торговля шелком-сырцом шла через Турцию¹².

Между тем, у шелкового транзита в Россию было одно чрезвычайно уязвимое место. Большая часть торгового пути проходила по владениям закавказских и дагестанских правителей, находившихся в вассальной зависимости от иранского шаха, но действия которых, плохо или совсем не контролировались шахским правительством. Собственно, это была одна из характерных черт в целом всего кавказского «пограничья». В периоды же наступавшего регулярно в Иране безвластия и междоусобиц эта территория погружалась в полный хаос. В результате в 1721 г. русской торговле в Шемахе был нанесен чувствительный удар, когда город был взят Дауд-ханом, а русская фактория полностью разграблена. Французский посол Кампредон, с сочувствием сообщая кардиналу Дюбуа о переживаниях Петра I при по-

10. КВ. Т. 1. С. 73.

11. Полный текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 5. 1713-1719. № 3097. С. 500-503.

12. Маркова О.П. Указ соч. С. 65-66.

лучении известия о событиях в Шемахе, утверждал, что потери «казенного товара» составили 3 млн. рублей¹³.

Каспийский поход был превентивной контрмерой, направленной на создание такой политической конфигурации в Закавказье, которая отвечала бы российским интересам. Однако ни полуразвалившийся Иран, ни, тем более, Турция, не хотели смириться с появлением в Закавказье нового, мощного игрока. Подписанный в Петербурге 12 сентября 1723 г. иранским послом Исмаил-беком договор¹⁴, согласно которому Иран уступал России каспийские провинции, так и не был ратифицирован шахом Тахмаспом II. В то же время, заключенный с Турцией 12 июля 1724 г. в Константинополе договор о фактическом разделе Ирана¹⁵, с одной стороны, окончательно испортил отношения с шахом, а с другой, не остановил продвижение турок в Закавказье. Отказ шаха признать Константинопольский договор послужил для турок формальным предлогом для захвата новых иранских территорий. В начале 1725 г. Порта потребовала от России симметричных действий, предлагая одновременно окончательно разделить Иран. Но в Петербурге не доверяли турецким предложениям, подозревая, что турки хотят склонить персов к подданству султана, а затем совместно выбить русские войска из Закавказья¹⁶. Новая попытка российских дипломатов в 1726-1727 гг. убедить шаха признать Константинопольский договор, чтобы остановить наступление турок, а затем совместными русско-иранскими силами выбить турок из Закавказья, не дала результатов. Между тем, ситуация

13. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник императорского русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 49. СПб., 1885. С. 83-84.

14. Полный текст см.: КВ. Т. 1. С. 105-107.

15. Полный текст договора см.: ПСЗ. Собрание 1. Т.6. № 4531. С. 253-260.

16. Маркова О.П. Указ. соч. С. 32.

еще больше осложнилась, когда турки в октябре 1727 г. заключили Хамаданский договор с узурпатором афганцем Ашрафом, который признал власть султана, а также утвердил за Турцией захваченные иранские провинции. Возникла угроза совместного выступления турецких и иранских сил против русских войск в каспийских провинциях. Петербургу срочно пришлось пойти на заключение 13 февраля 1729 г. в Реште договора с Ашрафом, согласно которому Ирану были возвращены еще не занятые русскими войсками Астрабад и Мазандеран, при обязательном условии не допускать туда других держав¹⁷. Сложившийся в Закавказье геополитический треугольник значительно ограничивал свободу маневра для всех его участников. Усиление присутствия либо России, либо Турции в зоне традиционного преобладания Ирана тут же вызывало попытку сближения противоположной стороны с Ираном, с тем, чтобы остановить зарвавшегося соперника. Этим объясняется факт неудач российской дипломатии при попытках договорным путем закрепить военное присутствие России на Каспии.

В ходе Каспийского похода русское правительство получило еще один урок. Любое имперское пограничье всегда характеризуется наличием большого количества второстепенных, локальных политических игроков, но в Закавказье их было чрезвычайно много (грузинские цари и эриставы, армянские мелики, «адербайджанские» ханы, дагестанские владетели). Следствием чего была постоянная неустойчивость, хаотичность, и, как следствие, непредсказуемость политической ситуации. Очень ярко это проявилось в попытке Петра I опереться на силы закавказских христиан во главе с картлийским царем Вахтангом VI. План создания в Восточном Закавказье буферного грузино-армянского государства под протекторатом России блестяще провалился, как из-за

17. КВ. Т. 1. С. 128-129.

плохой координации действий союзников, так из-за местных междоусобиц. В результате, турецкие войска на двенадцать лет оккупировали Восточное Закавказье, кроме узкой прибрежной полосы, удержанной Россией.

Преодолеть закавказский хаос и выстроить ту политическую конфигурацию, которая требовалась для соблюдения интересов Российской империи в регионе, можно было, только опираясь на значительную вооруженную силу. В ответ на продолжавшееся наступление турецких войск в 1725-1726 гг. в Восточном Закавказье в Петербурге было принято решение усилить русский корпус на побережье, а также приступить к строительству укрепленной линии, чтобы защитить «шелковый путь». Для ее возведения уже были составлены инженером Дебрины проекты и модели крепостей, в том числе Екатеринополя в устье Куры¹⁸. Между тем, с самого начала похода обозначилась проблема коммуникаций и координации действий с закавказскими союзниками, проблема снабжения русских войск и большой смертности среди солдат из-за непривычного климата. К началу 1730-х гг. в Петербурге окончательно убедились в невозможности и бесполезности дальнейшего русского военного присутствия на Каспийском побережье. В 1731 г. в записке, поданной императрице Анне Иоанновне, генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков писал: *«Вошли в персицкие дела – сколько людей потеряли, какую великую сумму, ежели положить в цену артиллерию, амуницию, мундир, провиант, кроме многотысячным счетом людей потеряно без всякой пользы... И хотя бы мы, что имеем в Персии провинции от порции своей хотели за собой удержать, то никак не можно: или от турок, или от персиян, – а выбиты будем...»*¹⁹.

18. Маркова О.П. Указ. соч. С. 39.

19. КВ. Т. 1. С. 132-133.

Постепенный выход из кризиса Ирана в конце 1720 -х – начале 1730-х гг. дал Петербургу шанс выйти, наконец, из «персидских дел». С устранением угрозы установления турецкого военного присутствия в каспийских провинциях Ирана отпадала необходимость их удержания. Кроме того, зона жизненных российских интересов лежала в направлении Черного, а не Каспийского моря, где главным противником России была Турция. Поэтому русское правительство, предвидя неизбежное военное столкновение с ней, хотело иметь в лице Ирана союзную или дружественную державу. Она уже начала действовать против общего врага. В 1731 г. шах Тахмасп попытался осадить Эривань, но взять крепость не сумел и вынужден был снять осаду. При отступлении персидская армия была разгромлена, и Тахмасп пошел на значительные уступки туркам (Тифлис, Эривань, Нахичевань, Гянджа, Шемаха, Дагестан), что существенно подорвало его авторитет и позиции в Персии. Этим не замедлил воспользоваться Тахмасп-кули, фактически отстранивший шаха от власти и не подтвердивший его договор с турками. Война продолжилась²⁰. В январе 1732 г. в Реште был подписан русско-иранский договор²¹, согласно которому Россия передавала Ирану Гилян, а также обещала отдать все прочие провинции, когда шах всех своих неприятелей выгонит. В договоре специально оговаривался запрет на ввод в эти провинции войск третьей державы и установления там иностранного влияния. В противном случае, говорилось в договоре, провинции *«вечно не отлучены будут от империи Российской и учиненные трактаты да разрушатся»*.

В 1733 г. Надир начал новую кампанию против турок осадой Багдада, но был наголову разгромлен. Вско-

20. Sykes P.M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 343-344.

21. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005. С. 199-206.

ре, военное счастье повернулось к нему лицом, и турки начали нести поражение за поражением. В 1735 г. Эривань, Гянджа, Тифлис вновь перешли под контроль персов²². Освобождение в 1734-1735 гг. от турецких войск Северного Азербайджана, Восточной Грузии и Северной Армении еще больше укрепило позиции Ирана. Вследствие чего, фактический правитель Ирана Надир-кули хан потребовал от России окончательно вывести войска из прикаспийских провинций. 10 марта 1735 г. между Россией и Ираном был заключен Гянджийский договор, согласно которому города Баку и Дербент отходили к Ирану с тем, чтобы их *«никоим образом и ни под каким видом в руки других держав, а паче общих неприятелей не отдавать»*. Чтобы добиться обещания Надир-кули хана продолжить войну с Портой, российский посол князь С.Д. Голицын вынужден был включить в его текст признание власти Ирана над Дагестаном, что означало перенос русско-иранской границы на Терек, а также уничтожение крепости Св. Крест²³. В Петербурге надеялись, что это позволит оттянуть намечавшееся столкновение России с Турцией.

Однако уступки, сделанные Ирану с российской стороны, как раз стали одной из главных причин начала русско-турецкой войны. Порта постоянно обвиняла Россию в оказании тайной помощи персам. По мнению великого визиря, Турция воюя с Ираном, фактически воевала с Россией. Особенное раздражение в Константинополе вызвал Гянджийский договор, в частности, статья, где признавалась власть Ирана над Дагестаном. В ответ на заключение договора турецкое правительство приняло в апреле 1735 г. решение послать в Дагестан, находившийся с их точки зрения под властью султана, войско крымского хана. На просьбу Порты не пре-

22. Sykes P.M. Op. cit. Vol. 2. P. 345-346.

23. Юзефович Т. Указ. соч. С. 206-211.

пятствовать передвижению татарского войска, Россия ответила категорическим отказом. Не обращая на это внимание, крымский хан с 53-тысячным войском дошел до Дербента, но затем вынужден был повернуть обратно, узнав о походе к Крыму отряда генерала М.И. Леонтьева. Эти две обоюдные военные акции стали прологом к начавшейся 28 мая 1736 г. русско-турецкой войне²⁴.

Вспыхнувшей войной воспользовался Надир, который в марте 1736 г. был избран шахом Ирана, и торжественно коронован с помпой, которая должна была затмить блеск старой династии²⁵. Вопреки договоренностям с Петербургом, он поспешил заключить с Турцией 28 сентября 1736 г. Эрзурумский мир на выгодных для себя условиях. Победоносная, но крайне тяжелая для России война с Турцией закончилась заключенным 18 сентября 1739 г. Белградским миром²⁶, который, подводя итог периода обострения русско-турецких отношений, вызванных Каспийским походом Петра I, в то же время открыл новый этап отношений, где центральное место заняли крымский и кабардинский вопросы.

В первой половине 1740-х гг. завершился очередной этап турецко-иранских отношений в Закавказье. Надир к этому времени находился на пике своих успехов. В 1737-1738 гг. он совершил успешный поход в Афганистан, а в 1739 г. – в Индию²⁷. После победы над Великим Моголом он расправился со сверженным им в 1736 г. шахом Тахмаспом и его семьей, проживавшими в ссылке в гор. Себзевар. В 1741 г. он совершил успешный поход на Бухару и Хиву²⁸. В мае 1741 г., во время похода в

24. Маркова О.П. Указ. соч. С. 48-49.

25. Sykes P.M. Op. cit. Vol. 2. P. 347-348.

26. Юзефович Т. Указ. соч. С. 38-46.

27. Sykes P.M. Op. cit. P. 349-359.

28. Известие о произошедших между шахом Надыром и старшим его сыном Реза-кулы-мирзою, печальных приключениях в Персии, 1741 и 1742 годов, ныне сообщенное сочинением канцелярии советника Василья Братищева. СПб., 1763. С.4-5; 22-23.

Дагестан на него было совершено покушение, в котором шах обвинил сына и наследника, которого вскоре приказал ослепить. Это сыграло роковую роль в судьбе его династии²⁹.

В 1740-1741 гг. Надир-шах предпринял походы в Дагестан для укрепления здесь своей власти. Это снова привело в 1743 г. к возобновлению войны с Турцией. В то же время вторжение иранских войск в Дагестан вызвало военную тревогу в Петербурге. Русское правительство стремилось удержать Надир-шаха от вторжения в Дагестан, резонно указывая ему, что война с горцами неизбежно ослабит Иран, а следовательно усилит Порту, во вред Российской империи. Видя непреклонность Надир-шаха, русское правительство вынуждены было принять оборонительные меры на Северном Кавказе. В Кизляр стянули дополнительные войска, стали восстанавливать укрепления, а дагестанским владетелям оказываться негласная материальная помощь. В одной из записок 1748 г. канцлер М.И. Воронцов прямо говорил, что если бы горцы не остановили персов, то между Россией и Ираном была бы война³⁰. Ряд поражений, понесенных в Дагестане от горцев, а также вспыхнувшее при поддержке Порты восстание в Картли и Ширване заставило Надир-шаха пойти на заключение мира с Турцией. Мирный договор от 4 сентября 1746 г. фактически возвратил Иран и Турцию к положению в Закавказье на момент подписания мира 1639 г. В то же время напряжение в русско-иранских отношениях сохранялось до 1747 г., когда Надир-шаха был убит в ходе дворцового заговора. Начавшиеся сразу после этого в Иране междоусобицы снова встревожили Петербург. В постановлении Коллегии иностранных дел от 27 августа 1747 г.

29. Там же. С. 28-29, 52-53.

30. Восточные дела. 1748 // Архив князя Воронцова. Т. 25. М., 1882. С. 120.

говорилось: *«Весьма важно с здешней стороны осторожность свою иметь и также меры принимать, чтобы Порта Оттоманская, пользуясь таким случаем, всем или частью сего Персидского государства овладеть и с той стороны к Российской империи в соседство приблизиться»*³¹. Только в 1750 г., когда стало точно известно, что в междоусобице определился победитель – Керим-хан Зенд, из Петербурга пришел приказ отвести от Кизляра дополнительные полки внутрь России, так как явной опасности на этом направлении больше не предвиделось³². Таким образом, закончился очередной раунд борьбы трех держав в рамках кавказского «пограничья».

Остается обратить внимание на еще один аспект тех военно-политических и дипломатических коллизий, которые вызвал Каспийский поход Петра I. Европейские державы сразу же оценили эффективность вмешательства в русско-турецкие отношения, вращавшиеся вокруг Каспийско-Черноморского региона, в плане воздействия на политику Российской империи на европейском направлении. В 1722-1725 гг. Англия всеми силами стремилась спровоцировать войну Турции с Россией с целью ослабить позиции последней на Балтийском море. Кроме того, Каспийский поход Петра I в первый раз пробудил английскую «паранойю» относительно русской угрозы английским интересам на Ближнем Востоке и в Индии. Так в письме от 5 января 1722 г. статс-секретаря Картерета английскому послу в Константинополе Стэньяну были красочно обрисованы «катастрофические последствия» для Англии похода русского императора на Каспий. Статс-секретарь предупреждал, что в случае успеха Петр направит всю индийскую торговлю через Россию, а также захватит монополию на торговлю пер-

31. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 126.

32. Там же.

сидским шелком. Доходы от торговли увеличат его силу, что приведет к новым завоевательным походам уже на территории Турции. В результате русские создадут новую «Греческую империю». Уже в феврале 1722 г. английский посол представил Порте мемориал на турецком языке, в котором предупреждал о завоевательных замыслах Петра I в отношении Турции, а также убеждал в легкости борьбы с Россией, против которой враждебно настроены все европейские державы³³.

Между тем, угроза войны с Турцией заставила Россию искать союза с Австрией. Заключенный 6 августа 1726 г. австро-русский договор, фактически втянул Россию в орбиту европейской политики «равновесия сил». Петербург, прямо не желая этого, примкнул к союзу Испании и Австрии против союза Англии, Франции и Пруссии. В результате не только английский посол стал подталкивать Турцию к войне, но ему в этом стал активно помогать французский посол. Яростное сопротивление Франции и Турции способствовало сближению России с Австрией, поскольку утвердило русское правительство в ошибочном мнении, что австро-русский блок заставит Турцию из страха ограничить свои агрессивные действия в Закавказье. Согласно заявлению Остермана, именно персидские дела стали главным побуждением к скорейшему заключению союза с «цесарем». В реальности, главным следствием австро-русского сближения стало резкое охлаждение отношений с Францией, привлечение ресурсов Российской империи для ведения войн в Центральной Европе, а также дальнейшее обострение отношений с Турцией. Таким образом, региональная геополитическая игра в рамках «пограничья» на Кавказе между Турцией, Ираном и Россией довольно быстро, благодаря интригам Англии и Франции, а также ошибкам российской дипломатии, превратилась в со-

33. Там же. С. 25-26.

ставную часть большой европейской международной политики

* * *

Выйдя к началу 1760-х гг. из целой цепи европейских войн, куда она была втянута через сложные комбинации союзов с Австрией, Англией, Пруссии и Австрии, Россия стала постепенно нащупывать свой самостоятельный внешнеполитический курс, который в большей степени отвечал бы ее собственным государственным интересам. К этому времени все острее стала осознаваться черноморская проблема. В уже упоминавшейся выше записке канцлера М.И. Воронцова говорилось: *«Порта Оттоманская и ныне может вредить России по многим консидерациям: 1) по Польским делам... 2) в рассуждении Персидского государства, есть ли похощет искать своего распространения на его ущерб, а особливо близ Каспийскаго моря и 3) чрез ханов Крымских может делать нападения на Российския области... Российскому двору однакож нужно на нынешнее время того престоерегать, чтоб Турки по Польским делам пребывали в покое, и чтоб не похотели они учинить приобретения над Персиею, а особливо близ Каспийскаго моря; понеже в таком случае не трудно им будет не токмо заведенный в том море Российский торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы Российские. А на будущее время для России желать надобно, чтоб приобретением полуострова Крыма или Донскаго устья, или какого-нибудь места удобнаго к содержанию флота на Черном море доставить себе в оном твердое основание, и тем Азиятския и другие ближния к том морю Европейския области Порты Оттоманской також и город Константинополь, и вообще Турок и Татар, содержать в страхе,*

*и под законами, а тамошнюю коммерцию обратить в свою пользу»*³⁴. Разрешение этих задач стало главной целью внешней политики России по окончании Семилетней войны.

Несмотря на ясно обозначенные цели на южном направлении, в Петербурге не стремились к войне с Турцией в ближайшее время. Страна только что вышла из тяжелой Семилетней войны, казна была пуста. Кроме того, императрица Екатерина II чувствовала себя еще довольно непрочно на российском престоле. Но, несмотря на нежелание с российской стороны начинать новую войну, обострение отношений с Портой шло по нарастающей. Этому способствовали два фактора – соперничество Франции и Англии на международной арене, а также неизбежные в ходе взаимодействия на пространстве кавказского «пограничья» конфликты между Россией и Турцией.

Турцию к войне с Россией активно подталкивали Англия и Франция, соперничество которых после окончания Семилетней войны обострилось до предела. Устранив в ходе этой войны присутствие Франции в Индии, англичане теперь решили сосредоточиться на Восточном Средиземноморье и подорвать французскую левантийскую торговлю. В частности, Лондон планировал с помощью русского оружия освободить Черное море от господства турецкого флота, а затем взять черноморскую торговлю в свои руки, как это было ранее сделано на Балтийском и Белом морях³⁵. Естественно, что касается Франции, то в свете англо-русской «дружбы», проекта «Северной лиги» Н.И. Панина, а также русской активности в Польше в связи с выборами нового короля, отношение к России было крайне враждебным. Стремясь нейтрализовать Петербург на европейском

34. КВ. Т. 1. С. 217.

35. Маркова О.П. Указ. соч. С. 59.

направлении, Париж всеми силами стремился вызвать русско-турецкую войну. Так присланное в 1762 г. в Константинополь крымским ханом «всенародное челобитье» с жалобами на Россию являлось прямым следствием денежных субсидий крымскому хану от французской короны (40 тысяч левков). В апреле 1766 г. герцог Шуазель категорически потребовал от своего посла в Константинополе графа Верженна толкать Порту к войне с Россией, так как Англия с помощью России готовит страшный удар против Франции³⁶.

Другим фактором обострения русско-турецких отношений стало продолжавшееся соперничество в рамках кавказского «пограничья». В Константинополе с раздражением смотрели на попытки русских властей обустроить по периметру Северного Кавказа крепости и военные линии, а также препятствовать вывозу с Северо-Восточного Кавказа в Крым рабов-христиан (армян и грузин), захваченных во время набегов горцев в Закавказье. Недовольство Порты также вызывали грузинские посольства в Петербург, которые каждый раз напоминали туркам о стремлении грузинских царей встать под покровительство Российской империи. Из всех закавказских правителей наиболее активно пытались добиться от Петербурга поддержки кахетинские Багратионы. В 1744 г. Надир-шах назначил Теймураза царем Картли, а его сына Ираклия – Кахетии. При этом впервые за сто лет от них не потребовали принять ислам. Наступивший после смерти Надир-шаха новый период смуты в Иране значительно облегчил положение Восточной Грузии. Главной проблемой для Теймураза II и Ираклия II оставались лезгинские набеги, которые опустошали страну и сокращали ее население. Главной целью набегов был именно захват людей для дальнейшей продажи их в Крым. Талантливый полководец Ираклий

36. Там же. С. 60-61.

II смог одержать много побед в борьбе с лезгинами, но полностью обезопасить грузинские земли у него просто не хватало сил. В то же время грузинские цари не оставляли мыслей добиться полной независимости от Ирана, а в конечном счете, стать доминирующей политической силой на всем пространстве Закавказья. Всего этого возможно было добиться только при поддержке крупной державы, такой, например, как Российская империя.

В возможном выборе между Россией и Турцией предпочтительней для грузинских царей была, конечно, Россия. Не только из-за единоверия, но также по политическим мотивам. Во-первых, Теймураз II и Ираклий II мечтали вернуть захваченные турками южные грузинские земли Самцхе-Саатабаго, входившие в состав Ахалцихского пашалыка. Во-вторых, в военно-экономическом плане Российская империя к середине XVIII в. уже явно превосходила как Турцию, так и Иран. В-третьих, Петербург, в отличие от Константинополя, демонстрировал желание иметь в Закавказье не «прямые» (собственные) владения, а скорее опираться на дружественных ей владетелей с целью не допускать ни Турцию, ни Иран к прямому выходу на российскую границу. Это вполне устраивало грузинских царей, поскольку, с одной стороны, сохраняло им свободу действий в реализации их плана восстановления величия Грузии, а с другой, обещало им получение необходимых материальных и людских ресурсов. Оставалось только придумать, как склонить Петербург снова ввязаться в закавказские дела.

Осенью 1752 г. в Москву, где в это время находился двор императрицы Елизаветы Петровны, прибыло грузинское посольство во главе с митрополитом Афанасием (из рода князей Амилахвари) и князем Симоном Макашвили³⁷. Посольство предложило на рассмотрение

37. КВ. Т. 1. С. 605.

императрицы секретную программу совместных русско-грузинских действий против ослабленного междоусобицами Ирана. Грузинские цари предлагали повторить сценарий 1722 г. т. е. открыть совместные военные действия, в ходе которых Россия снова могла «в Персии великой авантаж получить и в близости к Грузии лежащими городами завладеть». Чтобы грузинские войска приняли участие в военных действиях, цари просили: ссудить их деньгами для набора и содержания войска до 20 тысяч человек; направить в Грузию некоторое количество черкесов (кабардинцев) и донских казаков; запретить кумыкам и другим горцам, подданным Российской империи нападать на грузинские земли³⁸.

Ответ Коллегии иностранных дел был отрицательный, поскольку войска не могут быть посланы вследствие дальности расстояния; черкесов направить нельзя, так как они по Белградскому миру с Портой были «оставлены вольными»; о нападении кумыков будет произведено расследование; а что касается займа, то было устно послам обещано в свое время сделать Грузии «вспоможение»³⁹. Главная же причина отказа от предложения грузинских царей излагалась канцлером А.П. Бестужевым в специальной докладной записке императрице (март 1754 г.). В ней указывалось, что грузины отправили посольство в Россию для того, чтобы «неприятелей своих несколько удержать от нападения от них», тогда как *«интересы здешней империи напротив того требуют, чтобы самым делом в защите грузинцев и в сопряженные с тем персидские дела отнюдь не вступать и не мешаться, сколь долго турецкий двор в таком же молчании об оных пребудет. И понеже всякой повод к подозрению отнимать надобно, которые турки возыметь могли б в том, что*

38. Там же. С. 608-609.

39. Там же.

российский императорский двор с грузинскими царями сношение имеет и в тамошние дела вступается»⁴⁰. Мысль канцлера предельно ясна: не стоит нарушать с таким трудом достигнутое на кавказском «пограничье» равновесие ради достижения интересов грузинских царей. Тем более, что в это время Российская империя готовилась ввязаться в войну против Пруссии.

В то же время грузинское посольство вызвало интерес в Петербурге к складывавшейся в Закавказье новой политической ситуации. Интерес также подогрели наводнившие Турцию, а затем Европу слухи об успехах, победах грузинского царя Ираклия II⁴¹. Поэтому в 1754 г. вместе с грузинскими послами в Грузию был направлен на два года капитан Грузинского гусарского полка Отар Туманов для *«секретного разведования и примечания»*. В качестве основной задачи он должен был собрать сведения о намерениях грузинских царей и конечно Турции. Петербург по-прежнему волновал вопрос, не собирается ли Порты снова воспользоваться междоусобицами в Иране и его слабостью, чтобы завладеть персидскими провинциями. В Коллегии иностранных дел также волновались, что грузинские цари, узнав об отказе, станут искать «протекции» у турок, что могло резко изменить расклад сил в Закавказье⁴².

Неудача первого посольства не смутила Теймураза II и Ираклия II. В конце 1760 г. в Москву прибыло новое грузинское посольство в составе 74 человек, на этот раз во главе с царем Картли Теймуразом II. Посольство допустили в Москву после длительных попыток уговорить грузин вернуться обратно, а также после уведомления о нем турецкого правительства. Наконец, была выработана подходящая формула, нейтрально обозначавшая

40. Там же. С. 608.

41. Маркова О.П. Указ. соч. С. 134.

42. КВ. Т. 1. С. 609-610.

причину приезда Теймураза II в Петербург: царь едет на поклонение императрице. В реальности же грузинский царь приехал с очередным планом вмешательства Российской империи в иранские дела. При личной встрече 28 апреля 1761 г. с канцлером М.И. Воронцовым царь Теймураз II предложил план установления законной власти в Иране, путем возведения на шахский престол такого кандидата, *«который бы российским интересам поспешествовал»*⁴³. Для исполнения этого плана царь просил предоставить от двух до трех тысяч человек войска для охраны грузинских земель от набегов лезгинов, что позволило бы ему с отборным грузинским войском выступить в Иран для возведения на шахский престол нужного кандидата⁴⁴. Но предложение царя снова было отвергнуто Петербургом, поскольку оказание помощи Грузии, скорее всего, вызвало войну с Турцией. Между тем, участвуя в Семилетней войне, Россия не могла ввязаться в еще одну войну. В то же время не желая терять расположение к России царя Ираклия II, канцлер М.И. Воронцов в отправленном по случаю смерти Теймураза II в Петербурге в январе 1762 г. письме обнадеживал царя и весь грузинский народ *«особливой императорской милостью»*. Характерно, что письмо было адресовано *«светлейшему царю грузинскому и кахетинскому Ираклию»*. До этого в официальных сношениях с Грузией русское правительство именovalo ее правителей владельцами или принцами, также как их именovali иранские шахи и турецкие султаны. Это было единственное достижение посольства царя Теймураза II⁴⁵.

В то же время Ираклий II оказался в сложном положении, поскольку посольство его отца в Россию вызвало тревогу у Керим-хана, которому удалось к этому

43. Там же. С. 637.

44. Там же. С. 640.

45. Маркова О.П. Указ. Соч. С. 130-131.

времени уже укрепить свою власть почти на всей территории Ирана. Несколько раз хан обращался к грузинскому царю с письмами и призывами приехать к нему, обещая дать в управление Тебриз. Грузинский царь не поехал, но отправил к Керим-хану послов с оправданиями за посольство своего отца: уехал самовольно (действительно, на прошении Теймураза II к императрице не было подписи Ираклия II); понес большие убытки до 100 тыс., а пользы никакой не получил. В это время в руки царя попал самый сильный соперник Керим-хана в борьбе за шахский престол, Азат-хан Тебризский. В обмен на его выдачу Ираклий смог после длительных переговоров добиться от Керим-хана согласия на объединение под своей властью Картли и Кахетии, которые стали единым царством. В следующем 1763 г. году Азат-хан был передан Керим-хану и казнен.

Объединение Картли и Кахетии под властью Ираклия II совпало с успехами имеретинского царя Соломона I в борьбе с турками. В 1750-х гг. этот энергичный правитель в Хресильской битве разбил оппозицию местной знати, а затем запретил продажу рабов турецким купцам, которая приняла невиданные размеры, угрожая окончательно обезлюдить Западную Грузию. В 1758 г. Соломон заключил оборонительный союз с царями Картли и Кахети. Но действия царя незамедлительно вызвали противодействие турецких властей. Ахалцихский паша потребовал отменить запрет на работорговлю в Имеретии. В ответ Соломон I созвал 30 декабря 1759 г. собрание светской и церковной знати Западной Грузии, которое постановило: пока будем живы, будем вместе с царем Соломоном и выполним его указ. Отказ отменить запрет на работорговлю вызвал в 1760-1765 гг. ряд военных походов турецких войск в Имеретию. Турки решили использовать против Соломона I бежавшего в Турцию имеретинского князя Теймураза Мамуковича

Багратиони, которому был обещан имеретинский престол.

Действия турецких войск оказались неудачными. Особенно тяжелое поражение, как это видно из донесения ахалцихского паши, потерпели турецкие войска в конце 1765 г., когда турецкие войска, занявшие оставленную грузинами крепость, потеряли около 5 тыс. человек в результате подрыва заложенных в ней зарядов мин. Полное поражение туркам нанесла последовавшая затем атака грузин, которые погнали их с такой яростью, что всех бы истребили, если бы не подоспела помощь⁴⁶.

Военные успехи Соломона I оказали большое впечатление на русское правительство. 14 декабря 1765 г. А.М. Обрезков доносил императрице, что *«военные Порты против грузинцов, ачикбашцов называемых предприятия сколько сильны ни были, искусством и хитростью тех народов в ни во что обращены, да и к крайнему Порты острамлению»*⁴⁷. В Петербурге с сочувствием следили за борьбой имеретинского царя, однако остерегались как либо вмешиваться в этот конфликт, не желая еще больше обострять отношения с Портой. В то же время русская сторона тщательно отслеживала, чтобы военные действия турецких войск против Соломона I не распространились на владения Ираклия II, который негласно поддерживал имеретинцев. В январе 1765 г. русский посланник А.М. Обрезков вынужден был сделать запрос-предупреждение рейс-эфенди по поводу Восточной Грузии: *«... не имеет ли Блистательная Порта какого намерения и против грузинцов, Персии принадлежащих, ибо самой Блистательной Порте довольно известно, что положение Персицкаго государства есть такого существа, что*

46. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 153.

47. Там же. С. 154.

некоторая из обеих держав не может одному никакого ущерба или умаления сделать без воздвижения другой справедливой атенции»⁴⁸. В свою очередь Порты постоянно обвиняла Россию в оказании помощи царю Ираклию II, который в свою очередь *«обнадеживает вспоможениями грузинцов ачикбашцов от повинования Порте отпавших»⁴⁹*. За перепалкой русских и турецких дипломатов ясно проглядывали опасения обеих держав нарушить установившееся после Белградского мира на кавказском «пограничье» равновесие между тремя империями.

Между тем, стороны конфликта истощили свои средства. В 1765 г. царь Соломон I, понимая, что в одиночку ему не выстоять, обратился к русскому правительству с просьбой убедить султана заменить требование дани людьми денежной данью. Одновременно с этим Константинополь также выразил заинтересованность в посредничестве. Великий визирь «подсказал» российскому послу передать эту посредническую миссию царю Ираклию II⁵⁰. В донесении от 14 января 1766 г. А.М. Обрезков писал, что султан, считая поход 1765 г. *«совсем неудачливым»*, склоняется к тому, чтобы принять посредничество царя Ираклия II и довольствоваться *«платой онаго народа дани деньгами, а не людством»⁵¹*.

Однако продолженная царем Соломоном партизанская война подтолкнула Порту к организации летом 1766 г. нового похода, который закончился взятием в сентябре того же года Сверской крепости и вступлением турецких войск в Кутаис. Царем Имеретии был объявлен Теймураз Багратиони, а Соломон с горсткой

48. Там же. С. 25.

49. Там же. С. 25-26.

50. Маркова О.П. Указ. Соч. С. 136.

51. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века (далее – МИРГО). Тб., 1988. Ч. 3. Вып. 1. С. 220-221,

верных людей укрылся в Верхней Имеретии в крепости Модинахе. Отсюда, в октябре 1766 г. царь направил двух своих людей с письмом к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову, в котором просил в случае его окончательного поражения право переселиться в Россию вместе с оставшимися ему верными людьми⁵².

В это же время, в сентябре 1766 г., уполномоченный царя Кахети и Картли прибыл в Константинополь. В реляции русского посла от 20 сентября 1766 г. отмечалось, что прибывший от царя Ираклия представитель предложил туркам *«преклонить тех грузинцов к даче Порте по прежнему обыкновению ежегодно по шестидесяти девушек, токмо ж не грузинок и не христианок, а из других наций, но Порта бы почитала их не подданными, но единственно под протекциею ея состоящим народом и что Порта... для избавления себя из продолжающиеся посрамительной войны на оные кондиции склониться намеряется»*⁵³. О дальнейшей миссии царя Ираклия II подробных сведений нет.

Соломон I не принял турецких условий. В ноябре 1766 г. он вынужден был укрыться в горах Осетии, откуда он снова просил русское правительство ходатайствовать перед султаном, чтобы *«тот турецкий двор оставил усильно брать с царства есырей, а получил бы подати деньгами, как и прежде. Бude же сего учинить не можно, тогда бы он принят был, с его князьями, дворянами и народом, сколько набратся волею может, в здешнее защищение и пожаловано место на поселение в здешних границах, а не внутри России»*⁵⁴.

Дело принимало серьезный оборот. В конце января 1767 г. Коллегии иностранных дел составила доклад по поводу прошения имеретинского царя, который был

52. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 157.

53. Там же. С. 156.

54. Там же. С. 159.

одобрен императрицей. В нем подчеркивалось, что, поскольку царь Соломон является вассалом турецкого султана, то его предложение принять нельзя, поскольку это усилит подозрение Турции и может *«приводить с Россией холодность и ссору»*. В то же время кизлярскому коменданту генерал-майору Н.А. Потапову было поручено отправить в Имеретию надежного человека с тем, чтобы сообщить царю в личной беседе, что в Петербурге его прошение встретили с большим одобрением, но поскольку враги царя уже истощены, а Россия имеет с Турцией мир, то ему следует отложить свое переселение до будущего более благоприятного времени. В Имеретию в ноябре 1767 г. был отправлен игумен Григорий, руководитель Осетинской духовной комиссии⁵⁵.

Но Соломон, воспользовавшись уходом в декабре 1767 г. основных турецких сил из Имеретии, начал новую кампанию по освобождению крепостей и городов своего царства, о чем генералу Потапову в январе 1768 г. сообщил игумен Григорий⁵⁶. С этой целью в Дагестане были наняты 300 горцев, каждому из которых платили по два-три тумана в месяц. В ожесточенном сражении около Чхари царь Соломон I разбил войско турецкого ставленника Теймураза Багратиони, которого поддерживали князья Дадиани, Гуриели и Эристав Рачи. Неудачливый претендент был посажен в Мухурскую крепость, где вскоре скончался. В то же время в руках турок оставалась столица Кутаис и основные города-крепости Имеретии. Поэтому, вернув себе престол, Соломон тут же отправил новое посольство в Россию с просьбой о военной помощи, которое на этот раз с нетерпением ждали в Петербурге.

55. Там же. С. 165.

56. Там же. С. 173.

* * *

К осени 1768 г. обострение в русско-турецких отношениях достигла своего пика, в немалой степени, благодаря интригам Франции. 4 октября 1768 г. русского посланника в Константинополе А.М. Обрезкова вызвали к визирю, который потребовал от него ручательства, что Россия выведет войска из Польши. Русский посланник заявил, что у него таких полномочий нет, после чего он, и одиннадцать членов посольства были арестованы и заключены в Едикуле (Семибашенный замок). Получив известие из Константинополя об аресте своего посланника, 4 ноября 1768 г. императрица Екатерина II созвала заседание Совета, открывая которое объявила: *«По причине поведения турок, о чем граф Никита Иванович Панин изъяснит, я принуждена иметь войну с Портой и ныне вас собрала для требования от вас разсуждений к формированию плана»*. После обсуждения в Совете было решено вести наступательную войну. В ходе заседания граф Г.Г. Орлов предложил во-первых, четко определить цель войны, *«на какой конец она приведена быть может»*, а во-вторых, подумать *«не можно ли послать под видом вояжа, в Средиземное море несколько судов и оттуда учинить диверсию неприятелю»*⁵⁷.

Цель войны была сформулирована на втором заседании Совета 6 ноября 1768 г. *«... удержать свободное мореплавание на Черном море и для того еще во время войны стараться об учреждении порта и крепости, а со стороны Польши утвердить такие границы, которые бы навсегда спокойствие не нарушали»*⁵⁸.

57. Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768-1796). Ч. 1. С. 1-5.

58. Там же. С. 7-8.

Что касается второго вопроса Г.Г. Орлова, то он отражал давно уже сформулированную в Петербурге возможную стратегию борьбы с Османской империей. Снова вернемся к записке канцлера М.И. Воронцова 1762 г., в которой говорилось: *«Россия... почиталась страшной для Порты Отоманской, когда имела в своем владении город Азов и устье Донское, и там содержала морския силы; а ныне Туркам вредит не может, кроме того, что по единоверии с разными в Турецком подданстве находящимися народами, которые составляют большую и знатнейшую часть Турецкого владения в Европе и к России оказывают себя усердными и благонамеренными, может она в случае нужды, тайною или явною им помощь, Турецкий двор беспокоить и приводить в заботу»*⁵⁹. Итак, в качестве одной из главных стратегий в войне с Портой, русское правительство решило использовать «диверсии» (военно-политические действия или демонстрации) в тех регионах Османской империи, где проживали христианские народы, Это должно было заставить турок распылить силы, и, тем самым, облегчить действия главных русских сил. 12 ноября 1768 г. заслушав доклад Гр. Орлова об экспедиции в Средиземное море, Совет после обсуждения решил: *«отправить как в Морею, к Далматам, в Грузию, так и ко всем народам Турецкой области живущим нашего закона, для разглашения, что Россия принуждена вести с турками войну за закон, а к черногорцам для того послать, что ежели экспедиция в действо произведена будет, то в разсуждении положения земли иметь в оной безопасное пристанище»*⁶⁰.

Несомненно, включение Грузии в список регионов Османской империи, где призыв русской императрицы мог вызвать положительный отклик у христианских на-

59. КВ. Т. 1. С. 217.

60. Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 1. С. 10.

родов, было сделано под впечатлением той успешной борьбы против турецких войск, которую вел в течение восьми лет имеретинский царь Соломон I. В середине ноября 1768 г. Коллегия подготовила доклад *«Разсуждение о способах, какими грузинцы преклонены быть могут к восприятию участия в настоящей с Портой Оттоманской войне»*⁶¹. В нем речь шла, прежде всего, о Соломоне I, которого, по мнению Коллегии, было нетрудно привлечь к войне, поскольку он являлся непокорным вассалом Турции. В отношении же Ираклия II утверждалось, что его привлечь будет трудно, поскольку он *«имея нужду защищать свое владение только от лезгинцев, а от турков будучи отделен владением Имеретийским... совсем не чувствует тягости турецкого соседства»*⁶².

С целью привлечения грузин к войне Коллегия предлагала: 1) обнадежить грузин тем, что во время заключения мира с Турцией они не будут забыты; 2) помочь деньгами; 3) отправить несколько легких пушек и артиллеристов. Что касается посылки в Грузию русских войск, то в Коллегии считали, что *«по трудности проездов грузинцы войском здешним никаким образом подкреплены быть не могут»*⁶³. Анализ содержания записки наводит на вывод, что, несмотря на несколько грузинских посольств за предыдущие десять лет, в Петербурге все еще плохо представляли реальное положение дел в Закавказье, которое находилось на периферии интересов русской дипломатии. Характерно, что Екатерина II, которая, подчеркнем, прекрасно разбиралась в тонкостях европейской и российской внешней политики, 28 ноября 1768 г. сделала Коллегии иностранных дел следующий запрос: *«По какой причине вы-*

61. КВ. Т. 2. Ч. 1. С. 305-309.

62. Там же. С. 308.

63. МИРГО. Ч. 3. Вып. 1. С. 283-288.

езжал сюда отец Ираклия? Нет ли в Коллегии карты исправнее печатной и вернее, и как грузинские владения лежат и к каким соседям? Имеют ли Грузинские владельцы морские порты на Каспийском или Черном море? Тефлис стоит на одних картах на Черном, а на других на Каспийском море, а в иных и в среди земли! О всем сем, в Коллегии Иностранных дел выправясь, прислать ко мне...»⁶⁴. Впрочем, ситуация была быстро исправлена, и в декабре 1768 г. императрица получила уже обстоятельнейший доклад о Грузии⁶⁵.

25 ноября 1768 г. в Петербурге получили рапорт кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 4 октября 1768 г. о прибытии в Кизляр имеретинского посланника митрополита Максима Кутатели (Кутаисского) Абашидзе. В ответ был выслан указ о немедленном пропуске посольства, а также письмо Н.И. Панина для царя Соломона I, в котором он, в числе прочего писал: *«Объявление войны против здешней Империи, произошедшее недавно от Порты оттоманской без всякой причины, но по одной злобе к христианству ненависти и обыкновенному вероломству... изъемяет уже ныне из среды все то, что делало затруднение в снисхождении на домогательства вашей светлости»⁶⁶*. Одновременно генералу Н.А. Потапову было велено отправить в Грузию для *«собирания сведений и изучения дорог» «человека способного и надежного»*. Кизлярский комендант отправил с письмом Н.И. Панина к Соломону I поручика Грузинского гусарского полка Г.Е. Хвабулова (Кобулашвили), поручив ему, согласно указу Коллегии, всячески побуждать грузинских царей к диверсиям против турок⁶⁷.

64. Там же. С. 309.

65. Там же. С. 312-314.

66. Там же. С. 310.

67. Там же. С. 314.

Проведенные Хвабуловым переговоры с царями имели в целом положительный результат, хотя обнаружили ряд интересных для Петербурга моментов. Вопреки заявлениям своего посла митрополита Максима, что в случае оказания Россией даже тайной помощи, имеретинский царь начнет военные действия против турок, царь Соломон объявил Хвабулову, что без получения из России вспомогательного войска он не только начать, но даже объявить войну туркам не сможет. Царь только что получил фирман турецкого султана о прощении ему грехов, а также о разрешении давать дань деньгами, а не людьми. Страна была разорена, в крепостях по-прежнему стояли турецкие гарнизоны, царю противостояли князья Дадиани и Гуриели. В этих условиях царь мог начать новую войну, только получив реальную военную помощь из России. Что касается царя Ираклия II, то встреча поручика Хвабулова с ним 11 апреля 1769 г. неожиданно для Петербурга показала готовность царя выступить против турок, но с тем же условием – присылка русского военного контингента. Из беседы Хвабулова с царем становилось ясно, что последний лелеет широкие планы по возврату грузинских земель. На встрече 21 мая 1769 г. царь Соломон I и Ираклий II договорились просить у русской императрицы пять полков солдат, а также ученых и мастеров для разыскания и разработки золотых и серебряных руд⁶⁸.

Между тем, прибывший в Петербург митрополит Максим блестяще выполнил возложенные на него поручения. 8 марта 1769 г. он передал императрице грамоту царя Соломона I. В ней содержалась просьба избавить от османов, *«принять под мощное свое покровительство»*, оказать для ведения войны помощь деньгами и военными материалами. Если нельзя на это согласиться, то принять в империю как других царей⁶⁹.

68. Там же. С. 318, 335.

69. Там же. С. 177-178.

Чтобы добиться военной помощи от России, митрополит Максим в составленной 14 марта 1769 г. записке значительно приукрасил политическое положение царя Соломона I, его военные возможности, а также природные богатства Имеретии. Тем самым, он пытался уверить русское правительство, что имеретинскому царю не хватает самой малости, каких-то пяти тысяч русских солдат, а также денежного займа, для того, чтобы собрать в короткое время армию в пятьдесят тысяч человек и *«нынешним же летом знатныя победы над турками сделает, и близ Имеретии лежащими турецкими местами завладеет»*⁷⁰. В конечном итоге, послу удалось убедить русское правительство в целесообразности посылке русских войск в Грузию, что в принципе соответствовало стратегическому плану организации диверсии против Порты в Закавказье. В то же время требование о принятии Имеретии под вечное покровительство России было отклонено, как преждевременное.

16 марта 1769 г. Н.И. Панин ознакомил Совет с положением Грузии и предложил оказать царю Соломону помощь деньгами и войском. 23 марта того же года глава Военной коллегии по поручению Совета представил план экспедиции, который был одобрен. 27 марта императрица Екатерина II подписала указ Военной коллегии *«нарядить команду, состоящую при одном штап-афицере из одной полной пехотной по армейскому военному положению роты, из одной драгунской и одной гусарской полных же рот, из полевой артиллерии шесть трехфунтовых пушек при одном артиллерийском офицере с принадлежащим числом служителей и одного офицера из инженерного корпуса, да одного лекаря»*⁷¹. Параллельно с этим 28 марта 1769 г. астраханскому коменданту был дан Высочайший реск-

70. Там же. С. 315-317.

71. Там же. С. 317-318.

рипт о необходимости внимательного наблюдения за происходившими в Персии событиями, которые могли вызвать колебания горских правителей и их переход на сторону турок⁷².

Вместе с формированием отряда войск для экспедиции в Грузию, в Коллегии иностранных дел шла работа над составлением инструкции поверенного в делах Грузии, которым стал князь Антон Романович Моуравов (Тархан-Моурави). Данная инструкция от 28 мая 1769 г. дает исчерпывающее представление о целях и видах российской внешней политики в Закавказье в период русско-турецкой войны⁷³. В Петербурге были заинтересованы в скорейшем открытии военных действий против Порты со стороны царей Соломона I и Ираклия II. В то же время, вопреки просьбам грузинских царей, русское правительство не собиралось посылать в Грузию крупных сил, резонно обосновывая это следующими причинами: 1. в условиях войны Россия не может выделить крупных сил, которые требуются на основном театре военных действий; 2. правительство не может послать крупный отряд войск из осторожности, поскольку Грузия является отдаленным, плохо известным, и главное отделенным от российской территории трудно проходимыми горами театром военных действий; 3. в силу непрочного внутривнутриполитического устройства Грузии содержание большого регулярного войска «причинило бы тягость на обе стороны»; 4. по окончании войны русское правительство должно было бы вывести свои войска из Грузии, поскольку *«довольствуясь только славою иметь Имеретию в протекции и истощать на защищение ее и иждивение и силы, совсем здравой политике противно»*, а в этом случае

72. Рескрипт о сохранении персидского нейтралитета в войне с Турцией, 1769 года. // РА. 1915. Вып. 1. С. 107-110.

73. КВ. Т. 2. Ч. 1. С. 325-331.

«участь ее еще худшею сделаться могла б». Посылка же небольшого отряда русских войск рассматривалась, прежде всего, как демонстрация покровительства Российской империи грузинским царям, что должно было подтолкнуть их к началу активных военных действий. С другой стороны, небольшой отряд русских регулярных войск, в эффективности действий которого в Петербурге не сомневались, должен был *«показать и дать почувствовать Имеретинцам все преимущества порядочного войска»*. По мысли Н.И. Панина, офицеры русского отряда должны были стать инструкторами не только для грузинского, имеретинского войска, но и для всего государства. Подводя итог, Панин писал: *«И так все дело и состоит в том, чтоб возбудить Имеретию к приисканию собственных способов, с одной стороны с положением земли, с образом правительства и с состоянием жителей сходных, но с другой к безопасности ее и внешнему и внутреннему благосостоянию послужить могущих. Руководство здешних людей притом столько будет нужно, чтоб их размышлению, к таким умствованиям и изображениям непривыкшему помочь сделать»*⁷⁴. Другими словами, Петербург был заинтересован в создании в Западной и Восточной Грузии сильных централизованных государств с регулярным войском, которые могли бы выступать союзниками Российской империи в Закавказье, но при этом обходиться по возможности своими силами.

* * *

26 августа 1769 г. русский «показательный» отряд всех родов оружия, около 600 человек, раскинул лагерь возле селения Млеты Душетского района. Переход русских через Главный Кавказский хребет по горным тро-

74. Там же.

пам Дарьяльского ущелья, мимо пропастей, по скалам, с артиллерией и обозом, произвел огромное впечатление в Закавказье. Демонстрация возможности быстрой переброски русских регулярных войск в центральные районы Закавказья меняла здесь всю политическую конфигурацию. В этом собственно состояло главное историческое значение экспедиции генерал-майора Г.Г. фон Тотлебена.

Между тем в советской, а также российской историографии бытует мнение, что экспедиция Тотлебена не оправдала надежды ни грузинских царей, ни русского правительства. Действительно, действия Тотлебена, приведшие к конфликту как с царем Ираклием, так и с царем Соломоном, несколько исказили изначальный замысел Петербурга относительно целей посылки войск. Главной неудачей было то, что русский отряд не смог в полной мере продемонстрировать преимущества регулярной европейской армии в ведении войны с «азиатами». Время Цицианова и Котляревского еще не пришло. Однако, прибытие русских сил побудило Соломона и Ираклия начать активно действовать, результатом чего стали две громкие победы Ираклия II и Соломона I над турецкими войсками у селения Аспиндзы (20 апреля 1770 г.), а также в Чхерском ущелье (январь 1774 г.). Кроме того, генерал Тотлебен довольно успешно действовал в Имеретии, освободив несколько крепостей и Кутаиси, а затем разбив 12 тысячный турецкий корпус под Поти. В результате, турецкие силы в Закавказье оказались скованными, чего, собственно, и добивался Петербург.

История Тотлебена в полной мере продемонстрировала Петербургу, сколь непросто действовать в Закавказье. Надо сказать, что история взаимоотношений генерала Тотлебена с грузинскими царями представляет сложное сочетание европейского авантюризма эпохи

просвещения с тонкой восточной интригой, разобраться в которой довольно трудно. Назначение «покорителя Берлина» командиром русского экспедиционного отряда, конечно, было кадровой ошибкой Екатерины II. Глава Коллегии иностранных дел Н.И. Панин вынужден был сдерживать Тотлебена, который, запутавшись в собственных подозрениях и интригах грузинской знати, предлагал просто присоединить Грузию к Российской империи. В рескрипте генералу в июле 1770 г. Панин призывал к терпению и выдержке: *«Впрочем осталось вам еще дать знать о нашем и в том соизволении, чтоб в разсуждении известной грузинцов дикости, непривычки их к подчинению и свойственному азианам легкомыслию вы с НИМИ не столько с строгостию, сколько с ласкою обращались. Время и примеры могут их поправить, а при нынешнем первом случае без сумнения больше в разсуждении их предусеется увещаниями, нежели взысками. Будучи они не наши подданные, да по положению своих земель хотя-б прямо и сами того искали, неудобные к присовокуплению их к нашей империи, виды наши касательно их не могут больше, как в том только и состоять, чтоб Порта при продолжающейся ныне войне в некоторой заботе и затруднительстве была и в тамошнем краю, за что, чтоб им воздать, мы при заключении мира и можем употребить старание о положении некоторых полезных и об них условий»*⁷⁵.

С другой стороны, русские генералы часто сталкивались с необходимостью принимать в расчет местные междоусобицы, которые нарушали планы по ведению военных действий против турецких войск. Так, в октябре 1769 г. царь Соломон писал генералу Тотлебену: *«Об оном мы сами ведаем, что по должности нашей, как вам так и войску услужность нашу не оказали, но ток-*

75. Там же. С. 399.

мо об области нашей вам довольно не известно, какие ссоры и препятствия всегда около нас обстоят, что такие несносные причины на сей случай от Дадиани нам учинены, что по отправлении нашей к вам стал владения нашего разорять и ис поданных людей отдал в плен абхазетинцам до семисот душ, да и ныне против нас оружейно находится и для того ретироваться мне от него не можно, почему от услуг ваших мы ныне отлучились»⁷⁶. В результате, не получив поддержку грузинских войск, русскому отряду пришлось вернуться из Имеретии в Картли. Поняв ненадежность союзников, генерал срочно запросил подкреплений. Как раз в этот момент обнаружилась уязвимость коммуникаций, проходивших через Кавказский хребет. Осетинские старшины, контролировавшие дороги через перевалы каждый раз после прохода русских частей ломали мосты и снова требовали платы и подарков⁷⁷. Не меньше проблем было со снабжением отряда продовольствием, которое покупалось у населения часто по двойной цене⁷⁸. В Петербурге пошли навстречу генералу, выделив дополнительные войска, одновременно направив письма к Соломону I и князьям Дадиани и Гуриели с тем, чтобы они прекратили свои междоусобицы и объединились против турок. В ответ в Петербург в течение 1770 г. потоком шли жалобы грузинских царей и князей друг на друга и на русского генерала, а также рапорты князя А.Р. Моуравова и Г.Г. Тотлебена со взаимными обвинениями. Все эти неурядицы вместе с малыми успехами русского отряда (замена весной 1771 г. Г.Г. Тотлебена на А.Н. Сухотина не дала результата) стали главной причиной его вывода в августе 1772 г. из Грузии.

76. МИРГО. Ч. 3. Вып. 1. С. 436-437.

77. Там же. С. 451.

78. Там же. С. 455.

Несмотря на ссору с генералом Тотлебенем, царь Ираклий II не хотел терять те возможности политического лидерства в Закавказье, которые открывал ему союз с Россией. Поэтому в январе 1772 г. из Тифлиса в Петербург отправилось большое посольство в составе 60 человек во главе со старшим сыном Ираклия Леваном и католикосом Антонием I. В грамоте Ираклия II к императрице от 6 января 1772 г. содержалось прошение о принятии Картли и Кахетии под покровительство Российской империи на следующих условиях: предоставление грузинскому царю четырехтысячного войска для отвоевания Ахалциха и других грузинских владений, сохранение независимости церкви, предоставление займа на содержание грузинских войск, русскому правительству предлагалась половина доходов от рудников, дань деньгами и шелком и присылка заложников⁷⁹. Однако с принятием посольства в Петербурге не спешили. Посольство пробыло в Астрахани более года, а в столицу империи были пропущены только 12 человек. Вероятно, сказывалось как раздражение на Ираклия II из-за истории с Тотлебенем, так и соображения дипломатического порядка. Как раз в это время начались первые переговоры с турецкой стороной о заключении мира и лишний раз раздражать Константинополь в Петербурге не хотели. В ответной грамоте 31 декабря 1773 г. Екатерина II выразила сожаление об упущенном шансе при помощи русских войск добиться возвращения грузинских земель (в августе 1772 г. русские войска были возвращены на Северный Кавказ). Теперь же *«пристойные во спасение Грузии, страждущей во внутренности своей»* должны были быть изысканы в самой Грузии. Просьба о протекторате была отклоне-

79. Георгиевский трактат: Договор 1783 г. о вступлении восточной Грузии под покровительство России / Сост. В.Г. Мачарадзе. Тб., 1983. С. 64-65.

на, поскольку это могло помешать заключению мира с Турцией. В то же время, императрица обещала, что безопасность Грузии будет надежно обеспечена мирным договором с Портой⁸⁰.

* * *

Организация «диверсии» против турецких владений в Закавказье при помощи грузинских царей являлось частью составленного в Петербурге широкого плана мероприятий, которые должны были нейтрализовать влияние турок на кавказском «пограничье», а также мобилизовать местных правителей в поддержку Российской империи в войне с Портой. Готовясь к войне, турки наводнили Кавказ своими многочисленными агентами в надежде настроить горцев против русских. В мае 1769 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов на основании полученных разведывательных данных писал в Коллегию иностранных дел о действиях Порты, направленных на то, чтобы склонить закавказских владетелей вступить в войну с Россией. В донесении говорилось: *«Чрез арарц-кого армянина Сукияса Эвазова, яко от турецкого солтана как известно в Тевризе, в Арараце, в Ганже, Шемахе, Кубе и Дербенте и в горских народах присланы были письма к Керим-хану о настоящей войне с Портою у нас войне и якоб и прочие христианские государи сообщаясь с е.в. желают подвергнуть магометанского закона людей под свою власть и искоренить, и также магометанские законы должны всею силою ему, султану вспоможение учинить и определить от себе войско при Каспицком море во всех портах от российской стороны, тож писано и другим персицким ханам, граничуцим с Россиею, а именно тефлисскому, арарацкому, ганжинскому, шемахинскому, кубинскому*

80. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 440-442.

и дербенскому Фетх Али хану и горским начальникам, шефкалу Усмею и к кабардинским владельцам...»⁸¹.

Посылка русского отряда в Грузию требовала от Петербурга в первую очередь нейтрализовать возможную негативную реакцию со стороны Керим-хана, а также закавказских правителей. Об этом Н.И. Панину в июне 1769 г. писал царь Ираклий I, прося *«дабы соблагволено было всех персицких начальников письменно уверить, что им ныне с нашей стороны опасаться и быть в предосторожности никакой нет причины, почему они б с своей стороны оставались спокойными»⁸².* В Петербурге сочли за лучшее, чтобы работа по нейтрализации турецкого влияния среди правителей Закавказья велась одновременно как со стороны Ираклия, так и со стороны русских консулов. В письме к князя А.Р. Муравову от 16 декабря 1769 г. Н.И. Панин писал: *«Зделал Ираклий представление о учинении персицким начальникам со здешной стороны формального объявления, чтоб они от приуготовленной его к войне не тревожились и оставались в покое, потому ежели будет у вас наведываться в какое разсуждение принято оное, вы имеете ответствовать, коим образом здесь за пристойнее почитается, чтоб сперва он сам, кому за нужно почтет из таких начальников, о сем сообщил с предъявлением однакоже ея и. в. на то воли, чтоб Грузия возучаствовала в настоящей между Всероссийскою империею и Портою оттоманскою войне... а последующее время и окажет, довольно ли будет к содержанию их вне всякаго действия и подвижности сего сообщения, или непосредственныя к тому меры от двора ея и. в. приняты быть должеествуют; совсем тем находящимся в Персии консулам ныне же со-*

81. Армяно-русские отношения в XVIII в. Сборник документов. Ереван, 1990. С. 82-84.

82. МИРГО. Ч. 3. Вып. 1. С. 368-369.

общается для пристойного употребления о том, что у здешняго двора с Грузиею уже происходит.»⁸³

В целом ситуация в Иране благоприятствовала замыслам русского правительства и Ираклия II. Власть Керим-хана над страной была слабой, показателем чего являлось то, что он уклонился от принятия титула шаха и продолжал в течение всего своего правления носить титул векиля. По той же причине он избегал обострения отношений с закавказскими правителями, которые в его правление всячески демонстрировали свою фактическую независимость: не давали заложников, не являлись на вызовы к хану и даже прекратили платить дань. Намереваясь вступить в войну с Турцией, царь Ираклий II в качестве выражения лояльности к Керим-хану прислал к его двору отряд из 60 отборных воинов грузин под командой трех офицеров. По свидетельству русского консула Боголюбова, хан принял этот подарок с чрезвычайным удовольствием и сделал отряд своей личной гвардией. Вслед за этим Ираклий отправил к хану посла с извещением о начале им войны против Порты. Одновременно, чтобы успокоить и предупредить возможные враждебные действия, к Керим-хану и закавказским владетелям обратилось русское правительство с особым извещением о цели прибытия войск в Грузию, а также с уверениями в своем миролюбии в отношении Ирана. В ответ встревоженный прибытием в Грузию русских войск Керим-хан предложил Ираклию свое посредничество в примирении с султаном⁸⁴. В рапорте капитана Н.Д. Языкова главе Коллегии иностранных дел графу Панину от 1 декабря 1770 г. сообщалось, что 3 ноября прибыл в Тифлис посланник с письмом от Керим-хана, который просил Ираклия не только от себя, но также от имени султана не впускать русские войска

83. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 357.

84. Маркова О.П. Указ. соч. С. 142-143.

в Грузию, *«а которые есть, чтобы выгнать»*. Царь ответил письмом с сообщением о победах русских войск над турками и приглашением Керим-хана к участию в войне с вековым врагом Ирана. Посреднические услуги хана были отклонены⁸⁵. Раздраженный действиями грузинского царя, Керим-хан все-таки удержался от начала военных действий против Картли-Кахетинского царства и Российской империи, несмотря на неоднократные подобные предложения со стороны Порты. В конце 1771 г. эрзрумский паша, прислав подарки, в третий раз предложил в письме совместно выступить против России и союзной с ней Грузии. Однако, на заседании Дивана была вынесена резолюция против войны. Русский консул Боголюбов доносил, что Керим-хан отделяется от турецких послов «ласкательствами» – подарками, обещаниями и роспуском слухов о скором походе на Грузию персидского войска во главе Александром Бакаровичем, которого хан держал при своем дворе в пику царю Ираклию II⁸⁶.

Успешно были нейтрализованы русскими пограничными властями попытки турок поднять на «джи-хад» против «московитов» дагестанских и закавказских владетелей. На фоне сокрушительных поражений турецких войск обещания и подарки дагестанским и закавказским правителям оказались недостаточными, чтобы поднять их против Российской империи. Напротив, большая часть владетелей поспешила заверить русские пограничные власти в своей преданности. Конечно же, русская дипломатия большую роль в сохранении лояльности владетелей России играла политика «ласкательств» со стороны Коллегии иностранных дел и пограничных властей. Ключевой для политики Петербурга в Восточном Закавказье являлась фигура Фа-

85. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 407.

86. Маркова О.П. Указ. соч. С. 143-144.

тали-хана Кубинского и Дербентского, который твердо держался российской ориентации. «Доброхотство» и верность Фатали-хана были отмечены указом Екатерины II от 28 февраля 1770 г. на имя консула Сулякова. Одновременно «монаршее благоволение» с обещанием достойного воздаяния объявила хану через того же консула Коллегия иностранных дел. Почувствовав усиление российского влияния в Закавказье, под покровительство Российской империи стали усиленно проситься Фатали-хан Кубинский и Дербентский, а также Гедает-хан Гилянский. Однако, просьбы были отклонены под предлогом верности России договорам с Ираном.

* * *

Значение Кючук-Кайнарджийского договора для истории кавказского «пограничья» исключительно, поскольку он кардинально менял его политическую конфигурацию. Начать с того, что с политической карты исчезала «вольная» Кабарда, которая теперь полностью отходила в сферу российского влияния. Крымское ханство, главный инструмент влияния и давления Порты на пространстве кавказского «пограничья» на протяжении нескольких столетий, становилось де-юре независимым, а де-факто подчиненным Российской империи автономным политическим образованием. И, кроме того, Россия получала законное основание для постоянного вмешательства в дела Западной Грузии. Согласно 23-й статье, для Имеретии устанавливался особый статус. Султанское правительство торжественно обещало не требовать дани людьми, «отроками и отроковицами», а также всякого рода других податей. Порты обязывалась никого из грузин не почитать за своих подданных, кроме тех, «кои издревле ей принадлежали», обязывалось не вмешиваться во внутренние

дела царства, не преследовать за веру, не препятствовать сооружению церквей, не притеснять какими-либо требованиями «к лишению своих имений», возратить укрепления и замки, бывшие издревле у грузин. При этом Западная Грузию все же признавалась находящейся под протекторатом Турции. Но царь Соломон I не был удовлетворен мирным договором, в общем справедливо считая, что турки вряд ли будут добровольно его выполнять. В письме к императрице Екатерине II царь уверял, что ему ни под каким видом невозможно сохранять мир с турками *«по бывшим между ними распрями и кровопролитиям»* и снова просил принять его в подданство России⁸⁷. В ответных посланиях Екатерина II и глава Коллегии иностранных дел Н.И. Панин старались убедить имеретинского царя, что для безопасности самой Имеретии будет лучше находится в статусе определенном Кючук-Кайнарджийским договором. Императрица указывала на затруднительства, связанные с присоединением Имеретии к Российской империи⁸⁸. Со своей стороны, Панин в письме от 7 октября 1775 г. прямо указал царю на необходимость не раздражать Порту, поскольку «по положению дел» Россия не всегда может оказать помощь⁸⁹.

Что касается Восточной Грузии, то надежду Ираклия II на возвращение территории Ахалцихского пашалыка (грузинские владения Самцхе-Саатабаго) не оправдались. Инструкция Н.И. Панина русским уполномоченным на конгрессе в Фокшанах в июле/августе 1772 г. свидетельствует, что вопрос о границах Картли-Кахетии был использован русской дипломатией для давления на Порту, чтобы добиться от нее признания независимости Крымского ханства. В инструкции русским уполномо-

87. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 593.

88. Там же. С. 598-600.

89. Там же. С. 600.

ченным на Фокшанский конгресс от 21 апреля 1772 г. указывалось: *«не возбраняем мы вам еще в умножение за то цены уступок наших, согласиться, в разсуждении Грузинских владетелей, на восстановление с ними границ, как оне до войны были, только бы по последней мере избавлены они были навсегда утвердительно безчеловечной подати христианскими девками, взыскиваемой от них пашами турецкими»*⁹⁰. Несмотря на это, проницательный Ираклий понял важность договора, который создавал правовую основу для вмешательства России в грузинские дела. В письме к Панину он благодарил за выражение заботы об освобождении Грузии от турок, а также обещание покровительства Российской империи.

90. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1772-1773 гг. // Сб. РИО. Т. 118. С. 90-110.

ГЛАВА 2.

«Барьер» в Закавказье: стратегические планы князя Г.А. Потемкина (1774-1787)

Окончание русско-турецкой войны 1768-1774 гг. дало новый толчок политическим процессам в Закавказье, где снова обострились ирано-турецкие отношения. Пока шла война России и Турции, правитель Ирана Керим-хан выжидал, не желая вмешиваться в этот конфликт. С окончанием войны в Иране решили воспользоваться ослаблением Порты и внести ясность в давний спор о возвращении многих тысяч иранских беженцев, которые в правление Надир-шаха укрылись на территории Багдадского пашалыка. В конце августа 1775 г. иранские войска взяли Басру и осадили Багдад. В течение 1776 г. турецкие войска потерпели ряд чувствительных поражений под Карсом и Ваном. В Константинополе стали серьезно опасаться, что иранские войска захватят Мекку⁹¹.

В ситуации нового обострения отношений с Ираном турецкое правительство попыталось вызвать выступление против Керим-хана его закавказских вассалов. Эриванскому и хойскому ханам были посланы собольи шубы, деньги и другие ценные подарки с предложением дать аманатов. Однако ханы отвергли завуалированное предложение Порты перейти под покровительство султана, скорее всего, опасаясь незамедлительной ре-

91. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 154-155.

акции со стороны Керим-хана в виде карательного похода. Тем не менее, в Константинополе тщательно отслеживали ситуацию в Закавказье, стараясь направлять междоусобицы местных правителей в своих интересах. Так, в июле 1779 г. по предложению Сулеймана-паши ахалцихского был издан фирман султана, в котором, с целью упреждения вмешательства Ирана в дела мусульман Дагестана, ширванскому хану и другим владельцам Дагестана запрещалось совершать нападения на владения шусинского хана⁹².

Определенных успехов турецкая дипломатия смогла добиться в установлении «дружественных» связей с царем Ираклием II, отношения которого с Керим-ханом продолжали обостряться. Причиной этого были не только связи Тифлиса с Петербургом, но также активная наступательная политика грузинского царя в Закавказье, где он постепенно становился военно-политическим лидером. В виду этого, Ираклий II охотно пошел на установление дружественных отношений с султаном. Летом 1776 г. уполномоченный грузинского царя князь Гурген Ениколопашвили прибыл с многочисленной свитой в Константинополь, где был встречен с особенным почетом. Обмен посольствами в течение 1776 г. закончился подписанием грузино-турецкого договора, на основании которого Порты стала считать царя Ираклия II своим вассалом⁹³.

Между тем, сам царь, очевидно, не придавал особого значения этому договору, который являлся для него одним из элементов в создаваемой им системе внешних сдержек и противовесов, направленной на превращение Восточной Грузии в мощного, независимого игрока на пространстве кавказского «пограничья».

92. Абдуллаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX в. Махачкала, 2006. С. 25-26.

93. Маркова О.П. Указ. соч. С. 155-156.

Турция не смогла ничего извлечь для себя из этого договора. Так, когда Джаныкли Али-паша Трапезундский, назначенный командовать войсками на ирано-турецкой границе, попытался в 1776 г. провести нанятых им в Дагестане отряд лезгин через владения Ираклия II, последний жестко заявил, что не позволит это сделать. После чего отряд лезгин, попытавшийся пройти без разрешения, был разбит и прогнан обратно в горы. В своем донесении от 3 февраля 1776 г. русский «конфидент» Мирзабек Ваганов писал: *«турецкой сераскер послал с подарками посланников своих к царю Ираклию с прошением, что мы де намерение имеем будущей весной чрез Араратскую землю послать свое войско напротив персидского Керим хана, а как де и ты находишься между нами с Россией в том же трактате и у нас намерения к вам худова нет, а только прошу дать дозволение, чтоб чрез Араратскую землю пропустили. Царь же Ираклий ему отвечал, что я де без позволения российского чрез оную землю пропустить вас не могу и нельзя затем, что и Персия из давних лет со мной находится в приятельстве»*⁹⁴. Не получили разрешения на проход через владения Ираклия также два турецких паши, которые должны были выступить против Керим-хана.

В 1779 г., благодаря договору с Портой, грузинский царь при поддержке Ибрагим-хана шушинского смог разбить Фатали-хана кубинского и дербентского, а затем поставить в вассальную зависимость от себя Гянджинское и Эриванское ханства, при этом, не встретив противодействия со стороны пограничных турецких пашей. Но такая политика была рискованной, поскольку своей самостоятельностью грузинский царь раздражал как Иран, так и Турцию. Недовольство политикой

94. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Ереван, 1990. С. 122-123.

Ираклия II выражали другие закавказские правители, которые готовы были при первой возможности выступить против слишком усилившегося грузинского царя. В результате Ираклий II мог оказаться в изоляции перед лицом угрозы военного вторжения со стороны правителя Ирана, который давно вынашивал план усмирения строптивого вассала. При этом грузинский царь на тот момент вряд ли мог рассчитывать на действенную помощь со стороны России. В 1778 г. Керим-хан напомнил Ираклию о его вассальных отношениях и потребовал возобновления выплаты дани. Одновременно хан начал подготовку к походу на Грузию, призвав в свое войско дагестанских владетелей и закавказских ханов. Только неожиданная смерть Керим-хана помешала военному вторжению в Грузию⁹⁵.

Во второй половине 1770-х гг. Петербург требовал от пограничных властей не вмешиваться в дагестанские и закавказские дела, дабы не усложнять ситуацию на южных границах, в частности, не давать новых поводов для конфликта с Портой. Русская дипломатия в то время с большим трудом добивалась от Константинополя выполнения условий Кючук-Кайнарджийского договора в отношении Крымского ханства. Поэтому крайне негативную реакцию в Петербурге вызвала неожиданная, самовольная экспедиция генерал-поручика И.Ф. де Медема к Дербенту с целью оказания помощи Фатали-хану кубинскому и дербентскому в его войне с дагестански-

95. В рапорте астраханского губернатора И.В. Якоби от 11 сентября 1778 г. Г.А. Потемкину говорилось: «уведомился о Грузии, что от персидского векиля Керим-хана на мореходном судне к горскому хайдатскому уцмию привезено презентов тысяч на 20 или более и одна лошадь с золотой попоною. И склонял его, уцмию, чтоб он, приглася акусинских горских татар, поступил с ним на Грузию, куда со стороны Персии от Керим-хана отправлен с персицкими войски двоюродный брат ево Заки-хан для отнятия у грузинского царя владения и доставлении высланному из России грузинскому кн. Александру Бакарову». (см. Русско-дагестанские отношения в конце XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 164-165)

ми феодалами. Рескриптом императрицы от 5 сентября 1774 г. генерал-поручику рекомендовалось совершить «воинский поиск» против уцмий кайтагского, в наказание за задержание академика С.Г. Гмелина, который скончался в плену⁹⁶. Необходимость организации «поиска» императрица оставляла на усмотрение самого И.Ф. де Медема, которому рекомендовалась в этом случае действовать совместно с «горскими владельцами и начальниками». Предполагалось, что это будет демонстрация силы для того, чтобы *«восстановлено быть могло бы во всех горских жителях почтительное к нашей стороне мнение»*⁹⁷.

Предприняв поиск, генерал оказался втянутым в феодальную войну на стороне Фатали-хана кубинского и дербентского и его союзника Муртазали, шамхала тарковского, одним из врагов которых являлся кайтагский уцмий. В 1770-х гг. Фатали-хана боролся за контроль над Шемахой с коалицией закавказских владетелей в лице ширванского, шекинского и аварского Нуцал-хана. Гибель в 1771 г. аварского хана с сыновьями в сражении с Фатали-ханом и захват последним Шемахи вызвало выступление против него новой коалиции – кайтагского уцмий Амир-Гамзы, казыкумухского Мухаммед-хана и других дагестанских владетелей. В июле 1774 г. Фатали-хан потерпел поражение в Гавдушанской битве и бе-

96. Гмелин Самуэль (Самуил)-Готлиб (23 июля 1745-27 июля 1774), академик, ботаник. В 1768-1774 гг. он возглавлял экспедицию по обследованию Прикаспийских областей от Астрахани до Гиляна. Весной 1774 г., во время возвращения Гмелина из второй экспедиции, он был задержан кайтагским уцмием Амир-Гамзой. В ответ на требование кизлярского коменданта освободить Гмелина уцмий потребовал возвращения ему 200 семейств терекмейцев, бежавших из Кайтага во время нашествия Надир-шаха, или же уплатить за Гмелина выкуп в 30 тыс. руб. Пока шли переговоры, Гмелин 27 июля 1774 г. в сел. Ахмедкент скончался.

97. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 149-151.

жал в Сальяны. Войска Амир-Гамзы осадили Дербент⁹⁸. Союзник Фатали-хана стал запрашивать русские пограничные власти об оказании военной помощи. Взятие и разграбление Дербента войсками кайтагского уцмия могло бы нанести значительный ущерб русской торговле на Каспии. Поэтому генерал-поручик И.Ф. де Медем воспользовался рескриптом от 5 сентября 1774 г. как предлогом не только для наказания кайтагского уцмия, но также освобождения из осады Дербента. В марте 1775 г. русский отряд под командованием генерал-поручика двинулся в Дагестан, где к нему присоединились отряды шамхала тарковского Муртазали. В местности Иран-Хараб войско Амир-Гамзы было разбито, после чего начались карательные экспедиции против селений подвластных уцмию. В то же время, сняв осаду с Дербента, де Медем поставил там русский гарнизон в количестве 800 человек⁹⁹.

Действия отряда И.Ф. де Медема имели большой резонанс в Дагестане, в Закавказье и, конечно, Турции. Фактически спасенный от окончательного разгрома, Фатали-хан прислал в Петербург депутацию с ключами от Дербента и прошением о покровительстве. В письме к Екатерине II хан, подчеркивая свою постоянную лояльность к России, просил даровать ему статус, который с его точки зрения имели крымский хан или грузинский царь (*«пожаловать меня высокомонаршими в.и.в. милостями, по примеру, как высокостепенных в Крыму крымского хана, в Грузии грузинского владельца, в собственнокасающихся до правления их дел свободными, спокойными и во владении полномочными учинить соизволили»*), а также просил приказать русскому отряду, находившемуся в Дербенте, помочь ему

98. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 2008. С. 191-198.

99. Там же. С. 202.

окончательно расправиться с врагами и подчинить ему Ширван¹⁰⁰. О покровительстве со стороны Российской империи стал просить также шамхал тарковский. Неожиданному появлению русских войск под Дербентом чрезвычайно обрадовался Ираклий II, приславший в мае 1775 г. два письма непосредственно генерал-поручику И.Ф. де Медему, а затем направив отдельное послание главе Коллегии иностранных дел Н.И. Панину. Царь снова предлагал план совместных военных действий для подчинения Российской империи Дагестана и Восточного Закавказья. При этом Ираклий, специально оговаривал, что не имеет в виду *«подданных Султана»*, а его план *«касается тех стран, которые остаются без владельцев и которые сами умоляют (о подчинении)»*¹⁰¹. В то же время российский посланник в Константинополе получил запрос от Порты относительно действия русских войск под Дербентом¹⁰².

С июля по сентябрь 1775 г. в Петербурге занимались урегулированием «дербентского кризиса». Совет при императрице одно за другим вынес следующие решения: запретить графу Медему вмешиваться в дела горцев; обнадежить Фатали-хана покровительством; успокоить Порту¹⁰³. В рескрипте генерал-поручику И.Ф. де Медему от 28 июля 1775 г. указывалось, успешный поиск русского отряда против уцмий кайтагского *«делает теперь совершенно ненужным всякое дальнейшее в тамошнем крае войск наших явление и действие, ибо на-*

100. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов (далее – КВ). Т. 2. Кн. 1. 1762-1796 / Составители М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2012. С. 596-598.

101. Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1891. С. 267.

102. Бумаги князя Н.В. Репнина. 1776 г. // Сборник императорского русского исторического общества. (далее – Сб. РИО). Т. 6. СПб., 1870. С. 350-353.

103. Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768-1796). СПб., 1869. Ч. 2. С. 782.; Там же. Ч. 1. С. 317-318.

перед с удостоверением известно, что по состоянию заграничных горских народов имело б то послужить к напрасному их развращению и ко внушению сверх того Персии и Порте Оттоманской, соседственным нам державам, неменьше тщетнаго относительно к поведению нашему сумнительства»¹⁰⁴. В отношении Фатали-хана, генерал-поручику сообщалось, что депутация, пропущенная им от хана в Петербург, была принята с тем, чтобы удостоверить хана в доброжелательном к нему отношении с российской стороны, однако, принять его под покровительство невозможно, поскольку «он по своему месту принадлежит к Персии и потому без предосуждения настоящему нашему с сею державою положению дел отторгнуть от нея быть не может»¹⁰⁵. Наиболее резкая реакция последовала из Петербурга на просьбы царя Ираклия. В рескрипте И.Ф. де Медему приказывалось вообще не отвечать на письма грузинского царя, поскольку «он и поныне продолжает искать способов здешним пособием, по собственному своему властолюбию услужить, как то отчасти открывалось в бытность наших войск в Грузии, и не заслуживает никакого уже внимания,...и буде он хочет, пускай собственными силами новые производит завоевания и приобретения»¹⁰⁶.

В сентябре 1775 г. императрица писала Г.А. Потемкину: «Чтоб со славой поправить усердный, но неосторожный и хлопотливый поступок Демедема, надлежит возвратить ключи от Дербента и восстановить Фет-Али-хана»¹⁰⁷. На заседании Совета 10 сентября 1775 г. было решено послать Фатали-хану письмо,

104. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 514.

105. Там же. С. 515.

106. Там же. С. 515-516.

107. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1789-1796 гг. // Сб. РИО. Т. 42. С. 401.

в котором ему в мягкой, доброжелательной форме объяснялось, что Россия связана договорами с Ираном, а потому не может *«вспомоществовать ему в желании его быть независимым и возвратить отнятое у него соседями»*. В письме хану давался совет обратиться за помощью к Керим-хану, но при этом подчеркивалось, что он может также надеяться на российское покровительство¹⁰⁸. Одновременно, в послании от 2 сентября 1775 г. императрица поручила чрезвычайному российскому послу в Константинополе Н.В. Репнину сделать объяснение турецкому правительству о событиях под Дербентом, *«дабы она в принятых ею напрасных и торопливых подозрениях успокоиться могла»*. При этом послу поручалось твердо дать понять, что Порты *«никакого права не имела требовать изъяснений, в чем не находится ни малейшей связи с ее делами по обстоятельствам настоящим, и в чем мы всегда по собственному нашему усмотрению и воле, что нам заблагорасудится, распорядить и предпринимать можем, яко в соседстве нашем»*¹⁰⁹.

Между тем, в оправдание своих несогласованных с Петербургом действий генерал-поручик И.Ф. де Медем в августе 1775 г. писал Г.А. Потемкину, что его положение отчаянное, поскольку он не получал указаний какой линии держаться в отношении местных владетелей. Как указывал генерал, обстановка может сильно осложниться ввиду ожидаемой смерти Керим-хана, которая несомненно вызовет междоусобицы в Иране и Закавказье. У него же нет средств ни для защиты, ни для наступления¹¹⁰. Генерал был прав только в одном, что управление кавказским «пограничьем» требовало постоянной активности и четко поставленных целей.

108. Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. 2. С. 782.; Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 317-318.

109. Бумаги Н.В. Репнина ... // Сб. РИО. Т. 6. С. 350-353.

110. Маркова О.П. Указ соч. С. 158.

Но на тот момент для русского правительства бесспорным приоритетом являлось решение крымского вопроса и связанное с ним закрепление России на Черном море. Любая активность в сторону Закавказья представлялась сомнительной и не нужной. Исходя из этого, русским военным пограничным властям на Северном Кавказе снова и снова напоминалось о необходимости соблюдать мирные отношения, как с горцами, так и с закавказскими владетелями. Очевидно, желая предотвратить дальнейшие возможные активные действия предприимчивого генерал-поручика И.Ф. де Медема, ему из Петербурга был отправлен 4 октября 1775 г. рескрипт, в котором подробно раскрывалась позиция русского правительства по вопросу возможных территориальных приобретений в Закавказье. Внимание командующего Моздокской линией обращалось на три момента: что в интересах Российской империи является сохранение Ирана *«в нынешнем своем состоянии без прямой верховной власти законной и в независимости частных начальников одного от другого, по большей части между собой несогласных»*; что активность с российской стороны может спровоцировать местных правителей объединить свои силы для противодействия России; что даже если бы возникло желание *«границы распространить от Кизляра в Персию»*, то этого сделать было невозможно из-за трудности *«содержания и защиты тамошних мест»*, а также из-за неизбежного противодействия со стороны Порты, которая *«с своей стороны, по непосредственному с Персией соседству, тотчас найдет, вступая взаимным образом в завладение ближних к себе мест персидских, ибо статья не может, чтоб она, видя нас в таком упражнении, похотела быть безкорыстною и не действующею»*¹¹¹. Исходя из этих же соображений, русским дипломатам

111. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 516-518.

в Константинополе была поставлена задача убедить Порту, не тревожить Иран, чтобы как можно дольше сохранять статус-кво на кавказском «пограничье». Так, на заседании Совета при императрице 20 апреля 1775 г. было постановлено добавить в инструкцию чрезвычайному послу Н.В. Репнину, который направлялся в Константинополь для обмена ратификационными грамотами Кючук-Кайнарджийского договора следующее указание: *«Старался бы при случае внушать Порте, сколь полезнее для нее оставить Персию в нынешнем ее слабом состоянии и не доводить раздражениями своими до соединения...»*¹¹².

Ввиду этого, новая активность беспокойного генерал-поручика под Дербентом, где он оказался в ноябре 1775 г. блокирован войсками Кайтагского уцмья, вызвала у императрицы уже сдержанный гнев. Читая донесение Г.А. Потемкина о посылке на помощь И.Ф. де Медему из Астрахани легкой полевой команды, императрица в сердцах приписала на полях: *«Чорт велел к Дербенту идти»*, а несколько ниже: *«Советую возвратить его превосходительства: кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучшее»*¹¹³. Новый окрик из Петербурга заставил русские пограничные власти приложить максимум усилий к тому, чтобы в апреле 1776 г. добиться заключения между дагестанскими владельцами и Фаталханом временного перемирия¹¹⁴. Урегулирование «дербентского кризиса» позволило русскому правительству полностью сосредоточиться на крымском вопросе.

* * *

Временное упорядочение дел с крымским ханством, где усилиями русской дипломатии, а также с помощью

112. Архив Государственного Совета Т. 1. Ч. 1. С. 306.

113. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 519.

114. Там же. С. 520.

военных демонстраций, удалось в 1778 г. утвердить на ханском троне русского ставленника хана Шагин-Гирея, позволили русскому правительству снова обратить внимание на ситуацию в Закавказье. В это время внимание русского правительства привлекли записки и донесения об упадке русско-иранской торговли, которая в первой половине XVIII в. приносила неплохие доходы. Главной причиной сворачивания торговли русских купцов с Ираном заключалась в жесткой конкуренции со стороны англичан и турок. В докладной записке Екатерине II от 6 августа 1772 г. академик С.Г. Гмелин обвинял в расстройстве русско-персидской торговли английских и джувльфинских купцов, которые фактически монополизировали рынок Ирана и Закавказья¹¹⁵. Донесения русских консулов в Закавказье во второй половине XVIII в. рисовали картину чрезвычайно активности английского капитала в Иране. В одном из докладов консул Суляков указывал на то, что в Эрзруме, Бендер-Бушире и Ширазе имеются товарные склады англичан, откуда они снабжают сукном и другими товарами все внутренние провинции Ирана, а также Шемаху¹¹⁶.

В конце 1770-х гг. русское правительство сделало попытку использовать расстройство европейской торговли с Индией вследствие англо-американской и англо-французской войн и активизировать свою политику на Каспийском море. В Петербурге снова вернулись к идее превращения Каспийского моря в узловой пункт торговли Европы с Востоком. Русское правительство надеялось переломить сложившуюся к 1770-х гг. негативную тенденцию упадка русско-иранской торговли. Торговой и промышленной конкуренции европейских купцов русское правительство попробовало противопоставить военно-административные меры. В Петербурге решили

115. Маркова О.П. Указ соч. С. 69.

116. Там же. С. 69.

по-новому отформатировать пространство побережья Каспийского моря. В частности, русские власти хотели найти способы ограничить произвол местных дагестанских и закавказских правителей в отношении купцов. Особенное раздражение у пограничных властей вызывал обычай местных правителей в случае кораблекрушения полностью присваивать себе выкинутые на берег грузы разбившихся русских кораблей. В марте 1776 г. глава Иностранной Коллегии Н.И. Панин вынужден был написать письмо к Фатали-хану с просьбой возвратить все товары, спасенные с разбившегося корабля, российским подданным, а также в дальнейшем возвращать хозяевам все выброшенные на берег моря вещи¹¹⁷. Не меньше нареканий вызывали таможенные пошлины, которые взимались с товаров провозившихся через владения закавказских ханов. Кроме того, у русского правительства были также политические мотивы для активизации своей политики на каспийском побережье. Начавшиеся в Иране после смерти Керим-хана беспорядки снова поставили перед Петербургом угрозу возможного появления турок на Каспийском море.

Русские власти хотели сделать Каспий закрытым морем, которое полностью контролировал бы русский военный и торговый флот. В 1778 г. Адмиралтейская коллегия получила приказ о постройке эскадры для Каспийского моря. А 9 июня 1779 г. вышел указ Екатерины II вице-президенту Военной коллегии Г.А. Потемкину о посылке военного отряда в Решт для «наказания» Гедает-хана за *«причиненная торгующим в Персии нашим подданным неоднократно от живущих на берегах Каспийского моря грабежа и совершенное оных разорение»*. Экспедиция должна была «возстановить упавшую от дерзости и непостоянства... ханов полезную

117. Политическая переписка императрицы Екатерины II (годы с 1776 по 1777). // Сб. РИО. Т. 145. С. 64-66.

для России торговлю», для чего предполагалось создать на побережье в удобном месте русскую факторию¹¹⁸. Во главе экспедиции решено было поставить генерал-поручика А.В. Суворова, который 11 января 1780 г. получил от Г.А. Потемкина ордер: *«Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, Е.И.В. усмирить оных силою своего победоносного оружия... Вследствие сего немедленно должны вы отправиться в Астрахань осмотреть флотилию и партикулярные суда, могущие служить для транспорта, и о числе годности оных отрепортовать меня с нарочным. Осведомиться, какие ближайшие и выгоднейшие дороги к Ряце по набережью и как согласить марш по-суху идущих войск с флотом, и где назначить приставать оному, ибо я полагаю провиант везть, большую часть, водою»*¹¹⁹. Согласно инструкции, полученной Суворовым в январе 1780 г. от Потемкина, главной целью экспедиции являлось сооружение хорошо укрепленной русской фактории на побережье, где-то в районе Решта. Предварительно Потемкин советовал занять Дербент с тем, чтобы оставить там гарнизон, а также войти в сношения с шемахинским ханом и грузинским царем Ираклием II. Основная задача флота должна была состоять *«в забирании и истреблении противных судов, наносящих вред и препятствия российской торговле на Каспийском море, которого берегам начальник на оной должен сочинить исправнейшую карту»*¹²⁰.

Прибыв в Астрахань, Суворов развернул активную деятельность по подготовке экспедиции, собирая разведывательные данные о политической ситуации в Закавказье и также налаживая контакты с местны-

118. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 603.

119. А.В. Суворов. Документы. В 4-х томах. М., 1951. Т. 2. С. 221-222.

120. Там же. С. 222-223.

ми правителями. Так он вошел в тайную переписку с рештским Гедает-ханом, которого, попытался склонить к переходу в российское подданство, что, безусловно, облегчило бы создание русской фактории. Но переезд осенью 1780 г. Гедает-хана в Астрахань был сорван вмешательством Исмаил-хана, направленного одним из сильнейших претендентов на шахский престол Али Мурад-ханом с войском из Исфагана для занятия Решта¹²¹. Несмотря на предосторожности, слухи о предстоящей русской экспедиции стали быстро распространяться в Закавказье, Иране и Турции. Русский консул в Энзели И.В. Тумановский доносил в сентябре 1780 г.: *«Слух и молва по всей Персии, что российские войска собираются туда иттить, от чего владельцы поблизости к здешним местам, как-то шамхал, уцмей и протчие, благосклоннее, а особливо Фетали-хан дербентской отзываетца, что он по преданности ево к России о приходе войск в Персию весьма рад. Да и весь тамошний народ, начиная от Дербента, и Гилянская провинция, персияне, купечество и земледельцы (кроме тех, которые какую-либо власть имеют), а особливо армяне, все генерально говорят, что оне с великою радостию ждуд нетерпеливо российских войск»*¹²².

Однако обострявшаяся ситуация вокруг Крымского ханства заставляла постоянно откладывать сроки начала экспедиции. В конце концов, в Петербурге было решено ограничиться действиями только на море. Указом Г.А. Потемкина 3 сентября 1780 г. начальником каспийской морской экспедиции был назначен капитан-лейтенант граф М.И. Войнович. 8 июля 1781 г. после длительных сборов в Астрахани, эскадра Войновича, состоявшая из двух фрегатов, одного бомбардирского корабля и двух ботов, отправилась к юго-восточным берегам

121. Там же. С. 231.

122. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 607.

Каспийского моря с целью основать там факторию. В инструкции Г.А. Потемкина командиру флотилии указывалось, что целью экспедиции является *«открытие и распространение торговли не только с обитающими по берегам морским народами, но посредством оных и с Индией Восточной»*¹²³.

Экспедиция оказалась неудачной. После трех недель плавания эскадра прибыла в Астрабадский залив. Устроив стоянку в шестидесяти верстах от города, в небольшой гавани, Войнович вступил в переговоры с астрабадским Ага Мухаммед-ханом, который сначала уступил на морском берегу для строительства русской фактории урочище Городовин. Но через некоторое время, хан, потерпев ряд поражений от своих соперников в борьбе за шахский престол, начал с подозрением относиться к строительству русской укрепленной фактории. Подозрительность Ага Мухаммеда усилили распространившиеся слухи, что русская эскадра прибыла на помощь рештскому Гедает-хану. 15 декабря 1780 г. по приказу астрабадского хана М.И. Войнович и сопровождавшие его офицеры и матросы, приглашенные посетить Астрабад во время праздника, были арестованы, а фактория атакована. Только после выполнения требования хана – разрушить факторию, капитан-лейтенант, офицеры и матросы были освобождены. Раскаявшийся Ага Мухаммед-хан попытался возобновить переговоры, предлагая новое место для фактории. Но Войнович больше не доверял хану. До 8 июля 1782 г. эскадра находилась в Астрабадском заливе, а затем направилась обратно к Астрахани, предварительно зайдя в Баку и вытребовав у Фатали-хана возмещение за присвоенные товары русских купцов¹²⁴.

123. Маркова О.П. Указ. соч. С. 73.

124. Потто А.В. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. С. 152-155.

Фактория все-таки была построена в Астрабадском заливе. В следующем 1783 г. туда на фрегате направили капитан-лейтенанта Н.И. Баскакова, который продолжил переговоры с окрестными владельцами об устройстве фактории. Цель была достигнута, и на острове Ашур-Адэ появилась русская торговая фактория. Однако в первые годы существования она скорее расстраивала торговлю, поскольку русские власти попытались перенаправить потоки товаров в пользу России военно-административными запретительными мерами. Так, транспортировка иранских товаров разрешалась только на русских судах, не позволялось даже каботажное плавание. В инструкции от 27 октября 1782 г., данной М.И. Войновичем капитан-лейтенанту Н.И. Баскакову, отправленному в Астрабад, предписывалось не допускать торговли в других местах, за исключением Астрабадского залива. Между тем, в 1780-х гг. в Астрахани числилось всего восемь военных кораблей (три фрегата, два бомбардирских корабля, три палубных бота), что в целом было недостаточно для достижения поставленных целей. Несмотря на это, в письме к Г.А. Потемкину от 30 июня 1784 г. командующий на Кавказской линии П.С. Потемкин писал, что отправит флотилию к персидским берегам, *«дабы подать тем народам ведать силы наши, искоренить их начинающее судоплавание и посеять должный страх к оружию российскому»*¹²⁵. Между тем, не хватало также частных русских купеческих кораблей (всего 57), чтобы полностью удовлетворить спрос на перевозку товаров по морю. Следствием этого стал рост цен на транспортировку грузов, что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на общем объеме товарооборота. В итоге к 1790-м гг. русско-иранская торговля окончательно прекратилась. Участники Персидского похода 1796 г. прямо

125. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 71.

указывали на то, что *«торговля наша с Персией была вовсе почти прервана», купцы из Гиляна доставляли шелк вьюками к Персидскому заливу и там продавали его европейцам «за такую цену, за которую бы нам и в самом порте (Энзели) покупать было весьма выгодно»*¹²⁶.

Однако падение касалось только русско-иранской торговли. Поскольку как раз в 1770-е – 1780-е гг. обозначился рост торговли Баку с Астраханью и Кизляром, который был вызван двумя факторами: русской колонизацией Северо-Восточного Кавказа, а также постепенным вытеснением закавказских купцов с рынков Ирана в результате конкуренции с Ост-Индской компанией. Развитию экономических связей Закавказья с российскими владениями на Северо-Восточном Кавказе также способствовала особая политика «покровительства» русских военных властей беспошлинной, контрабандной по сути торговле, где ключевую роль играли горцы Северного Кавказа. Таким образом, Закавказье постепенно в торговом отношении все больше переориентировалось на российский рынок.

* * *

К концу 1782 г. стало ясно, что осуществление плана по превращению Крымского ханства в независимое государственное образование под де-факто покровительством Российской империи не принесло ожидаемых результатов. Порта не хотела мириться с потерей Крыма и старалась всеми способами поддерживать политическую нестабильность вокруг полуострова, в частности на кавказском «пограничье». Обострение ситуации вокруг Крымского ханства, шаткость положения Шагин-Гирея ввиду постоянно возникавших заговоров, волнений

126. Там же. С. 74-75.

и восстаний среди татар и ногайцев, – все это постепенно привело Петербург к мысли о желательности прямого присоединения Крыма к Российской империи. Главным посылом этого решения было стремление обеспечить стабильную, контролируруемую границу. Мотивы принятия решения по присоединению Крыма к Российской империи наиболее ясно видны в письме Г.А. Потемкина от 14 декабря 1782 г. к Екатерине II: *«...Я все, Всемилостивейшая Государыня, напоминаю о делах, как они есть и где Вам вся нужна Ваша прозорливость, дабы поставить могущие быть обстоятельства в Вашей власти. Если же не захватите ныне, то будет время, когда все то, что ныне получим даром, станем доставать дорогою ценою. Изволите рассмотреть следующее. Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской – в обеих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в прибавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах... с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть будет запирать ход*

туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Персии, что хотите, – он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму и жители охотно принесут о сем прозрбу...»¹²⁷.

Между тем, назначенному осенью 1782 г. командующим на Кавказской линии генерал-поручику П.С. Потемкину указом от 6 сентября 1782 г. вменялось в обязанность установить связи с царем Ираклием и армянами: *«Частые, под разными предложениями, иметь с ним сношения и поставить себя в знакомство, через что и приготовиться для видов и предприятий впредь значаемых»*. Знакомство с ситуацией в Закавказье было необходимо, поскольку Г.А. Потемкин планировал в случае неизбежного обострения отношений с Портой из-за присоединения к России Крыма, отвлечь ее внимание действиями в Закавказье. Вынашивался даже план, ввиду того, что Иран вступил снова в период безвластия и смуты, сделать иранским шахом смещенного крымского хана Шагин-Гирея. Для этого предполагалось открыть военные действия на Кубани, а также побережье Каспийского моря, откуда двинуться внутрь Ирана. Осенью 1782 г. в специальной записке Г.А. Потемкин писал: *«Корпус Новолинейный, который может назваться Кавказским из первых начнет действовать к стороне Персии. Он займет Дербент, подкрепит Ираклия и армян, проложит дорогу ко введению Шагин-Гирея на шахство и будет главнейшей и самой опаснейшей для турок диверсией. Действие сего же будет зависеть от разрыва с турками»*. Этот план, что называется, на крайний случай, был одобрен императрицей, о чем говорит ее рескрипт, данный на имя Г.А. Потемкина в сентябре 1782 г.: *«для диверсии им, а паче к нанесению неожиданного им удара, повелеваем иметь*

127. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. М., 1997. С. 155.

достаточное число войск наготове в провинциях персидских, лежащих на берегу Каспийского моря и принадлежавших прежде России, откуда по способности обратить оные можно будет чрез Грузию на турецкие в Азии границы»¹²⁸.

План новой диверсии в Закавказье постепенно превратился в проект создания закавказского «барьера» из дружественных Российской империи местных владений. В рескрипте Екатерины II от 8 апреля 1783 г. Г.А. Потемкину о присоединении Крыма в числе прочего указывалось на необходимость занять Дербент, подкрепить царя Ираклия и армян, утвердив независимость этих областей, сделать из них прочную для России «барьеру». Далее предполагалось содействовать Шагин-Гирею в достижении шахской власти, а в случае войны с турками производить вместе с грузинами и армянами *«чувствительную диверсию в турецких областях»¹²⁹*. 28 марта 1783 г. в Петербурге состоялась конференция вице-канцлера с членами Коллегии иностранных дел, в ходе которой обсуждался вопрос о границах в Закавказье. В протоколе конференции цели русской политики в этом регионе были сформулированы таким образом: *«Обладание Каспийским морем»* и *«союз с нами грузинцев и армян»*. Весной 1783 г. Г.А. Потемкин писал А.А. Безбородко относительно этого вопроса: *«Касательно границ, полагаемых к стороне Персии, я подал карту государыне, где они назначены были. Сии границы нигде почти не касаются турецких земель, мы займем только по Баку, Армения же Персидская, состоящая из Карабага и Карадага, и царство Иракли-ево примкнет к Турецкой Армении»¹³⁰.*

128. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 160.

129. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1774-1788 гг. // Сб. РИО. Т. 27. С. 240-246.

130. Цит. по: Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947. С. 68.

В конце 1783 г. идея диверсии отпала сама собой, когда стало ясно, что Порты не в силах начать сейчас новую войну и вынуждена временно смириться с присоединением Крыма к России. 28 декабря 1783 г. в Константинополе была заключена конвенция о присоединении к России Крыма¹³¹. Теперь проект создания закавказского «барьера» стал рассматриваться в Петербурге уже в качестве необходимой меры для удержания Порты в состоянии мира. Созданный из дружественных России политических образований «барьер», с точки зрения главного инициатора этого проекта Г.А. Потемкина, позволил бы избавить русские границы от непосредственного соприкосновения с границами Ирана и Турции, в чем виделось средство для предотвращения в будущем прямых столкновений между империями. Объясняя этот план, в начале февраля 1784 г. А.А. Безбородко писал российскому послу в Константинополе Я.И. Булгакову: *«Впрочем не беспокойтесь, чтоб мы с той стороны (Ирана – авт.) заводили какие либо хлопоты для Порты. Намерение государыни есть не прикоснуться ни мало ея пределам без повода с ея стороны, а все виды наши состоят там в лучшем обеспечении и натуральном назначении границ наших от Персии, в доставлении выгодной и безопасной торговли для России и в охранении доброжелателей наших от разорений, каковым подвергают их безначалие и междоусобие, в Персии продолжающиеся. Когда Порта станет на то взирать равнодушно и спокойно, то на весьма долгое время останемся мы в дружбе и согласии»*¹³².

Каким же образом в Петербурге видели новый формат кавказского «пограничья»? Предполагавшийся в Закавказье барьер должен был состоять из двух грузинс-

131. Бумаги Булгакова. 1779-1792 гг. // Сб. РИО. Т. 47. С. 100-101.
132. Там же. Т. 26. С. 452.

ких царств, связанных между собой военно-политическим союзом и находящихся под прямым протекторатом Российской империи, на юго-западе к ним должно было примкнуть восстановленное Армянское царство. Что касается Восточного Закавказья, то здесь было меньше ясности. В общих чертах планировалось создание политического образования из местных ханств под древним названием Албания.

* * *

Ключевым пунктом в плане создания «барьера» в Закавказье являлось установление протектората над грузинскими царствами. В ордере, данном 6 апреля 1783 г. командующему Кавказской линией П.С. Потемкину, Г.А. Потемкин писал: *«Из присланных вам наставлений вы узнаете, как тесно утвердить должно связь с царем Ираклием. Приобретая его доверенность, несомненно, вы управлять им будете»*¹³³. Однако это оказалось иллюзией. В конечном счете, именно Ираклий II, который лучше разбирался в политической ситуации в Закавказье, фактически заставил следовать русские власти в русле своей наступательной политики в регионе.

Осенью 1782 г. Г.А. Потемкин через посредничество доктора Якоба Рейнегса начал переговоры с Ираклием II о вступлении его царства под покровительство Российской империи. Следует отметить, что роль Якоба Рейнегса в заключении Георгиевского трактата до сих пор плохо исследована. Существует косвенное свидетельство, что он был как-то связан с английским послом в Петербурге¹³⁴. Во всяком случае, этот типичный для XVIII в. авантюрист своими письмами смог укрепить

133. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 239.

134. Маркова О.П. Указ. соч. С. 161.

уверенность Г.А. Потемкина в том, что как диверсия, так и создание «барьера» в Закавказье является легким делом. В феврале 1783 г. в письме императрице Г.А. Потемкин на основании посланий доктора рисовал феерическую картину открывавшихся для Российской империи возможностей: «... Грузия находится в том положении, какого только желать можно. Царь Ираклий, будучи доволен всем тем, что ему будет повелено, ищет только теснейшего союза с Россиею, как вазал, верный и готовый всегда к повиновению... Между тем, доктор не распространяясь о слабости турков и собственном их неудовольствии... уверяет, что первое движение войск российских возстановит и утвердит покой и тишину в сей стране... От прибытия войск наших к Ираклию зависит участь Азербиджана, и армяне избавились бы от своего тирана. Все провинции Карабаг, Карадаг, Генжа, Гои, Урумия с Дербентом, Гилян, Баке и Мизандрон не имеют принцов родовых, но суть добычею грабителей. Третьцать тысяч Фамилий армянских в одном дистрикте Карабагском и Карадатском по уверению меликов в два дни низвергнут иго рабства, естли только появиться в Грузии солдаты российские, впротчем, невзирая на то, будут ли армяне признаны подданными российскими или дастся им пристойный владелец, надобно только воззреть на карту и увидеть, что от Ензелей три дни ходу большими барками по реке Куре до Куркаришана в Карабаге, от туда до Еривана пять дней и три дни от Еривана до Гоя... Доктор, описывая плодородие сего края, упоминает также о трудолюбии и прилежании жителей и сколь великую имеют они нужду в покровительстве... По возстановлении тишины в сей стране каких коммерция не получит выгод... В прочем нет никакой опасности с стороны владельца персикаго, он не есть отнюдь завоеватель

и доказательством тому может служить, что все принцы, окружающие Грузию, предлагали Ираклию ежегодной дани 180 000 руб., если только обнадешит он их своим покровительством. Что же можно ожидать России?»¹³⁵.

21 декабря 1782 г. Ираклий II подписал и направил в Петербург прошение о принятии его царства под покровительство империи на следующих условиях: укрепить за ним его потомственный престол, *«дабы когда другой, такой же сумасшедший, как сын Бакара Александр, оказавшись, не привел в смятение народ по невежеству»*; признать за Ираклием право на владение Ереваном и Гянджой; помочь в приобретении Ахалцихской и Карсской областей и в возвращении земель отнятых лезгинами. За это все царь обещал свою помощь в случае войны с Ираном или Турцией¹³⁶. По сути, грузинский царь предлагал наступательный, а не оборонительный союз.

Но в Петербурге этому не придали значение. Императрица выдвинула только следующие условия: не именовать грузин подданными, но *только «союзниками, от империи Российской покровительствуемые»*, не включать в договор никаких денежных условий, установить между царями Ираклием и Соломоном *«ясный и точный»* мир. Что касается военной помощи, то в *«высочайше указанных основах для заключения русско-грузинского договора»* (декабрь 1782 г.) говорилось только о вспомогательном, оборонительном значении посылки в Грузию двух батальонов с четырьмя пушками: *«сие тем паче будет полезно, что горские дикие народы с обеих сторон гор приперты будут и коммуникация с Грузиями обеспечится»¹³⁷*. Следует также

135. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С.215-217.

136. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 613-614.

137. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 31.

отметить, что большую роль в окончательном принятии решения о заключении союза с Грузией для Петербурга сыграли дошедшие сведения о письмах царя Ираклия к австрийскому императору с просьбой о военной и денежной помощи. В тех же, «высочайше указанных основах» к Ираклию выдвигалось жесткое требование: *«Отклонить всякое их знакомство с Императором (Римским) и с другими христианскими державами, сказав, что они имеют условие не мешаться в дела до Азиатских наших соседей касающиеся; да и писем к Императору (Римскому) не посылать»*¹³⁸. В целом же, вся эта затеянная царем Ираклием в октябре 1782 г. переписка с австрийским двором¹³⁹ больше походила на провокацию, с целью побудить Петербург действовать более решительно.

Почему русское правительство не обратило особого внимания на выдвинутое Ираклием в качестве условия заключения договора требование поддержать грузинские завоевательные планы? Из анализа документов напрашиваются два объяснения. Первое заключается в том, что ведя переговоры с грузинским царем летом 1783 г. Петербург находился в плену сиюминутной политической конъюнктуры. Период между изданием манифеста о присоединении Крыма 8 апреля 1783 г. и заключением конвенции с Портой от 28 декабря 1783 г. о признании этого акта выдался очень напряженным. Весной и летом 1783 г. фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский, со дня на день ожидая начала военных действий, требовал проведения мероприятий на случай войны и ассигнования экстраординарных сумм. В Петербурге, конечно, торопились с заключением договора с грузинским царем, который должен был стать основанием для запланированной в случае начала войны с

138. Там же.

139. Там же. С. 14-15.

Портой глубокой диверсии русских войск в Закавказье. В ордере от 6 апреля 1783 г. Г.А. Потемкина командующему Кавказской линией П.С. Потемкину предписывалось занять Дербент, для чего, по мнению главнокомандующего достаточно было бы четырех батальонов, соответствующего количества артиллерии и кавалерии. Главной целью движения на Дербент было оказание помощи армянским меликам. *«Сим способом вы сблизитесь Карабаху и им верное будет в Дербенте убежище»*, – говорилось в ордере¹⁴⁰. В письме от 10 апреля 1783 г. член Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко писал Г.А. Потемкину: *«Никто не сомневается, что от стороны вашей ожидать будет надобно не только распространения нашей силы к стороне Персии, но даже, в случае войны и самой сильной диверсии туркам»*. Приготовления к экспедиции шли полным ходом. В июне 1783 г. войска уже двинулись в поход, но неожиданно были остановлены ввиду возникших на правом фланге Кавказской линии, на Кубани, волнений и вторжений черкесов, спровоцированных действиями турецкой агентуры.

Но Константинополь медлил с объявлением войны. Несмотря на это, до конца 1783 г. в отношениях Порты и Российской империи сохранялась крайняя напряженность. Характерно, что даже после заключения с Портой конвенции о Крыме, русское военное командование продолжало подготовку экспедиции в Закавказье. Командующий П.С. Потемкин еще в июне 1783 г. писал русскому представителю в Грузии полковнику С.Д. Бурнашеву, что мирное разрешение крымского вопроса только *«развяжет, так сказать, руки на простертые оных в Закавказский край»*¹⁴¹. В апреле 1784 г. через

140. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 239.

141. Бурнашев С. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С.Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г. / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1901. С. 6.

Кизляр к Сулаку были отправлены Астраханский и Томский пехотные полки, два эскадрона драгун, Уральский казачий полк и шесть орудий. Но все приготовления были отменены императрицей, опасавшейся спровоцировать войну с Портой.

Вектор закавказской политики должен был измениться, ставка в большей степени стала делаться на дипломатию, а не на силовое давление. В ордере 22 апреля 1784 г. Г.А. Потемкин командующему линией П.С. Потемкину предписывал: *«1-е. Сохранение тишины и спокойствия на границах... 2-ое. Непременно нужно ведать прямыми силами и число пограничных с нами народов. Ваше превосходительство, постарайтесь узнать сие с совершенною достоверностию, ибо на сем самом могут основываться наши в том краю виды и предприятия. Не менее потребно знать взаимные их между собою связи, род жизни и способ пропитания. Также надежнейшия средства к содержанию их в тишине и спокойствии. Доставка ко мне таковых сведений необходимо для решительного о том краю положения»*¹⁴². Но к этому времени Георгиевский трактат был подписан и обещания розданы.

Что касается второго объяснения, то оно заключается в том, что Г.А. Потемкин был уверен в том, что только сильная Грузия сможет быть полезной Российской империи в качестве ключевого элемента предполагавшегося к созданию «барьера». Уже после подписания Георгиевского трактата, в конце 1783 г., в одной из своих записок князь писал: *«В Грузии жители время от времени начинают надежнее становиться в своем состоянии, а когда помощью оружия в.и.в. укротятся лезгины тогда придет Грузия в такую силу, что составит перевес против Порты»*¹⁴³. Иллюзия русского военного ко-

142. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 302-303.

143. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 176.

мандования заключалась в том, что оно увидело прямую связь между территориальным расширением владений Ираклия и степенью силы грузинского государства.

Между тем, в Петербурге знали о раздорах в царской семье, прежде всего по поводу разделения царства на уделы между детьми Ираклия II. С целью подробно выяснить этот вопрос в Тифлис был послан полковник В.С. Томара, который в донесении от 24 мая 1783 г. писал П.С. Потемкину, что поступление Грузии под протекторат отсрочило выполнение требований сыновей царя о предоставлении им уделов. Но, как показали дальнейшие события, особенно 1795 г., командующий Кавказской линией ошибался, когда в ответ на донесение В.С. Томара писал: *«Много разрешило мысли мои донесения ваше, что царь Ираклий наследство полагает единому, и сие затруднение само собой опровержено»*¹⁴⁴. Восточная и Западная Грузии по-прежнему оставались слабыми средневековыми монархиями, где обороноспособность государства постоянно подтачивалась внутренними междоусобицами.

В середине лета 1783 г. царь Ираклий II направил своих уполномоченных – князя И.К. Багратиона-Мухранского и князя Г.Р. Чавчавадзе в Георгиевск, где размещалась резиденция командующего Кавказской линией П.С. Потемкина. Здесь 24 июля 1783 г. стороны подписали «дружественный договор» состоявший из 13 основных и 4 сепаратных статей¹⁴⁵. В первой статье Ираклий II от своего имени и от имени своих наследников заявлял, что *«торжественно навсегда отрекается от всякого вассальства или, под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержа-*

144. Там же. С. 170.

145. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 711-716.

вия, кроме верховной власти и покровительства е.и.в. и ее высоких наследников и преемников»

Во второй статье Екатерина II обещала Ираклию покровительство и милость, а также давала «ручательство за сохранение целости настоящих владений царя», «предполагая распространить таковое ручательство и на такие владения, кои в течение времени по обстоятельствам приобретены и прочным образом за ним утверждены будут». Данная статья отражала желания грузинского царя расширить свои владения. Третья статья содержала постановление об испрашивании наследственными грузинскими царями при вступлении на престол «подтверждения с инвеститурой» от российского императора. Четвертая статья оговаривала отказ царя Ираклия II от самостоятельной внешней политики. В пятой речь шла о назначении и содержании министерств-резидентов при обоих дворах. Статья шестая обязывала верховную власть Российской империи народы царства Картли-Кахети считать своими союзниками, а *«следственно, неприятелей их признавать за своих неприятелей»*; царя Ираклия и его наследников и потомков сохранять беспрерывно на царстве Карталинском и Кахетинском во внутренние дела царства не вмешиваться. В седьмой статье, грузинский царь, в свою очередь, *«обещал за себя и потомков своих»* быть *«всегда готовым на службу е.и.в. с войсками своими»*; удовлетворять требованиям русских начальников; охранять российских подданных «от всяких обид и притеснений»; оказывать «уважение на заслуги пред всероссийской империей» при определении людей к местам. Восьмая статья определяла место и степень грузинского католика в первом классе российских архиереев.

Девятая, десятая и одиннадцатая статьи перечисляли «милости», которые императрица даровала грузинскому народу: благородное сословие приобретало те

права, преимущества и выгоды, какими пользовалось это сословие в Российской империи; жители Картли и Кахети получали право свободного передвижения и переселения в Россию; купечеству даровалось право свободной торговли в России и преимущества и льготы русского купечества. В двенадцатой статье указывалось, что договор заключается «на вечные времена», а изменения вносятся «по обостороннему соглашению». В последней тринадцатой статье устанавливался шестимесячный срок ратификации договора¹⁴⁶.

К Георгиевскому трактату были приложены четыре сепаратные статьи, касавшиеся практических вопросов реализации трактата. В первой статье Петербург обязал Ираклия восстановить мир и союз с имеретинским царем Соломоном. Остальные сепаратные статьи касались военной защиты Грузинского царства. И здесь видно явное противоречие. Российская империя обязалась направить в Грузию два батальона пехоты с четырьмя пушками «для охраны владения» и для «подкрепления войск» царя «на оборону». В статье говорилось о согласовании мер защиты и помощи оружием и переговорами в случае войны. В то же время в четвертой статье говорилось о возвращении земель «*издавна царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежащих*»¹⁴⁷.

Вторая основная статья и четвертая сепаратная статья находились в противоречии с общим духом договора, который являлся по сути союзным, оборонительным договором, призванным заложить основу для создания «барьера» между Россией, Ираном и Турцией т. е. новой системы управления кавказским «пограничьем» для обеспечения мира и стабильности в регионе. В результате же эти статьи не только укрепляли Ираклия в его наступательных намерениях, но также являлись раз-

146. Там же. С. 712-714.

147. Там же. С. 714-715.

дражителем для Порты и местных закавказских правителей. Пока сохранялась неясность относительно войны с Турцией из-за присоединения Крыма, эти статьи о расширении грузинских владений выглядели оправдано в контексте возможной «диверсии» русских войск в Закавказье. Но, когда опасность войны миновала, а также по мере того как русские военные власти все глубже стали вникать в политические тонкости ситуации в регионе, становилось ясно, что обещание поддерживать завоевательные планы Ираклия скорее вредит делу создания «барьера», чем помогает.

Пока же в Тифлисе и Петербурге праздновали заключение союза. *«Знатные земли здешней ласкают себя видами частными, а народ благославляет руку, избавляющую их от лезгинов»*, – писал 22 августа 1783 г. полковник С.Д. Бурнашев командующему Кавказской линией П.С. Потемкину. *«Вот и грузинские дела приведены к концу, – писал Екатерине II светлейший. – Какой государь составил столь блестящую эпоху, как Вы? Не один блеск, польза еще большая. Земли на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, теперь вы привязали к скипетру российскому»*¹⁴⁸. Довольная Екатерина II в рескрипте от 23 августа 1783 г. писала Г.А. Потемкину: *«Удовольствие наше о совершении сего дела есть равное славе, из того приобретенной, и пользе, несомненно ожидаемой»*¹⁴⁹.

* * *

Еще до подписания трактата Ираклий II, не откладывая, начал подготавливать почву для наступательных действий в направлении Ирана, а также своих ближайших закавказских соседей. Царь все время напоминал

148. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 180.

149. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 717.

Петербургу об открывавшихся возможностях в связи с безначалием и смутой в Иране. В июне 1783 г. Ираклий писал П.С. Потемкину: *«По известности нам о положении и силах Персии ничто не в состоянии противустоять воле всероссийской самодержицы»*. В письмах и записках на протяжении 1783 и 1784 гг. царь упорно пытался донести до сознания русских властей, что для того, чтобы Грузия смогла оказать помощь Российской империи в ее противоборстве с Турцией или Ираном, необходимо сначала озаботиться усилением самой Грузии. Для этого грузинские земли надо избавить от лезгинской опасности, утвердить власть грузинского царя в Гяндже и Эриване, а также распространить ее дальше на Нахичевань. Весной 1784 г. Ираклий рассчитывал, что если русские войска продвинутся к Дербенту, то силы «адербайджанских» ханов будут разъединены, и тогда они не смогут изгнать его из Гянджи. *«Предпочитаю выгодным, чтобы Россия овладела Адрибежаном, а потом часть оного благоволит пожаловать мне»*, – писал Ираклий в одной из записок¹⁵⁰.

Поскольку в это время шла подготовка к походу русских войск в Закавказье, то военное командование не пыталось сдерживать аппетитов грузинского царя, но, наоборот, помогало своему протезе, угрожая всем его противникам «немилостью» императрицы. К владетелям Дагестана и Азербайджана были посланы русские офицеры с подарками и особыми универсалами князя Г.А. Потемкина, где говорилось о заключении Георгиевского трактата. Но, кроме универсалов, владетели получили «циркулярные письма», где им предлагалось *«дабы они, признавая его светлость на вечные времена союзным и покровительствуемым Россией удалялись от всех вредных противу него предприятий, поелику всякое неприязненное против него действие*

150. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 167, 173.

или покушение на его области Российской империей не иначе сочтено будет как покушением на собственные ее пределы, и дерзость таковая не останется без возмездия»¹⁵¹. Часть дагестанских и закавказских правителей откликнулась немедленно, прислав письменные обязательства без позволения П.С. Потемкина не делать никаких нападений, тем более, на грузинского царя Ираклия II.

Среди приславших обязательства был Фатали-хан Кубинский и Дербентский, с которым у Ираклия II могло быть больше всего проблем, в силу того, что хан, во-первых, являлся одной из сильнейших политических фигур в Закавказье, во-вторых, оспаривал у грузинского царя и его союзника Ибрагим-хана Шушинского владение таким крупным торговым центром как Гянджа, и в-третьих, давно стремился заручиться поддержкой со стороны Российской империи. Для Петербурга Фатали-хан являлся бы идеальным кандидатом на роль лидера среди «адербайджанских» ханов. Тем более, что хан сам давно предлагал свои услуги в обмен на российскую поддержку. Еще во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. он проявил полную лояльность к России, категорически отказавшись следовать в русле турецкой политики в Закавказье. Во время «дербентского кризиса» 1774 г. хан открыто предложил принять российское подданство.

В конце 1782 г. Фатали-хан в письме к императрице Екатерине II позиционировал себя как выразитель интересов всех «адербайджанских ханов». Он пытался обратить внимание на то, что агрессивная политика Ираклия II вносит смуту и нестабильность в Закавказье¹⁵². В январе 1783 г. Фатали-хан, поздравляя П.С. Потемкина с назначением на пост командующего Кавказской линии

151. Там же. С. 172.

152. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 17-24.

и желая ему успехов в деле наведения на ней порядка, в то же время снова напомнил о своей просьбе, чтобы русские власти запретили царю Ираклию II враждебные действия против «адербайджанских ханов». В представленной его доверенным лицом юзбаши Гаджи-беком записке об обстоятельствах его спора с грузинским царем, хан фактически предлагал русскому правительству стать в нем арбитром и зафиксировать сферы влияния двух закавказских правителей. В записке говорилось: *«Если царь Ираклий прямо верен к всероссийскому престолу, то должен он отступиться от персицких ханов, понеже и Россия их спокойно оставляет, тем паче ему притеснение им показывать не для чего и не должно»*¹⁵³. Фатали-хан давал обещание не касаться владений грузинского царя, в случае если тот откажется помогать Ибрагим-хану Шушинскому, уберет из Гянджи грузинского управителя и освободит из заключения гянджинского хана. Однако в это время в Петербурге в силу выше указанной внешнеполитической конъюнктуры решили сделать ставку только на одного из региональных закавказских лидеров – царя Ираклия II.

В течение осени и зимы 1782 г. Фатали-хан активно занялся подготовкой похода против Ибрагим-хана Шушинского. В организованную им коалицию вошли Талышский, Нухинский, Хойский, Тебризский, Урмийский ханы, а также дагестанские владетели – Бамат Буйнакский, шамхал Тарковской. По просьбе царя Ираклия II командующий Кавказской линией П.С. Потемкин обратился к Фатали-хану с предложением отказаться от похода¹⁵⁴. В феврале 1783 г. грузинский царь прямо объявил русским властям, что по причине *«клятвенного союза» с Ибрагим-ханом он должен будет помогать союзнику*¹⁵⁵. На деле царь не хотел потерять доходы с

153. КВ. Т.2. Кн. 1. С. 704.

154. Там же. С. 705-706.

155. Там же. С. 705.

Гянджи. Ситуация значительно усложнилась, когда на Кавказской линии стало известно, что против Фатали-хана, в свою очередь, собираются выступить ханы Южного Дагестана во главе с Умма-ханом аварским и уцмием Амир Гамзой кайтагским. Прибытие русских офицеров с письмами от П.С. Потемкина помогло стабилизировать ситуацию: Фатали-хан, как и его оппоненты Умма-хан и Амир Гамза, отказались от задуманных походов. Со стороны дербентского хана это был явный жест доброй воли, поскольку он собрал значительно превосходящие его противников силы – 13-тысячное войско, а организация похода стоила ему больших денег и усилий. Кроме того, хан, зная о покровительстве русских властей закавказским армянам, выкупил из лезгинского плена 150 армян и отпустил на волю¹⁵⁶.

Конечно, отказываясь от борьбы за Гянджу, делая различного рода дружественные жесты в стороны России, Фатали-хан так же, как Ираклий, преследовал свои далеко идущие цели. В письме к П.С. Потемкину весной 1783 г. Фатали-хан предложил план совместных действий в Иране для возведения на пустующий шахский трон потомка династии Сефи Мисир Аббаси, который жил в резиденции хана в Сальянах. Предложение Фатали-хана представляется ничуть не хуже аналогичных планов Ираклия II. Однако весной 1783 г. Г.А. Потемкин все еще планировал диверсию против турок в Закавказье, составной частью которой должен был стать захват русскими войсками Дербента. Поэтому на запрос П.С. Потемкина, что ему ответить Фатали-хану, Г.А. Потемкин прислал предписание: во-первых, *«стараться Фатали-хана захватить или же стремиться на него прочих ханов, которые на сие намеревались»*, а во-вторых, занять Дербент. В защиту своего союзника выступил шамхал Тарковский Муртазали, который составил

156. Маркова О.П. Указ. соч. С. 177-178.

специальную записку для русского командования о полной лояльности дербентского хана России. Доверенный Фатали-хана мирза Садык в начале августа 1783 г. также представил записку, где попытался еще раз объяснить, что его хан абсолютно предан императрице и ждет прихода русских войск¹⁵⁷.

Поняв осенью 1784 г., что русское правительство в Закавказье окончательно сделало ставку на грузинского царя, Фатали-хан решил пойти на сближение с Ираклием II. К этому времени грузинский царь также решил изменить вектор отношений со своим старым противником. Русское командование на этот раз не отказывалось от привлечения хана под покровительство России, но при обязательном условии, что тот не будет вмешиваться в дела гянджинского хана. Приняв новые правила игры, Фатали-хан в конце 1784 г. переключил свое внимание на Карабах. В письме к Ираклию II он предложил совместно завладеть этой областью, не привлекая при этом русское командование, а затем утвердить между собой союз присягой и обменом аманатами. Казалось, что, предлагая грузинскому царю выступить против его старого союзника Ибрагим-хан Шушинского, хан находился в плену каких-то иллюзий. На самом деле его предложение отражало изменение в отношениях Ираклия и Ибрагим-хана, произошедшее после заключения Георгиевского трактата.

Вражду в отношении старых союзников внес Петербург своими планами о восстановлении независимого Армянского царства. Еще во время Каспийского похода Петра I армянские мелики Карабаха¹⁵⁸ установили тес-

157. Там же. С. 179.

158. Карабах («Черный сад», тюрк.) или Арцах («Светлый лес», арм.), исторические топонимы, частично относящиеся к оспариваемой в настоящее время Арменией и Азербайджаном территории – Нагорному Карабаху. Исторически Карабах делился на Нагорный и Низинный, т.е. равнинный. Карабахское ханство существовало с 1747 г., когда конфедерация пяти армянских меликств была завоевана тур-

ные связи с русским командованием. Даже после ухода русских войск из каспийских провинций мелики продолжали эпизодически поддерживать контакты с русскими пограничными властями на Северном Кавказе. Поэтому понятно, что как только в Петербурге возник план экспедиции в Закавказье, то сразу вспомнили о карабахских армянах.

Конечно, Ираклий II сначала старался привести под российское подданство своего союзника. Весной 1783 г. грузинский царь переслал П.С. Потемкину письмо Ибрагим-хана, в котором тот выражал желание вступить под покровительство Российской империи. Но вскоре командующий Кавказской линией получил от Г.А. Потемкина ордер от 6 апреля 1783 г. в котором в числе прочего говорилось: *«Шушинского Ибрагим-хана свергнуть должно, ибо после сего Карабаг составит армянскую независимую, кроме России, никому область»*¹⁵⁹. Однако готовность Шушинского хана принять покровительство и платить дань заставило русское командование отказаться от намерения немедленно его низложить. В указе Екатерины II 5 мая 1783 г. Г.А. Потемкину говорилось: *«Что касается до Ибрагим-хана, если в принятии его под российское покровительство не встретится никакое затруднение или сомнительство, какжется можно взять за руководство то, что сделано с царем Ираклием; и в таком случаи вы не оставите поручить генералу-порутчику Потемкину заключить с ним договор о подчинении его российскому императорскому престолу»*¹⁶⁰.

ками-кочевниками, до 1822 г., когда генералом А.П. Ермоловым оно было упразднено и там введено прямое русское управление, а территория получила название «Карабахская провинция» (подробнее об этом см.: Магальян А. Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 8. М., 2010. С. 7-25).

159. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 239.

160. Бумаги императрицы Екатерины II ... // Сб. РИО. Т. 27. С. 256.

Ибрагим-хан готов был принять покровительство Российской империи при условии невмешательства русского правительства во внутренние дела его ханства. Но именно этого Петербург не мог и не хотел обещать. В письме от 19 мая 1783 г. Г.А. Потемкин писал императрице, что привлекая Ибрагим-хана к повиновению, следует в то же время *«при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских дать в правление национальному, и через то возобновить в Азии христианское государство, сходственно высочайшим в.и.в. обещаниям, данным через меня армянским меликам»*¹⁶¹. В конце июля 1784 г. к Г.А. Потемкину с прошением о принятии в российское подданство. прибыл ханский посол Муса-султан, который тут же был отправлен в Петербург, где ему устроили торжественный прием.

Русское командование стремилось «приласкать» шушинского хана, опасаясь за судьбу карабахских меликов. Поводов для опасений было предостаточно. Негативную роль в отношениях между Ибрагим-ханом шушинским, карабахскими меликами и русским военным командованием на Кавказской линии сыграл уже знакомый нам доктор Рейнегс, «советник» царя Ираклия II. Именно его письма к мелику Апову с извещением о предстоящем походе русских войск в Закавказье, последующем устранении Ибрагим-хана и восстановлении Армянского царства попали в руки шушинского хана. Мелик Апов был арестован и отпущен только по настоятельным просьбам П.С. Потемкина, а также после уплаты меликом 5 тысяч рублей¹⁶².

В конце 1783 г. царь Ираклий II уже открыто писал П.С. Потемкину, что нужно срочно помочь карабахским меликам, иначе Ибрагим-хан их уничтожит. О скорей-

161. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 241.

162. Там же. С. 345-346.

шей присылке русских войск буквально умоляли сами мелики, обещая полностью снабжать его продовольствием. Несмотря на то, что в апреле 1784 г. П.С. Потемкин уже знал, что военная экспедиция в Закавказье не состоится, он вынужден был успокаивать карабахских меликов, уверяя в скором приходе русских войск. Также командующий Кавказской линией направил Ибрагим-хану грозное письмо с приказом, *«чтобы он меликов более угнетать не дерзал»*. Тем временем, карабахские армяне собрали и держали наготове до 5 тысяч воинов. В письме к П.С. Потемкину они просили, чтобы русско-грузинские силы заняли Гянджу и *«прибрежные места»*, пока их не захватили турки, а также, чтобы он послал хотя бы два полка в Грузию. Конечно, переписка между карабахскими меликами, Ираклием II и русским военным командованием не могла укрыться от Ибрагим-хана. И в момент посылки на Кавказскую линию своего посла с прошением о подданстве он уже сделал свой выбор. Первым, кто «открыл глаза» русскому командованию на интригу шушинского хана, был его старый враг Фатали-хан, приславший в декабре 1784 г. письмо, содержащее сведения о связях Ибрагим-хана с турками: *«От турецкого султана к Карабахскому хану Ибрагиму прибыл агент Ибрагим-бека вез им подарки – халаты и часы, украшенные дорогими камнями – а также имел с собою червонцы для подкупа»*¹⁶³.

Помимо Гянджинского и Шушинского ханства в сфере интересов царя Ираклия находилось еще и Эриванское ханство, располагавшее одной из самых сильных крепостей в Закавказье. Кроме того, там грузинский царь всегда пользовался поддержкой со стороны армянского населения, которое, в свою очередь, рассчитывало на защиту и покровительство со стороны царя.

163. Цит. по: Кортуа Н.М. Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII века. Тб., 1989. С. 255.

В результате наступательной, продуманной политики Ираклия II ханство с 1779 г. оказалось в вассальной зависимости от него. Но в ноябре 1783 г., когда скончался старый эриванский Гусейн Али-хан, позиции Ираклия II в ханстве резко ослабли. Новый хан, двенадцатилетний Гусейн Али Гулам Али-хан (Уламали-хан), который являлся зятем Ахмеда-хана Хойского, придерживавшегося турецкой ориентации. Прибытие в Эривань осенью 1783 г. сначала послов от турецких пограничных пашей в Ахалцихе, Карсе и Эрзеруме с соболезнованиями по случаю смерти отца нового хана, а затем турецкого эмиссара Халиль-эфенди, заставило грузинского царя и русское командование насторожиться. В феврале 1784 г. П.С. Потемкин советовал полковнику С.Д. Бурнашеву обратить внимание Ираклия II на поведение нового эриванского хана, о двуличии которого постоянно поступали сведения от конфиденентов русского командования в Закавказье. Командующий даже советовал царю силой занять Эривань, чтобы не допустить перехода крепости к туркам. Действительно, Гусейн Али Гулам Али-хан вскоре отвернулся от грузинского царя и занял в отношении него враждебную позицию. Тогда Ираклий организовал убийство хана. По сведениям авторитетного кавказоведа П.Г. Буткова *«эриванский малолетний хан, зять умершего хойского Ахмед хана за отступление от зависимости убит на звериной ловле, по повелению царя, с единоутробными его братьями. Тогда царь нарек в Эриванские ханы малолетнего брата его Гуссейна сына покойного хана Гуссейна, по матери своей христианке из Тифлиса, весьма преданного царю»*¹⁶⁴. После напряженной борьбы в ханстве победила партия грузинского царя.

В отношении других закавказских ханов царь Ираклий также старался подчинить их себе. Стремясь при

164. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 194.

поддержке русского военного командования стать гегемоном в Закавказье, Ираклий прилагал большие усилия, чтобы привлечь южные закавказские ханства под российское покровительство. В конце 1783 г. он советовал Ахмед-хану Хойскому не препятствовать его действиям в Нахичевани, чтобы не оказаться в ответе и не потерять своих преимуществ перед другими ханами. Вскоре с подачи грузинского царя Ахмед-хан прислал в Петербург прошения о принятии его под российское покровительство. Нахичеванский хан также дал Ираклию обещание поступить под покровительство императрицы. В январе 1784 г. Ираклий запрашивал П.С. Потемкина: *«Не угодно ли будет, чтобы внушить и самому тавризскому хану – не согласится ли он под покровительство российского императорского престола»*¹⁶⁵.

Подводя итог деятельности царя Ираклия II в краткий период до и после заключения Георгиевского трактата (1783-1784 гг.), отметим, что политика царя, по сути, сводилась к попытке выстроить новую вассальную иерархию в Закавказье, где он, благодаря поддержке Российской империи, занял бы позицию регионального лидера, а все остальные владельцы становились де-юре вассалами Российской империи, а де-факто вассалами грузинского царя. Такая система в принципе устроила Петербург, если бы она была осуществима. Между тем, при изначально ограниченных возможностях оказания военной помощи Грузии со стороны Российской империи, внутренней слабости самой Восточной Грузии, а также присутствия в Закавказье слабого Ирана и относительно сильной Турции система, основанная на управлении большей частью кавказского «пограничья» только через одного лидера, была обречена на провал. Поскольку против одного лидера тут же образовывалась коалиция других правителей, незамедлительно полу-

165. Цит по: Маркова О.П. Указ соч. С. 175.

чавшая поддержку со стороны Порты и Ирана. Именно по такому сценарию стали развиваться события в Закавказье с середины 1784 г.

* * *

Подписание Георгиевского трактата являлось лишь небольшой частью гигантского стратегического проекта Г.А. Потемкина по преобразованию Закавказья в «барьер» между Россией, Ираном и Турцией, который должен был бы состоять из дружественных Российской империи политических образований. Одновременно с усилиями по выполнению условий Георгиевского трактата (удержание за Ираклием II Гянджинского и Эриванского ханств), а также попытками возродить военно-политический союз двух грузинских царей, русское правительство пыталось решить вопрос создания в Закавказье Армянского независимого царства. План создания такого царства был изложен в уже неоднократно упоминавшемся ордере П.С. Потемкину от 6 апреля 1783 г.: *«Вы тут употребите все старание, чтобы новая сия область устроилась наивыгоднейшим образом для народа. Через сие и прочие сильные армянские провинции или последуют их примеру или же большим числом приходит будут в Карабах»*¹⁶⁶. Кроме Карабаха, который необходимо было изъять из рук Ибрагим-хана Шушинского, речь в ордере шла о других армянских провинциях Ирана. Первоначально планировалось вывести их из-под власти Ирана силовым путем, при помощи объединенных грузино-армянских сил под предводительством Ираклия, которые бы поддержал русский экспедиционный корпус. Но после того, как в январе 1784 г. миновала прямая угроза начала войны с Портой, и, следовательно, отпала необходимость диверсии

166. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 239.

в Закавказье, в Петербурге решили воздержаться от силовых акций и попытаться решить вопрос восстановления Армянского царства путем переговоров с наиболее успешным из претендентов на шахский престол.

Как раз в конце 1783 г. один из таких претендентов Али Мурад-хан захватил Исфаган, получив тем самым значительный перевес над остальными соперниками. Упреждая приказ из Петербурга, консул в Энзели И.В. Тумановский по своей инициативе направил к хану своего доверенного человека. Несмотря на то, что консул получил жесточайший разнос за свои самовольные действия, переговоры с Али Мурад-ханом были продолжены. Вскоре в Исфаган от П.С. Потемкина с поздравительным письмом прибыл армянин Токатлов. В ответном послании, которое привез с собой посол Мухаммед-хан, говорилось о желании Али Мурад-хана пребывать в тесном союзе с Россией. Для русского правительства открывалась возможность урегулировать вопрос об армянских провинциях мирным путем. В письме к И.В. Бакунину от 31 мая 1784 г. А.А. Безбородко сообщал: *«...получил я от князя Григория Александровича письмо, коим он уведомляет об отзыве нынешнего Персидского наместника Али-Мурат Хана и о присылке от него нарочного с изъявлением готовности все сделать, что нам угодно, желая приобрести благоволение Государыни и признание его в шахскому достоинстве. Князь Григорий Александрович почитает сие за самый надежнейший способ к окончанию Персидских наших дел заключением с ним договора в коем распорядены будут наши приобретения, границы Ираклиева царства, состояние независимых областей Армянской и другой, из побережья Каспийского учреждаемой; сверх означатся пределы Персидской империи и выговорены будут торговые и иные выгоды. По многим околичностям заключаю я, что Али-Мурат охотно желает*

заклучить оборонительный, а может быть и наступательный союз против Порты»¹⁶⁷. В своей известной записке 1784 г. о политике России в Закавказье Безбородко также писал: «Кажется, что они теперь сблизались к самой удобной и для нас славной развязке. Отзыв Али-Мурат-хана должно почесть за преддверие знаменитых и наивыгоднейших для нас событий. Приуготовляется вашему императорскому величеству слава дать настоящего государя Персии, ограничить ее в пределах, чтоб она была нам полезна, а истинным неприятелям нашим вредна, приобрести новыя земли к империи вашей, посредством сих приобретений, обезпечить и границы ваши и владычество берегами Каспийского моря, открыть новыя ветви торговли, и основать новыя царства и области, кои России будут служить барьером против всех на нее с той стороны покушений»¹⁶⁸.

Между тем, в переговорах П.С. Потемкина с послом Али Мурад-хана наступила пауза, поскольку Петербург медлил с ответом, желая ясно удостовериться в правильности сделанного выбора. Наконец осенью 1784 г. решили отправить в Исфаган в качестве российского посла полковника Томара, которому была дана подробная инструкция как обосновать необходимость отделения от Ирана армянских провинций. *«Соединение раздельных частей под единую державу есть средство к восстановлению цветущего там состояния, – писал в инструктивном письме полковнику Г.А. Потемкин. – Вы сможете искусно коснуться тут самолюбия сего владельца. Шахское достоинство есть лестно. Но притом нужно изъяснить ему всю*

167. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. М., 1879. С. 53-54.

168. Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). Т. 1 // Сб. РИО. Т. 26. С. 469.

надобность составления сей монархии из самих персиян. Такое соединение будет твердо и прочно, когда, напротив того, разность народов, всегда готовых к свержению ига, не умножают силы государственные, но паче разделяют и ослабляют оные. Сие говорю я об Армении и других окрестных провинциях; ибо что надлежит до Грузии, то об ней ни слова: участь ее уже решена»¹⁶⁹.

Выехавший 1 января 1785 г. с Кавказской линии полковник Томара так и не смог добраться до Исфагана. Об этом позаботился Ахмед-хан Хойский, который сообщил эрзерумскому паше о переговорах Али Мурад-хана с русским правительством. Задержанный хойским ханом, посол вскоре узнал, что 7 февраля 1785 г. Али Мурад-хан внезапно скончался и теперь Исфаган захватил его брат Джафар-хан. Иран снова погрузился в междоусобные войны, а планы русского правительства на быстрое и бескровное решение армянского вопроса рухнули.

* * *

Если вопрос о создании Армянского и Албанского царства русское правительство пыталось решить, ведя переговоры с претендентом на шахский престол, то вопрос об Имеретии, которая также являлась по замыслу Г.А. Потемкина, важным звеном в закавказском «барьере», должен был решаться с учетом напряженных русско-турецких отношений. Согласно 23-й статье Кючук-Кайнарджийского мирного договора, Порты в отношении к Имеретинскому царству отказывалась от взимания всякого рода податей, в том числе от дани людьми, а также обязалась возвратить все замки и укрепления, ранее принадлежавшие грузинам. В то же

169. Цит. по: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2. С. 171-172.

время Имеретия продолжала оставаться под турецким протекторатом, что ограничивало для Петербурга возможность открытого включения Западной Грузии в состав закавказского «барьера».

Порта не собиралась добровольно отказываться от своего протектората над Имеретией. Наоборот, турецкие власти сразу после окончания русско-турецкой войны стали дополнительно укреплять свои крепости вдоль восточного побережья Черного моря. Турецкие отряды снова стали вторгаться на территорию царства. Встреченный активностью турок, в сентябре 1781 г. царь Соломон I в очередной раз обратился к русскому правительству с прошением о покровительстве¹⁷⁰. В августе 1782 г. имеретинский царь снова повторил свой запрос, указывая на то, что турки укрепляют старые и строят новые крепости на побережье и явно готовятся напасть на его царство: *«От Солтана прислан в крепость Поти Капчи-баши, которой начал строить новые крепости на границах нашего владения, в Анаклии и около того места, а по окончании оных вся цель турецкая клонится к тому, дабы завладеть и всю нашу область и тем совершить беззаконное желание неверных магометан. Мы имеем достоверное известие о таковых их намерениях от тех самих, коим они препоручены к исполнению»*¹⁷¹.

В Петербурге уклонились от выполнения просьбы, не желая обострять отношения с Константинополем, но сделали несколько запросов турецкому правительству относительно действия турецких властей на побережье. Рескриптом от 31 декабря 1782 г. русскому послу в Константинополе Я.И. Булгакову предписывалось *«чинить сильное заступление»*, когда имеретинский царь представит жалобу султану¹⁷². Желая сохранить дружествен-

170. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 11-12.

171. Там же. С. 13-14.

172. Там же. С. 30.

ные отношения с Соломоном I, осенью 1782 г. императрица пожаловала ему орден Андрея Первозванного. В это время в Петербурге рассматривали вопрос о заключении с Соломоном I такого же договора, как с Ираклием II, но не могли придумать, как обойти 23-ю статью Кайнарджийского договора. Русское правительство колебалось, с одной стороны, не решаясь нарушить статьи мирного договора, а с другой,, боясь оттолкнуть имеретинского царя.

Между тем, Порты, вероятно в противовес Георгиевскому трактату, в конце августа 1783 г. предприняла попытку начать переговоры с Соломоном. Это дало новый повод для русского правительства обсудить вопрос о заключении союза с имеретинским царем. Безбородко предлагал немедленно заключить с царем договор о покровительстве. Напротив, Г.А. Потемкин возражал, считая этот шаг «скользким». Оставалось только досадовать на тех, кто внес в Кючук-Кайнарджийский договор статью о протекторате Порты над Имеретинским царством, и надеяться исправить это в будущем. В уже упоминавшейся записке 1784 г. Безбородко писал: «...царь Имеретинский теперь же бы последовал примеру Ираклия, если бы не претила нам подчиненность его Порте, в которую, по недалновидному ли знанию, или небрежению предместников наших, ясно заключен он самим Кайнарджийским трактатом... Нет сомнения, что и артикулы об Имеретии с такою же пользою для государства будут учреждены, ежели удастся нам совершить план наш, в разсуждении сей части Азиатскаго нашего соседства»¹⁷³.

Между тем, затруднения в вопросе принятия Имеретии под покровительство России послужило дополнительным фактором для ухудшения с начала 1780-х гг. отношений между царями Соломоном и Ираклием. Ин-

173. Григорович Н. Указ. соч. // Сб. РИО. Т. 26. С. 469.

тересно, что в письме к Екатерине II от 5 августа 1783 г. Г.А. Потемкин писал, что царь Соломон относится «с великой завистью к счастью царя Ираклия»¹⁷⁴. Действительно имеретинскому царю очень нужно было покровительство России как для противодействия туркам, так и для того, чтобы подчинить Мегрелию и Гурию. Видя же успехи Ираклия, имеретинский царь, вероятно, предполагал, что усилившийся картли-кахетинский царь в какой-то момент попытается взять под свою власть его царство. Особую озабоченность имеретинского царя вызывал отток населения из Имеретии в Картли-Кахетию¹⁷⁵. Кроме того, прямого и жесткого по характеру Соломона возмущала гибкая политика Ираклия, который спокойно мог одновременно вести переписку, как с российской, так и турецкой сторонами¹⁷⁶. Поэтому желая ослабить своего соперника, он поддерживал мятежного царевича Александра Бакаровича, а также оппозиционно настроенных к царю Ираклию представителей местной знати. Вражда двух грузинских царей являлась серьезным препятствием для реализации планов Петербурга в Закавказье. Русское военное командование на Кавказской линии стремилось примирить царей, что после долгой переписки удалось в конце 1782 г.

В октябре 1783 г. в Кутаис прибыло турецкое посольство с подарками и письмами к царю и представителями знати. В это время царь Соломон был болен, но находясь как казалось при смерти, он отверг все предложения турок и сделал шаги к окончательному примирению с царем Ираклием II. 16 ноября 1783 г. в Тифлис прибыл духовник царя Соломона с извещением о том, что имеретинский царь признал наследником престола своего племянника, одиннадцатилетнего внука картли-кахетинского царя Давида Арчиловича. Со своей сторо-

174. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 717.

175. Там же. С. 719.

176. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 11-12.

ны царь Ираклий обязался не вмешиваться в дела Имеретии, не поддерживать князей Дадиани и Гуриели, не принимать *«переметчиков и преступников»*. В Петербурге, ожидая близкую смерть имеретинского царя и опасаясь дальнейших действий турецкой дипломатии, решили подстраховаться, запросив от Соломона «в запас» прошение о принятии Имеретии в подданство России. За три дня до смерти (23 апреля 1784 г.) царь успел отправить П.С. Потемкину текст прошения¹⁷⁷.

Смерть Соломона I тут же вызвала политический кризис в царстве, поскольку царь не оставил завещания, подтверждавшего право на престол его племянника Давида Арчиловича, внука царя Ираклия II. 27 апреля 1784 г. царем Имеретии был выбран Давид Георгиевич, который известил о своем избрании П.С. Потемкина, заодно прося советов и указаний, желая подать просьбу о покровительстве¹⁷⁸. С тем, чтобы разобраться в ситуации, а также противодействовать турецком послу как раз прибывшему в это время в Кутаис, в Имеретию был отправлен С.Д. Бурнашев¹⁷⁹, миссия которого увенчалась полным успехом. Летом 1784 г. П.С. Потемкин писал своему представителю в Грузии: *«Письма Имеретинского царя Давида и всех чиновначальных вельмож удостоверяют меня, что отправление моих писем и приезд ваш в Кутаисе во много предотвратили готовящиеся междоусобия, и затушили, так сказать искру, которая бы бесконечно воспалила сильный огонь»*¹⁸⁰.

Для урегулирования политического кризиса в Имеретии русское военное командование обратилось за содействием к Ираклию II, который, как ходили слухи, поддерживал своего внука Давида Арчиловича. В результате кризис был разрешен благодаря уступкам

177. Маркова О.П. Указ. соч. С. 194, 196.

178. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 45-46.

179. Бурнашев С. Указ. соч. С. 23-24.

180. Цит. по: Кортва Н.М. Указ. соч. С. 225.

Ираклия II, который согласился признать Давида Георгиевича царем Имеретии до наступления совершеннолетия своего внука Давида Арчиловича. После этого католикос Максим и полковник С.Д. Бурнашев взяли с царя Давида и предводителей враждующих партий знати письменные обязательства соблюдать мир. Царь обязался соблюдать интересы знати, а те – сохранять, при соблюдении этого условия, верность царю.

Бурнашеву также пришлось заниматься вопросом урегулирования отношений имеретинцев с турками. Прибывший в Кутаис турецкий посол привез с собой письмо от Сулеймана-паши Ахалцихского, в котором говорилось о правах Порты в отношении Имеретии. В ответ Давид Георгиевич, поддержанный представителями знати, заявил, что они являются российскими подданными и *«не имеют никакой обязанности относиться к Порте»*. Русский представитель был вынужден вмешаться и осторожно объяснить, что не следует таким образом отвечать на письмо паши, поскольку согласно 23-й статье Кючук-Кайнарджийского договора Имеретия действительно объявлена находящейся под покровительством Порты.

Тем временем турецкое правительство решило воспользоваться политическим кризисом, вызванным смертью Соломона и неясностью в вопросе престолонаследия. Осенью 1784 г. был выпущен фирман султана о назначении царем Имеретии князя Кайхосро Абашидзе. Великий везир призвал всех жителей царства к единодушному его признанию, угрожая в случае сопротивления вторжением турецких войск. Вскоре турки перешли от слов к делу. В октябре 1784 г. турецкие войска разорили Гурию и стали открыто угрожать Имеретии. Царь Давид Георгиевич смог выставить лишь 4-тысячное войско. Но подошедший на помощь отряд князя Дадзиани позволил выбить турок из Гурии. Остатки раз-

битых турецких войск бежали в Потю, а Кайхосро Абашидзе укрылся в Абхазии, стремясь получить вспомогательные войска от черкесов, с тем, чтобы затем снова попытаться счастье в Имеретии.

Ожидая очередного нападения турецких войск Давид Георгиевич 4 ноября 1784 г. обратился к С.Д. Бурнашева с просьбой прислать русские войска. Однако русский представитель не мог выполнить просьбу царя. Поскольку русские дипломаты не могли обойти 23-ю статью Кайнарджийского мира, военное командование стало искать возможность, не провоцируя турок на начало войны, в то же время не допустить занятия турецкими войсками Имеретии, что подорвало бы весь проект создания закавказского «барьера». Кроме посылки денег и моральной поддержки в виде обещаний *«милостей от императрицы»*, а также возможного принятия Имеретии под российское покровительство, русское командование на линии в ноябре 1784 г. решилось, в крайнем случае (т.е. вторжения турок в Имеретию), выставить против них в поддержку имеретинцев войско, набранное из кабардинцев и чеченцев¹⁸¹.

Но в это время Порты, потерпев военную неудачу, снова решила обратиться к дипломатии. В декабре 1784 г. в Кутаис вновь прибыл турецкий посол Селим-ага с предложением к Давиду Георгиевичу от султана признать его царское достоинство. Царь отказался, ожидая результатов своего посольства в Петербург. Выехавшее еще в октябре 1784 г. в Россию имеретинское посольство (католикос Максим, сардар князь Зураб Церетели и верховный судья Давид Квинихидзе) наконец прибыло в Петербург, и в декабре было принято Екатериной II. Но переступить через 23-ю статью Кайнарджийского договора русское правительство снова не решилось. Послам были вручены подарки, а затем предложено ожидать.

181. Маркова О.П. Указ. соч. С. 199.

* * *

Борьба за политическое влияние в Имеретии между Российской империей и Портой являлась частью их противоборства на пространстве всего Закавказья. Георгиевский трактат серьезно встревожил турецкое правительство. В сентябре 1783 г. русский посол Я.И. Булгаков доносил, что Константинополь будоражит слухами о воинственных предприятиях русских и грузин¹⁸². Особенное беспокойство вызвало строительство в 1783-1784 гг. Военно-грузинской дороги. *«Проклятые российской армии, – писал Сулейман-паша ахалцихский в марте 1784 г. Ибрагим-хану шушинскому, – проложили путь через Кавкас и дорога ими сделанная облегчает им вести не только нужные вещи, но и артиллерию и все что к продовольствию потребно. Их армии вступают исподволь в Грузию и в исходе лета <и> все сии проклятые армии вступят с тем, что впасть в Персию и пределы отоманские, поглотить нас, как быстрый летний ток наводнения поглощает все, где протечет»*¹⁸³.

Порта была напугана угрозой русского масштабного военного вторжения в Закавказье. На действия Петербурга турецкое правительство ответило концентрацией войск в крепостях, пограничных с Закавказьем пашалыков. Одновременно Порта попыталась путем переговоров с Ираклием II вынудить его отказаться от союза с Российской империей. Так, ахалцихский Сулейман-паша посылал царю заверения в сохранении прежних к нему чувств по причине дружеского расположения Ираклия ко двору султана и «условию» с ним. Паша напоминал

182. Бумаги Булгакова ... // Сб. РИО. Т. 47. С. 81-82, 83-90.

183. Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии. Тб., 1980. Вып. 1. С. 152.

царю о договоре Восточной Грузии с Портой, заключенного в 1776 г. Уговоры сменялись угрозами и наоборот.

Но особые усилия Порты обратила на сколачивание коалиции из местных правителей, направленной против царя Ираклия II. Осенью 1784 г. по повелению султана в Закавказье прибыли турецкие эмиссары во главе с Халиль-эфенди, главной задачей которых являлось заключение союза с «адербайджанскими» и дагестанскими ханами и владетелями против Российской империи и Картли-Кахетии. В этой миссии Халиль-эфенди активно помогал Сулейман-паша, который рассылал ко всем закавказским правителям воззвания с призывом правоверных на войну против русских, а также копию русской ноты, извещавшей Порту о принятии царя Ираклия II под защиту Российской империи¹⁸⁴. Халиль-эфенди, проехав весь Дагестан, Ширван и Карабах, затем завернул в Эривань, после чего снова вернулся в Шушу к Ибрагим-хану, где обосновал свою штаб-квартиру. По словам Джевдет-паши, султанский двор прилагал немалые усилия *«чтобы задобрить дагестанский народ, прославившийся своей силой, преданностью вере своей и чрезвычайной храбростью; препровождены были к нему приготовленные в столице царские подарки и милости для раздачи предводителям этого народа с целью пробудить его к священной войне этими подарками и назначением содержания приказано приласкать храбрецов и воинов... и употребить их в дело в минуты надобности»*¹⁸⁵. Агитация эфенди имела определенный успех, поскольку в январе 1784 г. в Шуше собралось 8-ми тысячное войско из отрядов сыновей и младших родственников дагестанских владетелей¹⁸⁶.

184. Маркова О.П. Указ. соч. С. 203.

185. Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской Порте (1775-1784). // РА. 1888. Кн. 1. С. 382.

186. Маркова О.П. Указ. соч. С. 204.

Однако действия Халиль-эфенди были нейтрализованы ответными шагами русского военного командования. Узнав о сборе войска в Шуше, П.С. Потемкин тут же послал к дагестанским владельцам письма с настоятельной просьбой отозвать своих сыновей и родственников от Ибрагим-хана. Просьба-приказ была исполнена, и отряды дагестанцев ушли из Шуши. Вслед за этим, чтобы ослабить действие турецкой агитации и показать, что две империи находятся в мире, Потемкин разослал в феврале 1784 г. ко всем правителям Закавказья извещение о заключении между Россией и Турцией конвенции о Крыме. Обратные посланные русские офицеры возвратились с письмами владельцев, выразившими желание быть верными России¹⁸⁷.

Осенью 1784 г. в Закавказье прибыло новое турецкое посольство во главе с Ибрагим-эфенди. Результатом его деятельности (осень 1784 – весна 1785 гг.) стало заключение военного союза между ахалцихским пашой и рядом местных владельцев – ширванским, нухинским, карабахским, хойским ханами, джарскими старшинами и др. Депутаты от союзных ханов вместе с Ибрагим-эфенди направились в Константинополь. Реального союза не получилось, прежде всего, потому, что не состоялась экспедиция русских войск в Закавказье, слухи о которой, собственно, и побудили враждебных царю Ираклию ханов и владельцев объединиться с турками.

* * *

1785 г. стал для русского военного командования и царя Ираклия II периодом военно-политического кризиса. Именно в этот момент дали, в полной мере, себя знать иллюзии и просчеты русского командова-

187. Там же. С. 205.

ния в политике создания закавказского «барьера». То, что вопреки ожиданиям, ситуация ухудшается, для П.С. Потемкина стало ясно еще в сентябре 1784 г., когда он побывал в Тифлисе. Лично ознакомившись с внутривнутриполитическим устройством Картли-Кахетинского царства, Потемкин пришел к неутешительному выводу о «*неустройстве царства Грузинского*». В январе 1784 г. П.С. Потемкин запрашивал Г.А. Потемкина: «*Не устройство царства Грузинского преходит всякое понятие. Повелено ль будет давать царю мнение и советы о перемене положения царства и постановления в нем порока?*»¹⁸⁸. В целом у командующего Кавказской линией возникли серьезные сомнения в том, сможет ли Грузия в случае необходимости оказать серьезное сопротивление Турции, поскольку против грузинского царя и его политики сближения с Россией действует очень сильная оппозиция¹⁸⁹.

Опасения русского командования подтверждали сами грузины. В ноябре 1785 г. представитель царя Ираклия II в Петербурге князь Гарсеван Чавчавадзе писал Г.А. Потемкину, что одному царю не совладать с внешними врагами, так как Грузия «*растерзана почти внутренними злодеями*», т. е. оппозиционно настроенными к царю представителями картлийской знати. Возможно, именно в период кризиса 1785 г. царь Ираклий под влиянием переписки с Гарсеваном Чавчавадзе начал задумываться об установлении другого, более тесного формата отношений с Российской империей. Последний, по мнению грузинского посла, привел бы к появлению в Грузии благоустроенных городов и фабрик, развитию торговли. Надо было только придумать способ установления более тесных связей с империей. Так, Чавчавадзе предлагал пожаловать Г.А. Потемкину

188. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 721.

189. Бутков П.Г. Указ соч. Ч. 2. С. 32, 155-156.

владения в Грузии, а также выдать замуж за него дочь царя Анастасию. *«К неисцелимой болезни должно изыскивать и сильные лекарства»*, – подводил итог своим рассуждениям посол царя¹⁹⁰.

Та же болезнь – внутренние междоусобицы – поразила Имеретию, в которой в 1785 г. с новой силой вспыхнула борьба между царем и оппозиционной знатью. В рапорте от 23 мая 1785 г. полковник С.Д. Бурнашев доносил П.С. Потемкину о том, что царевич Давид Арчилович и его партия в борьбе за царский престол готовы воспользоваться помощью турецкого султана. Русское командование обратилось к царю Ираклию с тем, чтобы он снова помог разрешить кризис и не допустить вмешательства турок в дела Имеретии. Царь послал туда своего зятя князя Цицишвили с тем, чтобы предложить всем сторонам конфликта собраться в Сурами для примирения. Однако все оказалось напрасно: ни предложения Ираклия своему внуку, ни письма Г.А. Потемкина царю Давиду с указанием на то, что *«раздоры их могут подвергнуть Имеретию самым бедственным следствиям и сделать ее добычею своих злодеев»*¹⁹¹, ничто не могло умереть честолюбие имеретинских князей.

Внутренняя слабость грузинских царств особенно стала заметной на фоне усилившихся в 1785 г. внешних нападений. Туркам не удалось создать эффективную коалицию закавказских ханов против царя Ираклия II, зато ахалцихскому Сулейману-паше в полной мере удалось использовать лезгинский фактор. Уже в июле 1784 г. полковник С.Д. Бурнашев доносил: *«Дороги все заражены в Грузии лезгинами, большей частью со стороны турецкой»*. Объясняя это, С.Д. Бурнашев писал: *«когда*

190. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 214.

191. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 191.

вступили войска русские в Грузию, Сулейман паша получил повеление от Порты призвать 4000 дагестанцев, на что и деньги ему присланы и всеми мерами старается разорить Грузию и беспокоить российские войска оставляя сие действие на его собственное распоряжение с уверением однако ж, если каким-нибудь случаем подает он причину к неудовольствию российскому двору, то Порта его защищать будет. Двор турецкий приказал разорить Грузию для следующих резонов: «1. Привести Грузию в столь бедное состояние дабы сия земля не могла продовольствовать не только знатные корпус, но и находящихся теперь российских войск. 2. Устрашить протчие окрестные области дабы не последовали примеру Грузии и не искали протекции российской». В ноябре 1784 г. уже Ираклий писал П.С. Потемкину: «Давно что такое замешательство не случалось в Грузии»¹⁹².

Весной 1785 г. начались массированные вторжения лезгино-турецких отрядов на грузинские земли. Два русских батальона егерей при столкновении с партиями лезгинов постоянно одерживали верх, но имевшихся в распоряжении царя Ираклия и полковника С.Д. Бурнашева сил не хватало, чтобы сдержать лезгино-турецкий натиск. Грузинские войска оказались плохими союзниками, часто мешали действиям русского отряда. Пытаясь защитить грузинские земли от нападений конных партий лезгин и турок, русские егеря вынуждены были очень быстро перемещаться с одного места на другое, что сильно их изматывало. Поэтому уже в октябре 1784 г., воочию убедившись в трудном положении русского отряда в Грузии, П.С. Потемкин просил у светлейшего заменить изнуренные батальоны свежим полком¹⁹³. Но замена так и не прибыла. Тем временем,

192. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 180, 187; Кортуга Н.М. Указ. соч. С. 224.

193. Маркова О.П. Указ. соч. С. 212.

собранное усилиями Сулейман-паши 20-ти тысячное войско Умма-хана аварского смогло причинить большой вред Ираклию, разорив его завод и серебряный рудник в Борчалы.

В Петербурге и на Кавказской линии видели, что ситуация все больше и больше ухудшается, и необходимо принять адекватные ответные меры. Выход напрашивался сам собой – увеличить количество русских войск. Об этом просили царь Ираклий II, его представитель в Петербурге князь Гарсеван Чавчавадзе, а также полковник Бурнашев. Русское военное командование понимало, что малое число русских войск только провоцирует нападения на грузинские земли, давая повод, но не обеспечивая защиту. В октябре 1785 г. Г.А. Потемкин уже писал императрице, что турки не оставят Грузию в покое, и стремятся ее разорить для того, чтобы лишить русские войска продовольствия, а также чтобы соседние области *«удалить от искания покровительства России»*¹⁹⁴.

Надо было посылать дополнительные войска, но их просто не было. В ответном письме от 15 августа 1785 г. на очередной запрос полковника С.Д. Бурнашева временно исполнявший должность командира Кавказского корпуса генерал Леонтьев писал: *«скажу вам и о здешних обстоятельствах: генерально все окружающие наши границы Горские народы взбунтовались... По сей притчние все находящиеся здесь войска употреблены на отвращение бунтовщиков и по обширности линии расставлены в разных местах. Сие же замешательство препятствует приступить к поправлению Грузинской дороги... пройти же без поправления дороги с артиллерию и обозами никак невозможно»*¹⁹⁵. Кроме того, в Петербурге и на линии опасались, что посылка

194. Там же. С. 209.

195. Бурнашев С. Указ. соч. С. 30.

дополнительных войск может вызвать войну с Портой, чего всячески старались избежать. Не имея возможности подкрепить свои войска в Грузии, командование попыталось договориться с турецкими пограничными пашами и предводителем лезгин Умма-ханом аварским. В результате Ираклий вступил с аварским ханом в сделку: за 10 тысяч рублей единовременной выдачи и 5 тысяч ежегодного жалования последний отказывался от нападений на Грузию по приказу султана.

* * *

Между тем, русское командование на линии понимало, что только требованиями к турецким пограничным властям о прекращении нападений, а также фактическим подкупом некоторых дагестанских владельцев складывавшуюся негативную ситуацию в Закавказье не исправить. В Петербурге уже готовились к неминуемой войне с Портой, отношения с которой все более и более обострялись. Предвидя, что русских войск не хватит на то, чтобы вести войну с Турцией сразу на нескольких театрах военных действий, Г.А. Потемкин выдвинул план стабилизации ситуации на Кавказе политическими средствами. Ставку решили сделать на организацию локальных, дружественных России альянсов закавказских правителей, а также на организацию «земского войска» из горцев, которое должно было восполнить нехватку военных сил для обороны царя Ираклия и его возможных союзников.

Главным средством для реализации этого плана, с точки зрения Г.А. Потемкина, должна была стать особая региональная дипломатия, направленная на пробуждение симпатий к Российской империи со стороны всех народов Кавказа. Управление кавказским «пограничем» должно было идти через установление личных

связей командования с многочисленными кавказскими владетелями. 26 августа 1786 г. Екатерина II утвердила «Положение о горских народах» и проект организации «земского войска», а рескриптом от 15 октября 1786 г. наделила Г.А. Потемкина чрезвычайными полномочиями на ведение переговоров и заключение соглашений с «окрестными владельцами». Объясняя в письме от 13 декабря 1786 г. Я.И. Булгакову свой план действий на Кавказе, Г.А. Потемкин писал: *«Имея полную мочь е.и.в. на принятие народов тамошних под державу и в службу ее величества и на заключение с ними постановлений, спешу я произвести в действие сии предположения, обеспечивающие Грузию от бедствий, кои она прежде была подвержена, предохраняющие от набегов границы наши и утверждающие всегдашнюю того края от России зависимость»*¹⁹⁶. Для организации земского войска из горцев решено было выделить по 50 тыс. рублей¹⁹⁷.

Что касается *«принятия народов тамошних под державу»*, то здесь русское военное командование, поняв ошибочность первоначального намерения делать ставку только на царя Ираклия II, вспомнило о Фаталихане дербентском. Осенью 1786 г. от него прибыл на линию мирза Садык с письмом, в котором хан писал, что имеет *«не слабую возможность»* быть полезным императрице в отношении Турции, Дагестана и соседних ханств¹⁹⁸. В ответ послу был передан присяжный лист для оформления вступления Фатали-хана под российское покровительство. В начале июня 1787 г. хан прислал вместе с мирзой Садыком подписанный им присяжный лист. Обрадованный этим событием Г.А. Потемкин писал 14 августа 1787 г. Безбородко: *«Фет Али-хан дер-*

196. Собственноручные бумаги кн. Потемкина-Таврического // РА. 1865. Кн. 4. С. 410.

197. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 628.

198. Там же. С. 729.

бентский идет в подданство, сие открывает новые способы»¹⁹⁹.

Принятие под покровительство Российской империи дербентского хана, побудило других дагестанских владетелей просить о том же. В феврале 1787 г. на линию прибыло посольство от шамхала Тарковского с прошением о принятии его в подданство. Прошение о покровительстве для предварительного рассмотрения прислал Умма-хан аварский, которому русские военные власти в связи с организацией «земского войска» назначили ежегодное пособие в 6 тыс. рублей, а также прислали перстень стоимостью в 2 тыс. рублей. В мае 1787 г. учтливое письмо, а также освобожденного из плена русского гренадера, прислал П.С. Потемкину давний турецкий протезе казикумухский хан. Так или иначе, дагестанские владетели стремились продемонстрировать свою лояльность Российской империи в преддверии русско-турецкой войны.

Началось сближение Фатали-хана с Ираклием II. Почвой для союза стал страх перед усиливавшимся Агай Мухаммед-ханом. Заключение союза между двумя сильнейшими правителями Закавказья всеми силами способствовало русское командование. *«Польза сия тем ощутительна, – писал П.С. Потемкин 6 декабря 1786 г. Фатали-хану, – что как царь грузинский Ираклий, так и вы, почтенный хан, имеете ближайшее соседство с владельцем, который ищет вас всех, ложно льстя, дружбой обманывая»²⁰⁰.* Под владельцем имелся в виду Ага Мухаммед-хан. В марте 1787 г. между Ираклием II и Фатали-ханом был заключен союз, согласно которому хан обязывался теперь отвлекать силы других «адербайджанских» ханов от нападений на Грузию. Вместе с тем, союз развязывал Фатали-хану руки для борьбы с Ага Мухаммед-ханом.

199. Цитата по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 224.

200. Там же. С. 221.

В удачно складывавшейся для русского командования политической мозаике Закавказья не хватало еще одного элемента. К союзу Фатали-хана и Ираклия необходимо было привлечь имеретинского царя. *«Потцитесь, ваше превосходительство, – писал Г.А. Потемкин 26 августа 1787 г. командующему на Кавказской линии П.И. Текелли, – царей Ираклия грузинского и Давида имеретинского соединить союзом. Общими силами с присоединением Фет Али-хана в состоянии они будут одержать преимущество над врагами нашими»*²⁰¹. Но сделать это было невозможно из-за внутренней ситуации в Имеретинском царстве, где вспыхивали бунты крестьян, и продолжалась борьба царя с оппозиционной знатью. Пользуясь ослаблением центральной власти, представители знати снова стали продавать в рабство туркам своих соотечественников. Все это подтачивало военные возможности царства. Кроме того, возвращение имеретинского посольства после двух лет пребывания в России без ожидаемого результата, разочаровало царя и часть знати. Царь не понимал позицию Петербурга. Летом 1787 г. он снова посылает в Петербург своего посла Бессариона Габашвили с той же настоятельной просьбой принять под покровительство и прислать войско.

И все же, в 1786 г. ситуация в Закавказье для грузинского царя и русского командования стала постепенно улучшаться. К этому времени с политической арены Закавказья исчезла такая крупная фигура как Ахмедхан Хойский, который в начале 1786 г. был убит своим племянником Меик-ханом. В ханстве началась междоусобная борьба. Падение ранее мощного в военном отношении Хойского ханства, которое Порты пыталась сделать одним из центров для сколачивания коалиции закавказских ханов против Грузии, резко облегчала для

201. Там же. С. 222.

Ираклия ситуацию. Из турецких протеев в Закавказье опасным оставался только Ибрагим-хан шушинский, который в 1786 г. неудачно попытался вытеснить Ираклию из Гянджи и Эривани. Но к этому времени грузинский царь уже имел сильного союзника в лице Фатали-хана, быстро организовавшего несколько походов против Шушинского ханства. Оказавшийся в изоляции, Ибрагим-хан направил письмо с просьбой о помощи в Константинополь. Но к этому времени планы Порты уже изменились.

* * *

Между тем, в 1786-1787 гг. Петербург продолжал прилагать дипломатические усилия, чтобы реализовать проект создания закавказского «барьера». Русским дипломатам необходимо было, с одной стороны, договориться с Портой о прекращении набегов лезгин на грузинские земли со стороны ахалцихского пашалыка, а с другой, снова попытаться добиться от сильнейшего из претендентов на шахский престол в Иране обещания уступить армянские провинции, в обмен на российскую поддержку.

15 ноября 1785 г. императрица предложила Я.И. Булгакову добиваться у Порты созыва конференции и на ней представить мемориал с требованием удаления и наказания ахалцихского паши, а дальнейшие изъяснения прекратить. 8 января 1786 г. мемориал был подан, но турецкое правительство с ответом не спешило²⁰². Не получая ответа, из Петербурга 15 июля 1786 г. предложили Я.И. Булгакову выразить турецкому правительству готовность взять на себя ходатайство перед императрицей о том, чтобы она согласилась довольствоваться строгим воспрещением паше *«подкреплять лезгин*

202. Бумаги Булгакова ... // Сб. РИО. Т. 47. С. 143.

и с ними или кем либо бы то ни было другими касаться пределов подданного нашего, царя картлинского, нападать на его владения и приключать грабительства и разорения»²⁰³.

Только через шесть месяцев Порты дала резкий отрицательный ответ, который чрезвычайно задел Екатерину II. 8 августа 1786 г. Я.И. Булгакову было предложено *«изъяснить турецкому министерству всю непристойность выражений ответного их мемориала и особливо о царе карталинском, которого мы приняли однажды в наше подданство со всеми его народами и областями»*. О непристойности турецкого ответа Булгаков должен был говорить с французским послом²⁰⁴. Вмешательство Франции, которая в это время стремилась к сближению с Россией и предлагала заключить договор о дружбе и торговле, разрядило ситуацию и до объявления войны на этот раз дело не дошло. Усилия французского посла в Константинополе Шуазель-Гуффье привели к тому, что Порты отправила Сулейман-паше запрещение лезгинам производить грабительские набеги²⁰⁵.

Но фирман султана мало повлиял на политику ахалцихского паши. Тем более, что в самом Константинополе полностью одобряли действия паши, о чем ему, конечно, было известно. В донесении от 1 июня 1786 г. Я.И. Булгаков сообщал со слов своих конфиденентов о заседании дивана по грузинскому вопросу: *«...на совете, держанном у муфтия 21-го мая, ничего не решено. Все были того мнения, что Сулейман-паша есть человек весьма нужный в Ахалцыхе, потому, что знает коротко землю, жителями своей губернии любим, имеет связь со всеми соседними ханами и народами, искусен,*

203. Там же. С. 169.

204. Там же. С. 172.

205. Там же. С. 184-185.

храбр и верен, и что наконец он есть один, могущий защитить с сей стороны границы. Заключая по сему, что никто другой не в состоянии сделать того, чего от него ожидают, все пребывают в том мнении, что пока он останется в Ахалцыхе, Россия не может утвердить прочно своего владения в Карталинии, а сменив его и послав туда другого, она пользуясь спокойствием, найдет время сильно там укрепится, и когда только захочет, завладеть Азиею... Одним словом, почитают онаго пашу единственною оградю с сей стороны, и думают, что когда Россия возможет единойды там усилиться, то не должно будет уже считать, чтобы Азия принадлежала Порте»²⁰⁶.

Оставалось только одно средство – военная демонстрация. 13 декабря 1786 г. Г.А. Потемкин известил русского посла в Константинополе, что ему даны полномочия силой защищать право России. В письме говорилось: «Препровождаю здесь выписку из высочайшаго Ея Императорскаго Величества мне повеления касательно вверенной мне начинать военные действия и отозвать вас из Константинополя, когда обстоятельства того востребуют. Ея Императорское Величество желает иметь полныя от Порты удовлетворения. Я уполномочен удерживать право Ея силою, войска в полном движении, одна только скорость исполнения может удержать действие оружия»²⁰⁷. Русскому послу предписывалось созвать конференцию, на которой потребовать от Порты дать удовлетворение по нескольким пунктам, в том числе, по грузинскому вопросу. Следующим предписанием Г.А. Потемкина от 25 декабря 1786 г. Булгакову предписывалось жестко потребовать от Порты гарантий того, что ахалцихский паша оставит грузинского царя «в полной тишине и спокойствии».

206. Там же. С. 164-165.

207. Собственноручные бумаги ... // РА. 1865. Кн. 4. С. 408.

В конце концов, Петербургу удалось добиться от Порты обещания второй раз послать ахалцихскому паше фирман с запретом принимать у себя лезгин. Но пользы от этого было мало.

В это же время русское военное командование продолжало в Иране поиск подходящего, сильного кандидата на шахский престол, который бы согласился бы на учреждение Армянского царства. *«Точнейшее познание сил и состояния знатнейших владельцев теперь необходимо...»,* – писал Г.А. Потемкин 8 мая 1785 г. П.С. Потемкину, – *Я рекомендую вам, ласкать отлично хана астрабадского, если он усилился, не потерял еще преимуществ, одержанного чрез разбитие войск Али Мурад-хановых. Но если кто другой успел превзойти его, то и тому подослать стороной внушать, чтоб прибег к е.и. В-ву. Я не поставляю произведения сего трудным. Али Мурад-хан умер, но желание шахства не умрет ни в ком»*²⁰⁸.

Однако все оказалось не так просто, как хотелось. Смерть Али Мурад-хана освободила дорогу к трону для Ага Мухаммед-хана, который до этого воздерживался от решительных действий, так как не мог соперничать с популярностью умершего хана. В своей книге С.Р. Кишмишев пишет, что когда Ага Мухаммед-хан узнал о смерти Али Мурад-хана, он воскликнул: *«Нет более препятствия к трону для славы Ирана. Только и только со смертью «уважаемого кривого» могу, наконец выполнить свои заветные мечты»*²⁰⁹. Довольно быстро Ага Мухаммед в 1785 г. взял под контроль территорию Южного Азербайджана, а затем в в 1786 г. уничтожил Джапар-хана. Теперь основным противником Ага Мухаммед-хан являлся Лютф Али-хан, правитель Шираза.

208. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 215.

209. Кишмишев С.Р. Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889. С. 240.

Но из двух оставшихся претендентов на шахский трон, ни один не являлся выгодным для Российской империи. Лютф Али-хан, владения которого находились довольно далеко от русских границ, больше тяготел к Англии, от которой надеялся получить денежную и военную помощь. Что касается Ага Мухаммед-хана, то затеянные Г.А. Потемкиным в 1787 г. переговоры с ним показали, что несмотря на желание быть в дружбе с Россией, хан не собирался отказываться от своих верховных прав на Восточное Закавказье.

* * *

Тем временем турецкое правительство начало дипломатическую контригру. Видя провал своих попыток поднять против царя Ираклия и России дагестанских и закавказских правителей, Порты опасалась, что в случае начала войны с Россией, грузинский царь сможет тревожить пограничные пашалыки набегами. Поэтому было решено вступить в переговоры с Ираклием, который в свою очередь также стремился к установлению мирных отношений с Константинополем. Несмотря на то, что расклад политических сил в Закавказье стал более благоприятным для Грузии, основная угроза царству – лезгино-турецкие набеги, не была ликвидирована. Выходов было только два: либо добиться от Петербурга увеличения количества войск, либо попытаться договориться с турками.

В сентябре 1786 г. ахалцихский Сулейман-паша прислал царю письмо, где излагались основные положения предлагаемого договора, суть которых сводилась к тому, что царь должен был выслать из Грузии русские войска, или же в случае, если они останутся, не вводить новых, а со своей стороны паша обещал изгнать из пашалыка всех лезгин и больше их не приглашать, а также

не призывать других закавказских правителей разорвать грузинские земли, утвердить за Ираклием владение Гянджой и Эриванью²¹⁰. Однако царя не устраивал пункт о выводе русских войск, и он отказался вести переговоры в этом направлении. Тогда Сулейман-паша предложил заключить сепаратное соглашение о ненападении. В ходе турецко-грузинских переговоров, который закончился в октябре 1786 г., были выработаны следующие условия соглашения. Царь обязался не держать более 3 тысяч русского войска и не воевать с пашой; в случае обиды царь мог защищаться своими и русскими войсками; Сулейман-паша брал обязательства не позволять лезгинам и дагестанцам нападать на Грузию, брать в плен грузин и торговать ими; не вести с соседними властями переговоров против царя Ираклия; не разрешать сбора турецких войск на границах Грузии²¹¹.

Уступкой со стороны Ираклия стала согласие на условие не вводить русских войск сверх обозначенного количества в 3 тыс. человек. Это вызвало недовольство в Петербурге, поскольку согласно Георгиевскому трактату уступка превышала полномочия царя. В письме Булгакову от 13 декабря 1786 г. Г.А. Потемкин писал: *«за нужно я считаю дать вам знать о примирении царя Ираклия с пашею Ахалцихским Солиманом. Условия, между ими постановленные, в копии здесь следуют. Ваше превосходительство найдете тут один артикул несколько странный, коим ограничивается в Грузии число войск Российских. Но сие положение, не заключающее впрочем, важности, приписую я торопливости царя и незнанию дел. Вам предоставляется из упомянутых условий извлечь только то, что полезно быть может»*²¹². В Петербурге, разобравшись

210. Кортау Н.М. Указ. соч. С. 264.

211. Маркова О.П. Указ. соч. С. 230.

212. Собственноручные бумаги ... // РА. 1865. Кн. 4. С.407.

в ситуации и еще раз выговорив царю, что надо соблюдать Георгиевский трактат т. е. сначала советоваться, а затем заключать договоры, задним числом одобрили соглашение царя с ахалцихским пашой. Собственно недовольство, скорее всего, вызвало то, что уступки царя совпали по времени с упорными переговорами, которые вели русские дипломаты в Константинополе относительно протектората России над Грузией.

Однако уступки, сделанные грузинским царем туркам, объяснялись не «торопливостью» или «не знанием дел», а оказываемым на него давлением со стороны ближайшего окружения. Во главе этой турецкой придворной партии стояла царица Дареджан. Согласно П.Г. Буткову, в первые годы супружества царица не имела влияния на государственные дела, но, когда ее сыновья и дочери достигли совершеннолетия и стал сказываться преклонный возраст царя, она начала энергично отстаивать права своих детей. У нее тут же появились сторонники, и царица стала участвовать в царских советах, так, что со второй половины 1780-х гг. все важные дела решались только с ее согласия, поскольку она стала пользоваться неограниченным доверием царя²¹³. Царица всеми силами стремилась обеспечить своих сыновей уделами, а старшего из них – царевича Юлона, объявить в обход своего пасынка Георгия (старшего сына царя Ираклия от первого брака) наследником грузинского престола.

Деятельность царицы Дареджан в пользу Турции была настолько явной, что в донесении от 2 июня 1787 г. полковник С.Д. Бурнашев прямо писал П.С. Потемкину, что царица, желая разделить царство на уделы для своих сыновей, видит в нахождении в Грузии русских войск главное препятствие своим планам. Поэтому она и некоторые грузинские князья уверяли турецкое прави-

213. Бутков П.Г. Указ соч. Ч. 2. С. 156.

тельство *«в возможности отклонить царя от союза с Россией»*²¹⁴. Напомним, что сохранение единства царства, без раздробления его на уделы, было одним из условий, на котором негласно настаивало русское правительство накануне заключения Георгиевского трактата. Именно с целью убедить царя Ираклия не делить Грузию на уделы был послан летом 1783 г. в Тифлис полковник Томара. Поэтому союз с Россией мешал царице Дареджан достигнуть его главной цели, обеспечить властью своих сыновей.

Между тем, переговоры с Сулейман-пашой затягивались, поскольку его главной целью было добиться вывода русских войск и расторжения союза Грузии с Российской империей. В мае 1787 г. он прислал условия ратификации договора: удалить чужеземные войска, уничтожить новую дорогу в Россию, не заключать союзов с другими государствами и прислать султану заявление о своей преданности. Ираклий отказался, несмотря на давление со стороны части придворных, в том числе царицы Дареджан. В результате турки вынуждены были пойти навстречу, и летом 1787 г. договор был ратифицирован султаном.

* * *

К началу 1787 г. отношения между Российской империей и Портой обострились до предела. В апреле того же года, А.А. Безбородко сообщал в письме к С.Р. Воронцову: *«... дела завязываются серьезно. Турки не хотят нигде уступить, не наименовав царя Ираклия своим вассалом, стараются возмутить побережных Персидских ханов»*²¹⁵. Впрочем, в будущей войне Кон-

214. Цит. по: Кортау Н.М. Указ. соч. С. 260.

215. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. С. 89.

стантинополь возлагал особые надежды и на поддержку Северного Кавказа²¹⁶. 26 июля 1787 г. рейс-эфенди предъявил русскому послу в Константинополе Булгакову ультиматум: возвратить Турции Крым, признать верховные права Османской империи над Крымом и Грузией, допустить турецких консулов в Крым, выдать господаря Молдавии Маврокордато. В июле/августе 1787 г. Петербург еще пытался оттянуть начало войны, заявляя через своего посланника, что Россия больше не настаивает на том, чтобы Порта признала Георгиевский трактат, но требует, чтобы турки не называли царя Ираклия своим подданным. При этом подчеркивалось, что свое право покровительства грузинскому царю Российская империя ставит превыше всякого сомнения. Но Порта, в свою очередь, также категорически заявляла, что не может пойти ни на какие уступки в грузинском вопросе.

В итоге, 13 августа 1787 г. Порта объявила войну России. Характерно, что в манифесте, изданным султанским двором по случаю объявления войны России, в числе обид причиненных российской стороной, на втором месте после присоединения Крыма был поставлен именно Георгиевский трактат. *«Хотя, во внимание к тишине и спокойствию подданных той и другой стороны, был заключен мир между Блистательною Портою и русским двором, – говорилось в манифесте, – последний не переставал, тем не менее, предъявлять требования противныя дружбе и, в особенности, в противность условиям и обязательствам, стал непредвиденно владельцем Крыма, что составляло основу Кайнарджийскаго трактата; помимо этого, был еще издан сенед, обуславливавший, что*

216. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984. С.73.

всякое новое разногласие будет навсегда устранено к вящему спокойствию и оговорено трактатом; что всякая ненависть, всякое злокозненное действие, как открытое так и тайное, должны быть прекращены с той и другой стороны. Но русский двор побудил (к возманию) хана тифлисского, в грамоте которого ясно обозначен суверенитет Блистательной Порты, вступил своими войсками в территорию Тифлиса и попечением, которое оказывал этому хану, посеял смуты в Грузии и в сопредельных областях и ответил отрицательно на представления сделанные с тем, чтобы он (русский двор) от того отступился...»²¹⁷.

Таким образом, попытка русского правительства создать закавказский «барьер» с целью ослабить и предотвратить противоборство между Ираном, Турцией и Россией, наоборот, спровоцировала новый жестокий конфликт. Турецкий историк Джевдет-паша писал: *«Гюрджистанский вопрос был главной причиной войны. Порта не хотела признать за русскими присваиваемое ими право покровительства в отношении Эrekli-хана. Так как спор этот не прекращался, то и отдан он был наконец на разрешение действию острых мечей»²¹⁸*. Конечно, Джевдет-паша преувеличивал, грузинский вопрос являлся одной из причин в комплексе противоречий двух империй, приведших к войне.

Следует добавить, что разрыв мира между Россией и Портой был во многом также спровоцирован действиями европейских держав – Англии, Пруссии и Швеции, каждая из которой имела свои претензии к Российской империи. В одном из своих донесений Я.И. Булгаков, обрисовывая слабость Порты, указывал, что султан Абдул-Гамид не хочет войны, но не может этого избежать

217. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906. С.44-46.

218. Джевдет-паша. Указ. соч. // РА. 1888. Кн. 1. С. 391.

в силу «посторонних обстоятельств»²¹⁹. Под этими обстоятельствами русский посол подразумевал как раз действия английского и прусского дипломатов в Константинополе. Депешей от 8 августа 1789 г. русский посол в Венеции А.С. Мордвинов информировал со слов венецианского баила о «жестоких объяснениях» рейс-эфенди с английским и прусскими послами. Рейс-эфенди упрекал их в том, что они склонили Порту к объявлению войны России, которая оказалась такой тяжелой и неудачной²²⁰.

Между тем, на пороге войны с Турцией внутреннее положение в Закавказье осложнилось очередными волнениями в Гяндже и Эривани. Царь Ираклий потребовал изгнания из Гянджи Джават-хана ставленника Ибрагим-хана. Гянджа отказалась выполнить требования. В мусульманских владениях Казах и Шамшадиль, подвластных Ираклию, также произошли волнения жителей, которые решили переселиться в Гянджу. Грузинский царь потребовал, чтобы русские войска приняли участие в возвращении контроля над владениями царя. В середине августа 1787 г. грузинский отряд и русский батальон выступили из Тбилиси к Гяндже. Но как раз в это время, 29 августа, С.Д. Бурнашеву пришел приказ о выводе русских войск. *«Его Светлость Повелительный Господин Генерал-Фельдмаршал и Кавалер Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический в порядке от 19 числа сего месяца повелевает, по причине крайнего затруднения в пропитании, находящиеся в Грузии два Егерские баталиона вывести из Грузии на линию»*, – писал в порядке Бурнашеву генерал-поручик П.С. Потемкин²²¹.

219. Бумаги императрицы Екатерины II ... // Сб. РИО. Т. 27. 1880. С. 393.

220. Бумаги тайного советника Александра Семеновича Мордвинова (1752-1832) // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. I. С. 153, 159.

221. Бурнашев. С. Указ. соч. С. 29.

Однако дело было не столько в продовольствии сколько в стратегических расчетах Петербурга в условиях начавшейся русско-турецкой войны. Решение о выводе батальонов было подсказано ходом грузино-турецких переговоров в связи с настойчивыми требованиями Турции об их выводе, а также пониманием того, что дополнительные войска в Грузию послать невозможно. В цитируемом выше ордере на имя российских представителя в Тифлисе П.С. Потемкин особо отметил, что *«пребыванием наших батальонов царь имел более неприятелей, уповательно облежится он от скопов вражеских»*²²². 9 октября 1787 г егерские батальоны С.Д. Бурнашева прибыли во Владикавказ. Между тем, вывод батальонов и отзывание грузинского посла Г. Чавчавадзе из России оправдали себя: фронт в Закавказье так и не был открыт.

222. Там же.

ГЛАВА 3.

Тифлисская катастрофа 1795 г.

Вывод русских войск из Грузии заставил вернуться царя Ираклия II к политике балансирования между Турцией и Ираном, а также организации альянсов с другими закавказскими правителями. Впрочем, начавшаяся русско-турецкая война, а также предпринятые с 1786 г. русским военным командованием усилия по сколачиванию союза Фатали-хана кубинского и дербентского, Ираклия и царя Имеретии значительно облегчили положение Восточной Грузии.

Весной 1788 г. ахалцихский паша возобновил попытки добиться от царя Ираклия разорвать раз и навсегда союз с Российской империи и признать зависимость от Порты. В письме к вице-канцлеру И.А. Остерману от 22 марта 1788 г. грузинский царь писал: *«Ототманская Порта прилагает свои старания чрез денежные издержки и другие средства о завладении ими невременном разорении Карталинии, и буде Е.И.В. чрез предстательство вашей светлости не явит заступления, то не избегнет отечество наше завладения или разорения, могущего произойти от несравненных сил»*. Царь снова просил не только ввести обратно в Грузию егерские батальоны, но даже удвоить их количество²²³. Такое же письмо царь направил генерал-аншефу П.А. Текелли, ссылаясь на то, что в Георгиевском трактате было прописано, что пограничные начальники войск должны делать «вспомоществование» грузинскому

223. Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII века, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т. 2. Вып. 2. С. 66-67

царю. Очевидно, Ираклий надеялся, что, может быть, старый генерал проявит инициативу, введя в Грузию *«хотя малой отряд войска с артиллериею, всенижайше нам пожалованною»*²²⁴.

Ответ Ираклий получил от самого Г.А. Потемкина, который отпуская в апреле 1788 г. в Грузию посла царя Гарсевана Чавчавадзе передал с ним дружественное письмо царю. В нем князь, терпеливо объясняя царю свою стратегию в отношении Грузии и Порты, писал: *«Обстоятельства открывшейся у нас с Портою Оттоманскою войны, когда все силы турецкие устремлены к европейским их границам и на Тавриду, обнадеживают меня, что Грузия, в твердом будучи соединении с Имеретиею, не упустит, чтоб малые остатки неспособных к войне турок восторжествовали над сими храбрыми народами. По отражении с Божией помощью неприятельских покушений, буду я стараться показать вашему высочеству самым делом попечение мое о пользах ваших»*. В конце письма князь стараясь окончательно убедить царя, что Грузии ничего не угрожает со стороны турок, сообщал, что Австрия также объявила войну, что *«более должно понудить Порту к оставлению Грузии в покое»*²²⁵.

Между тем, к осени 1788 г. турецкая армия и флот потерпели ряд сокрушительных поражений от русских войск (1 октября 1787 г. – сражение при Кинбурне, 14 июля 1788 г. – морское сражение у острова Фидониси). Для продолжения войны на Балканах, а также открытия кампании на Кавказе, нужны были пополнения, которые стали перебрасываться на европейский театр военных действий и в Анапу из азиатских пашалыков.

224. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Ереван, 1990. С. 377-378.

225. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774-1788 гг. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6. СПб., 1893. С. 273.

На Северном Кавказе турки попытались развернуть масштабные военные действия с целью, во-первых, отвлечь русские силы с Балкан, а во-вторых, в случае успеха, создать предпосылки для пересмотра здесь русско-турецкой границы, зафиксированной Кючук-Кайнарджийским договором (1774 г.) и Константинопольской конвенцией (1783 г.). Опорными пунктами для турок стали крепости Анапа и Суджук-Кале, которые позволяли не только контролировать пространство южнее Кубани, но также скрытно накапливать войска для последующего удара на северном направлении. Порта рассчитывала на успех, учитывая крайне непростую ситуацию в районе Кавказской линии, где недавно еще действовал шейх Мансур, а горцы готовы были поддержать наступление турецкого корпуса. С начала 1788 г. турки вели активную деятельность по мобилизации черкесов и ногайцев, которые должны были присоединить свои отряды к турецкому корпусу. Весной 1788 г. из Анапы с целью *«приведения кубанских народов к присяге в верности Турции»* выступил небольшой турецкий отряд (160 человек). Командир отряда Салмат-Гирей, посещая окрестных черкесов и ногайцев, раздавая подарки и деньги, сообщил, что вскоре в Анапу и Суджук-кале прибдут значительные турецкие силы, а затем призывал выступить в совместном походе против русских. В конце 1788 г. командующим турецкими войсками на Северо-Западном Кавказе был назначен трёхбунчужный генерал Батал-паша, на которого султан также возложил обязанности кубанского сераскира. Прибывший в марте 1789 г. в Анапу во главе 10-тысячного войска, паша тут же объявил о своем походе к границам Кабарды и призвал горцев и закубанских ногайцев к священной войне. Понятно, что в этих условиях русское военное командование не имело возможности перебросить какие-либо

силы в Грузию. Более того, чтобы противодействовать туркам на Северо-Западном Кавказе генерал-аншефу П.И. Текелли осенью 1788 г. пришлось фактически оголить Кизляр-Моздокскую линию²²⁶.

Но расчеты Г.А. Потемкина полностью оправдались, поскольку, в свою очередь, турки были вынуждены перебросить все боеспособные войска из азиатских пашалыков на Балканы и Северный Кавказ. Осознание того факта, что турецкая граница в Закавказье осталась оголенной, заставило турецкое правительство умерить свои требования в переговорах с грузинским царем. 20 декабря 1788 г. в Тифлис прибыл султанский посол Ибрагим-бек с подарками, деньгами и султанской грамотой. Теперь Порты хотела только мира и спокойствия на своих границах и просила двух заложников. Ираклий II в ответ в качестве уступки отказался от выдвинутого им требования возмещения Грузии убытков, нанесенных лезгино-турецкими набегами, но настоял на том, чтобы все лезгинские отряды, находившиеся в Ахалцихе, были оттуда высланы. Что касается двух заложников, то вместо царевичей Ираклий II прислал двух грузинских князей – Нико Орбелиани и Теймураза Цицишвили²²⁷. Характерно, что русское правительство не было проинформировано о ведении грузино-турецких переговоров и заключении нового мирного договора. Вероятно, царь не хотел провоцировать вмешательство русского командования в ход переговоров с Портой, положительный исход которых был ему очень важен. Кроме того, царь, вероятно, еще находился под негативным впечатлением от вывода русских войск и считал себя вправе действовать независимо от мнения Петербурга в вопросах, касавшихся безопасности своего царства.

226. Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. С. 170, 180-181.

227. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 266.

Если с Портой у грузинского царя отношения к концу 1780-х гг. приняли мирное течение, то со стороны Ирана наметилась серьезная опасность. Ираклий II, как и другие закавказские правители, с тревогой следил за успехами Ага Мухаммед-хана, упорно продвигавшегося к своей заветной цели – шахскому трону. Еще в середине 1780-х гг. грузинский царь попытался наладить отношения с ханом, направив к нему князя Захария Цицишвили с подарками и заверениями в дружбе. В 1787 г. вместе с русским посольством к Ага Мухаммед-хану прибыл посол царя Ираклия князь Заза Сологашвили, через которого хан попросил грузинского царя поспособствовать заключению союза с Российской империей. В благодарность за посредничество царю предлагалась дружба и территориальное вознаграждение за счет земель «адербайджанских» ханств. Другими словами, Ага Мухаммед давал понять Ираклию, что рассматривает его и других правителей Восточного Закавказья в качестве своих вассалов. Одновременно обещая расширить территорию Грузии за счет земель ханств, Ага Мухаммед-хан стремился снова разжечь борьбу между Фатали-ханом и царем Ираклием, которые являлись его наиболее серьезными противниками.

В мае 1788 г. грузинский царь направляет А.А. Безбородко письмо, в котором в первый раз указывает на серьезную опасность, исходящую для Грузии от Ага Мухаммед-хана: *«Ага-Мамет-Хан (коего посланник находится в России) приблизился с многочисленными персидскими силами своими к Карталинским границам и покушается учинить нападение на Карталинию, для чего е. в-во просит Е.И.В. о помощи войсками, или казною»*²²⁸. В июне 1791 г. в письме к Г.А. Потемкину грузинский царь снова обращается к теме Ирана, сообщая, что Ага Мухаммед-хан предпримет наступление на

228. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 66.

Грузию с согласия Порты, которая якобы уступила ему власть над Кавказом. Ввиду этого, он вынужден был обратиться к Порте, чтобы предохранить свое царство от «безвременной опасности»²²⁹. Политика балансирования «между рысью и леопардом», т.е. Ираном и Турцией всегда выручала грузинского царя.

Конечно же, в Петербурге следили за действиями Ага Мухаммед-хана, но пока не находили поводов для особой тревоги. В 1789-1791 гг. некоторое охлаждение и даже враждебность в отношениях между русским военным командованием и Ага Мухаммед-ханом вызвали действия его брата Муртазы Кули-хана, который просил покровительства у Российской империи, и которого в Петербурге рассматривали как возможную альтернативу Ага Мухаммед-хану на шахском троне. В 1789 г. Муртаза Кули-хан попытался закрепиться в Гилянской провинции, для чего ему была даже обещана помощь. Однако его хаотические, авантюрные по характеру действия только запутали русское командование, а затем привели к охлаждению отношений с Ага Мухаммед-ханом. Летом 1789 г. хан приказал блокировать русскую торговую колонию в Энзели, что нанесло существенный вред русско-иранской торговле. Однако Ага Мухаммед-хан, ведя ожесточенную борьбу с последним своим сильным соперником, Люфт Али-ханом из династии Зендов, нуждался в дружественных отношениях с Россией. Поэтому в 1790 г. конфликт был улажен и торговля возобновилась. Муртаза Кули-хан, не добившись успеха в Гиляне, вынужден был бежать в Талыши²³⁰. Русское военное командование на Каспии не стало придавать значение этому конфликту, поэтому в рапорте от 27 августа 1791 г. командующий Каспийской флотилией генерал-майор Шишкин уверял генерала И.В. Гудовича, что

229. Маркова О.П. Указ. соч. С. 285.

230. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1886. С. 300-305.

недоброжелательства хана к России он не наблюдал уже в течение семи лет. Стремясь укрепить дружественные отношения с Ага Мухаммед-ханом, весной 1791 г. Г.А. Потемкин направил ему дружественное письмо, на которое тот в апреле того же года ответил, что желал бы, чтобы слава о «дружестве» Ирана и России *«про-мчалась во все концы вселенной»*²³¹.

* * *

Заключение договора с Портой, позволило грузинскому царю заняться урегулированием дел в Закавказье и Иране. В декабре 1788 г. по приказу царя войска под командованием царевича Вахтанга заняли предместья Гянджи. После месяца осады, в начале 1789 г., Гянджа снова признала своим сюзереном грузинского царя. Действия Ираклия были согласованы с его новым союзником Фатали-ханом, который в переписке с русскими властями постоянно подчеркивал, что будет находиться в дружбе не только с царем Ираклием, но всеми верными престолу ее величества²³². Хан прозрачно намекал на то, что он также как грузинский царь может стать тем региональным лидером, на которого русское командование сможет опираться в Закавказье, прежде всего среди «адербайджанских» ханов.

Действительно, к 1788 г., систематически уничтожая своих политических противников, а также их семьи, и покровительствуя своим союзникам, Фатали-хан добился своего полного доминирования над ханствами Восточного Закавказья. У Аббас Кули-аги Кудси Бакиханова в «Гюлистан-Ирам» читаем: *«Тогда-то окончательно утвердилась власть и влияние Фатали-хана на восточную часть Кавказа. Гасан-хан*

231. Маркова О.П. Указ соч. С. 284.

232. Русско-дагестанские отношений в конце XVI- начале XX вв. Махачкала, 1988. С. 211.

муганский, Мир-Мустафа-хан, сын Кара-хана, содержащийся некоторое время в Кубе и возведенный им в достоинство талышинского хана, и Гидаят-хан, утвердившийся с его помощью в Гиляне, давно были уже ему преданы. Шамхал, усмий, хан казикумукский находились под его влиянием. Аварский хан и мехтулинский владетель принуждены были продолжать с ним мирные сношения. Майсум и кадий Табасаранские зависели от него. Все казии и почетные лица вольных дагестанских обществ объявили ему преданность. Сверх наследственного своего удела – Кубы, Сальян и Дербента – он совершенно овладел Ширваном. Несовершеннолетний племянник его, хан бакинский, находился под его опекой. Кроме того, многие ханы Азербайджана, как-то карадагский, тавризский и др., по причине смутных обстоятельств в Персии искали его покровительства»²³³.

В Петербурге Фатали-хану решили подыграть. Князь Г.А. Потемкин предлагал императрице сделать его «королем», верховным правителем среди остальных «адербайджанских» ханов. «До времени поманить его сим можно», – писал Г.А. Потемкин в марте 1788 г. А.А. Безбородко²³⁴. В принципе, в Петербурге были готовы реализовать в том или ином виде старый план создания из «адербайджанских» ханств Албанского царства, однако вопрос состоял в том, насколько можно было доверять Фатали-хану. Тем не менее, русское командование благосклонно смотрело на укрепление союза между царем Ираклием и Фатали-ханом, прочной почвой для которого, как ясно это определил еще в 1787 г. П.С. Потемкин, являлась «каджарская угроза».

В январе 1789 г. на берегу р. Шамхор на территории Гянджинского ханства состоялась дружеская встреча

233. Бакиханов А.К. Гулистан-Ирам. Баку, 1926. С. 138.

234. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 267.

Фатали-хана и царя Ираклия, на которой присутствовали также шекинский и гянджинский ханы. Союзники договорились выступить совместными силами против усилившегося Ага Мухаммед-хана, свергнуть его, а на шахский трон возвести своего ставленника – Назар Али-хана. В ходе этой встречи был решен принципиальный вопрос о разделе между союзниками сфер влияния в Закавказье: Фатали-хан хотел присоединить к своим владениям весь Южный Азербайджан, а Ираклий оставлял за собой Гянджу, Эривань и Нахичевань. Союзники договорились, что в 1790 г. войска Фатали-хана выступят в Южный Азербайджан против Ага Мухаммед-хана и его союзников, а царь Ираклий военными действиями парализует соседние с ним ханства, не давая им возможности оказать помощь Ага Мухаммеду. Грузинский царь также брал на себя обязательство отразить нападение турок в случае, если Порты захочет вмешаться в борьбу между союзниками и Ага Мухаммед-ханом.

Но, удачно складывавшейся альянс наиболее сильных закавказских правителей был мгновенно разрушен последовавшей в марте 1789 г. смертью Фатали-хана. Его наследнику, сыну Ахмед-хану в конечном итоге не удалось удержать под своей властью завоевания своего отца²³⁵. С распадом этого альянса грузинскому царю пришлось искать новых союзников для отражения «каджарской угрозы». В результате Ираклий II помирился с Ибрагим-ханом шушинским, который перед общей для всех закавказских правителей опасностью готов был забыть прежние обиды. К этому новому союзу присоединился Умма-хан аварский, который традиционно подерживал своего родственника Ибрагим-хана шушинского. Но силы этого союза оказались недостаточными, для того чтобы сдержать Ага Мухаммед-хана.

235. Кавказский вектор российской политики (далее – КВ). Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. 1762-1796 / Составители М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2012. С. 739.

В конце 1780-х гг. наметилось окончание смуты в Имеретии, где вокруг Давида Арчиловича внука царя Ираклия стали сплачиваться имеретинские князья, в большинстве своем недовольные политикой Давида Георгиевича. Царь, пытаясь расширить свои владения, развязал новую междоусобную войну. В 1788 г. он попытался присоединить к Имеретии владения только что скончавшегося князя Кации Дадиани. Вступив с войском в Мингрелию, царь выгнал прямого наследника – Григория Дадиани, и посадил здесь своего брата Манучара. В ответ Дадиани примкнул к Давиду Арчиловичу, который не оставлял попыток утвердиться царем в Имеретии. Своему внуку и его новому союзнику решил помочь царь Ираклий II, прислав войско. В битве при Матходжи царь Давид Георгиевич потерпел поражение и вынужден был бежать в Ахалцих. 11 июля 1789 г. царем Имеретии был объявлен Давид Арчилович под именем Соломона II.

В ходе длительных междоусобиц, восстаний крестьян, вторжений лезгин и турок Имеретинское царство сильно ослабло. В среде имеретинских князей возникла мысль объединить Западную и Восточную Грузию в одно царство под властью царя Ираклия II. Но на созванном им совещании предложение было отклонено из опасения спровоцировать Порту на военные действия. Вместо этого в 1790 г. между грузинскими царями и князьями был заключен «союзный трактат» (военно-оборонительный договор между Ираклием II, Соломоном II, Григорием Дадиани и Семеном Гуриели). Первый пункт договора гласил: *«Всех врагов ваших признавать мне врагом моим»*. Далее по тексту цари и удельные князья обязывались прекратить всякие войны, а знать – признать верховную власть своего царя²³⁶.

236. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 68.

Но «союзный трактат» не смог предотвратить очередных междоусобиц. В 1790 г. Давид Георгиевич, собрав в Ахалцихе войско из турок и лезгин, вторгся в Имеретию и разбил Соломона II, который бежал к Ираклию. Получив подкрепление в Картли, Соломон вернулся и изгнал турецкие войска из царства. По совету царя Ираклия он попытался примириться с Давидом Георгиевичем, выделил ему несколько деревень и разрешил жить в Имеретии. Со своей стороны, Ираклий, чтобы прекратить дальнейшую борьбу за царский престол, не поспешил и выделил Давиду ежегодную пенсию – 1200 рублей. Однако все старания Ираклия установить в Имеретии мир и направить военные ресурсы этого царства на отражение внешних угроз со стороны Порты, Ирана и лезгинов, были разрушены очередным заговором имеретинских князей, инспирированным ахалцихским пашой. Князя Дадиани и Гуриели, при поддержке части имеретинской знати пообещали Давиду военную помощь, чтобы вернуть престол. Заговор был раскрыт, и Давид бежал в Ахалцих. В отместку за предательство Соломон II вторгся в Мингрелию и лишил Григория Дадиани власти. В 1794 г. Давид Георгиевич и Григорий Дадиани при поддержке владетеля Абхазии Келеш-бей Шервашидзе попытались напасть на Соломона II, но потерпели поражение. В феврале 1795 г. Давид Георгиевич скончался в Ахалцихе, что, наконец, на некоторое время положило предел междоусобицам в Имеретии.

Общий итог политики царя Ираклия II в первой половине 1790-х гг. был неутешительным. Несмотря на ясно поставленную цель – создать альянс закавказских правителей для отражения «каджарской угрозы», добиться этого не удалось. Причины этого, с нашей точки зрения, крылись в самой политической системе кавказского «пограничья», где усиление одного из игроков, или создание одного альянса, тут же вызывало равное

по силе противодействие других игроков, усугубленное вмешательством со стороны.

Была надежда на рост внутренней силы Картли-Кახетинского царства, что могло бы помочь Ираклию преодолеть сопротивление внешних негативных факторов в лице лезгинских набегов, угроз ахалцихского паши или претендентов на шахский престол в Иране, при минимальной поддержке со стороны Российской империи. Собственно именно это ожидали и хотели в Петербурге. Но ожидания не оправдались. Попытка царя создать регулярное войско – «мориге» закончилась неудачей, поскольку не хватало ни оружия, ни людей, ни обученных кадров для инструкторов. Страна в результате лезгинских набегов обезлюдела. Более того, в 1792 г. царь Ираклий пошел на шаг, от которого русские власти его всячески предостерегали – разделил царство на уделы. Царица Дареджан добилась своей цели в ущерб целостности и обороноспособности страны. Плачевные итоги этого политического шага ярко проявились во время трагедии 12 сентября 1795 г., когда войска Ага Мухаммед-хана взяли Тифлис.

* * *

Вернемся в 1791 г., когда близилась к завершению русско-турецкая война. На ее исходе военные действия частично переместились на территорию Кавказа. Порта попыталась мобилизовать на войну с Российской империей горцев Северо-Западного Кавказа. Но разгром 30 сентября 1790 г. на берегах р. Кубань русскими войсками генерал-майора И.И. Германа турецкого корпуса Батал-паши полностью разрушил военные планы Порты. В свою очередь, русское командование решило нанести ответный удар, взяв на побережье крепость Анапа. Сообщая императрице в письме от 9 июля 1791 г.

о взятии крепости, Г.А. Потемкин писал: *«Вот ключ, отворивший двери к большим ударам: теперь изволишь увидеть, как заревут в Азии – уже это не европейской части чета»*²³⁷. Князь планировал продолжить наступление вдоль побережья, используя силы Таврического егерского и Кавказского корпусов, при поддержке Черноморского флота. Новые удары были направлены на то, чтобы заставить турецкое правительство как можно быстрее заключить мир.

Уже с середины 1788 г. в Петербурге стали готовиться к мирным переговорам. Мир с турками был также нужен ввиду начавшейся летом 1788 г. войны со Швецией. В 1790 г. австрийцы, являвшиеся союзниками России в войне с турками, заключили с Портой сепаратный мир, что еще более усилило стремление русского правительства покончить с войной. Одним из препятствий для начала переговоров и заключения мира с Портой являлся вопрос о Грузии. Обе стороны официально жестко заявляли о том, что не намерены идти в этом вопросе на уступки. Вероятно, поэтому грузинский вопрос был вообще исключен из окончательного текста мирного договора, причем по инициативе именно российской стороны.

Дело в том, что руководство Коллегии иностранных дел в лице вице-канцлера И.А. Остермана и А.А. Безбородко не разделяли мнение Г.А. Потемкина о важности для Российской империи грузинского вопроса. Что касается Безбородко, то к началу 1787 г. он явно разочаровался в политике создания закавказского «барьера», которую связывал с пресловутым «греческим проектом» Потемкина. В апреле 1787 г. в письме к князю С.Р. Воронцову он, как бы оправдываясь, писал: *«Ваше сиятельство знаете, что я на известный план большой о Греции взирал, как на такую вещь, которой хотя*

237. Цит. по: Маркова О.П. Указ соч. С. 270.

и невозможно почти достигнуть, но доходя ея многое доброе получить возможно... Очаков с его округами по Днестр, положение границы ближайшей от Черного моря к Каспийскому, соединяя Империю с Грузиею и бережными Персидскими ближайшими местами по Баку или и далее, взяв их в точное Российское владение, принесет уже нам великую пользу и безопасность границ. А когдабы можно было одержать, паче всякого чаяния, независимость Молдавии и Валахии с Бессарабиею: то сие превзошло бы все, что и мыслить можно»²³⁸.

После начала русско-турецкой войны, убедившись в том, что именно грузинский вопрос спровоцировал открытый конфликт, Безбородко начал отстаивать точку зрения, что вопрос о Грузии надо отставить в сторону, не пытаясь сейчас его решить. Это было четко выражено в его и вице-канцлера совместной записке, рассмотренной Советом на заседании 14-16 декабря 1788 г., где как раз обсуждался проект мирного договора с Портой. В записке говорилось: *«что мир с Турками и по внутренним и по внешним обстоятельствам Всероссийской империи есть необходимо нужен, и что те самые обстоятельства требуют со стороны нашей и усердного старания, и всевозможной податливости, о том нет ни малейшаго сомнения... Самый затруднительный пункт споров с Портой есть дело о части Грузии владеемой царем Ираклием. Сей владетель был вассал персидский, в 1776 году вступил в покровительство Порты, но в 1783 г. заключенным договором признал над собой верховную власть российских императоров. Порта привязывала к артикулу сему верховную важность, так что все употребленные с здешней стороны старания недовольны были ее от-*

238. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. М., 1878. С. 126.

*вратить от оного... Если Порта настоять будет на сей пункт, как непремный для нее, то неужели для оного разорвать мирные переговоры?»*²³⁹. Остерман и Безбородко предлагали пойти на уступку, оставив в проекте договора только упоминание, что в отношении царя Ираклия и Азербайджана положение останется таким, каким было установлено согласно Кючук-Кайнарджийскому договору.

Но императрица и Г.А. Потемкин, придававший большое значение кавказскому направлению внешней политики империи, колебались и пока не хотели убирать пункт о Закавказье из повестки предстоящих переговоров. В рескрипте императрицы от 30 июня 1789 г. на имя князя Г.А. Потемкина говорилось: *«Второй пункт, касающийся до Грузии, еще более затруднительным нам представляется. Известно крайнее в оном упрямство, основанное на присылке депутата от царя карталинского и на мнимом его покорении Порте; но в сем случае мы не можем оказать ни уважения, ни податливости, когда собственное наше достоинство, трактатом торжественным с помянутым владетелем постановленным, завязано»*. Далее в рескрипте выражалась уверенность, что Г.А. Потемкин в этом вопросе проявит «усердное старание»²⁴⁰.

Но войну нужно было кончать, поэтому в конце 1789 г. турецкому правительству решили предложить компромиссный вариант, который позволял бы сохранить Российской империи лицо, но при этом восстанавливал баланс сил в Закавказье. В записке от 11 декабря 1789 г., адресованной Безбородко, императрица писала: *«Мы с Грузией имеем трактат. Мы не ведаем, имеет ли Порта с нею трактат же; но буде Порта запретит ахалцихскому паше и ей подвластным на-*

239. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 637-638.

240. Цит. по: Маркова О.П. Указ соч. С. 272.

родам войски вводить в Грузию и Грузию войсками угнетать и разорять, то мы обещаем ей в Грузию войски не вводить, и буде Порты с ней, яко христианским народом будет обходиться дружно, то мы не будем иметь причины Грузии покровительствовать, Грузия же исстари принадлежала не ей, не нам, а Персии, а сбор христианами Кайнарджийским трактатом уничтожен»²⁴¹. Екатерина II хотела добиться восстановления на кавказском «пограничье» статус-кво, но с тем условием, чтобы не пострадал престиж Российской империи как покровителя христианским народам.

К концу 1790 г. в надежде склонить турок к началу переговоров было решено вообще убрать из списка предварительных условий заключения мира со стороны России всякое упоминание о Грузии. В письме к визирю от 1 августа 1790 г. Г.А. Потемкин писал: *«Вам известно, что Россия не подала никакой причины к войне. Порты разорвала мир наглым образом,... Россия же при всяком успехе оказывала склонность к окончанию войны, и теперь предпочитает мир. Основанием сему – утверждение всех постановлений с Портою кайнарджийского мира и всех трактатов, после того постановленных без изъятия. Из приобретений нынешней войны, в награждение больших убытков, – границу по Днестр, возвращая Порте прочия завоевания с некоторым весьма резонабельным условием для Молдавии»²⁴². Но переговоры были сорваны, и 20 ноября 1790 г. Г.А. Потемкин, выражая свое разочарование, сообщил визирю, что военные действия продолжатся: *«Объявляя вашему сиятельству крайния условия**

241. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1789-1796 гг. // Сборник императорского русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 42. С. 53.

242. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790-1793 гг. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 8. СПб., 1895. С. 128.

к прекращению военных между обеими Империями действий, на самой умеренности основанная, надеялся я, что Порты воспользуется сим снисхождением... и прострет руки свои к совершению мирного дела»²⁴³. Новые победы русских войск и флота в конце 1790 г. и первой половине 1791 г. заставили турок сесть за стол переговоров.

10 ноября 1791 г. состоялась первая конференция русских и турецких уполномоченных. Между тем на позицию России на переговорах с Портой, конечно, пытались повлиять грузинские цари. Еще в мае 1788 г. царь Ираклий прислал записку со своими пожеланиями относительно пунктов мирного договора с Турцией, касающихся Грузии. В послании говорилось следующее: *«При продолжении союзных договоров Российскаго имп. двора с Отаманской Портой не оставить внести о пользе Грузии, к по сим заключенного с Карталинией трактата настоять Атабегское владение, состоящее ныне под Отоманской Портой, предоставляя всемше Ахалцихскую провинцию Грузии и Кахетии, а Адчару с ее округою – Имеретии, как издревле оным принадлежащие. На случай буде сего учинить невозможно, то взамен предоставить возвращение убытков, нанесенных поводом Отаманские Порты Карталинии»*. В письме также говорилось об обязательстве турецкой стороны оставить Грузию *«со всех сторон в покое, не нарушая оного никакими происками, не вмешиваясь притом в дела Адрибежана»*, а также о возмещении причиненного Грузии *«происками Сулеймана-паши»* ущерба²⁴⁴. В конце сентября 1791 г. к Г.А. Потемкину обратился имеретинский католикос Максим с просьбой не забыть при заключении мирного договора Имеретию и «Апхазети», которой он просил *«доставить не-*

243. Там же. С. 188.

244. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 66.

зависимость от Порты». Имеретинцы также просили учредить в Ахалцихе русское консульство, с тем, чтобы пресекать «явные и тайные злоупотребления» турок. Для развития торговли с Россией, а также «пресечения злоупотребительной продажи похищенных христиан» они просили учредить консульства в Батуми, Поти и Одиши. Кроме того, католикос предлагал внести в мирный договор с Портой статью о праве Имеретии «заносить претензии свои и по оным ей Оттоманскому двору открывать собою войну», что в реальности означало бы признание ее независимости²⁴⁵.

Неожиданная смерть Г.А. Потемкина 5 октября 1791 г. в период подготовки мирных переговоров связала руки А.А. Безбородко в отношении грузинского вопроса. *«Меня затрудняет проект о Грузии. Он ничего не значит. Я был мнения, чтобы его не упоминать, а самому после с собой решиться по здравому рассудку и пользе. Хорошо бы если бы его не внесли или же бы дозволили вон выставить. Нас бы сие ничем не обязывало»,* – писал Безбородко 18 ноября 1791 г. члену Коллегии иностранных дел графу А.И. Маркову²⁴⁶. В письме от 3 декабря А.А. Безбородко с явным чувством облегчения писал: *«О Грузии хотя я боялся, но и тут спасена наша честь, а остается с собою решиться как быть»²⁴⁷.*

В результате, заключенный 29 декабря 1791 г. Ясский мирный договор в отношении Закавказья подтвердил статьи Кючук-Кайнарджийского трактата. Кроме того, в 5-й статье был зафиксирован тот компромиссный вариант решения грузинского вопроса, которого добивалась от Порты российская сторона: *«В доказательство между обеими Договаривающимися Империями искрен-*

245. Там же. С. 71.

246. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. С. 230.

247. Там же. С. 233.

ности и дружбы, которые, не довольствуясь единым ныне восстановлением мира и доброго согласия между ими, ищут и на будущие времена утвердить оный прочным образом, отвращая со всевозможным радением все причины, могущие подать повод к спорам и остуде, Блистательная Порта обещает подтвердить вновь издаваемым фирманом данный прежде, чтоб ахалцыхский губернатор, пограничные начальники и прочие отныне впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей владеемых царем Карталинским, о чем и отправив к помянутому ахалцыхскому губернатору, к пограничным начальникам и к прочим со строжайшим прещением и подтверждением указы»²⁴⁸. Конечно, не удалось изменить положение Западной Грузии, которая по-прежнему осталась под «верховенством» Турции. Но решить этот вопрос в тех условиях можно было только дальнейшим продолжением разорительной для России войны.

Между тем, отказ русских дипломатов отстаивать грузинские статьи объясняется не только стремлением как можно быстрее завершить войну, но также желанием устранить повод для возобновления нового столкновения. Лучшим средством избежать этого являлось восстановление на пространстве кавказского «пограничья» нарушенного в середине 1780-х гг. между двумя империями равновесия. Русские дипломаты, не акцентируя внимание на факте покровительства Грузии, и, тем самым, не задевая ни свою «честь», ни Порты, в то же время постарались создать правовую зацепку для давления на турецкое правительство, в случае, если она попытается снова угрожать или вмешиваться во внутренние дела Восточной Грузии. С точки зрения Безбородко,

248. Полное Собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 23. № 17008. С. 290.

добившись от Порты этого обязательства, затем можно было уже без международной огласки решать вопрос отношений между Россией и Восточной Грузией.

* * *

С окончанием войны русское правительство провело своего рода ревизию своей политики на кавказском «пограничье». Смерть князя Потемкина, выступавшего главным инициатором активной военно-политической деятельности Российской империи на Кавказе, повлияла на снижение интереса в Петербурге к делам в этом регионе. Уже 20 октября 1791 г. А.А. Безбородко получил рескрипт императрицы, в котором ему приказывалось разобраться с многочисленными представителями и послами северокавказских и закавказских владетелей. В рескрипте говорилось следующее: *«..здесь нужным нахожу только дополнить, чтобы о посланцах азиатских от разных народов, при покойном фельдмаршале находившихся, взяли вы у Василия Степановича Попова подробныя о каждом сведения и купно с оным представили Мне ваше мнение, кого из них по соображению обстоятельств, относящихся до связей с теми народами и могущей быть от дальнейшего утверждения оных пользы для России, следует препроводить сюда, дабы здесь можно было трактовать с ними о делах и кто напротив из них не заслуживает такового уважения и долженствует возвращен быть во свояси»*²⁴⁹. Однако Безбородко, судя по его письмам, не видел особой целесообразности в ведении переговоров с представителями кавказских правителей. В письме к П. Зубову от 9 декабря 1791 г. он писал: *«Я было думал дней несколько отдохнуть, уставши от пись-*

249. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790-1793 гг. С. 265.

ма; но вместо того, персидские и горские посольства, к покойному князю прибывшие, более меня замучили, нежели турецкая негоциация»²⁵⁰. Поэтому скоро все посольства были распущены по домам, не получив удовлетворения по своим просьбам и заявлениям.

Центр тяжести русской внешней политики после окончания русско-турецкой войны снова сместился в сторону европейских дел. Внимание Петербурга приковал к себе раздел Польши, а также организация коалиции против революционной Франции. Вполне естественно, что русское правительство в течение первой половины 1790-х гг. проявляло относительную пассивность в отношении кавказского «пограничья». Кроме того, активность России в этом регионе продолжал сдерживать турецкий фактор. В Петербурге учитывался тот факт, что именно соперничество двух империй из-за Грузии стало одной из ключевых причин для начала русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Временное обострение отношений с Портой из-за принятия в российское подданство в 1792 г. шамхала тарковского снова показало, насколько Константинополь был чувствителен к любым изменениям на кавказском «пограничье». На действия России турецкое правительство ответило фирманом султана к дагестанским владетелям: *«... во время сего возвратился ко мне посланный отсюда шпион Чолак дервиш. Он объявил здесь о всем подробно, как о кабардинцах, так и дагестанцах, что сами они к России преданы и много между ними лукавых и неистовых людей, из коих один шамхал предавшись России склонил даже и Дербент на отдачу Росси ж и получает за то каждогодно не малое от России жалованье. Почему и предписываю сим фирманом, чтобы таковых лукавых и неистовых людей, каков шамхал,*

250. Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1788 по 1799). Т. 2 // Сб. РИО. Т. 29. С. 183.

стараться истреблять или избирать на место шамхала из природы шамхальской другого достойного»²⁵¹.

Несмотря на то, что русское правительство твердо дало понять туркам, что считает побережье Каспийского моря исключительно своей сферой влияния, идти на дальнейшее обострение или ввязываться в новую войну оно не хотело. В указе Екатерины II командующему на Кавказской линии от 19 апреля 1793 г. о принятии в российское подданство дербентского и бакинского ханов говорилось: *«В разсуждении разпространения подчиненности нам народов, зависевших от Персии и обитающих в отдаленности от берегов Каспийского моря к западно-южной оттуда стороне, мы полагаем, что оное может только навлечь со стороны Порты Оттоманской неприятные хлопоты, от коих в настоящем положении дел, по возможности, уклоняться должно, но, что, касается народов, прилегающих к берегам Каспийского моря, желающих вступить в вечное подданство России, ни малого не настоит сомнения в принятии их...»²⁵².*

Отстаивая свои интересы на каспийском побережье, Петербург во второй половине 1790-х гг. старательно уклонялся от какой-либо активности в Картли-Кахетии и Имеретии. Когда на рассмотрение Совета 12 августа 1792 г. было вынесено письмо царя Ираклия, который выражая благодарность за Ясский мирный договор, в то же время просил послать в Ахалцих русского консула *«через что лезгинцы не могли бы присовокупляться к туркам»*, ответ сановников был однозначно отрицательным. В журнале говорилось следующее: *«Совет не усматривал в посылке сей ни особливо пользы, ни приличности»²⁵³*. В 1793 г. русское правительство снова

251. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1886. Т. 2. С. 298.

252. Русско-дагестанские отношений в конце XVI – начале XX вв. С. 225-226.

253. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 740.

отклонило просьбу имеретинского царя Соломона II о принятии его царства под покровительство империи. А в 1795 г. было отказано в разрешении на приезд имеретинского посла из опасения, что приезд станет *«поводом к новым с турками хлопот»*²⁵⁴.

В Петербурге хотели сохранить мир с Портой как можно дольше. В секретной инструкции от 21 февраля 1793 г. чрезвычайном послу М.И. Кутузову, направленному в Константинополь, для обмена ратификационными грамотами Ясского мирного договора, говорилось: *«Намерение наше конечно есть искреннее сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения по толиких трудах и беспокойствах, империю нашу понесенных..., а по сему, быв весьма от того отдалены, чтоб вызывать Порту на брань, иног от не не требуем, как точного исполнения постановленных между нами соседственных и торговых условий, при чистосердечном с ее стороны попечении отвращать все, что тишину и безопасность границ наших колебать может»*²⁵⁵.

С другой стороны, Петербург не собирался в своих действиях переходить определенной черты в направлении «персидских провинций». В августе 1792 г. находившийся в России посол Муртазы Кули-хана, брата Ага Мухаммед-хана, предложил от имени своего господина заключить договор на вечное подданство. Хан просил прислать ему вспомогательное войско для борьбы со своим братом. Но во избежание войны с Ираном, русское правительство воздержалось от заключения такого договора. В апреле 1793 г. Муртаза Кули-хан вместе с семьей был перевезен на русском фрегате в Астрахань. В России хан оставался до конца 1790-х гг.²⁵⁶

254. Там же. С. 744.

255. М.И. Кутузов. Сборник документов. В 5 т. М., 1950. Т. I. С. 196.

256. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 322-325.

На политику России на кавказском «пограничье» в этот период оказывали также влияние взгляды руководства Коллегии иностранных дел. Здесь следует отметить факт дружеских, доверительных отношений, которые сложились у фактического главы Коллегии А.А. Безбородко с князем С.Р. Воронцовым. Судя по обширности и характеру переписки, Безбородко с пиететом относился к мнению русского посла в Лондоне относительно русской внешней политики. Между тем, князь Семен Романович неодобрительно отзывался о проекте Г.А. Потемкина по созданию закавказского «барьера» В письме от 16 августа 1786 г. он писал: *«Я не понимаю интереса, который можно было бы иметь, поддерживая этих грузин... Незначительные силы туда посылаемые, всегда будут терпеть там поражение, это ободрит турок, и мы приучим их больше нас не бояться»*²⁵⁷. По мнению Воронцова, поддержка Грузии была невыгодна Российской империи ни с военной, ни с финансовой точки зрения, в силу отдаленной расположенности и отделенности от России кавказскими горами, которые более трудны для прохода, чем Альпы²⁵⁸. Из уже цитированного выше письма (апрель 1787 г.) Безбородко к князю Воронцову видно, что к этому времени фактический глава Коллегии иностранных дел вполне разделял точку зрения посла на нецелесообразность активной политики России в Закавказье.

Оценивая характер политики Петербурга в первой половине 1790-х гг. в Закавказье, можно сказать, что русское правительство пыталось управлять политическими процессами в этом региона, так сказать, дистанционно, с помощью локальной дипломатии – переговоры с отдельными ханами, раздача подарков, просьбы-угрозы,

257. Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. Ч. 2 // Архив князя Воронцова. Т. 9. М., 1876. С. 70.

258. Там же.

организация местных альянсов. Стратегия основывалась на двух принципах: *«меньше неприятных хлопот с Османской империей»* и *«не входить в большие издержки и хлопоты»*. Позволим себе суждение, что в принципе такая стратегия была оправдана. Попытка создать в середине 1780-х гг. закавказский «барьер» оказалась малоуспешной из-за сопротивления Порты, а также внутренней слабости Восточной Грузии. Более того, ввод русских войск моментально дестабилизировал все пространство Закавказья, а Георгиевский трактат стал для Порты последним доводом в пользу необходимости объявить войну России. После победоносной русско-турецкой войны престиж империи и русского оружия в глазах народов Кавказа был довольно высок, что как раз создавало благоприятную почву для проведения такой вот малозатратной, дистанционной политики управления Закавказьем.

Но в избранной Петербургом стратегии имелось несколько опасных моментов. Несмотря на то, что Георгиевский трактат фактически перестал действовать, он не был дезавуирован со стороны России. Если обессиленная Порта обязалась не вмешиваться во внутренние дела Восточной Грузии, а, в целом, смирилась с преобладанием российского влияния в Восточном Закавказье, то в отношении Ирана никаких гарантий не было. Ситуация в Иране была непредсказуема (война за шахский трон шла непрерывно с 1779 г.), но возможность, что одному из претендентов в какой-то момент удастся снова объединить государство, оставалась. В этом случае сразу же возникала проблема урегулирования вопроса исторической принадлежности Восточной Грузии и «адербайджанских» ханств к Ирану.

У персов была своя логика и свое видение ситуации в Закавказье. Каджары, выходцы из азиатской Турции, поселившихся в провинции Мазендаран в начале

XVIII века, начали побеждать в борьбе за престол²⁵⁹. Новая династия еще в 1786 г. перенесла столицу в Тегеран, где вчерашние тюркские ханы чувствовали себя более уверенно, чем в старых персидских центрах. Однако других изменений не последовало. Каджары, как и их предшественники, рассматривали феодальные владения Северного Азербайджана, Восточных Армении и Грузии в качестве вассалов. Окончание любой «смуты» должно ознаменоваться демонстративным возвращением порядка, предшествовавшего эпохе нестабильности. В этот период на высшем государственном уровне это означало восстановление традиционной коронации шаха. В ней традиционно участвовали четыре вали – *de jure* наместники, а *de facto* данники, каждый из которых выполнял в процедуре определенную функцию: гурджистанский, т.е. грузинский, держал государственный меч; арабстанский – драгоценное перо, ношение которого на головном уборе превращало его в корону; лористанский – порфиру; курдистанский – две украшенные алмазами перевязи²⁶⁰. Победитель в гражданской войне не мог начинать свое правление с нарушения древней традиции, а «гурджистанский вали» Ираклий II уже давно отказывался подчиняться²⁶¹. Конфликт был очевиден и неизбежен.

Между тем Петербург имел в отношении Тифлиса обязательство оказания военной помощи. Отказ помочь означал потерю лица. Следовательно, для русского правительства крайне важным было не упустить момент, когда следовало бы вмешаться в конфликт между Ираном и закавказскими правителями, в том числе вооруженным путем. Целью такого вмешательства было

259. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1890. Т. 2. 1826-1827. С. 3-4.

260. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.1. От древнейших времен до Ермолова. С. 291.

261. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 308-309.

бы: 1) сохранение лица (нельзя было допустить, чтобы иранские войска безнаказанно вторглись на территорию подзащитной Восточной Грузии); 2) продемонстрировать Ирану новый политический расклад в Закавказье, а затем возможно закрепить договорным путем. Но как раз этот важный момент в Петербурге пропустили. Возникает вопрос почему? Чтобы ответить, необходимо проанализировать события в хронологическом порядке.

* * *

Весной 1793 г. грузинский царь пытался побудить русское правительство отреагировать на обострявшуюся в Закавказье ситуацию, посылая письма генералу Гудовичу, а также старался воздействовать на петербургских сановников через находившегося в столице империи своего сына, царевича Мириана. В письме от 1 марта 1793 г. Ираклий писал: *«Любезный сын мой! Обстоятельства понудили меня сим письмом уведомить тебя о нашем ныне опасном состоянии по причине сей: ибо носится слух вероятной, что Ага-Мехмет-Хан, приуготавливая войско, имеет стремление в движении своем против нас чрез призывающих его некоторых Ханов, находящихся в нашем соседстве, и ежели сии намерении ему удастся, то принудить (их) признать себя шахом над всею Персией; а как мы не имеем другой защиты кроме высоч. Е.И.В. престола, то приказываю тебе, яко родитель, принять сыновнее усердие и сию просьбу мою, повергая к освященным стопам, всенижайше поднести Е.И.В. чрез е. с. графа Пл. Ал. Зубова, дабы, возрев премудрейшим и высокомонаршим оком на наше нынешнее опасное состояние, оказали матернюю милость, дабы каким либо дать знаком неприятелю восчувствовать, что Грузия находится под покровительством и защитой*

*столь Великие Монархини, чрез что, опасаясь враг страшного гнева, оставит легкое свое покушение»*²⁶². Царь не просил прислать войско, а только сделать заявление в адрес Ага Мухаммед-хана, что Восточная Грузия находится под защитой Российской империи. Кроме того, Ираклий просил наконец прислать ему остававшуюся в Екатеринограде артиллерию²⁶³.

Царевич воспользовался советом отца и обратился к всесильному фавориту императрицы П. Зубову. В результате, 30 мая 1793 г. письма Ираклия к царевичу были вынесены на рассмотрение Совета вместе с донесениями Гудовича об усилении Ага Мухаммед-хана. После обсуждения Совет вынес решение снабдить командующего на Кавказской линии полномочиями, сделать в случае, если хан действительно собирается напасть на Ираклия, *«надлежащее внушение оному Хану, что он (Гудович) на такое предприятие не может взирать равнодушно»*. Генералу также разрешалось принять меры, *«какие по лучшему своему сведению местных обстоятельств удобными признает»* – организовать союз местных правителей для сопротивления Ага Мухаммеду, может быть оказать *«деятельное пособие»* грузинскому царю. При этом генералу ставилось условие, не заходить *«в большие издержки и хлопоты»*. Совет снова напомнил генералу об отправлении грузинскому царю подаренной ему в свое время артиллерии. Вероятно, большую дискуссию в Совете при обсуждении письма Ираклия вызвал вопрос о возможной реакции Порты в случае оказания Россией помощи грузинскому царю. В постановлении специально было отмечено: *«как царь Ираклий состоит под покровительством Е.И.В... дела его с Агою-Мугаметом-Ханом суть совсем посторонние для Порты Оттоманской»*²⁶⁴.

262. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 76-77.

263. Там же. С. 80.

264. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 743.

В Петербурге пока не очень верили в возможность реальной угрозы со стороны Ага Мухаммед-хана, полагая, что он должен осознавать, какие грозные для него последствия будут, если он захочет тронуть Грузию. В уже цитированном выше указе императрицы от 19 апреля 1793 г. генералу Гудовичу в числе прочего также говорилось: «...Персия, раздираемая ныне внутренними мятежами и не имеющая ни государя, ни правителя, не может вопреки тому ничего предпринять. А если бы кто из мятежных ханов и похотел противу поставить какие-либо препоны, не многие востребуется способы отразить подобное покушение и посредством исправляемой на Каспийском море эскадры обуздать всякого, кто в той стороне осмелится оказать себя врагом нашим»²⁶⁵.

В 1794 г. Ага Мухаммед-хан взял штурмом город Керман и разделался с последним серьезным противником в борьбе за шахский престол – ширазским Люф Али-ханом, после чего обратился в сторону Закавказья. Планируя удар в эту сторону, он занялся, прежде всего, его дипломатической подготовкой. Еще осенью 1793 г. Ага Мухаммед направил письмо к турецкому двору, с запросом о признании за ним шахского титула. О турецко-иранских переговорах в Петербург доложил 5 ноября 1793 г. чрезвычайный посол М.И. Кутузов: «Известился я, что ага Махмед-хан, владелец части Персии, находится в переписке с Портою и имеет ныне присланных с письмами персиян из Константинополя». Через армянских «конфидентов» послу удалось узнать, что Порта дала весьма оригинальный ответ. Турецкое правительство соглашалось признать за Ага Мухаммед-ханом титул шахом только после того, как он завоюет Грузию²⁶⁶. Теперь Порта, пользуясь представив-

265. Русско-дагестанские отношений в конце XVI – начале XX вв. С. 225-226.

266. М.И. Кутузов. Т. 1. С. 247.

шейся возможностью, фактически натравливала правителя Ирана на Грузию, пытаясь таким образом наказать царя Ираклия.

В 1794 г. к царю Ираклию прибыл посол от Ага Мухаммед-хана с предложением прислать войско для похода против Ибрагим-хана. Об этом грузинский царь сообщал находившемуся в Петербурге архимандриту Гайозу. В письме царь специально подчеркивал следующее обстоятельство: *«Притом турки, дагистанцы и еранцы (персы), упрекая нас принятием Российского покровительства, наносят чувствительный вред. Мы, лишённые вся помощи, помышляем о будущих их покушениях и о том, что Турки мщения и происков своих против нас, конечно, не оставят, – следственно, и Ага-Мамат-Хановы силы согласятся подкрепить их ко вреду нашему. В таком случае, если мы не будем подкреплены от России, должны будем находиться в беспрестанной опасности. Прошу вас, где только случится случай, не оставить о сем объяснить»*²⁶⁷. Это письмо косвенно указывает, что в течение всего 1794 г. грузинский царь вел активную дипломатическую игру, пытаясь предотвратить поход правителя Ирана на Грузию.

Это подтверждали донесения из Константинополя, откуда в сентябре 1794 г. сообщали: *«Магомед-хан к царю Ираклию и к прочим персидских уделов ханам отправил нарочных, требуя дабы добровольно они ему, яко шаху поддались, иначе же принудит их оружием. Царь Ираклий на защищение себя от сего нового врага прибегнул ныне к Порте, имея здесь от себя нарочного да и других ожидают, прося ея покровительства, будучи также сильно ей рекомендуемой и от Ахалцихского паши»*. Далее донесении сообщалось, что турецкое правительство отказало грузинскому

267. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 81.

царю: «*Порта отказалась от защищения с укоризною сделанною через Софян-Агу Багдадского паши агента царю Ираклию за непостоянность и бывшую его к России привязанность*»²⁶⁸.

В это же время, осенью 1794 г., в Петербург прибыл полномочный министр царя Ираклия Гарсеван Чавчавадзе. Русское правительство ввиду просьб царя, а также обозначившейся угрозы Грузии со стороны Ирана, решило позволить вернуть в столицу империи полномочного министра. Единственной и главной целью Чавчавадзе было любыми способами добиться от России присылки войск для защиты Грузии. В январе 1795 г., судя по сохранившимся документам, грузинский посол пытался вести активные переговоры с вице-канцлером И.А. Остерманом и А.А. Безбородко²⁶⁹. Однако его действия были заблокированы Безбородко, о чем косвенно свидетельствует письмо последнего к С.Р. Воронцову от 7 февраля 1795 г.: «*К Ея Величеству послал я мои мысли по делам Персидским. Я опасуюсь что они не понравятся, ибо я на чисто сказал, сколько химерична тамошняя бывшая система. Вы знаете, что я очень прилежал к делам того края, но право не видел никакого следу к большим успехам. Мною тут конечно не руководствовало никакое пристрастие, или ненависть к покойному (Г.А. Потемкину); ибо я конечно много и премного ему был обязан... но не мог я ничего сказать противу справедливости*»²⁷⁰. Письмо было написано в самом начале февраля 1795 г., а значит записка, о которой идет речь, была подана императрице как раз во второй половине января, т.е. скорее всего являлась ответом на активность грузинского посла в Петербурге. Вероятно, записка оказала глубокое «отрез-

268. Цит. по: Кортуа Н.А. Указ соч. С. 323.

269. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Ч. 2. С. 84-86.

270. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. С. 328.

вляющее» действие на императрицу и Совет, так, что в марте 1795 г. было отказано в посольстве имеретинцам²⁷¹, а на письма и запросы полномочного министра царя Ираклия перестали отвечать.

Весной 1795 г. Ага Мухаммед-хан принял окончательное решение о походе в Закавказье. В начале 1795 г. в Константинополь был еще раз направлен посол с извещением о намерении хана восстановить господство Ирана над Восточной Грузией, которая *«с древних времен состояла в подданстве Персии»*, предлагал Порте не вмешиваться, а также признать его шахское достоинство²⁷². Таким образом, правитель Ирана принял условия игры, ранее предложенные Портой. В свою очередь, турецкое правительство проявило крайнее дружелюбие: выполнило просьбу Ага Мухаммед-хана о возвращении бежавших после разгрома Кермана на турецкую территорию арабов-кочевников, а Грузию предало на волю хана.

Но оставалась еще Российская империя. Бутков сообщает, что *«дело Грузии предложил Ага Мухаммед-хан на рассуждение своего совета, который положил мнение, не расторгать с Россией древней связи»*. Другими словами, диван предлагал не вступать в войну с русскими, но при этом постараться вернуть Грузию под власть Ирана. Может быть, хан надеялся, что Россия останется в стороне, стремясь сохранить торговые связи с Ираном. После этого Ага Мухаммед попытался отправить в Петербург посольство, которое в июне на корабле вышло из Гиляна и прибыло в Астрахань, а затем приехало в Кизляр. Однако у послов хана Аджи-Митраги и Ага-Мурза-Мехти почему-то не оказалось официальных полномочий. Бутков пишет, что послы

271. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 744.

272. Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. С. 328.

не имели «ни кредитивы от своего владельца, коего, при всяком случае называли шахом, ни писем от него к императрице», кроме письма гилянского правителя Мирзы-Бабы и письма Аджи-Ибрагима, называвшего себя шахским визирем. При этом в письмах даже содержались угрозы в адрес России²⁷³. Возможно, хан хотел провести неофициальные консультации с российской стороной по грузинскому вопросу. По-военному прямолинейный генерал принял послов холодно, заявив, что «он до сих пор шаха в Персии не знает и тем меньше его визиря, почему и принять их за посланцев не может, и тем меньше отправить ко двору». Вслед за этим Гудович отправил послов обратно за полномочиями, после чего они больше не появились. При этом, как сообщает П.Г. Бутков, генерал предупредил послов, чтобы «Ага-Магомед-хан не касался владений царя Ираклия находящего в покровительстве всероссийской империи, и что всякое его на оныя нападения сочтено будет оскорблением против России»²⁷⁴. Конечно, генерал поступил полностью в соответствии с инструкциями Совета от 30 мая 1793 г., но ситуация к этому времени уже кардинально изменилась и может быть, надо было действовать по-другому?

Собственно об этом писал сам И.В. Гудович в своем рапорте от 7 мая 1795 г.: «Ага Мамет-хан испаганской... распространяет свои действия, переехал сам в Тейран, собирает войски в Ардевили, приказал готовить много провиянта в Тавриси и в Ардевили, и послал ко многим ханам своих посланцов, а особливо к Эриванскому, в соседстве с Грузиею находящемуся, чтобы они ему покорились, угрожая в случае супротивления разорением всего и умерщвлением и наводя тем страх на персидских владельцев; войски свои

273. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 329.

274. Там же. С. 330.

хочет Ага Мамет-хан разделить на две части, одну послать сзади Грузии на Эривань, а другую на Муганскую степь, на реке Куре находящуюся, где обыкновенно шахи персидские в прежния времена принимали достоинство шахское, откуда, покоривши ханов шемахинского, шекинского, шушинского и талышинского, напасть чрез Карабаг на Грузию»²⁷⁵. Сеть русских «конфидентов» исправно поставляла всю необходимую информацию на Кавказскую линию. У командующего в руках оказался оперативный план военных действий в Закавказье правителя Ирана. Но Гудович не решается ничего предпринять, вне рамок инструкций годичной давности, он ждет реакции из Петербурга.

Примерно в это же время Ага Мухаммед-хан направил грозное письмо грузинскому царю, в качестве последнего предупреждения: *«Ныне и Ваше высочество знает, что в продолжение этих ста поколений Вы были подвластны Ирану; теперь же с удивлением изволили сказать, что Вы примкнули к русским, у которых нет других задач, как торговать в Иране и дело которых только торговля. Ты человек девяти десяти лет и такая вещи допускаешь: привел неверных, соединился с ними и даешь им волю! Хотя ваша вера и наша неодинаковы и различны, но вы всегда имели связь с Ираном. В Иране много татар, грузин, армян неверных и других религий; поэтому следует, чтобы вы постыдились пред всеми и не допустили этого дела... Ныне наша воля, чтобы Вы, как умный человек, бросили такого рода дело, так как в этом и говор (желание) страны, и порвали бы связь с русскими. Если приказанное не исполнишь, то в это короткое время совершим поход на Грузию, прольем вместе русскую и грузинскую кровь и из нея создадим реки*

275. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 745.

*наподобие Куры»²⁷⁶. Вслед за этим Ага Мухаммед-хан рассылает в закавказские ханства послания с требованиями полного подчинения и верности, в противном случае угрожая полным разорением. Признать власть нового повелителя Ирана согласились Ших Али-хан, которому было обещано сделать наибом всего Ширвана, а также Джевад-хан гянджийский, который враждовал с Ираклием, и слабые правители Шеки и Шемахи. Категорическим отказом ответил Ибрагим-хан шушинский и Мустафа-хан талышинский. Гусейн Кули-хан бакинский колебался, поскольку не получил твердого ответа от генерала Гудовича на запрос, «*может ли он надеяться на помощь русского флота в случае нападения Ага Магомед-хана на Баку*»²⁷⁷.*

Со второй половины апреля 1795 г. Ага Мухаммед делает военные приготовления. В это время Ираклий пытается подготовиться к обороне. Одновременно царь пишет Гудовичу и Гарсевану Чавчавадзе письма о помощи. В начале мая 1795 г. к командующему на Кавказской линии прибывает от царя князь Абхазов с просьбой срочно прислать войска. Генерал, в свою очередь, пишет уже цитированное донесение от 7 мая 1795 г., с запросом в Петербург, «*каким образом поступить, ежели действительно Ага-Мамет-хан покусится сделать нападение на Грузию, начнет открыто оказывать враждебные поступки против Россиян, в Персии торгующих, и станет усиленно требовать от дербентского хана признания его шахом и покорения ему провинций, состоящих в их владении?»*. В то же время он пытается успокоить через грузинского посла царя Ираклия, указывая на следующие обстоятельства: «*...хотя Ага-Мамет хан войска свои и собирает*

276. Ультиматум персидского шаха Ага Магомед-хана грузинскому царю Ираклию II // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 146-148.

277. Кортау Н.М. Указ соч. С. 317-318.

в Ардевили, разделяет оные к движению одну часть на Муганскую степь, а другую к Эривану, но как Муганская степь далеко еще от Грузии и как прежде, нежели напасть может Ага-Мамет-хан на Грузию, должен он покорить многих ханов, их которых некоторые по известиям хотяют ему противиться, а особливо хан Шушинской, зная вероломство Аги-Мамет-хана, что со всеми ему покорившимися поступал он варварски, то не вижу я скорой опасности Грузии»²⁷⁸.

Донесение Гудовича было рассмотрено Советом на заседании 28 мая 1795 г., на котором были одобрены следующие действия генерала: 1). предупреждение русским купцам, для которых в качестве убежища в случае начала резни указывался остров Сары, а также приведение в боевую готовность всей каспийской флотилии; 2). призыв царю Ираклию и азербайджанским ханам объединиться для отражения Ага Мухаммед-хан с обещанием помощи Российской империи. Обсудив ситуацию, Совет вынес постановление о наделении командующего следующими полномочиями: поощрять грузинского царя и ханов на «общий подвиг»; «преподавать им полезные советы и обнадеживать» покровительством императрицы; «снабжать артиллерию и другими военными припасами, или же и силою подкреплять царя Ираклия и других ханов, употребляя к тому войска под начальством его, генерала Гудовича, находящиеся по благоусмотрению его, сколько возможно будет, не оставляя без бдительного наблюдения и края, Туркам принадлежащего»²⁷⁹. Таким образом, полномочия на оказание военной помощи царю Ираклию были даны Гудовичу еще в конце мая 1795 г. И тогда непонятно, чего он, собственно, ждал?

278. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 745-746.

279. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 85-89; Архив Государственного совета. Т. I. Ч. 2. С. 797-799.

Однако все становится на свои места, если учесть, что Совет давал эти полномочия с одним условием – *«буде действительная надобность настоять будет»*. Вот в этой фразе, судя по всему, заключалась причина того, что Гудович по-прежнему ждал конкретного приказа из Петербурга, поскольку ему непонятны были критерии *«действительной надобности»*.

Между тем к Гарсевану Чавчавадзе в Петербурге стали приходиться слезные прошения об оказании неотложной помощи. 6 июня 1795 г. письмо императрице написала царица Дареджан: *«По силе всемилостивейшего обещания в заключенном трактате не соблаговолено ль будет в. в. вспомоществовать нам против Аги-Мугаммед-Хана, которой находится поблизости нас со своей армией и старается завоевать наши владения. Почему слезно прошу, по великому милосердию в. в., сжалясь на толикое число христиан, высочайше повелеть генерал-аншефу Гудовичу о подании нам помощи непобедимой конницей в. в.»*²⁸⁰. 20 июня 1795 г. письмо написал Ираклий, прося императрицу разрешить ему лично встретиться с командующим на линии, чтобы объяснить всю остроту складывавшейся в Закавказье ситуации. Достигнув Петербурга, скорее всего, в июле 1795 г., эти письма побудили Гарсевана Чавчавадзе совершить почти подвиг, а именно подать жесткую ноту в адрес Коллегии иностранных дел, в которой в несколько завуалированной форме русскому правительству предъявлялись претензии: *«Когда Порта Оттоманская высочайшему Российскому двору объявила (в 1787 г.) несправедно войну, тогда мы были в надежде, что к вышеупомянутым двум батальонам в подкрепление и другие войска присланы будут, и мы все ревнительно желали оказать и наше подданническое служение и верность против общего неприятеля,*

280. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 91.

но последовало тому противное: находившийся там министр выехал, и батальоны из Грузии вышли в самое нужное время, мы же остались против наших врагов одни, и провели время до заключения мира с малыми силами нашими, koliko тогдашнее время нам дозволило. По заключении мира между высочайшим Двором и Портой, царь мой, памятуя договор и данную клятву, в силу 5 Артикула трактата (1783 г.), отправить меня к Российскому двору вторично министром с письменными донесениями, которые мною и поднесены. По всемилостивейшем принятии меня, сказано мне было, что снабжен я буду в ответ высочайшим повелением, кое и ожидаю для донесения моему Государю»²⁸¹. Посол просил срочно выслать в Грузию пять или шесть полков регулярной пехоты, обещая от имени царя, что грузины заготовят необходимый провиант.

Потеряв терпение, Гарсеван Чавчавадзе с плохо скрываемым раздражением просил руководство Коллегии иностранных дел дать ему хоть какой-нибудь ответ. В письме к А.А. Безбородко он писал: *«Нынешний властитель Персии Ага-Магомед-Хан, домогающийся быть признанным Шахом, – собирается сделать нападение на Грузию, и я, по обязанности своей, всенижайше прошу вас уведомить меня в точности: соизволит ли высоч. Российский двор, в силу своих обязательств по Трактату [Русско-грузинскому 1783 г.], подать нам помощь и защиту (вспомогательное войско), или же нет?»²⁸². Но русское правительство молчало, ожидая известий от Гудовича. Молчал Гарсеван Чавчавадзе, поскольку ему нечем было порадовать царя.*

В мае 1795 г. войска Ага Мухаммед хана вторглись в Закавказье. Хан разделил войско на три части, которые наступали на Эривань, Гянджу и Шушу. С учетом полу-

281. Там же. 89-91.

282. Там же. С. 92.

ченных от «конфидентов» данных Гудович правильно оценил ситуацию, фактически предсказав, что Ага Мухаммед-хан завязнет в Карабахе. Ибрагим-хан шушинский оказал крайне упорное сопротивление. Персы почти четыре месяца осаждали крепость Шуши. В то же время Гянджа и Эривань быстро сдались и признали власть правителя Ирана. Осада Шуши давала царю Ираклию время для сбора сил. Подробных сведений о том, что в реальности происходило в это время в Грузии, источники дают мало. Общее впечатление – хаос и беспорядок. Грузинский царь, несмотря на то, что у него явно не хватало сил, попробовал нанести ответный удар, направив отряд своих войск отбить Гянджу. Однако этот шаг привел к резкому ухудшению ситуации. Действия царя взбесили Ага Мухаммед-хана, который 10 августа 1795 г. снял осаду с Шуши и развернул войска в сторону Тифлиса.

Во второй половине июля 1795 г. Ираклий направляет новый запрос командующему на Кавказской линии о присылке русских войск, ввиду «сильных приготовлений» Ага Мухаммед-хана. Генерал Гудович получил это послание 2 августа и тут же направил донесение в Петербург, ожидая прямого приказа направить войска через Кавказский хребет. Одновременно, он направил грузинским царям рекомендацию *«взять нужные меры к обеспечению границ»*²⁸³.

В конце августа, получив от Ибрагим-хана шушинского известие о движении иранских войск с артиллерией в сторону Грузии, царь Ираклий снова пишет генералу Гудовичу, пытаясь его убедить в том, что с занятием Эривани и Гянджи, наступила *«действительная необходимость»* в присылке русских войск. В письме Ираклий подчеркивал: *«Известно ж, что мы под покровитель-*

283. Бумаги князя Н.В. Репнина за время управления его Литвою (годы с 1794 по 1796 год) // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 16. С. 304-308.

ство ее и-го в-а вошли с Ганжою и Ериваном, но Ганжа уже его, а Ериван брат его Али-Кули-Хан уже осадил... а посему уверяем в-е высокопр-о, что если тремя тысячами человеками поможете, то состоящее у Еривана войско разбежится, да и Ага-Мамет-Хан по сию сторону реки Ареза (Аракса) не будет ждать; мы ж хотя в-му высокоп-у ничем не заслужили, но однако знаем, что вы изволите быть благожелательны, и над толликими христианами покажите свою благосклонность дачею просимого вспомошествования»²⁸⁴.

Получив письма от грузинских царей с новым призывом о помощи 12 сентября 1795 г. Гудович на следующий день направляет донесение в Петербург. Грузинским царям он снова советует заняться *«настоящей обороной»* в соединении с Ибрагим-ханом шушинским. В то же время, к 13 сентября 1795 г. И.В. Гудович уже начал сомневаться в способности грузин организовать такую оборону, о чем он написал в письме к П. Зубову: *«Долгом почитаю притом объяснить в-у с-у: при первом получении требования царя Ираклия военной помощи, в Мае месяце, я доносил тогда, что, по внутренним несогласием в Грузии, сам царь то, кажется, чувствуя, прежде времени опасался. Теперь действительно приметно, что нет надобных распоряжений в Грузии,—войска мало собрано и страшатся вместе с царем Соломоном увеличенного числа войск Аги-Мамет-Хана»²⁸⁵*. 23 сентября 1795 г. генерал получил письмо от царицы Дареджан от 10 сентября с сообщением о том, что Ага Мухаммед-хан уже осадил Тифлис, откуда она выехала в горы²⁸⁶.

В Петербурге довольно быстро среагировали на ситуацию в Закавказье, но подводила долгая достав-

284. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 98-99.

285. Там же. С. 101-103.

286. Бумаги князя Н.В. Репнина. // Сб. РИО. Т. 16. С. 304-308.

ка почты от Кавказа до столицы и обратно. 4 сентября 1795 г. императрица Екатерина II подписала рескрипт, который предписывал генералу И.В. Гудовичу провести целый ряд военно-политических и дипломатических мероприятий по урегулированию ситуации. Ему было предписано оказать помощь царю Ираклию, направив в Грузию два батальона пехоты с артиллерией, а затем смотря по обстоятельствам, еще два батальона, остерегаясь при этом, чтобы они не стали *«напрасной жертвой в отдаленности и тем при потере людей не подверглась предосуждению честь оружия Нашего»*.

Здесь следует особо подчеркнуть, что в Петербурге не воспринимали ситуацию в Грузии как крайне острую. Генералу давалось разрешение ввести войска, но, скорее, как временную меру, для того, чтобы остановить зарвавшегося хана. В качестве преамбулы в рескрипте говорилось: *«Принятые вами предварительные меры осторожности, против покушений Агу-Магомет-хана, усилившагося в большей части Персии, мы в полной мере одобряем, быв уверены, что все таковые покушения не предупредят, по крайней мере, нанести непосредственный вред пределам нашим, и что вы в пограничных народах потщитесь сохранить тишину и к нам приверженность. Правда, чем далее помянутый хан распространяться будет к западу, тем вящшия предстанут ему трудности; сверх того ни лета его, ниже образ властвования, жестокостями сопровождаемый, не обещают ему долговременных и совершенных успехов; по смерти же его и при знатном перевороте счастья, все сии замыслы в ничто обратятся, и Персия паки разделится, как она была со времени кончины шаха Надира и при самом усилении в ней двух правителей: Керим и Али Мурат ханов. С другой стороны, не можем опасаться и тесного сближения тут с турками, где взаимная ненависть,*

из разности обеих магометанских сект и из других давних причин проистекающая, глубоко вкоренилась, но тем не меньше нужным признали Мы, как для лучшаго на будущее время обезпечения границ наших, так и для предположения однажды навсегда системы нашей относительно края оного, начертать для вас следующия наставления: Царя карталинского и кахетинского, яко вассала нашего обязаны Мы защищать противу неприятных на него покушений. Согласие его с шушинским ханом и общее их действие много воспособствуют в затруднении дальних успехов Аги-Магомет-хана; на дабы паче усилить царя карталинского противу сего безпокойного человека, соизволяем, чтоб вы подали помянутому царю пособие положенными по трактату с ним двумя полными баталионами пехоты...»²⁸⁷.

В Петербурге надеялись, что именно действия Ираклия в союзе с Ибрагим-ханом задержат или остановят Ага Мухаммед-хана. Батальоны были посланы для своего рода демонстрации силы и серьезности намерений русского правительства защитить грузинского царя. В то же время генералу давался совет активно продолжать использовать локальную дипломатию, побуждая «адербайджанских» ханов переходить под покровительство империи, а также оказать сопротивление Ага Мухаммед-хану. В отношении последнего генералу предлагалось «возвратить присланных от него чиновников», т. е. попытаться вступить в переговоры с ханом. Что касается предмета для переговоров, то Гудовичу советовалось предложить разменять признание со стороны Российской империи за Ага Мухаммед-ханом шахского титула на договор о границах и сферах влияния в Закавказье. В рескрипте говорилось: «внушить им, что если Ага-Магомет-хан хочет достигнуть признания его в

287. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 22-23.

шахском достоинстве, то надо, во-первых, чтобы он прекратил свои предприятия на области, к Каспийскому морю прилежащие, и на владельцев скиптру нашему подвластных... во-вторых, чтоб учинил приличный и почтительный отзыв, и если по взаимным соглашениям положено будет о границах и о прочем, то и может тогда отправить ко двору нашему посольство, во взаимство коего таковое же и от нас получит». При этом генералу сразу ясно очерчивалась российская сфера влияния: *«Взирая равнодушно на положение персидских южных провинций, не можем не иметь особенного внимания на край Азербейджанский и на области, к морю Каспийскому прилежащая».* Не упустили в Петербурге также возможность попробовать развернуть Ага Мухаммеда в сторону Порты, в том числе в отместку за то, что турецкое правительство фактически натравливало хана на царя Ираклия. Генералу советовали *«с крайнею однакож деликатностью внушить что Ага Магомед-хан всего удобнее может обратиться к стороне Багдада и к другим турецким владениям к югу лежащим и тем скорее предугадать в пользе и славе своей что может надеяться на благоприятное...»*²⁸⁸. Таким образом, перед нами все та же система дистанционного управления Закавказьем, с той только разницей, что в силу сложившейся ситуации, Петербург готов был провести небольшую силовую акцию. Но проблема была в том, что указания из Петербурга запоздали. Генерал И.В. Гудович получил рескрипт 1 октября 1795 г., когда от Тифлиса остались одни обугленные развалины, наполненные трупами.

Уже современники стали обвинять в совершившейся трагедии «странное поведение» командующего на Кавказской линии. *«Виноват Гудович, – писал Иосиф*

288. Там же. С. 23, 25-26.

Аргутинский в письме Степану Давыдову от 15 декабря 1795 г. – *Несчастный и злополучный царь еще в марте присылал к нему и писал: помочь или отречься (от покровительства Грузии). Хотя я много говорил ему, что страна без вашей (русской) помощи погибнет, но крепкая голова его не приняла*²⁸⁹. Русский посол в Константинополе В.П. Кочубей в письме от 13 ноября 1795 г. также писал: *«Я не понимаю, как мы не умели с Персианами дело Грузинское сладить. Цель первых главнейшее конечно в том состояла, чтоб землю ограбить; следовательно всего лучше было доставить Ираклию средство откупиться: ибо введение войска в Грузию и дороже бы стало, и землю бы разорила, и при том по многим уважениям в настоящих обстоятельствах и неудобно. Я писал о сем в свое время но чаятельно уже поздно; а ежели поздно, то сие ни от чего произошло как от некоторыя странности И.В. Гудовича, который ни о чем меня не уведомлял что в соседстве его происходило... Я надеюсь однакож, что мы довольно благоразумны будем, чтоб за царика не сильно вступаться. Он того не стоит, перекидываясь по обстоятельствам иногда к Туркам, иногда к нам*²⁹⁰.

Данное письмо только доказывает, что генерал действовал в русле избранной в Петербурге политики дистанционного управления кавказским «пограничьем». У него были определенные полномочия (постановление Совета от 28 мая 1795 г.) в случае надобности ввести войска, но зная, что в Петербурге к таким действиям относятся с настороженностью, он, естественно, ждал прямого приказа из столицы. Приказ с учетом того, что в Петербурге получали информацию о ходе

289. Там же. С. 53.

290. Бумаги графов Александра и Семена Романовичей Воронцовых. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А.И. Вяземского, П.А. Левашева и И.В. Страхова // Архив князя Воронцова. М., 1879. Т. 14. С. 58-60.

военных действий, относящуюся примерно к началу августа 1795 г., был отдан все-таки своевременно. Но никто не ожидал, даже ближе всех находившийся к месту событий, и, следовательно, наиболее информированный генерал Гудович, что грузины так быстро сдадут свою страну.

В письме к генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому от 15 октября 1795 г. И.В. Гудович, оправдываясь за свои действия, по горячим следам описывал ту неприглядную картину полного хаоса и неспособности к сопротивлению, которая открылась перед ним из писем и опросов самих грузин. Получалось, что грузинские войска не пытались остановить врага на границе, используя «узкие дифелеи», что прибывшие из Имеретии большая часть войска ушла домой «не хотя драться» перед самым взятием Тифлиса, попутно ограбив тех горожан, которые бежали из города, что Ираклий смог собрать для обороны города только полторы тысячи воинов, несмотря на то, что поход Ага Мухаммед-хана длился уже четыре месяца, что его сыновья царевичи просто разъехали по своим уделам, бросив своего отца и царя одного, что у Ираклия в Тифлисе было около 24 пушек, которые при организации должной обороны города, могли нанести иранцам большие потери, наконец, что, только зная об этом беспорядке и разложении, Ага Мухаммед-хан решился идти на Тифлис. Единственно, что скрашивало эту картину беспорядка, малодушия и откровенного предательства, – это по-прежнему мощная фигура грузинского царя, восьмидесятилетнего старца, несмотря ни на что ведущего в битву небольшой отряд против огромного войска²⁹¹.

291. Бумаги князя Н.В. Репнина.. // Сб. РИО. Т. 16. С. 304-308.

* * *

Итак, 12 сентября 1795 г. войска Ага Мухаммед-хана взяли Тифлис, в результате чего несколько тысяч жителей были убиты, а остальные, порядка 30 тысяч, уведены в плен. Для Российской империи это стало вызовом, который нельзя было оставить без ответа, не потеряв лицо. После получения рапорта Гудовича от 28 сентября о нападении Ага Мухаммед-хана на Тифлис, собравшийся на заседание 18 октября Совет постановил изгнать персов из Закавказья, совершить и *«дальнейший поход», если генерал Гудович найдет нужным, не причиняя, однако «тревоги Порте Оттоманской»*²⁹².

Тем временем, Ираклию нужно было выиграть время, чтобы еще раз попытаться организовать сопротивление врагу. Рассылая во все стороны приказы, собирать войска, он одновременно послал письмо к Ага Мухаммед-хану. *«Если ты считаешь себя шахом, – писал Ираклий, – и повелителем всей Персии, зачем разорил ты мою столицу, зачем полонил моих подданных, неповинных пред тобою? Умей ты поступать по-царски. Ты после битвы даровал бы мир жителям Тифлиса и привлек бы тем их сердца. Выслушай теперь мое предложение: возврати свободу пленным, а после мы подумаем об условиях союза, заключим его, и я исполню его ненарушимо, как требуют того честь и справедливость. Если ты не исполнишь моего желания, я сделаю все, чтобы спасти отечество, потому что сердца грузин полны негодованием и мщением. Объявляю тебе также, что единоверная нам Императрица России не потерпит того, что ты делаешь с нами»*²⁹³. В конце сентября Ага Мухаммед прислал Ираклию от-

292. КВ. Т. 2. Кн. 1. С. 754.

293. Дубровин Н.Ф. Указ. Соч. Т. 3. С. 50.

вет со следующими требованиями: прислать в заложники своего сына Давида, выдать всех переселившихся в Грузию карабахских армян, отдать доставшийся царю от Азат-хана большой белый алмаз, отдать часы, присланные в свое время от Г.А. Потемкина-Таврического. Со своей стороны, Ага-Мухаммед обещал возвратить 30 тысяч пленных, восстановить здания в Тифлисе, а затем заключить с царем союзный договор²⁹⁴. Генерал Гудович советовал царю тянуть время, ведя переговоры, пока подойдут русские войска, соглашаясь на передачу алмаза и часов. Но переговоры с правителем Ирана были сорваны интригами гянджинского Джевад-хана. Собрать войска Ираклию также не удалось. Царь укрывался в Кахетии, писал письма Гудовичу и ожидал прибытия русских войск. Ага Мухаммед-хан, в свою очередь, во второй половине октября 1795 г. отошел с войском к Гяндже.

Гудович начал деятельно готовить переброску войск через Кавказский хребет. Во второй половине сентября 1795 г. он подтянул основные силы к Моздоку, часть из которых переправил через Терек, одновременно направив в горы «искусного обер-квартирмейстера с большою партией» с тем, чтобы выяснить состояние дороги. Но полученные сведения были неутешительными: *«Посылаемый от меня для осмотра дороги до границ Грузии с партией обер-квартирмейстер нашел оную совершенно неудобною к переходу войск, без многого поправления, – писал И.П. Гудович в письме к П.А. Румянцеву-Задунайскому, – так что в нескольких местах верст по пяти надобно пушки с снарядами и все нужные повозки разбирать и переносить на руках; также, по овладению Агою – Мамет ханом большой части Карталинии, войскам, которые бы туда пошли, по невозможности найти там провианта, должно*

294. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 110.

бы было везти оного с собою большое количество»²⁹⁵. В октябре генерал направил батальон для постройки в 95 верстах от Моздока складочного депо, а также для исправления дороги через горы. За максимально короткий срок было построено 27 мостов, а дорога приведена к такому состоянию, чтобы пропускать обозы и артиллерию.

Одновременно генерал отправил в Петербург предложения по организации похода для наказания Ага Мухаммед-хана. *«Ежели благоугодно будет повелеть, – писал И.В. Гудович императрице, – опрокинуть Агу-Магомед-хана и покорить надежно и с пользою высочайше предположенные провинции в Персии, а особливо шушинского хана и азербейджанских, которые отдалены, то, по известности мне положения здешняго края, всеподданнейшее мое мнение в том, чтобы с самого начала весны послать небольшую часть войск прямо через горы в Грузию ежели удобства не предстанет теперь оныя туда доставить, а другой знатнейшей части войск, не меньше, как с двенадцатью полными батальонами, с знатною частью артиллерии, с тридцатью эскадронами драгун, с частью казаков – располагая оставить надобных на линии – вступить с марта месяце в Персию, берегом Каспийского моря и идти с оными мне или как благоугодно будет повелеть, в Гилян, а оттуда и далее»²⁹⁶.*

К ноябрю все было готово, и, несмотря на сложности зимнего перехода через Большой Кавказский хребет, в Грузию отправили 2 батальона при 6 орудиях и 30 казаков – всего 1480 чел.²⁹⁷ 22 декабря 1795 г. два егерских батальона под командованием полковника Сырохнева прибыли в Мухрани. Это существенно улуч-

295. Бумаги князя Н.В. Репнина... // Сб. РИО. Т. 16. С. 304-308.

296. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ соч. Т. 3. С. 56.

297. Бобровский П. Кубанский егерский корпус // Военный сборник. 1893. №2. С. 205.

шило положение Картли-Кახетинского царства и придало уверенности царю Ираклию. 8 января 1796 г. он писал императрице: *«В прошлом декабре месяце непобедимые Вашего Императорского Величества войски к нам вступили, за что Всевышнему и Вашему матерному о нас попечению приносим благодарение. Главы наши полагая до последней капли крови на верность вам, Государыня, мы все упование наше, по Боге всемогущем, возлагаем и на вас, что жизнь наша и благосостояние зависит от в. в. Если подадите милостивую руку и подкрепите эту же зиму, то сим способом обстоятельства наши во всем поправятся»*²⁹⁸.

Получив известие о прибытии в Грузию русских батальонов, Ага-Мухаммед-хан отошел в Муганскую степь. Здесь правитель Ирана не стал больше ждать и короновался по новому, утвержденному им лично обычаю (в частности, он сам брал государственный меч, вместо старой короны была введена диадема без алмазного пера)²⁹⁹. Из Мугани он стал распространять слухи о своем намерении идти походом на восточные «адербайджанские» ханства и Дагестан. Вскоре шах, действительно, направил 20 тысяч своего войска на Шемаху, которая была взята и разграблена. Проведя еще одну демонстрацию устрашения, Ага Мухаммед отправил ко всем «адербайджанским» и дагестанским владельцами свой фирман: *«Высочайший повелителя Персии фирман в том состоит, дабы известно и ведомо вам было, что удостоился уже я быть в Персии шахом; адербейджанские же ханы и владельцы все мне покорились, и я прибыл теперь с войском к стороне здешней с тем, чтобы наказать противников. Почему и можете вы прислать своего посланника с прошением и изъяснить все до вас касающееся, что, конечно, приму*

298. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 117.

299. Sykes P.M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 389-390.

*я за благо. Только пришлите ко мне нарочного своего с обстоятельным вашим прошением; по исполнении же сего и по мере услуг ваших, не останетесь вы без воздаяния»*³⁰⁰. Большая часть владельцев отказалась повиноваться шаху, за исключением дербентского Ших Али-хана, который опасаясь, что союз с Российской империей будет стоить ему власти в его ханстве, отправил богатые подарки правителю Ирана. Правда, перед этим он несколько раз посылал письма к генералу Гудовичу, прося денег, чтобы нанять дополнительные войска против Ага Мухаммед-хана, но отказываясь от русской военной помощи³⁰¹.

Тем временем генерал Гудович, решил как можно быстрее пресечь возможные колебания дагестанских владетелей, послав в Дагестан войска. 19 декабря 1795 г. из Кизляра выступил отряд в составе трех батальонов пехоты, шести орудий и казачьей команды под командованием генерал-майора Савельева. В задачу отряда входило поддержать дагестанских владетелей, с тем, чтобы они выступили против Ага Мухаммеда общими силами. Проведя переговоры с дагестанскими владетелями в Буйнакске, генерал-майор Савельев должен был двинуться дальше и занять Дербент, принудив Ших Али-хана дербентского примкнуть к коалиции остальных дагестанских владетелей. Узнав о движении русского отряда, Ших Али-хан заперся в Дербенте с намерением защищаться. На помощь Савельеву было направлено еще два батальона с приказом заставить хана повиноваться. Ага Мухаммед-хан, узнав, что в Дагестан вступил русский отряд спешно увел свое войско, в рядах которого начались болезни, из Муганской степи в Хоросан.

Воспользовавшись уходом иранских войск и прибытием первого русского отряда, Ираклий решил отбить

300. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 64.

301. Там же. С. 62.

Гянджу и расправиться с Джеват-ханом гянджинским, который, по слухам, подстрекал в свое время Ага Мухаммед-хана разорить Тифлис. В этом его поддержал Ибрагим-хан шушинский, который весной 1796 г. писал царю: *«Гянджа есть общий наш враг... нужно сему делу нам положить конец»*³⁰². В феврале 1796 г. Гянджа была осаждена царевичем Александром, отряд которого, однако, вскоре разошелся по домам из-за отсутствия продовольствия. В марте 1796 г. к Гяндже подступил Ибрагим-хан. Через некоторое время гянджинцы выдали аманатов и снова согласились платить дань.

В Петербурге, наконец, было принято окончательное решение о походе в Иран. Движение войск Ага Мухаммед-хана в сторону прибрежных «адербайджанских» ханств, а также Дагестана, стало для русского правительства дополнительным доводом в пользу организации похода. *«Столь неистовые много раз причиненные оскорбления сим грабителем, – говорилось в рескрипте императрицы В.А. Зубову от 19 февраля 1796 г., – и поход его к Ширванской и Дагестанской областям, лежащих при берегах Каспийского моря и к нам сопредельным, в явном намерении, приближаться к границам нашим и в тех землях испровергая все то, что пользе и выгод наших касаться может, поставит нас с сей стороны в заботливое положение и возбуждая беспокойство в горских народах и самые пределы наши привести в опасность, привлекли по всей справедливости все внимание наше»*³⁰³. Идею не ограничиваться помощью грузинскому царю, а двинуть войска вдоль каспийского побережья с целью окончательно разделаться с Ага Мухаммед-ханом, также активно поддерживал Иосиф Аргутинский, который предлагал поставить во главе войска А.В. Суворова. Но общее ко-

302. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 156.

303. Цитата по: Дубровин Н.Ф. Указ соч. Т. 3. С. 77.

мандование войсками было поручено генерал-поручику графу Валериану Зубову, брату фаворита императрицы Платона Зубова. Граф потерял ногу во время военных действий в Польше против конфедератов, что стало вскоре причиной слухов, будораживших воображение персов, о том, что русскому командующему, в место потерянной в бою была императрицей подарена золотая нога. Этим и объяснялось данное ему персами прозвище – Кизил-аяг (золотоногий)³⁰⁴.

К апрелю 1796 г. в Кизляре стали собираться войска для похода в Персию: первоначально планировали собрать 12 батальонов, 30 эскадронов, 3 тысячи казаков и 33 орудия. Вместе с войсками, которые должна была перевозить флотилия из Астрахани, это составило около 18 тыс. чел.³⁰⁵ Войска разделили на три корпуса: Главный (Каспийский корпус), Кавказский и корпус генерал-поручика Булгакова. Кроме того, в Дагестане действовал отряд генерал-майора Савельева, в Грузии – отряд полковника Сырохнева, а также отряды в Баку и на Саре. Общая численность войск достигала 20 954 человек (11 тысяч пехоты, 9 тысяч кавалерии, 103 единицы артиллерии).

Согласно инструкции от 19 февраля 1796 г. данной генерал-поручику В. Зубову, военные действия должны были вестись в двух направлениях: со стороны Грузии и вдоль побережья Каспийского моря. Кавказский корпус должен был занять Тифлис и восстановить власть царя Ираклия, вернуть под его власть эриванского хана, а затем начать действовать вдоль р. Кура против Гянджи. Одновременно русские войска должны были помочь Ибрагим-хану шушинскому и армянским меликам в Карабахе. После этого корпус отправлялся к слиянию Куры

304. Берже А.П. История России, изложенная персиянином // Русская старина (далее – РС). 1879. Т. 24. Вып. 1. С. 168.

305. Бобровский П. Указ. соч. С. 205, 215.

и Аракса и устанавливал связь с Каспийским корпусом. В свою очередь, последний должен был, пройдя через Дагестан, взяв Дербент и Баку, затем перейдя Аракс *«устремить в те страны на испровержение власти хищника»* Ага Мухаммед-хана. Действие этого корпуса, согласно плану, поддерживались Каспийской флотилией, в задачу которой входила высадка десанта в Гиляни, с тем, чтобы помочь утвердиться в этой провинции Муртазы Кули-хану, которого русское правительство планировало возвести на трон шаха Ирана. Инструкция рекомендовала укреплять связь между Картли-Кахетией и Имеретией, но с соблюдением осторожности, чтобы не вызвать подозрения у султанского правительства *«в присвоении власти над царем имеретинским»*³⁰⁶.

Получив чувствительный для самолюбия удар, Петербург снова вернулся к реализации программы по созданию закавказского «барьера». Ставку решено было снова сделать на гегемонию царя Ираклия в Закавказье. Екатерина II предписывала П. Зубову присоединить к Грузии Гянджу и Эривань, чтобы Грузия, усилившись без помощи России, могла производить поиски, *«весьма для нас полезные при случае войны с турками»*³⁰⁷. Прибывший 25 марта 1796 г. в Кизляр В.А. Зубов по совету И.В. Гудовича решил внести изменение в план похода – отменив движение Кавказского корпуса в Грузию. Причина этого заключалась во внутренних неурядицах царства, где Ираклий потерял всякий контроль над своими сыновьями царевичами. Кроме того, царь так и не смог наладить снабжение прибывших к нему в декабре 1795 г. двух русских батальонов. Поэтому И.В. Гудович, несмотря на приказ императрицы отправить еще два батальона в Грузию, отказался от этого, получив сообщения, что батальоны Сырохнева буквально голодают.

306. Армяно-русские отношения в XVIII веке. С. 418-423.

307. Цит. по: Маркова О.П. Указ соч. С. 293.

При этом русскому командованию было известно, что грузины возили в большом количестве хлеб в Гянджу для продажи по высоким ценам. Полковник вынужден был рассылать по всему царству фуражиров, с тем, чтобы они покупали у населения за русские червонцы. В результате было решено, что в случае необходимости войска Кавказского корпуса могли быть направлены через Дагестан, Шемаху к Гяндже³⁰⁸.

Петербург был крайне заинтересован в восстановлении порядка внутри царства. В письме Ираклию от 30 апреля 1796 г. князь Платон Зубов рисовал план создания сильного Грузинского царства, которое распространилось до Аракса и пределов Порты Оттоманской. На этом письме была наложена резолюция Екатерины II «Быть по сему». Однако русское правительство выдвигало жесткое условие. В том же представлении грузинскому царю Платон Зубов писал о необходимости срочно навести порядок внутри грузинских царств, без чего все усилия русских войск будут бесполезны: *«Естьли сильные пособия и мужественные подвиги победоносных войск Российских достаточны будут на избавление ограждение и утверждение в неприкосновенности и безопасности в настоящем случае царств ваших извне, то впредь внутренне благоустройство оных одно токмо возможно, укореняя тамо порядок и общее благосостояние, сохранить на-веки те преимущества, кои сильным Российским покровительством и победоносным оружием приобретены быть могут».* Особое внимание обращалось П. Зубовым на пагубность разделения грузинского царства на уделы: *«Владетели разных уделов, противоборствуя намерениям и видам один другого, и не имея взаимного уважения, научают примерами подданных к непослу-*

308. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. С.86, 90, 92.

шанию, и все, стремясь к разным предметам и видам, не достигают ни единого. Области управляемые таковою властью, не будучи сильными к собственной защите своей, не могут быть и полезны союзникам своим; не имея же соединения, бывают токмо что жертвою врагов своих»³⁰⁹.

Граф, указывая на главную причину Тифлисской трагедии – внутренняя слабость Восточной Грузии, в то же время в завуалированной форме сообщал царю, что Петербург не собирается вечно держать свои войска в Грузии, и что Ираклию необходимо, пользуясь моментом, укрепить свое царство, чтобы самостоятельно отражать угрозы извне. **«Естьли, пользуясь днесь сильным покровительством победоносных войск Российских, – говорилось в представлении, – в.в. предуспеете, во славу свою и для блага рода, царств и подвластных вам народов, и для христианства вообще, соединить и утвердить на веки царскую власть нераздельно и распространить владычество ваше до Аракса и до пределов Порты Оттоманской, тогда устроая в порядке и возвелича силы и способы царств и областей ваших, нетокмо навсегда сами собою против неверных в состоянии будете защищать права свои и собственность подвластных вам народов, но, опровергая дерзостныея покушения врагов ваших, и наказывать их ослаблением их силы и приращением польз подданных ваших»**³¹⁰. Однако царь Ираклий, отвечая на послание Зубова через посланного к нему премьер-майора Вердеревского, заявил: **«Возстановить единовластие и уничтожить уделы он, по старости лет, не может, предоставляя все в полную волю е.и.в.. и полагая более всех надежды на внука своего царевича Давида, коего отправляет к армии»**³¹¹. Не было ли это первой

309. Цагарели А.А. Указ соч. Т. 2. Вып. 2. С. 141.

310. Там же. С. 142.

311. Там же. С. 152.

попыткой царя прощупать почву для качественного изменения формата отношений между Восточной Грузией и Российской империей?

Поход в Закавказье начался в середине апреля 1796 г. Командующий В.А. Зубов решил не дожидаться сбора всех частей, предназначенных для похода, и выступил в направлении Дербента, имея под своим началом восемь батальонов пехоты, двадцать восемь эскадронов кавалерии, семь казачьих команд и двадцать одно орудие полевой артиллерии. Между тем, отряд генерал-майора Савельева безуспешно пытался овладеть Дербентом. Ших Али-хан отказался впустить в город русские войска, ссылаясь на то, что не может впустить такой маленький отряд, опасаясь мести со стороны Ага Мухаммед-хана. Отойдя от города и заняв господствующие высоты, Савельев занялся сооружением батарей и бомбардировкой города, принуждая хана открыть ворота. Но в это время он получил от В.А. Зубова приказ отступить от Дербента и дожидаться подхода основных сил. Это было ошибкой, поскольку Ших Али-хан, воспользовавшись отходом отряда, построил башню на месте русской батареи, причинявшей столько беспокойства осажденному городу³¹². Боясь потерять свое владение, дербентский хан сначала обратился за помощью к Ага Мухаммед-хану, а, получив отказ (хан сослался на усталость войск, а также заявил, что не желает драться с русскими), попытался обратиться к Порте. *«Русские подкупили и успели склонить на свою сторону шамхала тарковского, уцмия каракайдакского и кадия табасаранского, – писал в послании к султану Ших Али-хан, – они старались подкупить и меня, чтобы я покорился, но я не хотел продавать свою честь за деньги и отказался им покориться. Владельцы Да-*

312. Персидский поход в 1796 году. Воспоминания Варвары Ивановны Бакуниной // РС. 1887. Т. 53. Вып. 2. С.347.

гестана ослабели в вере мусульманской и соединились с неверными; но пока Богу неугодно будет отделить мою душу от тела, я не покорюсь им. Если тень милосердия его величества – прибежище мусульман – не распространится на обитателей этой страны, то не будет возможности защищать границ правоверных. Я, который всегда желаю благоденствия империи османов, прошу ныне покровительства его величества»³¹³. Но Порта оставила обращения мятущегося хана без ответа.

2 мая 1796 г. корпус генерал-поручика В.А. Зубова подошел к древним стенам Дербента. Первым делом русским войскам пришлось брать штурмом передовую башню, которая мешала строительству артиллерийских батарей и траншей. Башня была возведена как раз после отхода от города зимой отряда генерал-майора Савельева. В целом, надежды на взятие Дербента практически не было – крепость была солидной, а тяжелой артиллерии корпус с собой не имел. Тем не менее, после блокирования города со всех сторон, а также интенсивного обстрела 10 мая город решил сдаться. Ключи выносил старый мулла, который за 74 года до этого сдавал их Петру Великому³¹⁴. Устроив дела в Дербентском ханстве (поставив в отдельных его частях наибов, а также взяв заложников) 24 мая Зубов выступил в сторону Баку. Переправившись через Самур, русские войска один за другим в течение июня заняли без сопротивления – Кубу, а затем и Баку. В июле русскому командующему покорилась Шемаха. Все лето ушло у В.А. Зубова на малоуспешные в целом попытки укрепить лояльность местных владельцев и населения «адербайджанских» ханств России. В середине ноября 1796 г. корпус В.А. Зу-

313. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ соч. Т. III. С. 104.

314. Персидский поход в 1796 году. // РС. Т. 53. Вып. 2. С. 347-348, 355.

бова, наконец, подошел к слиянию Аракса и Куры, но продвинуться дальше русские войска не могли, поскольку не хватало продовольствия, а также нужны были подкрепления³¹⁵.

Между тем смерть Екатерины II 6 ноября 1796 г. остановила поход. Павел I не считал необходимым продолжать политику своей матери. Уже 6 декабря в корпус пришел приказ возвращаться в Россию³¹⁶. Ага-Мохаммед понял случившееся по своему и немедленно возвестил всем о своей победе. Персидский хронист писал об огромном успехе персов и бегстве Кизил-аяга: *«Вдруг пришло известие, что солнце-шапочная монархия скончалась. Пользуясь этим случаем, Кизил-аяг поспешил в Россию, бросив на произвол судьбы весь обоз, который сделался добычей шахских войск – милость великого и всемогущего Аллаха»*³¹⁷. Шах стал собирать войска для нового похода на Картли-Кахетию...

315. Князь Платон Александрович Зубов // РС. 1876. Т. 17. Вып. 12. С. 695-697.

316. Бобровский П. Указ. соч. С. 221.

317. Берже А.П. Указ. соч. С. 168.

ГЛАВА 4.

«Просительные пункты» Георгия XII: смена российского курса в Закавказье (1797-1801)

«На первом дипломатическом приеме, – писал Федор Гаврилович Головкин, занимавший при дворе Павла I должность церемониймейстера, – проходившем у нового государя, он обратился к присутствующим со словами: “Господа, я не унаследовал ссор моей матери и прошу вас сообщить об этом вашим дворам”. Он сказал еще: “Я – солдат и не вмешиваюсь ни в администрацию, ни в политику; я плачу Безбородке и Куракину, чтобы они занимались этими делами”. О политике Павла I я скажу только следующее: когда обстоятельства заставляли его заниматься насущными интересами государства он поневоле, впадал всегда в политические ошибки Екатерины»³¹⁸.

Оставляя слова известного русского литератора и мемуариста второй половины XVIII в. об ошибках внешней политики Екатерины II на его же совести, в то же время отметим, что преемственность внешней политики Павла I с предшествующим царствованием, по крайней мере, до конца 1799 г. была очевидна. На кавказском направлении неприязнь императора к правлению своей матери выразилась только в прекращении Персидского похода под командованием брата фаворита императрицы В. Зубова, что, как показали дальнейшие

318. Головкин Ф.Г. Двор в царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 397.

события, было явной ошибкой. Угроза со стороны Ага Мухаммед-хана не была устранена, а, следовательно, можно было ждать повторения событий 1795 г. В остальном же Павел I продолжил политику, проводимую Петербургом в первой половине 1790-х гг.

Об этом ясно говорил рескрипт императора от 5 января 1797 г. генералу И.В. Гудовичу: *«Положение пограничных наших дел с Персиею и предприятое, до вступления Нашего на престол, движение войск Наших в том крае, никаких решительных успехов еще неодоержавшее, требует особливаго уважения. Мы всему предпочитаем безопасность наших пределов и спокойствие подданных Наших и потому, в ожидании, покуда время и обстоятельства воспособствуют подробную на тамошний край устроить систему, находим за нужное предначертать для вас следующие правила»*. Далее говорилось о необходимости исправно содержать линию от устья Кубани до Кизляра, с тем, чтобы она *«обуздывала впереди ея обитающие разные дикие народы»*. В то же время, предписывалось *«народы горские всякого рода... удерживать в кротости и повиновении ласкою»*. Особое внимание в рескрипте было уделено Восточной Грузии: *«В разсуждении царя карталинского..., соблюдать с сим владетелем всякое пристойное сношение, и его удерживать в добром согласии и единодушии с владельцами и областями, России более приверженными, дабы, в случае надобности, соединенными силами все они могли стать против покушающихся наших врагов, и мы колико можно меньше имели надобности вступаться за них вооруженною рукою. Словом, доводя дело до такой степени, чтобы из сих к России благожелательных владельцев ставилось федеративное государство, зависящее от нас, яко от верховного их государя и покровителя, который тем меньше для них тягостен будет, по-*

лику мы ни образ правления мешаться, ниже от них дани иные повинности, кроме верности единой к нам требовать не намерены». В отношении шамхала тарковского, принявшего российское подданство в 1792 г., а также дербентского, бакинского и других ханов, «кои от западной части Каспийского моря близко находятся» предписывалось «удерживать по возможности в зависимости... поставляя их в удобности к соединенному отпору против подобных неприятных замыслов, каковые недавно со стороны Ага-Магомет-хана оказаны». Относительно последнего в рескрипте говорилось о необходимости внушить ему, что, только оставив в покое Восточную Грузию и «адербайджанские» ханства, он сможет снискать «доброхотство» русской власти. Что касается Турции, то следовало «во всяком случае удаляться от подания Порте Отоманской подозрения, что Мы ищем с нею поводов к ссорам»³¹⁹.

При чтении этого документа возникает ощущение deja-vu, поскольку не дословно, но по смыслу он повторял то, что было предписано генералу И.В. Гудовичу в рескрипте от 4 сентября 1795 г., когда в Петербурге еще не знали о разорении Тифлиса. Это вполне понятно, поскольку автором и того, и другого рескрипта являлся, скорее всего, один человек – А.А. Безбородко, который при Павле I достиг вершины своей политической карьеры – став канцлером Российской империи. Его авторитет представлялся на тот момент непререкаемым, поэтому на кавказском направлении была продолжена прежняя политика дистанционного управления кавказским «пограничьем».

Между тем, получив известие о вступлении на российский престол императора Павла I царь Ираклий в феврале 1797 г. отправил в Петербург своего полномоч-

319. Дубровин Н.Ф. Георгий XII. Последний царь Грузии и присоединение ея к России. СПб., 1867. С. 39-42.

ного министра Гарсевана Чавчавадзе с целью принести поздравления императору, а также просить оставить в Грузии русские войска для защиты от Ага Мухаммед-хана. Грузинский царь поручил своему послу также изложить русскому правительству проект возможного нового формата отношений между Восточной Грузией и Российской империей. Однако представление царя грузинский посол вследствие отъезда императорского двора в Москву на коронацию был вынужден, отложив, сосредоточившись на решении вопроса о русских войсках. В письме к А.А. Безбородко от 28 апреля 1797 г. он писал: *«Поелику вижу я, что вы заняты в настоящее время многими делами и готовитесь уехать, посему я не заявляю вам о делах, порученных мне царем, государем моим, для доклада вам; буду иметь честь предъяснить их в Петербурге; теперь же прошу только в. с. о том, чтобы, если приказ об оставлении в Грузии русского войска еще не послан, то послать приказ главнокомандующему на линии не спешить отозванием русского войска из Грузии в Россию пока я не доведу до вашего сведения то, что поручено мне моим царем, а затем поступайте как заблагорассудит в. с.»*³²⁰.

Как следовало ожидать, сразу после вывода русских войск хан снова решил навести «порядок» в Закавказье. Около Тебриза были собраны войска, и началась подготовка к новому походу. Часть войска хан тут же отправил к Эривани и Гяндже. Жестокие репрессии обрушились на непослушных или нерадивых ханов. Пойманному Хусейн-хану хойскому были выколоты глаза, Кельбалай-хана нахичеванского *«уморили под палками»*, а эриванскому хану Ага Мухаммед посоветовал самому повеситься, если тот срочно не пришлет 500 тыс. рублей. Своему самому упорному врагу, Ибрагим-хану

320. Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1902. С. 162.

шусинскому правитель Ирана предложил, если тот хочет остаться в живых, передать ханство своему сыну, а самому отправиться в хадж³²¹. В направленном дагестанским владетелям послании хана, в частности, говорилось: *«Не безызвестно вам, какой успех имел я в Хоросане и вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущаго им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять, в немалой робости и разстройстве. Верьте, что я буду скорое в Адербиджане, и всегда не оставлю послушных мне моею милостию, а противников строго буду наказывать. Почему и даю чрез сие знать, чтоб преданные ко мне по надлежащему себя от противников отличали и о состоянии своем меня уведомили, каковых и не оставлю я моею помощию, и будут они жить спокойно»*³²². Грозный фирман был также послан грузинскому царю, от которого Ага Мухаммед-хан потребовал только дать письменное обязательство *«быть в послушании»*³²³.

О новых угрозах царь Ираклий сообщил в Петербург (в письме от 16 апреля 1797 г.): *«Всеавгустейший монарх, ныне более прежняго на нас Ага-Мугаммед-Хан озлобился, что доказывается из приложенного при сем его фермана, ко мне присланного. И естьли я лишусь вашего покровительства выведением находящегося здесь войска Российскаго, то и ближайшие соседи мои, кои находятся со мною дружелюбны, в неприятели мне обратятся»*. Царь снова просил оставить на два или три года русское войско в количестве 4 тыс. для защиты³²⁴. В Петербурге не хотели повторения Тифлисской трагедии, поэтому отчасти пошли на-

321. Там же. С. 162-163.

322. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 2. СПб., 1869. С. 425-426.

323. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 163.

324. Там же. С. 161.

встречу просьбам царя, разрешив оставить в Грузии два батальона под начальством подполковника Спешнева. 7 мая 1797 г. известие об этом было получено в Тифлисе и вызвало оправданную бурную радость – одновременно во всех церквях города совершались богослужения «для ободрения всех жителей»³²⁵.

В мае 1797 г. Ага Мухаммед-хан с войском снова двинулся в сторону Закавказья, намереваясь в первую очередь, разделаться с Ибрагим-ханом шушинским. В то же время хан прислал Ираклию очередное послание с угрозами, которое царь поспешил переправить в Петербург, поскольку в нем задевалась «честь» Российской империи и русского оружия, что могло вызвать ответную реакцию русского правительства³²⁶. *«Россияне, – говорилось в нем, – всегда промышляли торгом и купечеством, продавали сукно и кармазин, и никто не видал, чтобы они когда-нибудь могли употребить саблю, копье и прочее воинское оружие. Как ныне они отважились войти в пределы областей, состоящих под нашу державою, то мы высочайшие мысли наши в ту сторону устремили и счастливейшие знамена наши обратили, чтобы их наказав истребить. Они же, узнав об этом, в свою гнусную землю удалились. Государственные наши очи проникают то, кого должно наказывать, кого истребить, и для того нашими величественными лучами оный край мы озарили. В сих странах и степях земля будет покрыта шатрами войск наших, а как ваше высочество в Персидской Империи главные родом и достоинством своим, кои обретают вам от милостивых очей наших уважение и честь, то сим сообщаем вам о продолжающемся с давних времен доныне к вам всемилостивейшем нашем воззрении и благоволении, которое, ежели твердо*

325. Там же. С. 163.

326. Там же. С. 162-163.

хранилось в царском нашем сердце, то и ныне, кроме излияния милостей и доброжелательства ничего другого в себе не содержит. Проишествию же, которое недавно с вами приключилось, ваше высочество сами причиною, а как наше милосердие повсюду оживает, и сердце правосуднейшее расположено, то ваше высочество и сыны ваши можете получить участие от царских сокровищ наших и заслужить особую нашу милость. Почему и можете считать наши царские двери для себя отверзтыми; вследствие сего и имее-те вы быть к услугам нашим, и можете вы или кто из сыновей ваших без опасения ехать к нашему царскому порогу, где и получите от нас разные милости. Что чрез сие вам повелено и предписано, буде того не исполнете, сами знаете, что от того последует»³²⁷.

В то же время грузинский царь отправляет к своему полномочному министру Гарсевану Чавчавадзе напоминание о необходимости представить Павлу I проект о новых отношениях грузинского царства и Российской империи. Выполняя распоряжение царя, Гарсеван Чавчавадзе 11 июня 1797 г. делает императору представление. В первом пункте, своего рода преамбуле, грузинский царь, напоминая о заключенном в 1783 г. Георгиевском трактате, прозрачно намекал, что в связи с восшествием на престол Павла I можно было бы пересмотреть его условия, особенно ввиду «бедственного, стесненного и разоренного» положения грузинского царства³²⁸.

Чего хотел грузинский царь? Все пункты в его представлении делятся ровно на две смысловые группы. Первая касается обороны грузинского царства русскими войсками, а вторая – выведения царства из внутреннего

327. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 3. С. 205.

328. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 166.

политического и социально-экономического кризиса. Что касается обороны, то царь снова просил оставить на территории царства русские войска в том составе, в каком они были введены туда в течение 1796 г., до того момента *«пока настоящие смутные обстоятельства минуют»*. После этого царь предлагал вернуться к системе Георгиевского трактата – постоянная дислокация двух батальонов пехоты с артиллерией. Со своей стороны, Ираклий обещал передать все грузинские крепости под контроль российских войск, а также организовать снабжение их провиантом, что, напомним, было одним из самых болезненных вопросов в период пребывания русских войск в Восточной Грузии в 1784-1787 гг. При этом он обязывался не использовать российский контингент за пределами границ царства без особого высочайшего разрешения, а с соседями поддерживать максимально дружественные отношения *«столь долго, сколько то угодно будет в.и.в. повелеть ему продолжать»*. Ираклий также обещал без санкции императора не делать попытки расширить свои владения за счет соседей: *«Сам же собою, ни из чего и ни с кем никакого дела начать не отважится без высокомонаршей вашей на то воли»*. В этой части был один новый момент, отличавший предложения царя от статей Георгиевского трактата: Ираклий фактически отказывался от артикулов, где русское правительство обещало содействовать ему в отнятии у турок Ахалциха, Карса, а также выражал готовность подчиниться «императорской воле» относительно возвращения под свою власть Эривани и Гянджи³²⁹.

Вторая часть предложений царя полностью выходила за рамки Георгиевского трактата, поскольку касалась внутренних дел царства. Из представления выяснялось, что русские батальоны нужны были царю не только

329. Так же. С. 167-168.

«как некий щит и в то ж время великое ободрение к спокойной и безопасной их жизни», но, в качестве своего рода внутренних войск, которые должны были удерживать «каждого в пределах своей должности», а также «укрощать» тех из подданных царя, которые «по какому либо злоумышлению и восхотел бы нарушить всеобщую тишину и спокойствие»³³⁰.

Упоминания об удержании или укрощении подданных царя было неслучайно, поскольку Ираклия, в первую очередь, беспокоил вопрос о престолонаследии, который он сам же усложнил, подписав в 1791 г. указ о том, что после его смерти царем будет Георгий, а после него престол перейдет к его сыну от царицы Дареджан – царевичу Юлону. Опомнившись, царь позже попытался дезавуировать этот указ. В письме к старшему сыну царевичу Георгию в 1795 г. он писал: *«Письмо утвердительное, которое дали мы твоим братьям, правда, было так, что меня заставили оно запечатать. Без моего позволения однакоже оно было написано: итак то письмо недействительно и ничтожно есть. Поверь мне и Богу, клянусь родителем моим Теймуразом, что на то письмо я не согласен. Когда сия военная экспедиция пройдет и окончится (нашествие Ага Мухаммед-хана), тогда как дело правильно есть, то так точно я его и совершу. В сем уверяю вас именем Божиим, что ни по чьей причине и проискам права твоего не нарушу, а то прежнее письмо, данное братьям, уничтожу»³³¹.* Но не так просто было вырвать у царицы Дареджан и ее родни заветное для них письмо, открывавшее им дорогу к грузинскому престолу.

Пытаясь исправить свою ошибку, Ираклий просил российского императора подтвердить, что его наследником является Георгий, путем присылки представи-

330. Так же. С. 168.

331. Дубровин Н.Ф. Георгий XII... С. 51.

теля императора с *«высочайшей конфирмацией, или подтверждением сего Наследника для извещения о том народа сего»*. Таким образом, Ираклий пытался избежать после своей смерти борьбы за престол среди своих сыновей, обращаясь к российскому императору как гаранту исполнения его царской воли относительно престолонаследия³³².

В то же время Ираклий предлагал распространить на грузинское царство *«всероссийский закон для управления государством его, дабы оным исторгнуть некоторые, вкравшиеся издревле, азиатские несправедливые судопроизводства, служащие во вред и в противность Православному христианскому исповеданию»*. Грузинский царь, таким образом, надеялся превратить слабую средневековую грузинскую монархию в современное государство европейского образца. Одновременно Ираклий пытался придумать, как возместить потерю своей казны во время нашествия Ага Мухаммед-хана и дать дополнительный постоянный источник средств. С одной стороны, он традиционно просил выдать ему некоторую сумму денег для содержания грузинских войск (а скорее всего, наемных отрядов лезгин и других горцев), а, с другой, предлагал русскому правительству взять в управление грузинские серебряные и другие рудники, в обмен на выделяемую ему некоторую часть от них доходов³³³.

Следует отметить, что предложенный Ираклием план не был спонтанной реакцией на вывод русских войск из Закавказья. Исходя из содержания письма П. Зубова грузинскому царю от 30 апреля 1796 г., план по укреплению Восточной Грузии изнутри активно обсуждался в Петербурге в 1796 г., а его авторами были Гарсеван Чавчавадзе и Платон Зубов. В частности, в ука-

332. Там же.

333. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 169.

занном письме говорилось: «*Министр в.в. Князь Чавчавадзе в бытность свою в Петербурге имел случай много раз говорить со мною по поводу положения сего, и он по разуму и просвещению своему, а не менее того и по усердию к лучшим пользам вашим, во всех подробностях тех изустно объяснить вам может все то, что лучшим быть кажется для славы вашей и для выгод подвластных вам народов*»³³⁴. Однако осенью 1796 г. царь Ираклий прямо ответил, что не в состоянии один провести необходимые реформы в его царстве, и что ему нужна поддержка или даже вмешательство со стороны русского правительства. В этой связи становится понятным появление пунктов о русских батальонах, как внутренних войск Грузии, об утверждении императором в качестве наследника царевича Георгия, и об управлении рудниками. Но оставалось два вопроса: 1) захочет ли русское правительство взять на себя труднейшую задачу по превращению Восточной Грузии в сильное государство; 2) сможет ли оно это выполнить в том виде, как это предлагал царь Ираклий?

1 июня 1797 г. Ага Мухаммед-хан захватил крепость Шуша, где через четыре дня был убит двумя своими слугами. После того, как персидская угроза была устранена волей случая, Ираклий направил усилия к тому, чтобы добиться «высочайшего повеления» находившимся в Грузии русским войскам помочь разделаться с «чарскими партиями», опустошавшим внутренние области царства, а также возратить Гянджу и Эривань. Царь торопил своего посла в России с подачей прошений, подчеркивая «*ибо нынешнее время есть самое лучшее и случай – удобнейший, воспользоваться которым и не должно упускать*»³³⁵.

Петербург молчал. Внимание русского правительства было в этот момент сосредоточено на отношениях с

334. Там же. С. 142.

335. Там же. С. 171.

Францией. С 1796 г. в Петербурге серьезно рассматривалась возможность нападения французского флота на черноморское побережье, что было следствием различного рода слухов, которые породила тайная подготовка Наполеоном Бонапартом экспедиции в Египет. На всякий случай, император Павел I распорядился привести черноморский флот в боевую готовность, а также укрепить побережье. Весной 1798 г. в ожидании вторжения французского флота в Черное море, Петербург даже предложил Константинополю свой флот для защиты³³⁶. Вероятно, именно с этой «военной тревогой» на черноморском побережье империи, было связано принятое Павлом I в конце августа или начале сентября 1797 г. решение срочно вывести остававшиеся в Грузии батальоны. Принятие такого решение облегчалось тем, что угроза со стороны Ага Мухаммед-хана уже исчезла, и можно было в ближайшее время не опасаться за безопасность грузинского царства. Что касается лезгинских партий, то русское правительство, считало, что грузинский царь сможет сам справиться с этой проблемой.

Имелось еще несколько частных причин вывода батальонов из Грузии. Судя по рапорту генерала И.В. Гудовича от 15 сентября 1797 г., перед русским командованием возникли серьезные проблемы с провиантом, а также побегам солдат. В рапорте генерал сообщал: *«Как подполковник Спешнев командующий там отрядом уведомляет, что не только беглых солдат в Грузии укрывали, но еще многие из тамошних к побегам подговаривали, как от него присыланными офицерами пойманные солдаты сами объявили, и он тридцать шесть человек нашел чрез посланных офицеров и надеялся и еще возвратить. Я писал уже давно к царю Грузинскому Ираклию Теймуразовичу и просил запре-*

336. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 299.

тить принимать беглых солдат, но безуспешно»³³⁷. Таким образом, оставляя русские батальоны в Грузии на постоянной основе, русское командование рисковало очень скоро потерять значительную часть их личного состава, как от недоедания, так и от дезертирства.

Между тем полномочный министр Гарсеван Чавчавадзе, раздраженный отсутствием в течение четырех месяцев ответа на все его запросы со стороны русского правительства, 30 сентября 1797 г. направил канцлеру А.А. Безбородко письмо с требованием ответа. *«На некоторые письма мои, посланные в св. чрез С.А. Лашкарева, под днесь не удостоился я получить никакого ответа, почему нахожусь не в состоянии что-либо сам отвечать царю, моему Государю, который за то в письмах своих изъявляет мне не малый гнев свой... А как я не имел чести видеться с в. св. для уведомления о сих обстоятельствах, то и просил е. пр. Сергея Лазаревича о исходатайствовании мне от вас какого либо ответа. – Он же безпрестанно мне отзывается, что в. св. угодно меня пригласить и самолично мне дать ответ. И поелику тяжелыя обстоятельства моего Государя и моего отечества не терпят отлагательства, то в разсуждении сего всепокорнейше и прошу в. св. как нашего попечителя, по сему моему представлению не оставить своим ответом...»³³⁸.*

В начале декабря 1797 г. Гарсеван Чавчавадзе получил устный отрицательный ответ на представление царя Ираклия от 11 июня того же года, который ему от имени канцлера передал С.Л. Лашкарев. Это побудило грузинского посла написать довольно резкое письмо, в котором канцлер упрекался за долгое отсутствие ответа на предложения царя, а также выдвигалась настоя-

337. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 174.

338. Там же. С. 175.

тельная просьба дать ответ в письменном виде. В связи с выводом войск, а также отрицательной реакцией Петербурга на проект царя Ираклия, грузинский посол прямо ставил вопрос: *«еще... нужнее мне знать о торжественном договоре, который пред всевидящим и правдолюбивом Богом, постановлен высочайшим двором Российским и Грузиею, – существует ли он или нет? – о чем покорнейше и прошу в св. пожаловать в непродолжительном времени меня уведомить»*³³⁹.

Несмотря на сделанный запрос канцлеру о судьбе Георгиевского трактата, Гарсеван Чавчавадзе, очевидно сознавал, что трактат фактически перестал действовать, во всяком случае, на данный момент. Петербург отказывался выполнять главный для грузинской стороны пункт касательно посылки войск. Тогда он делает последнюю попытку побудить русское правительство вернуть батальоны в Грузию, направив 31 декабря 1797 г. свое представление императору Павлу I. В то же время предполагая, что и на этот раз ответ может быть отрицательным, посол выдвигает запасной, временный план поддержания союзных отношений между Восточной Грузией и Российской империей. Центральным пунктом этого плана являлась просьба к императору приказать русским пограничным властям разрешить приглашать в Грузию в качестве наемников черкесов, для защиты царства. В этом случае, как писал посол *«мы можем быть, при помощи Всесильного, найдемся еще в состоянии отвратить опасность от отечества, и отнять охоту у врагов нападать на нас, сохраняя всегда, по единоверию, к престолу Твоему, престолу Православия не ложную христианскую преданность»*. Кроме того, посол снова просил переправить в Грузию еще остававшиеся на линии пушки, в свое время специально отлитые для царя Ираклия. Князь Чавчавадзе также просил дать

339. Там же. С. 177.

«милостивую, утешительную грамоту» царю Ираклию, его наследнику Георгию и всему грузинскому народу, а также снабдить его инструкцией, *«какое... делать там внушение царю,... вельможам его и народу»*³⁴⁰.

Определенным диссонансом звучала в представлении Гарсевана Чавчавадзе просьба вернуть в Грузию Крест Господень, который по церковному преданию туда принесла Св. Нина. Рассказ о том, как Крест попал в Россию, и как по возвращении его обратно в Грузию весь народ «ободрится» определенно преследовал цель заинтересовать императора. Конечно, Чавчавадзе, уже довольно долго пребывая в Петербурге, неплохо знал высший, придворный свет, и, в частности, конечно, он знал наделавшую много шума историю принятия Павлом I осенью 1797 г. под свое особое покровительство Мальтийского ордена. Как знать, может быть, расчет посла, в конечном счете, оправдался. Между тем, в Петербург пришло известие, что 11 января 1798 г. в Телави скончался царь Ираклий II Теймуразович.

* * *

На престол Картли-Кахетии вступил Георгий XII. В апреле 1798 г. князь Гарсеван Чавчавадзе известил Коллегию иностранных дел о вступлении на престол Георгия: *«Мне пишут из Грузии пока только, что после кончины государя моего, блаженной памяти царя Ираклия, принял власть (царскую) законный его Наследник Георгий, который снаряжает к высочайшему двору посольство с прошениями о всех своих делах, посему он сам в настоящее время ничего не пишет, не имея вследствие множества дел, как всегда бывает в таких несчастных случаях»*³⁴¹. Дел у царя, конечно,

340. Там же. С. 179-181.

341. Там же. С. 278.

хватало, поскольку ему необходимо было утвердиться на престоле, который у него хотели оспорить царица Дареджан и ее сыновья царевичи. Но задержка до середины июня 1798 г. с отправлением письма в Петербург с сообщением о своем восшествии на престол и положенным по Георгиевскому трактату прошением об инвеституре, говорила о том, что грузинский двор на время перестал воспринимать Россию как своего покровителя.

Тем временем, несмотря на ухищрения царицы Дареджан и ее сторонников, Георгию удалось после получения известия о смерти отца привести большую часть знати к присяге на верность. Поставленные перед фактом царица и царевичи вынуждены были признать Георгия своим царем. При этом, чтобы утвердиться на престоле, царь, в свою очередь, сделал уступку противной партии, согласившись на то, что после его смерти престол перейдет к царевичу Юлону, а затем другим братьям по старшинству³⁴². На непродолжительное время в грузинском царстве установилось временное перемирие между враждующими политическими партиями, которые стали деятельно готовиться к продолжению борьбы. Царь Георгий вскоре нанял четыре тысячи лезгин, опираясь на которых он надеялся держать в повиновении своих противников. Царица и царевичи тем временем разъехались по уделам, для сбора собственных своих сторонников. Попытка царя Георгия через посредничество царицы Дареджан примириться с царевичем Александром, который оспаривал у него престол, ни к чему не привела. Царевич уехал в Борчалы, затем в Ахалцих, а оттуда в Имеретию. В отместку царь отнял у царицы Дареджан деревни и обратил доходы с них в пользу своей жены³⁴³. Ситуация в царстве стала медленно накаляться и сползать к масштабной междоусобице.

342. Дубровин Н.Ф. Георгий XII... С. 57.

343. Там же. С. 58.

Неурядицы в царской семье накладывались на внутреннюю слабость Грузии как государства. Изнутри царство разьедал произвол местной власти, а непродуманная фискальная система подрывала экономику страны. Царство было сильно разорено во время нашествия в 1795 г. Ага Мухаммед-хана. Кроме того, нанятые сначала царем Ираклием, а затем Георгием отряды лезгин стали открыто грабить население, а также приводить в царство своих единоплеменников, которые ежегодно похищали от 200 до 300 семейств грузин для продажи на турецких невольничьих рынках. В начале 1798 г. в Тифлисе и других местностях появилась моровая язва. В довершение всего царь Георгий довольно быстро по своей воле устранился от дел, предоставив окончательно разорять страну своим приближенным. Все это делало Восточную Грузию абсолютно беззащитной перед любой внешней угрозой.

Тем временем, расчет Петербурга на то, что после смерти Ага Мухаммед-хана Иран снова погрузится в пучину междоусобиц не оправдался. Уже к весне 1798 г. Фетх Али-хан, племянник Ага Мухаммед-хана, смог утвердиться на шахском престоле. В июне того же года он прислал царю Георгию свой фирман с требованием выслать к своему двору одного из сыновей. В случае отказа Фетх Али грозился разорить Грузию вдвое больше, чем это, в свое время, сделал Ага Мухаммед³⁴⁴. Получив фирман, царь Георгий начал метаться в поисках защиты. Снова полетели письма в Петербург, где царь и царица Давид решили действовать через влиятельного в Петербурге армянского архиепископа Иосифа Аргутинского. В письме к нему от 28 июня 1798 г. царица Давид откровенно писал о метаниях царского двора, после того, как там получили фирмана Фетх Али-хана: *«...царь (Георгий) приказал, чтобы ты заявил князьям*

344. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 182.

Безбородко и Куракину, что наше положение чрезвычайно тяжелое: если мы от них (русских) откажемся, то стыдно будет нам за наше слово и честь, – и как нам от них отказаться? – боимся притом данной нами присяги. Если же не откажемся то Грузия подвергнется еще большему опустошению теперь, чем это случилось при царе Ираклии, – и по этому случаю находимся в большом смятении. Постарайтесь пожалуйста, если дорожите Грузией и рассчитываете на ее поддержку, то найдите для этого дела какое-нибудь лекарство»³⁴⁵. 30 июня 1798 г. царь Георгий XII наконец отправил письмо на имя императора Павла I, а также на имя канцлера А.А. Безбородко с извещением о принятии «законного наследства», а также «о покровительстве и защите, которая обещаны нам во святом и ненарушимом оном Трактате»³⁴⁶. Понимая, что надо объяснить задержку с представлением императору, Георгий писал, что он «об этом в свое время в. в-ву чрез графа Гудовича представлял, но таковое мое послание не застало графа Гудовича на линии, и не знаю куда оно делось»³⁴⁷.

Грузинская дипломатия за три столетия борьбы за выживание мастерски освоила искусство балансирования между Турцией, Ираном и Россией. Последовавшие в промежутке между июнем и октябрём 1798 г. события еще раз продемонстрировали это мастерство. Добиваясь помощи от Российской империи, царь Георгий и царевич Давид стали дозированно давать в Петербург информацию о том, что они вынуждены начать переговоры с Фетх Али-ханом. В письме от 27 июня 1798 г. царь Георгий писал Иосифу Аргутинскому: «О здешних обстоятельствах даю вам знать, что дядя и воена-

345. Там же. С. 279-280.

346. Там же. С. 280

347. Там же. С. 281.

чальник Баба-Хана Сулейман-Хан приехал в Табриз, куда и сам он, Баба-Хан, намерен быть; к нам же прислал он чиновника своего Мугаммед-Хана, которой по прибытии в Тифлис, 27 сего месяца, т. е. в воскресенье, потребован мною в Кизик, куда и сам я намерен ехать, и где, узнав его требования, об оных извещенье отправлю к вам с моим князем Аваловым, – вы же, не упуская ни малого времени, употребить имеете с вашей стороны старание и ходатайство ваше у с. св. канцлера и е. прев. Лагакарева»³⁴⁸. В письме от 6 июля 1798 г. царевич Давид писал Гарсевану Чавчавадзе: «И тепер не знаем что делать, – писал царевич Давид 6 июля 1798 г. Гарсевану Чавчавадзе, – ибо сей есть последний день для разлучения Грузии с Россиею, и мы к нему отправим человека с тем, что министерии проводил малое время, и ежели вскорости от вас ничего не будет, то наш Тифлиз будет у других в руках, и мы не разоримся»³⁴⁹. Конечно же всю грузинскую почту, которая направлялась в Петербург, читали еще на линии. Поэтому 19 июля 1798 г. инспектор войск Кавказской инспекции генерал-лейтенант И.И. Морков доносил канцлеру А.А. Безбородко, что из письма от монаха Евфимия к Гарсевану Чавчавадзе ему стало известно: «что через неделю царь иметь будет свидание в Кизике с присланным от Баба-хана сердаря, отколь его и отправит; и после сего послан будет к нему, Чавчавадзеву князь Георгий Авалов с ходатайством к е.и.в. Которое состоять будет в следующем: 1. о постановлении вечной договорной присяги, 2. о пожаловании царю 5 000 войска из которого после через пять лет чтобы оставить в Грузии навсегда 500 человек; 3. о пожаловании царю находящихся в Адербегжане Армян и несколько орудий, которые буде пожалованы не

348. Там же. С. 183.

349. Там же. С. 184.

будут, то и сами они в Грузии могут построить их, и что буде всероссийский двор покровительства не окажет, то царь искать будет его у другого, и он бы Чавчавдзев, буде на то ничего не последует выехал в Грузию»³⁵⁰. А 21 июля 1798 г. царевич Давид сообщал руководителю департамента азиатских дел Коллегии иностранных дел С.Л. Лашкареву: «Что ж касается до Баба-Хана, то намерены после всех советований ныне же послать к Баба-Хану, по политике, царского тестя Георгия Цицианова с некоторыми подарками... Е. в. царь Георгий приказал мне, объявить в. пр-у, что турки нарушили с нами дружество, и что Ахалцихской паша привел Лезгинское войско и разоряет Картлию, почему и просит е. в. об уведомлении, что, не имеется ли нарушения мира между Россией и Турцией»³⁵¹.

Тем временем отправленный к Фетх Али-хану тесть царя князь Цицианов решил вернуться с половины пути, поскольку узнал, что против шаха восстали некоторые провинции. В это время царь Георгий, не получая известий из Петербурга, решил подстраховаться в отношении Ирана, обратившись к Порте, которая снова стала проявлять активность на грузинском направлении. К султану с формальным прошением о подданстве был отправлен Аслан Орбелиани, шурина царя. В Ахалцихе паша принял его с большим почетом. Но пока князь ожидал разрешения отбыть ко султанскому двору, к нему пришел приказ царя Георгия тайно отослать обратно прошение о подданстве султану, чтобы его не перехватил паша³⁵². Как раз в это время, в первой половине августа, пришел положительный ответ из Петербурга.

Что заставило русское правительство пересмотреть свою позицию в отношении Грузии, а затем и всего За-

350. Там же. С. 186.

351. Там же. С. 186-187.

352. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 445-446.

кавказья? Как всегда, решение было принято под влиянием политической конъюнктуры. Еще весной 1798 г. в Петербург прибыл от Фетх Али-хана посол Ага Мир Сеит Гасан. В основном переговоры велись по вопросам русско-иранской торговли, которые все были решены к взаимному интересу сторон. Однако Коллегия иностранных дел не забыла еще раз предупредить посла *«дабы Баба-хан отложил в сторону всякие притязания к царю картлинскому и его владениям, а равно к шамхалу ханам дербентскому, бакинскому и к прочим землям, лежащим к западу, между Каспийским морем и грузинскими областями»*³⁵³. Русское правительство продолжало твердо отстаивать давно определенную (со времени Петра I) зону своих интересов в Закавказье. Поэтому надо полагать, что в Коллегии иностранных дел были крайне неприятно удивлены, узнав в июле 1798 г., что грузины ведут переговоры с Фетх Али-ханом, а также собираются в случае отсутствия российской поддержки, официально отказаться от Георгиевского трактата.

Впрочем, документов освещающих в деталях процесс принятия решения пойти навстречу царю Георгию сохранилось крайне мало. Но все же есть письмо неизвестного (вероятно С.Л. Лашкарева) от 30 августа 1798 г., в котором царю Георгию приносилась благодарность за какое-то пожалование (известно, что С.Л. Лашкарев в 1798 г. получил от грузинского царя имение в Горийском уезде), а также сообщалось следующее: *«с Божией помощью подвинули мы дело до настоящего положения, что может засвидетельствовать посланник в в-ва кн Чавчавадзе и если бы вы до сих пор возвратили князя Авалова то теперь дело это было бы закончено так как того требуют выгоды вашего царского дома. Вновь состоялся указ е. в ва привести в исполнение все (проектированное). Все готово инчего*

353. Там же. С. 434-435.

больше не ждем, кроме приезда князя Авалова с вашими представлениями»³⁵⁴. Впрочем, уже давно известно, что именно С.Л. Лашкарев стал одним из главных авторов и исполнителей идеи присоединения Грузии к Российской империи. Но в середине августа 1798 г. в Петербурге пока только приняли решение о восстановлении действия Георгиевского трактата.

* * *

11 октября 1798 г. царь Георгий писал С.Л. Лашкареву: *«Письмо вашего пр-а мы получили с большим почтением и узнали все, что в нем писано, и благодарим вас за такое попечение. Все о чем мы желаем просить у Е.И.В. изложено нами в нескольких пунктах; вам также послали мы копию с этих просительных пунктов, и просим ваше пр-о во всех инстанциях хлопотать с особенным усердием по этому делу, и привести его в исполнение, чем вы нас премного обяжете»³⁵⁵.*

Процесс был запущен. К этому времени царь Георгий уже получил от российского императора Павла I *«монаршей милостью наполненную Грамоту»*, в ответ на которую он прислал свое прошение – утвердить его на царство, а сына Давида – наследником; прислать в Грузию *«на вечное пребывание»* трехтысячный корпус, а в случае нападения еще дополнительный семитысячный корпус³⁵⁶. В ноябре 1798 г. Георгий отправил в Петербург с соответствующим прошением князя Авалова, а также возобновил полномочия князя Гарсевана Чавчавадзе, в качестве министра при Императорском дворе. 16 декабря 1798 г. посол Чавчавадзе также пред-

354. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 187.

355. Там же. С. 187.

356. Маркова О.П. Указ. соч. С. 303; Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 188-190.

ставил ноту о возобновлении договора о протекторате. 11 февраля 1799 г. Коллегия иностранных дел дала ему положительный ответ, извещая об отправлении в Грузию трех тысяч солдат с артиллерией и об отъезде туда полномочного министра П.И. Коваленского. Отправка войск в Грузию способствовало заключению между Россией и Турцией союзного договора 23 декабря 1798 г., в котором торжественно заявлялось: *«Друзья одной стороны да будут друзьями, неприятели же одного из них да почтутся такими же и другому»*³⁵⁷. Турецкая сторона подтверждала все пункты Ясского мирного договора и других соглашений, заключенных между Россией и Турцией.

В рескрипте русскому министру от 16 апреля 1799 г. признавалось, что посылка войск делается под давлением внешних обстоятельств: *«Интересы наши в рассуждении края того суть, конечно, чтоб в оном никогда не могло установиться какое либо твердое владычествование под наименованием шаха или другим, дабы таким образом не иметь сильного соседа, который ежели не самим нам может наносить беспокойство, то по крайней мере вредить будет владельцам, нам преданным»*. В то же время Петербург оставался верен своим принципам осторожности и предпочтению опосредованных методов управления кавказским «пограничьем». *«Потому нужно, – говорилось далее в рескрипте, – чтобы вы всегда достоверныя имели сведения о том, что происходит в Персии, содержа сношения в теми их ханов, кои посредством связей их с Грузией или и прямо привержены к Империи нашей; подкрепляя таковых уверениями о нашей к ним милости и покровительстве и умножая число владельцев, к Престолу Российскому склонность оказующих, в чем однакоже имеете вы поступать осторожно, чтоб не вовлечь*

357. Цит. по: Маркова О.П. Указ. соч. С. 303.

иногда нас в дальние хлопоты, а напротив стараться, чтоб таковое влияние наше существовало без всяких или по крайней мере с малейшими издержками, и наипаче, чтоб дело не доходило до инаковых посылок войск, с толикими неудобствами по отдаленности края и климата сопряженными»³⁵⁸.

18 апреля 1799 г. Высочайшей грамотой Георгий был утвержден на царстве, а его сын Давид – в качестве его наследника, со ссылкой на третью статью Георгиевского трактата³⁵⁹. Вслед за известным грузинским историком и правоведом З.Д. Аваловым обратим внимание на то, что грузинский царь просил об утверждении не только себя, но и своего наследника Давида. Между тем, в Георгиевском трактате ничего не говорилось о таком праве российского императора. Более того, из трактата следовало, что вопрос о замещении престола является внутренним вопросом грузинского царства и решается независимо от желания сюзерена³⁶⁰.

Смысл просьбы с грузинской стороны был прост. Георгий желал обеспечить своему сыну политическую поддержку русской власти. Однако здесь можно поспорить с Аваловым, который утверждал, что *«подтверждением прав Давида, как наследника, Император не создавал ему этих прав – этого он не мог, так как по трактату, не имел на то власти, а брал лишь на себя перед царем обязанность оказать содействие сыну его, при будущем вступлении на престол»³⁶¹*. Между тем, просьба с юридической точки зрения могла означать начало процесса пересмотра Георгиевского трактата, поскольку создавался прецедент, расширяющий

358. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее – АКАК). Т. 1. Тифлис, 1866. С. 96.

359. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 204-205.

360. Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 2009. С. 103

361. Там же. С. 103.

права российского императора в отношении грузинского престола. Правда император Павел I, давая такое утверждение, также не думал о том, насколько это вяжется с Георгиевским трактатом, на который он ссылался. В реальности, утверждение Давида в качестве наследника Павлом, как мы дальше увидим, даст Петербургу дополнительный аргумент в пользу решения о полной инкорпорации Картли и Кахетии в состав Российской империи.

В мае 1799 г. статский советник П.И. Коваленский выехал из Петербурга и в конце июля прибыл на Кавказскую линию, в станицу Наури, где находился инспектор Кавказской дивизии генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг. Отсюда он известил царя о своем прибытии и просил способствовать переброске войск в Грузию. Царем были приняты решительные меры для ремонта дороги. В ноябре 1799 г. полномочный русский министр прибыл в Тифлис, доставив грузинскому царю инвеститурные знаки. Вместе с министром в столицу царства прибыли русские войска. Император Павел I повелел командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Кноррингу отправить в Тифлис семнадцатый егерский полк под командой генерал-майора И.П. Лазарева. Русских солдат встречали с большой торжественностью. Царь вместе с наследником престола, царевичами и многочисленной свитой поднес командиру полка хлеб и соль. Как доносил Коваленский, полк при этом сделал *«фигуру преизрядную»* и вступил в Тифлис при громе пушек и колокольном звоне. 12 декабря 1799 г. в торжественной обстановке Георгий принял царскую инвеституру и присягу в верности России³⁶². Таким образом, в конце 1799 г. отношения между Россией и Грузией снова начинают определяться статьями Георгиевского трактата.

362. АКАК. Т. 1. С. 75.

Несмотря на прибытие русских войск и торжественную коронацию Георгия, ситуация в царстве не только не стабилизировалась, но, скорее, стала ухудшаться. Не все представители грузинского царского дома разделяли идею протектората Грузии от России. Собственно, речь шла не столько о принципиальном неприятии идеи, сколько о политической конъюнктуре, связанной с борьбой группировок внутри грузинского царского дома. Традиционно одним из политических ресурсов придворной борьбы было обращение за помощью и покровительством к двору персидского шаха или турецкого султана. И грузинские царевицы не собирались отказываться от этого привычного инструмента придворных интриг только из-за того, что Георгий принял присягу российскому императору. Больше того, тактический ход Георгия заставить российского императора выступать гарантом передачи престола его сыну Давиду автоматически делало остальных царевиц, претендовавших на грузинский престол, врагами Российской империи.

В Петербурге, судя по всему, хорошо представляли положение дел при грузинском дворе. Поэтому П.И. Коваленскому дали соответствующую инструкцию. *«Легко случится может, что вдовствующая царица, имея сыновей – братьев владеющего царя... вступит в какие-либо сплетни, столь в тех краях свойственные, к предосуждению е.в. и видам нашим».* Поэтому министру предписывалось *«бдительное смотрение иметь за поступками царицы... и людей ей приверженных..».* Конечно, *«по превратности тамошних владельцев и двоякости, часто их руководствующей»*, необходимо следить за поступками самого царя, *«дабы никогда не могло им ничто учинено быть вопреки интересов Высочайшего Двора»*³⁶³.

363. Там же. С. 93-95.

Торжественная коронация Георгия моментально обострила распри внутри царского дома. Наследником был признан Давид, а не Юлон, что сделало царицу Дареджан непримиримым врагом русского влияния в Грузии. Непримиримым врагом оставался для Георгия и неуловимый царевич Александр. В начале 1800 г. царевич, живший в Шулавери, направился к турецкой границе и вскоре с сопровождавшими его лицами был принят пашой. Оттуда он направился через р. Аракс и взял путь на иранский лагерь, где находился сын Фетх Али-хана Аббас-Мирза и его дядя Сулейман, которые радушно приняли царевича и преподнесли ему ценные подарки. Царевич намеревался с помощью Ирана вторгнуться в Грузию и овладеть царским трон³⁶⁴. В одном из писем царевич Александр откровенно писал: *«Если бы не было в Грузии русского министра, то я давно уже бы отыскал себе и братьям надлежащее удовлетворение за все претерпеваемые обиды»*. Можно себе представить, как бы это было!

Коронация Георгия, прибытие русского полномочного министра и русских войск обострили отношения Российской империи с Ираном. Министр Ирана Хаджи Ибрагим хан предъявил русскому министру П.И. Коваленскому претензии относительно Грузии: *«... всем известна истина, что с самого того времени, как весь Земной шар разделился на четыре части, Грузия, Кахетия и Тифлис заключались в Иранском государстве и жители оных во времена прежде бывших Персидских шахов всегда принадлежали службою и повиновением указам оных, а во владении Российском никогда не были, кроме того случая, когда царь Ираклий... вздумал, отторгнувшись от власти всегдашних владельцев сових, итти неприятельскою против Персии*

364. Дубровин Н.Ф. Георгий XII ... С. 105.

стеблю; вам конечно не безызвестно, какое получил он за поступок сей воздаяние,... желание Е.В. уничтожить запечатленные веками права и преимущества с установленными народами узаконениями, не согласно и не далеко от сохранения государства чести и достоинства. Условия царя Ираклия какой доверенности достойны? Его рукописания какое могут иметь уважение?»³⁶⁵.

К границам Закавказья было выдвинуто войско под номинальным командованием малолетнего сына шаха Аббаса-мирзы, которого опекал дядя Сулейман-сердарь. Несмотря на грозное послание к Георгию, действия Аббас-мирзы были неудачными. Войска понесли большие потери, осаждая небольшую крепость, где укрылся непослушный шаху Джафар Кули-хан хойский. Попытка взять Эривань также провалилась. Вскоре Аббас-мирза узнал, что в Грузию прибыли дополнительные русские войска. 25 августа 1800 г. по повелению императора полк под командованием генерала Гулякова выступил из Моздока и 23 сентября прибыл в Тифлис. Это заставило Аббас-мирзу отступить. Несмотря на неудачу в военных действиях, ему удалось поддержать создание коалиции враждебных царю Георгию гянджинского, шушинского, шекинского ханов и грузинского царевича Александра, к которой присоединился Уммахан аварский. Встретившись в Шуше, эти закавказские владельцы договорились о совместном выступлении³⁶⁶. Над Грузией нависла серьезная опасность быть окончательно разоренной отрядами лезгин и «адербайджанских» ханов. На пути к наступлению полного хаоса в грузинском царстве стояли только русские войска. 4 августа 1800 г. генерал-майор И.П. Лазарев писал К.Ф. Кноррингу: «А на Грузию надеяться нечего, у них на

365. АКАК. Т. 1. С. 97

366. Там же. С. 115-116.

10 человек два ружья, а прочие вооружены кизилowymi обожженными палками, да к тому еще присовокупить должно, что здесь внутренний беспорядок, что все бунтуют, все из города бежит, но ныне наши караулы не пускают»³⁶⁷. Решительность русских генералов спасла ситуацию, когда в начале ноября 1800 г. войска Умма-хана аварского попытались вторгнуться в Кахетию. 7 ноября 1800 г. в кровопролитном сражении на берегах р. Иори войско лезгин было разбито.

Однако угроза вторжения со стороны Ирана продолжала сохраняться, что тревожило царя Георгия. Малочисленность русских войск вызывала у царя и его ближайшего окружение беспокойство. Грузинский двор имел негативный опыт политического бытия, определявшегося статьями Георгиевского трактата. Обязательства покровительства не могли настолько заинтересовать Петербург, чтобы постоянно держать за кавказским хребтом значительные военные силы, которых империи постоянно не хватало для защиты собственных южных рубежей. Понимая это, еще царь Ираклий решил предоставить Российской империи не только право распоряжаться доходами от рудников, но также передать в ее ведение дело внутреннего переустройства Грузии. Именно об этом делал свои представления императору Павлу I летом 1797 г. в Петербурге князь Гарсеван Чавчавадзе. После смерти царя Ираклия идея создания более тесного союза с Россией окончательно созрела в ближайшем окружении царя Георгия. С целью осуществить эту идею на практике царь осенью 1799 года решает отправить в Петербург Георгия Авалова и Елеазара Палавандова с подготовленными знаменитыми «просительными пунктами», положившими начало процессу присоединения Грузии к Российской империи.

367. Там же. С. 86.

* * *

В апреле 1800 г. посольство, прибыв в Моздок, тут же направилось в Петербург. Грузинские послы имели поручение царя передать Грузию в совершенное подданство России. В письменных полномочиях от 7 сентября 1799 г. грузинских послов было записано: *«Царство и владение мое отдайте непреложно и по христианской правде и поставьте его не под покровительство Императорского Всероссийского престола, но отдайте в полную его власть и на полное его попечение, так чтобы отныне царство Грузинское было бы в Империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России»*³⁶⁸.

В этом месте снова позволим себе привести обширную цитату из книги Авалова: *«Инкорпорация есть акт, посредством которого власть государства распространяется на так или иначе присоединяемую к нему область. Инкорпорации могут предшествовать различные события и правоотношения, создающие власть государства над присоединяемой территорией. В одном случае это может быть завоевание, в другом добровольная уступка, в третьем – купля-продажа и т. д. Но когда речь идет о добровольном присоединении, то этот (всегда односторонний) акт инкорпорации должен следовать за другим актом (или актами), в котором обнаруживалось бы соглашение относительно утраты самостоятельности с одной стороны и принятия в подданство с другой... Повторяем: если добиваются полного присоединения, слияния, то во всяком случае, необходимо должен предшествовать инкорпорации акт отречения от своих прав монарха (если речь идет о монархии) и, вообще, должно быть изъявлено предварительное согласие*

368. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 287.

на инкорпорацию со стороны тех, кто имеет право и обязан выражать волю государства»³⁶⁹. Как юрист и историк Авалов точно указал на центральный момент истории вхождения Грузии в состав России. Главный вопрос заключается в том, был ли документ, который ясно говорил об отречении грузинского царя от своих прав в пользу российского императора. В поле зрения исследователей обычно находятся три ключевых документа: «просительные пункты», манифест Павла I и манифест Александра I. Соответственно, последовательно рассмотрим их, для выяснения их роли в процессе инкорпорации Грузии в состав Российской империи.

24 июня 1800 г. грузинские послы по уполномочию Георгия II представили в Коллегию иностранных дел ноту из 6 пунктов для оформления нового соглашения между двумя странами. Вероятно, в Петербурге при участии уже Коллегии иностранных дел их расширили до 16 пунктов. 17 ноября 1800 г. нота и «просительные пункты» поданы от имени царя Георгия князем Чавчавадзе. Через два дня все 16 пунктов одобрил император Павел³⁷⁰, а 23 ноября того же года грузинскому царю была послана Высочайшая грамота с извещением, что нота, поданная его уполномоченными «апробирована» Государем³⁷¹.

Предложенные уполномоченными грузинского царя и одобренные императором Павлом «просительные пункты» кардинально меняли характер отношений России и Грузии. Рассмотрим пункты не в формальном порядке, а с точки зрения внутренней логики документа. Итак, в «просительных пунктах» говорилось: «Е.в. царь Георгий Грузинский, Кахетинский и прочих, наш государь, вельможи, духовенство и народ его жела-

369. Авалов З.Д. Указ. соч. С. 108-109.

370. АКАК. Т. 1. С. 179-181.

371. Там же. С. 181.

ет единожды навсегда принять подданство Всероссийской Империи, **обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Российским подданными, не отрекаясь ни от каких законов и повелений, сколько силы того царства позволять будут, с признанием Всероссийского Императора за своего природного Государя и Самодержца**». И далее: «добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссийской Империи и иметь им, царям, главное в своем царстве правление по тем законам, кои от Всевысочайшего двора, даны быть имеют. **От себя ж им без особого повеления никаких узаконений не вводить**». Таким образом, грузинский царь полностью уступал российскому императору свои законодательные прерогативы. Затем в документе говорилось: «... **Доходы же царства Грузинского е.в. царь, так как подданный, представляет в полную власть Г.И. обратить куда Е.В. благоугодно, на содержание войск и на другие тамошние надобности для первых времен...**». Т. е. Георгий отказывался и от своего права распоряжения доходами своего царства. «**Все подданные царя Грузинского, как дворянство, о духовенство, купечество, так и прочий ремесленный народ имеет быть на равных правах и законах, как и Российские подданные**». В данном случае, речь идет о вхождении Грузии в правовое пространство Российской империи без всякого изъятия.

Уступая все эти ключевые для суверенного монарха права, Георгий в обмен на это требовал выполнить следующие его условия. Первое: «**Всеподданнейше просить, чтоб при вручении царства его был он оставлен, а по нем и наследники его на престоле с титулом царей**». Георгий просит оставить его правителем Грузии с формальным титулом царя, т. е. своего рода наместником российского императора. Кстати, в ноте поданной грузинскими уполномоченными уже

Александрю I в апреле 1801 г. именно так был обозначен статус грузинского царя в рамках новой системы отношений Грузии и России. Далее Георгий требовал: *«Для навязывающего и действительного себе узаконения и приверженности к подданству е.в. Царь просить к доказательству верности своей Всемилостивейше **определить ему жалованье и содержание и пожаловать в России деревни**»*. Как любой российский подданный, принадлежащий к привилегированному сословию империи, Георгий, оставшись без источников доходов, просит императора возместить ему эту потерю, пожаловав его крепостными. И, наконец, главное условие, из-за которого, очевидно, Георгий инициировал процесс вхождения Грузии в состав Российской империи. В документе говорится: *«По принятии в **Высокороссийское подданство царя и царства его на первые времена необходимо нужно в тех местах иметь до 6 000 человек войска, коим занять все те места, где заблагоприятно будет главноначальникам тех войск, к защищению от соседственных бродяг, также нужна принадлежащая к оным артиллерия и с прочим оружием**»*³⁷².

Разобрав содержание просительных пунктов, можно сделать однозначный вывод, что на самом деле этот документ практически стирал грань между полной инкорпорацией и сохранением автономии Грузинского царства. В качестве единственного напоминания об автономии Грузии оставалось бы сохранение в качестве правителей или, точнее говоря, наместников российского императора в Грузии (с царским титулом), представителей не просто грузинского царского дома, а, подчеркнем это, именно потомков царя Георгия. В случае обоюдного утверждения просительных пунктов грузинский царь переставал быть суверенным монархом,

372. Там же. С. 179-181.

более того, теперь только от воли российского императора зависело, будут ли Багратиды по-прежнему управлять Грузией в должности наместников или нет. Не надо забывать, что российский император, согласно законам Российской империи, был монарх самодержавный.

Дальнейший ход дел должен был идти по следующему сценарию. Грузинские уполномоченные князья Г. Авалов и Е. Палавандов отправились бы из Петербурга отправиться в Грузию с тем, чтобы привезти царю Георгию на его утверждение список ноты с просительными пунктами. После подписания этого документа грузинским царем те же князья, уже в ранге послов царя и всего царства, должны были отправиться обратно в Петербург, везя с собой благодарительную грамоту. После их прибытия в столицу с особой торжественностью должен был быть заключен «обоюдный императорский акт».

Однако этого не произошло. Снова процитируем Авалова: *«В действительности же характер присоединения не выразился с отчетливостью в юридических актах; не произошло этого потому, что одновременно с отправлением грузинских уполномоченных, с указанной целью, в Тифлис, задуман и постепенно приведен в исполнение другой цикл распоряжений, имеющих источником единственно инициативу и волю русского правительства. И именно этот цикл заканчивается бесповоротно инкорпорацией Грузии, тогда как первая, единственно правомерная и правильная линия обоюдного двустороннего соглашения, внезапно обрывается и уступает постепенно, но очень скоро, новому порядку вещей»*³⁷³.

Как нам представляется, не единоличная воля российского монарха задавала новый вектор процессу вхождения Грузии в состав России, а естественный ход событий. Дело в том, что главный инициатор и двигатель

373. Авалов З.Д. Указ. соч. С. 113.

переговоров о присоединении Грузии царь Георгий XII был тяжело болен и находился уже при смерти. Это сильно беспокоило Петербург, поскольку с его смертью начатый им политический процесс, скорее всего, был бы приостановлен, прежде всего, распрями в грузинском царском доме. Не случайно в рескрипте Павла I от 23 ноября 1800 года, сообщавшем об апробации императором «просительных пунктов», говорилось: *«узнав же, что в.в. находитесь нездоровы, не можем не изъяснить чувствительное наше о том соболезнование, желаем чтобы грамота сия нашла вас в совершенном здравии»*³⁷⁴.

Несколько раньше, 15 ноября 1800 г. т. е. до апробации ноты грузинских послов с «просительными пунктами» император Павел I дал Высочайший рескрипт генералу Кноррингу, в котором в числе прочего говорилось следующее: ***«Ослабление здоровья царева дает повод ожидать его кончины; почему и отправьте, коль скоро она последует, немедленно туда объявление от имени Нашего, чтобы до получения от Нас соизволения даже не было приступаемо к назначению преемника на царство Грузинское. Дело сие трактуется здесь и в скором времени отправлен будет из полномочных Грузинских здесь находящихся, для принесения Нам от царя и народа Грузинского грамоты и желания их быть в Нашем подданстве и под управлением наших законов»***³⁷⁵.

На первый взгляд, с формальной точки зрения, Павел I вроде бы не имел права не допускать наследников к престолу, поскольку это являлось нарушением начал Георгиевского трактата, не позволявшего вмешиваться во внутренние дела Грузии. Но при этом, во-первых, надо учитывать, созданный самим Георгием прецедент

374. АКАК. Т. 1. С. 180-181.

375. Там же С. 177-178.

утверждения российским императором наследника грузинского престола. Ситуация вокруг престолонаследия в Грузии оставалась крайне запутанной, а между тем российский монарх как бы становился гарантом соблюдения воли царя Георгия о передаче престола царевичу Давиду. Кроме того, процесс присоединения Грузии к России, инициированный кстати грузинской стороной, к этому времени уже шел полным ходом, и российский император должен был позаботиться о доведении его до конца, поскольку это соответствовало интересам империи.

Необходимо также разобраться с той частью названного рескрипта, где говорилось следующее: *«входя в важность дел сего, сколько в отношении земли той самой по себе, столько по соображениям спокойствия границ наших, повелеваем вам представить Нам немедленно мнение ваше, сколько из вверенных нам войск можно отделить для занятия Грузии и пребывания в оной, присоединяя к войскам там уже находящимся, не ослабя кордона против горских народов»*³⁷⁶. В отрыве от исторического контекста, можно увидеть здесь приказ на «оккупацию» Грузии русскими войсками. Однако царь Георгий сам просил о присылке дополнительного военного контингента в виду реальной угрозы со стороны лезгин и персов.

Более того, как видно из письма от 26 ноября 1800 г. главы Коллегии Иностранных дел графа Ф.В. Ростопчина генералу Кноррингу, введение нового контингента русских войск предполагалось только после заключения «обоюдного акта» о присоединении Грузии к России. Ростопчин предписывал: *«нахожу только лишь нужным, чтобы вы рассеяли слух о приказании будто вам данным, идти в Грузию с войском для удержания предприятий на нее соседних народов, в чем есть и ве-*

376. Там же.

роятное по последнему рапорту генерала Лазарева. Полномочные могут возвратиться с грамотою от царя к февралю месяцу, а в апреле и вы можете с войсками в следствие отправленного к вам повеления, идти для занятия Грузии»³⁷⁷.

17 декабря 1800 г. в Совете, совещательном органе при императоре Павле I, было зачитано представление графа Мусина-Пушкина «*об удобности и выгодах присоединения Грузии к Державе Российской*». Интересно, что несмотря на доводы графа Мусина-Пушкина, большинство членов Совета высказалось против присоединения, но, пока изготавливался в этом смысле журнал, генерал-прокурор Оболянинов объявил, что на присоединение Грузии уже дано Высочайшее соизволение, и сообразно с этим должен быть составлен журнал³⁷⁸. Его составили должным образом. Совет нашел, что звание «*покровителя тех земель*» дает императору право принимать необходимые для безопасности края меры – поэтому от Государя зависит, как достигнуть этого: увеличением ли своего влияния во внутренних делах Грузии, или же совершенным ей присоединением к России³⁷⁹.

18 декабря 1800 г. последовал знаменитый манифест Павла I, который вроде как решил участь Грузинского царства, объявив о его присоединении к Российской империи, до заключения «обоюдного акта». Но, во-первых, манифест был послан генералу Кноррингу с условием не публиковать его до того, как царь Георгий подпишет согласованные в Петербурге «просительные пункты». А, во-вторых, анализ текст самого манифеста, позволяет сделать вывод, что это было только

377. Там же. С. 197

378. Авалов З.Д. Указ. соч. С. 122.

379. Архив Государственного совета. Т. 2. Совет в царствование императора Павла I. СПб., 1888. С. 881-882.

предварительное объявление (так сказать декларация о намерениях) грузинскому населению о предстоящем вхождении Грузии в состав Российской империи.

В начале манифеста излагалась мотивировка его издания: *«С давних уже времен Грузинское Царство, угнетаемое иноверными соседями, истощало силы свои непрестанным ратованием в собственную оборону... К сим присовокупились несогласия в доме Царском, угрожающие довершить падение Царства сего, возродя в нем междоусобную войну. Царь Георгий Ираклиевич, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и сам народ грузинский прибегли ныне к покрову Нашему... и просили чрез присланных полномочных о принятии областей Грузинскому Царству подвластным в непосредственное подданство Императорскому Всероссийскому Престолу»*. Далее в манифесте шло указание на конкретные действия российского императора, вытекающие из вышеуказанной мотивировки: *«определили Мы исполнить Царя Георгия Ираклиевича и Грузинского народа желание, и для того повелели, сколько для удержания внутреннего в земле устройства, столько для ограждения оной от внешних нападений ввести войска Наши в области Грузинские. И сим объявляем Императорским нашим словом, что по присоединении (т.е. после завершения процесса инкорпорации). Царства Грузинского на вечные времена под Державу Нашу не только предоставлены и в целости соблюдены будут, Нам любезноверным новым подданным Нашим Царства Грузинского и всех оному подвластных областей, все права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая...»³⁸⁰.*

Чем же объясняется, что манифест этот, не являвшийся по своему содержанию собственно манифестом

380. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 36. № 19721. С. 502.

о вхождении Грузии в состав Российской империи, стал восприниматься как таковой. Как нам кажется, это произошло опять вследствие стечения объективных обстоятельств. Дело в том, что 28 декабря 1800 г., не дождав-шись прибытия из Петербурга своих уполномоченных скончался царь Георгий XII. Он не успел познакомиться с петербургским вариантом просительных пунктов, уже одобренных российским императором и не поставил под ними своей подписи. Документ не успел обрести полную юридическую силу. Политический процесс вхождения Грузии был приостановлен на фактически заключительной стадии. В результате этого не удалось оформить «обоюдный акт». Через несколько месяцев в результате дворцового переворота был убит император Павел I. Вследствие этого манифест, подписанный 18 декабря 1800 г., остался единственным весомым юридическим свидетельством начатого царем Георгием и императором Павлом процесса вхождения Грузии в подданство Российской империи.

Прибывшие в Тифлис вскоре после кончины царя Георгия послы князя Авалов и Палавандов вручили царевичу Давиду грамоту императора Павла. 15 января 1801 г. царевич Давид опубликовал воззвание к грузинскому народу, в котором заявлял: «... *Высочайше повелено мне торжественно приблизиться к трону Грузии по наследству, в звании правителя оной. И так как необходимо было объявить о сем всем моим народам, то сим и извещаем о принятии нами управления наследственным престолом*». Через несколько дней, 18 января 1801 г. в Петербурге был опубликован манифест, подписанный Павлом I еще 18 декабря 1800 г., где говорилось о согласии императора удовлетворить прошение царя Георгия и всего народа грузинского о принятии Грузии в непосредственное подданство Российской империи. В один день с опубликованием ма-

нифеста в Петербурге царевич Давид писал Кноррингу, что согласно Высочайшей воли, от отправил князей Авалова и Палнавандова к Государю полномочными министрами, как от себя, *«так и от здешних духовенства и светских вельмож с благодарными письмами»*. Процесс вхождения Грузии в состав Российской империи был близок к завершению. По прибытии полномочных министров должна была состояться торжественная аудиенция, которая завершилась бы вероятно подписанием «обоюдного акта». Однако, смерть Павла I не дала возможности должным, правомерным образом завершить начатое дело.

* * *

В апреле 1801 г. грузинские уполномоченные снова подали ноту. *«По силе пункта первого прошения, поданного нами еще до кончины е.в. царя Грузинского государя нашего от его имени высокому министерству какое прошение согласно повеления Е.И.В. послано было в Грузию; имеем честь всеподданнейше доложить о нижеследующем: вельможи Грузии, духовенство и народ желают единожды навсегда принять подданство великой Российской империи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Российскими поданными, не отрекаясь ни от каких законов и повелений, сколько силы того царства позволять будут, с признанием Всероссийского Императора за своего природного Государя и Самодержца. В виду того что как этот так и прочие пункты вышеозначенной ноты были рассмотрены по Высочайшему соизволению, и царство сие на веки было принято в подданство Всероссийского Императорского Престола, посему всеподданнейше просим Е.В. Всемилостивейшего Государя нашего, дабы Он подтвердил принятие царства*

сего в подданство заключением торжественного Императорского акта»³⁸¹. 16 февраля того же года все жители Тифлиса присягнули на верность своему новому государю – императору всероссийскому³⁸². Таким образом, грузинские уполномоченные имели основание считать, что грузинское царство юридически уже принято в подданство Российской империи.

Александр I, унаследовавший грузинскую проблему, поначалу был настроен против присоединения новых земель³⁸³. К молодому императору обратились с письмами вдова Ираклия II и один из его сыновей. Оба просили восстановить справедливость в собственную пользу³⁸⁴. Можно было не сомневаться, что после смерти Георгия XII в Грузии начнутся усобицы. Александр I пренебрег возможностью заключения торжественного акта присоединения. Здесь снова надо обратиться к историческому контексту. Вопрос о присоединении Грузии стал одним из первых вопросов, рассмотренных только что учрежденным Александром I Непременный советом.

На заседании Непременного Совета 15 апреля 1801 г. было озвучено мнение Александра I – император испытывал *«крайнее отвращение... поступить на принятии царства того (т.е. Картли-Кахетии – авт.) в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой земли»*³⁸⁵. Часть членов Совета обратила при этом особое внимание на бедность этого приобретения, не имевшего ни промышленности, ни развитой

381. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 226.

382. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. С. 295.

383. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. М., 1869. Т. 1. С. 279.

384. Дубровин Н.Ф. История войны... Т. 3. С. 389.

385. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). М., 1960. Сер. 1. 1801-1815. Т. 1. Март 1801 г. – апрель 1804 г. С. 25.

торговли. Единственным богатством были рудники, но и те за три последних года эксплуатации дали дохода не более 90 тыс. рублей³⁸⁶. Маленькое царство находилось на грани исчезновения: из 61 тыс. семейств, живших в нем в 1783 г., осталось только 35 тыс.³⁸⁷ Всего это составило около 160 тыс. жителей³⁸⁸.

Положение в Закавказье было весьма сложным. Старая система отношений к Грузии, подразумевавшая внешний протекторат, не оправдала себя, опасность отказа от просьб Тифлиса о подданстве могла привести к весьма опасным последствиям. Император колебался, не будучи уверен в необходимости присоединения. Однако, как следует из записки С.Л. Лашкарева вице-канцлеру А.Б. Куракину, на заседании Совета 15 апреля 1801 г. члены Совета, несмотря на озвученную им позицию императора, обратили внимание на следующие факты: *«что поелику в пунктах Ноты, которую полномочные намерены по Аудиенции подать, в каждом они пишут, что уже есть верноподданные Империи всероссийской, да как уже и манифест о принятии их в подданство обнародован, то и противно славе и достоинству высочайшего Двора оставить то Царство и отдать на расхищение соседственным державам»*³⁸⁹. Другими словами, политический процесс зашел слишком далеко, он уже был почти завершен, чтобы его могли просто остановить, не нанеся ущерба чести империи.

Впрочем, члены Совета также высказали соображения прагматического характера, отражающие логику понимания Петербургом проблем кавказского «пограничья». В изложении С.Л. Лашкарева это звучало так: *«противно славе и достоинству высочайшего Двора*

386. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 280-281.

387. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С.73.

388. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 281.

389. Цагарели А.А. Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 224.

оставить то Царство и отдать на расхищение соседственным державам, а кольми паче Порте Оттоманской, – ежели она примет их в свое подданство и водворит там свой магометанский закон, тогда вместо пользы, которую мы со временем надеемся иметь, приняв Грузию в подданство, Порта, водворяясь в ней, будет хозяйствовать и над всеми горскими народами, коих она уже почти три части ввела в свой закон, отчего нужно будет на линии усилить в-двое войска наши, да и тогда трудно будет обуздать сии народы, ибо Порта не оставит всячески поощрять их к шалостям на границы наши. Сверх того, Совет рассуждал, – что сами мы имеем подданных магометанского закона, кои, почувствовав власть Порты в тех местах, могут принять со временем другие мысли, да и о казаках наших, в разных местах обитающих, говорил, кто может уверить, что и они не поколеблются и, что во время войны с Портой, турки, будучи хозяевами Грузии, ополчат весь горской народ против России и сделают себе всюду открытую дорогу куда угодно, а потому необходимо и признал нужным как для принятия впредь предосторожностей против Порты, так и для сохранения достоинства Империи, по единоверию, принять Грузию по желанию ее в подданство»³⁹⁰.

В журнале заседания Совета это было изложено более пространно и не так откровенно: «Покровительство же, какое доселе Россия давала Грузии, – гласило мнение членов Совета, – имеет взаимных неудобств столько, что между совершенным оставлением последней и принятием ее в подданство первой нет середины. Дабы всегдашнее доставить Грузии спокойствие, покровительствуя оной, Россия должна будет всегда же держать в сей земле и достаточно войск на ограждение ее от нападений неприятельских, что со-

390. Там же. С. 225.

ставит для государства иждивение совсем напрасное и не доставляющее никакой ему выгоды. А посылать войска на помощь Грузии, тогда как оные ей будут надобны, никакой для сего царства не принесет пользы, потому что в одном приготовлении пути войску российскому для похода чрез горы уйдет столько времени, сколько не нужно сопредельному Грузии неприятелю на совершенное ее разорение. И потому верно заключить можно, что с первым выходом российских войск из грузинских областей настанет тому царству неизбежная гибель. Но и для самой России вредно покидать Грузию. Оставленная своему жребию, земля сия сделается необходимо жертвою соседей своих, и христианское в той стране владение истребитися. Сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими бедствиями. Доселе спокойствие оных, исключая собственной войсковой обороны, ограждалось знатно и тем, что Грузия, имея положение свое посреди горских народов, разделяла их физически, препятствуя при малейшем сословии свободно соединяться. Не менее того мешало царство то и политическими соображениями соединяться тем народам, кои сколь ни частые имеют между собою раздоры, охотно, однако же, соединяются для набегов на земли соседние ради грабежа. Линия же Кавказская укреплениями своими недостаточна на удержание покушения, кои рано или поздно могут горцы, скопившись, учинить на пределы российские, чего теперь не дерзают, не имея возможности соединиться и оставляя всегда Грузию у себя в тыле. Может еще случиться, что народ грузинский, избегая конечного разорения от соседей своих, отдастся в подданство Порте. И при сем уже событии следствия, кои от того произойти могут для России, являют поистине страшную картину. Единоверие соединит, конечно, все толпы обитате-

лей Кавказских гор под владычество турецкое, и что тогда должно будет противупоставить совокупным силам их в случае разрыва с Портою, коего всегда от собственного турков непостоянства и от внушений посторонних держав ожидать можно? Какими средствами оградить пространство более восьми сот верст, где с российской стороны представляется неприятелю свободный вход в места равные, ничем не пресекаемые, с неприятельской же – при первом шаге встречаются непреступные горы?»³⁹¹.

В конечном итоге, Александр I прислушался к доводам сторонников присоединения в Непременном Совете. Последние сомнения императора должен был устранить генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг, которого решили послать в Грузию с особой инспекционной миссией, с тем, чтобы точно определить внутреннее положение царства, а, следовательно, необходимость его присоединения к империи. В рескрипте Александра I генералу от 19 апреля 1801 г. говорилось: *«желаем Мы прежде всего удостоверится первое, действительно ли внутреннее и внешнее положение сей страны таково, что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облегающих его горских народов, ни потушить внутренняя вражды, междоусобную войною ей грозящая;... Второе, на собственном ли убеждении необходимости и отечественной пользы основанном было преклонение царства сего под Российскую Державу, и единодушно ли все вышния состояния и народ признали поступок сей себе во спасение, или увлекаемы предприимчивостию известного рода людей, уступили они страху замыслов и посторонним внушениям более нежели истинному сознанию пользы своих»³⁹².*

391. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 26.

392. АКАК. Т. 1. С. 419.

24 мая 1801 г. генерал К.Ф. Кнорринг прибыл в Тифлис, отстранил от правления царевича Давида, и создал временное верховное правление во главе с генералом И.П. Лазаревым. В первую очередь, барона Кнорринга интересовал военный потенциал грузинского царства. Он осмотрел собранное для помощи русским войскам ополчение. Его бойцы имели по ружью на 18 человек, остальные были вооружены обожженными кизилowymi палками³⁹³. В целом инспекция генерала открыла крайне неприглядную картину военной слабости царства, и распространения в нем анархии, вызываемой, прежде всего политической борьбой членов грузинского царского дома. В представленном императору докладе от 28 июля 1801 г. К.Ф. Кнорринг докладывал императору: *«Внутреннее и внешнее положение сей страны таково действительно, что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набегу облегающих ее горских народов»*³⁹⁴.

Поскольку ранее часть членов Совета высказали сомнение в отношении искренности желания жителей этой страны перейти в русское подданство, то К.Ф. Кнорринг во время своей миссии обратил особое внимание на настроения среди населения царства. В докладе генерал не скрывал, что грузинское общество расколото, и не все представители знати хотят вхождения Грузии в состав империи, однако широкие слои выражали желание быть защищенными русскими войсками. Генерал К.Ф. Кнорринг прямо писал, что немалая часть князей и дворян по-прежнему активно поддерживали внутреннюю анархию, видя в ней источники своего благосостояния, и потому не желали никакого прочного порядка. Возможность отнять имение у потомственного врага

393. Берже А.П. Присоединение Грузии к России 1799-1831 гг. // Русская Старина. 1880. Том 28. Вып. 5. С. 6.

394. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 73.

была достаточным к тому основанием³⁹⁵. *«Итак, – заключал Кнорринг, – ежели части недоброхотов своему отечеству, разумея некоторых царевичей и дворян, противупоставить другую, лучше о пользах своих и своего отечества рассуждающую, и к сей присовокупить весь народ, жаждущий быть под законами Всероссийской империи, то сердечное желание сих несчастных людей, возлагающих все упование свое на великодушие Вашего Императорского Величества и уже российским оружием неоднократно от крайних бед спасенных, заслуживает уважение. Представив таким образом удостоверения о внутреннем и внешнем состоянии царства Грузинского и о расположении тамошнего народа, беру смелость заключить, что оный примется под мощный покров Вашего Императорского Величества»³⁹⁶.*

Доклад генерала давал полное право членам Непременного Совета усомниться в целесообразности сохранения в Грузии у власти царской династии. На заседании Непременного совета 8 августа 1801 г. этот вопрос был решен отрицательно. В журнале заседания читаем: *«Простая протекция, какую с 1783 г. давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение, и продолжение оной на тех же основаниях неминуемо ввергнет ее в совершенную погибель. Ежели для спасения Грузии держать в ней всегда столько же войска, сколько там теперь находится, от того последует для России знатная и вовсе бесполезная издержка. Малым же ополчением ее от внутренних неустройств и от внешних врагов охранять не можно. Нужно будет дать ей царя, утвердя на престоле одного из царевичей, почитающих иметь на оный*

395. Берже А.П. Указ. соч. // РС. Т. 28. Вып. 5. С. 165.

396. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 77.

право. Первый царевич Юлон, установлен по завещанию царя Ираклия Теймуразовича; другой царевич Давыд – по духовной сына его Георгия. Правда что царь Георгий нарушил завещание родительское; но может быть подали ему царевичи братья его на то причины, и сверх того царевич Давыд нареченный им наследником Грузинского царства, утвержден покойным Императором имевшим право утверждения таковое дать. Итак избрание между сих двух кандидатов отвержено с одной стороны противоречию учиненного уже в пользу царевича Давыда утверждения, с другой – неудовольствию народа нарушением завещания Ираклия и возведением на царство князем поведением своим народ против себя восстановившего. Впрочем Грузия ни от одного из них спасения себе не чаёт, и сам царь Георгий Ираклиевич предусматривал все бедствия от разврата фамилии царской для народа проистеци должествующия, иного избавления для него не изобрел, как утвердив в подданстве России, следуя видам родителя своего, который то же имел намерение... Все сии вновь открывавшиеся обстоятельства не представляют Совету в присоединении Грузии ни малейшей несправедливости, а видит он в том спасение того края.... Что же касается до особ царской фамилии и их содержания на будущее время, о том полагает Совет что можно будет препоручить генерал-лейтенанту Кноррингу сделать распоряжение, оставя в Грузии тех из них кои по кроткому нраву и поведению не будут подавать о себе подозрения что станут возмущать соседей или иные делать неустройства, всех прочих выслать в Россию...»³⁹⁷.

12 сентября 1801 г. был опубликован известный манифест «Об учреждении нового правления в Грузии»,

397. Архив государственного совета. Т. 3. Совет в царствование императора Александра I. 1801-1810 гг. Ч. 2. СПб., 1878. С. 1197-1199.

открывавший новую страницу в истории Грузии и Закавказья. В этом знаковом документе, в частности, говорилось: *«Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на Себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона... Все подати с земли вашей повелели Мы обращать в пользу вашу, и что за содержанием правления оставаться будет, употреблять на восстановление разоренных городов и селений. Каждый пребудет при преимуществах состояния своего, при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохраняют уделы свои, кроме отсутствующих; а сим годовой доход с уделов их ежегодно производим будет деньгами, где бы они не обретались, лишь бы сохраняли долг присяги. Во взаимность сих великодушных попечений наших о благе всех и каждого из вас Мы требуем, чтобы вы для утверждения постановленной над вами власти дали присягу в верности по форме при сем приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать пример»³⁹⁸*. Картли-Кахетинское царство, столицей которой был Тифлис, превращалось в Грузинскую губернию империи. Приход России в Восточную Грузию подрывал сложившийся здесь баланс сил и интересов. Первым же его следствием стало серьезное ухудшение русско-персидских отношений, которые до этого момента не омрачало практически ничто. Даже Персидские походы Петра I совершались во время внутренних

398. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 94.

усобиц в Иране и были направлены, прежде всего, против планов Турции закрепиться на побережье Каспийского моря.

По мнению авторитетного российского историка В.О. Ключевского, именно «с момента присоединения Грузии и начинается это продолжительное завоевание Кавказа, кончившееся на нашей памяти. Кавказский хребет по составу населения делится на две половины – западную и восточную. Западная, обращенная к Черному морю, населена черкесами; восточная, обращенная к Каспийскому морю, – чеченцами и лезгинами. С 1801 г. и начинается борьба с теми и другими... Такой сложный ряд явлений вызвало завещание Георгия XII грузинского. Ведя эту борьбу, русское правительство совершенно искренне и неоднократно признавалось, что не чувствует никакой потребности и никакой пользы от дальнейшего расширения своих юго-восточных границ»³⁹⁹.

399. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. С. 179.

ГЛАВА 5.

Прорыв в Закавказье (1801-1804)

Манифест 1801 года серьезно менял ситуацию и поставил Россию в весьма непростое положение. После официального объявления о присоединении к империи Картли-Кахетинского царства империя оказалась перед целым набором новых вызовов – внешних угроз в лице турок, персов, лезгин и т.п., так и внутренних – распри в царском доме, расшатанное внутренне управление (фактически разбитое на ряд самостоятельных управленцев из числа членов фамилии). Российская власть столкнулась с насущной проблемой налаживания тесных отношений как с царским домом и его представителями, так и с местной знатью, что из-за острых распрей внутри царства представлялось крайне трудной задачей.

Первый опыт налаживания административного управления в лице главноуправляющего Грузией барона К.Ф. Кнорринга и министра-правителя Грузии П.И. Коваленского оказался явно неудачным. Как справедливо отмечает современный историк В.В. Лапин, *«наследство Цицианова как правителя Грузии отягощалось еще и тем, что к моменту его назначения авторитет коронной власти в Закавказье сильно пострадал от неразумных действий его предшественников. Наибольший урон имиджу России нанес статский советник Коваленский, назначенный послом при Георгии XII»*⁴⁰⁰.

Последний, назначенный еще Павлом, оказался взяточником, казнокрадом и скандалистом, обострив

400. Лапин В.В. Цицианов. М., 2011. С. 168.

и без того непростые отношения с местной элитой и царским домом. *«Беспокойное состояние края, вместе с бестактными и даже корыстными поступками Коваленского ожесточили грузин»*⁴⁰¹, писал известный дореволюционный историк В.А. Потто. На такой негативный результат деятельности Коваленского обращает внимание Петербурга в секретной записке в МИД коллежский советник А. Соколов: *«Весьма удивительно покажется, что особа, в качестве министра облеченная от великого Монарха Всероссийского при царе Грузинском, поступки свои расположила так, что вместо почтения, которое по званию своему заслужить бы должна была, навлекла на себя ненависть самого царя, всего дома его и всего дворянства, двор царский окружавшего»*⁴⁰².

Помимо конфликта с местной элитой, включая и членов Грузинского царского дома, Коваленский моментально оказался в ссоре с шефом 17-го Егерского полка генералом И.П. Лазаревым, которого хотел подчинить себе. В частности, министр *«требовал от воинских команд почестей, ему не принадлежащих»*. По информации Соколова, также *«министр всячески интриговал для своих выгод, привлекавши к себе воинских чиновников, старался их озлобить против их шефа, репутацию которого всячески пятнал у главнокомандующего»*⁴⁰³. Более того, Коваленский начал выяснять отношения и с офицерами, в частности, с молодым подпоручиком Петром Котляревским, бывшим в ту пору адъютантом Лазарева. Последний *«ведет всей военной и гражданской*

401. Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 300. Историк, развивая свою мысль, отмечал, что «народ, прежде только и думавший о том, как бы отделаться от членов царского дома, опять обратился на их сторону».

402. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1868. Т. 2. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии, князя Павла Дмитриевича Цицианова. 1802-1806. С. 5.

403. Там же. С. 6.

перепиской, включая секретную, шефа 17-го егерского полка и нередко выступал в качестве его доверенного лица при конфиденциальных переговорах с высокопоставленными русскими и грузинскими деятелями»⁴⁰⁴. Амбициозный Коваленский считал общение с правящей верхушкой царства исключительно своей прерогативой, поэтому начал жаловаться на Лазарева и Котляревского Кноррингу. Конфликт между резидентом и воинским начальником погасить не удалось, в первую очередь, по причине скандального характера первого. Это тоже не добавляло уважения к российской власти в регионе...

Однако противостояние резидента и командующего русскими войсками в Грузии оказалось недолгим, т.к. вскоре Коваленского отозвали по обвинению в целом ряде злоупотреблений, в частности, в превышении своих служебных полномочий⁴⁰⁵. Генерал Лазарев стал первым полномочным представителем России в Восточной Грузии и одновременно первым воинским начальником русского контингента, который был подкреплён прибы-

404. Ватейшвили Д.Л. Генерал П.С. Котляревский: Очерк его жизни и боевой деятельности. Тб., 1980. С. 8.

405. А. Соколов в своей записке перечисляет основные неблагоприятные поступки и злоупотребления Коваленского: «правитель, коему главнокомандующий предоставил избрать гражданских чиновников по штату Грузии, первое и важнейшее из того злоупотребление сделал то, что укомплектовал все места большею частию своими родственниками или людьми, с ним самим или с родственниками его по каким-нибудь отношениям в связях состоящими...», в частности, тифлисским командантом стал его родной племянник (АКАК. Т. 2. С. 12).

Кроме того, «в Тифлисе строится огромное здание под суконную фабрику, правителем заводимую. Здание сие бывает предметом многих негодований: 1) Что строится она под именем казенной, а материал на нее употребляется из стен царского дворца, после владения в Грузию Ага-Мухаммед-хана в развалинах оставшегося. Царевич Давид, коему по праву наследства часть дворца царского принадлежит, так как он о том вызывается, часто мне делал насчет употребления из одного материала примечания. 2) Во всей Грузии скуплена правителем за дешевую цену шерсть на употребление в суконной фабрике, но, как здесь говорят, из шерсти сей делается особая какая-то спекуляция. Правитель, имея оной до 15, 000 пуд, намеревается отправить в Россию для распродажи с выгодой» (Там же. С. 15).

тием Кабардинского полка во главе с генерал-майором В.С. Гуляковым (прибыл с Кавказской линии 23 сентября 1800 г.)⁴⁰⁶. Оба полка составили один отряд (до 3 тыс. солдат и офицеров при 7 орудиях) под общим командованием Лазарева⁴⁰⁷.

Император Александр I, встревоженный ухудшением ситуации на Кавказе, после отзыва Коваленского и Кнорринга⁴⁰⁸ возложил в сентябре 1802 г. «*все должности, с званием инспектора Кавказской линии, астраханского военного губернатора, управляющего там и гражданской частью и главноуправляющего в Грузии соединенные*» на князя Павла Дмитриевича Цицианова⁴⁰⁹. Понятно желание молодого монарха не ставить под удар российскую политику в регионе и не рисковать только что присоединенным Картли-Кахетинским царством.

Ключевая мысль, находившаяся в инструкции императора Цицианову, заключалась в том, что «*введение в нем (Картли-Кахетинском царстве – авт.) настоящего порядка дел не было шагом к его завладению, но следствием того рассуждения, что удобнее для России защищать край благоустроенный и постоянно управляемый, нежели по внезапным только случаям и единственно на вопль усилившихся его бедствий временно приходить на помощь ему и с большими издержками доставлять ему внешним действием минутные меры поправления, всегда готовые разрушиться, как скоро сила, их поддерживающая, оставит их*»⁴¹⁰. Александр I, наставляя главноуправляющего перед отъездом, особо подчеркивал: «*Сверх общей справедливости*

406. АКАК. Т. 1. С. 146.

407. Там же. С. 154.

408. По оценке А. Соколова, «главнокомандующий ген.-л. Кнорринг, как кажется неумышленно, а по единой слабости и по неограниченной доверенности к правителю, упустил много из виду предметом к доставлению народу Грузинскому благосостояния, какого оный надеялся от Монарха...» (АКАК. Т. 2. С. 13).

409. АКАК. Т. 2. С. 3.

410. Там же.

востии Вам должно народу сему дать почувствовать, что ни отдаленность его, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благости российской управления и что никогда не будет он иметь причин раскаиваться, вверив судьбу свою России»⁴¹¹. Для этого, в частности, необходимо было, по мысли императора, привести в чувство некоторых русских чиновников, охотно занимавшихся мздоимством и прочими злоупотреблениями вместе с представителями местной аристократии, и, тем самым, позоривших российскую власть⁴¹².

Забегая вперед, отметим, что кадровая политика Александра I на кавказском направлении оказалась крайне удачной и дала истории сразу двух неординарных государственных и военных деятелей – Цицианова и Ермолова. *«Князь Павел Дмитриевич Цицианов происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим домом Грузии. В русскую службу вступил еще дед его в царствование Анны Иоанновны; он был убит во время шведской войны под Вильманстрандом, и с тех пор семейство князей Цициановых осталось в России навсегда»⁴¹³. Так написал о происхождении князя авторитетный военный историк В.А. Потто, часто называемый «кавказским летописцем». Цицианов ко времени своего назначения имел богатый военно-административный опыт и заслуженно сделал блестящую карьеру в русской армии. Командуя Санкт-Петербургским гренадерским полком, он участвовал в русско-турецкой войне 1787-1791 гг., где своей храбростью и распорядительностью привлек внимание самого фельдмаршала П.А. Румянцева, а также провел с полком феерическую*

411. Там же.

412. Берже А.П. Присоединение Грузии к России. 1799-1831 // Русская Старина (далее – РС). 1880. Том. 28. Вып. 5. С. 8.

413. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 301.

кампанию в Польше во время подавления знаменитого восстания 1794 года⁴¹⁴. Как отмечает Потто, *«подвиги Цицианова так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам “сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов”»*⁴¹⁵. Князь участвовал и в известном Персидском походе русских войск 1796 года. В ходе последнего он даже являлся комендантом Бакинской крепости, под стенами которой ему суждено было погибнуть спустя десятилетие.

* * *

Первейшей задачей Цицианова стало налаживание сколь-нибудь цельной, а, главное, действующей системы управления и успокоение внутренней ситуации, под чем подразумевалось ликвидация многочисленных имущественных споров, личностных конфликтов и просто распрей внутри Грузинского царского дома. В данном случае, ключевой мерой успокоения народа и ситуации, близкой к взрывоопасному состоянию, было признано выдворение с Кавказа членов бывшей царской династии, погрязшей в склоках и интригах. По оценке самого императора, именно «внутренние крамолы паче нежели внешние нападения довели царство сие до такой слабости, в коей нашло его Российское правительство»⁴¹⁶. В конце своей инструкции Цицианову монарх возвращается именно к этому заданию, подчеркивая его приоритетность: *«... вы из вышеизображенного сами узнаете, сколь сие нужно и потому между первейшими обязанностями вашими поставите принять все меры убеждения, настояния и наконец самого понуждения к вызову сих беспокойных царевичей, а особливо царицы*

414. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 161-161об. Копия.

415. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 303.

416. АКАК. Т. 2. С. 4.

*Дарии в Россию. Меру сию считаю Я главною к успокоению народа...»⁴¹⁷. Необходимость и важность данного действия признавал и сам Цицианов, познакомившись с ситуацией на месте. «Удаление отсюда всего вообще царского дома...», – писал он во всеподданнейшем рапорте от 10 февраля 1803 г., – *сделалось мерой необходимой как для собственного блага Грузии, так и для спокойного дел отправления в земле, волнуемой беспрестанными замыслами неприятельских покушений и внутренних мятежей, более вымышляемых, нежели действительных, но не менее приводящих слабые умы в недоверчивость и колебание»⁴¹⁸.**

Грузинский царский дом к началу века насчитывал 73 человека⁴¹⁹, при этом он превратился в главный очаг политических интриг, а его многочисленные члены открыто разжигали недовольство в народе⁴²⁰. Некоторые царевичи в борьбе за власть и влияние не гнушались призывать на помощь врагов Грузии, которые продолжали ее беззастенчиво грабить.

Скорейшее разрешение проблемы с царским домом было важно в свете углубления российско-персидского противостояния, которое подспудно росло одновременно с усилением российского влияния и присутствия в грузинском царстве. Персы, воспользовавшись нестабильной обстановкой, решили сыграть на противоречиях и распрях внутри царского дома и той части грузинского дворянства, которая готова была поддерживать эти интриги⁴²¹. Например, по сведениям генерала Кнорринга, *«Баба-хан, господствующий ныне в Персии, объявив царевича Юлона царем Грузинским, отрядил*

417. Там же.

418. Там же. С. 69.

419. Берже А.П. Указ. соч. С. 19.

420. Тучков С.А. Записки. 1766-1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. С. 256.

421. Sykes P.M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 410.

уже войска к его возведению и ищет усилить их союзом с другими пограничными Грузии владельцами»⁴²². Царица Дарья завязала переписку с царевичем Александром, уже имевшим поддержку Тегерана. Она, как и другие члены царского дома, по данным Цицианова стала ориентироваться именно «на царевича Александра и на персидские войска, коих 12,000 челов. в собрании в Адербейджане, готовых при первом удобном случае учинить вторжение в пределы Грузии, для возведения на царство Юлона...»⁴²³.

О негативном воздействии многочисленных представителей царского дома, их интригах и распрях писал и очевидец тех событий генерал Тучков: «... эти люди начали теперь возмущать народ против правительства российского, увеличили тайные переписки с Персией, Турцией или с удалившимися туда царевичами Юланом и Александром. Царевичи Пранас и Иоанн, также сыновья Ираклия, ушли в Имеретию. Многие князья и дворяне без позволения правительства удалились за границу, и все вместе не переставали писать возмутительные письма в Грузию. Оставшаяся же там часть неблагонамеренных не переставала распространять разные вредные слухи, о нашествии персиян и собрании турецкой армии»⁴²⁴.

В связи с нежеланием царевичей и вдовы Георгия XII, Марии (кстати, урожденной княжны Цициановой), и открывшимся их намерением бежать (в том числе и в Персию, вслед за враждебно настроенному к России царевичу Александру), Цицианов со свойственной ему решительностью приказал арестовать вышеуказанных лиц. Одной из ключевых фигур являлась активно интриговавшая царица Мария Георгиевна, оказывавшая негативное влияние на ситуацию, скорее, на

422. АКАК. Т. 2. С. 4.

423. Там же. С. 67.

424. Тучков С.А. Указ. соч. С. 259-260.

ее раскачивание и разогрев толпы. Она, несмотря на неоднократные уговоры князя, отказывалась ехать в Россию, и последний был вынужден приказать силой увезти ее с территории бывшего царства. Щекотливое задание Цицианов поручил генералу Лазареву, как наиболее авторитетному и узнаваемому представителю русской власти в Грузии. Иван Петрович с офицерами отправился с покои царицы и постарался ее уговорить на отъезд. Вместо разговора царица Мария выхватила кинжал и ударила им генерала, который практически у ее ног упал замертво⁴²⁵.

Наиболее яркое и подробное описание произошедшего имеется в записках С.А. Тучкова: *«С рассветом вместе со многими офицерами вошел он в ее комнату и нашел ее сидящую на прешироком и низком диване или софе, каковыя употребительны в Азии. С нею сидела старшая ее дочь и еще две женщины, и все накрыты были большим одеялом. Генерал Лазарев начал принуждать ее к отъезду, а она представляла ему прежние отговорки. Тогда генерал Лазарев, выйдя на галерею, окружающую дом, сказал своим офицерам: “Берите ее и с тюфяками, на которых она сидит”. Едва они коснулись дивана, как у царицы, ее дочери и у всех бывших тут женщин появились в руках кинжалы. Офицеры отступили, а двое из них выбежали на галерею: один кричал генералу Лазареву: “Дерутся кинжалами”, а другой солдатам: “Егеря, сюда”. Генерал, услышав сие, сказал последнему: “На что егерей?”. С сим словом вошел он в комнату, в которой по причине раннего утра недовольно было еще светло, да и занавесы у окна были опущены. Однако же увидел он царицу, стоявшую на полу подле дивана; а дочь ее, девица довольно высокого роста, стояла позади нее на диване, возвышенном от пола меньше фута. Царица,*

425. АКАК. Т. 2. С. 114.

увидя генерала Лазарева, сказала: “Как вы немилосердно со мною поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?” И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он ее за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновенье выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием. Она пробила его насквозь, а дочь хотела дать ему еще удар по голове большим грузинским кинжалом. Но так как он от великой боли согнулся, то она промахнулась, и удар сей попал матери ее по руке несколько пониже плеча. И она рассекла ей руку до самой кости. Генерал-майор Лазарев едва мог дойти до дверей, упал и кончил жизнь»⁴²⁶.

Вот так в покоях грузинской царицы, а не на поле брани, нашел свою смерть генерал Иван Петрович Лазарев, являвшийся наставником самого Петра Степановича Котляревского, благодаря военному гению которого Россия через десять лет и подписала с поверженной Персией Гюлистанский мир. Последний тяжело переживал трагедию и горючими слезами проводил тело своего покровителя в могилу. Жители Тифлиса были уверены, что за смерть генерала город и его жители подвергнутся каре – таковы были местные нравы. Разумеется, ничего подобного не произошло, и горожане толпами собирались проводить в последний путь человека, который пользовался среди них заслуженным уважением⁴²⁷. Генерал Лазарев с большими почестями был погребен в Сионском соборе Тифлиса, положив начало захоронениям там русских военачальников и государственных деятелей. Через несколько лет рядом с ним появилась

426. Тучков С.А. Указ. соч. С. 272-273.

427. Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. СПб., 1893. Ч. 3. С.204.

и гробница его начальника – Цицианова, предательски убитого в 1806 году под стенами Бакинской крепости.

Возмущенный таким коварным убийством, Цицианов потребовал обращаться с задержанными не как с особами царской крови, а как с обыкновенными преступниками. Их под усиленным конвоем, командовать которым было поручено как раз автору записок генералу Тучкову, незамедлительно выслали в Россию. Последнее предостережение оказалось очень кстати, так как русский отряд, сопровождавший арестованных, был вынужден несколько раз отбивать нападения горцев, которым бывшая царица заплатила за свое освобождение⁴²⁸. Вместе с Марией Георгиевной вывезены и ее дети – царевицы Джебраил, Илья, Окропир и Ираклий, царевны Тамара и Анна⁴²⁹.

В России уже находились царевицы Баграт, Иоанн и Михаил Георгиевичи, а также Мириан Ираклиевич, затем, в 1803 г., под конвоем покинули Грузию царевицы Вахтанг Ираклиевич и Давид Георгиевич⁴³⁰. Осенью 1803 года после долгих уговоров также под конвоем вывезли в Россию и вдову Ираклия, царицу Дарью со свитой. В 1804 г. в ходе подавления волнений на Военно-Грузинской дороге были захвачены царевицы Юлон⁴³¹ и Парнаоз⁴³², бывшие одними из главных зачинщиков. Оба царевицы с семьями в следующем году по приказу Цицианова были высланы в Россию⁴³³. Поймать не удалось только царевицу Александра, который перешел под покровительство шаха и стал использоваться им как один из возмутителей спокойствия в Грузии...

428. Тучков С.А. Указ. соч. С. 276.

429. АКАК. Т. 2. С. 77.

430. Там же. С. 149.

431. Там же. С. 134.

432. Там же. С. 143.

433. Юлон с семьей был отправлен на проживание в Тулу, а Парнаоз – в Воронеж. Осенью 1805 г. они оба были доставлены к выбранным правительством местам жительства (АКАК. Т. 2. С. 146, 148).

Последний, находясь при шахском дворе, стал, в свою очередь, активно интриговать в пользу войны с Россией, надеясь, тем самым, заполучить царский престол в Картли-Кахетии. Одновременно он рассылал свои письма и послания среди горцев Северного Кавказа с призывом общей борьбы с Российской империей. При этом Александр Ираклиевич пытался вести переговоры и с Цициановым об условиях своего возвращения, постоянно заверяя его в лояльности. Более того, беглый царевич при всей своей антироссийской деятельности не стыдился клясться в верности императору. *«Клянусь Богом, мы даже одного солдата не хотим обидеть, не то, чтобы решиться на какое противное Государю дело»*⁴³⁴, писал он князю Цицианову.

10 июля 1803 г. царевич обратился к Цицианову с письмом, в котором объяснял свое бегство действиями покойного брата Георгия XII и предлагал обсудить условия разрыва с персами: *«Я вам и теперь докладываю: сообщите мне напрямик, какое мне будет от Государя утешение или милость или содержание и успокойте меня, выпустив из этой неверной земли и показав мне опять христианскую обедню и молитву. Не подобает ни Государю, ни России, чтобы я, будучи христианином и царевичем, странствовал по Татарии»*⁴³⁵.

Князь Цицианов не был настроен церемониться с интриганам и мятежниками, тем более, торговаться с ними, поэтому требовал неизменно соблюдения верноподданнической присяги. В подобном ключе он и ответил Александру Ираклиевичу в послании от 31 августа 1803 г., где, в частности, заметил: *«Вы сами изволите признаваться, что причину удаления вашего из Грузии было гонение от брата вашего покойного царя Георгия, но если правление его будете сравнивать с правлением Российской Империи, которое*

434. Берже А.П. Указ. соч. // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 167.

435. АКАК. Т. 2. С. 158.

ищет и старается о пользе каждого, то, конечно, будете мыслить противно и самому человечеству. По власти мне от всемилостивейшего Государя нашего Высочайше дарованной мозу смело удостоверить в св., что вы ни малейшей не имеете нужды скитаться и проживать в землях тех, где не токмо не можете ожидать какого либо благополучия или каких либо, просто сказать, пособий, но даже делаете вред и душе вашей, лишась христианского долга и обрядов, на коих весь закон наш основан; что если, сжалившись о толь несчастном вашем положении и поискав ва-шего благосостояния, пожелаете, возвратясь сюда, поехать в Россию, – не токмо можете быть в какой либо опасности, но будете приняты с благоволением Высокомонаршим, как братья ваши и племянники, получив как достаточнейшее вам содержание, ибо и последний из племянников ваших получает в год 10,000 руб., так и удостоившись и пожалования ор-дена, и что с самого прибытия вашего в Грузию не будете иметь заботы ни о содержании, ни о путе-вых издержках в Россию. М.Г., верьте чистосердечию моему, яко таковое во мне всем известно, что нет иных средств к благополучию вашему, как во всем пре-даться священной Е.И.В. всемилостивейшего Государя нашего воле, отечески о вас пекущейся; не теряйте случая, к благосостоянию вас ведущего, дабы потом не оставаться в св. в раскаянии. При сем за нужное почитаю, обратив мысли мои к князьям, дворянам и ко всем при в. св. находящимся, уверить их последний раз именем Г.И. нашего, что если они возвратятся в отечество свое, не могут иметь никакой опасности и во всех своих винах прощаются. Если же при случае сем паче чаяния сего не выполнят, то уже никогда не будут сюда допущены и всего имения лишатся совершенно»⁴³⁶. Эти убеждения не возымели дейс-

436. Там же. С. 159.

твия, и царевич Александр навсегда остался на чужбине, превратившись в одного из многочисленных ренегатов, находившихся на содержании противников империи, в данном случае, персидского шаха...

Помимо высылки членов царского дома, Цицианов занялся и организацией самой системы управления краем, основательно изменил кадровый состав, очистив бюрократический аппарат от многих чиновников, бывших в фаворе у Коваленского. Это было ключевой мерой санации, начатой главноуправляющим, т.к. после знакомства с ситуацией Цицианов признал, что *«главное неудовольствие грузинского народа устремляется на гражданское здешнее правительство, которого частные злоупотребления некоторых чиновников, от послабления власти произошедшие, подали к этому повод»*⁴³⁷. Более того, по итогам проведенного расследования он донес в столицу министру внутренних дел Кочубею, что *«многие части гражданского правления нашел я в неустройстве по наружности и по внутренности открываются уже многие жалобы, которых всеобщий глас грузинского дворянства падает на правителя Грузии д.с.с. Коваленского»*⁴³⁸.

Ключевая трудность, стоявшая перед князем, заключалась в том, что именно ему предстояло перестраивать всю модель управления подчиненной ему территории – с монархической и практически единовластной в традиционную для стандартной административно-территориальной единицы империи управленческую структуру. Одним из первых шагов его было утверждение нового штата канцелярии, чтобы восстановить делопроизводственный процесс. Далее он для успокоения ситуации обратился со специальным воззванием к «князьям, дворянам и обывателям Грузии», в котором обещал сохранность их имущества, прав и привиле-

437. АКАК. Т. 2. С. 17.

438. Там же. С. 20.

гий, а также справедливый суд и отсутствие намерения высылать княжеские семьи без суда и следствия в Россию⁴³⁹. Надо признать, что Цицианову за время своего правления удалось успокоить ситуацию внутри присоединенного царства, споров и конфликтных ситуаций с участием русской администрации стало меньше, как и жалоб на нее. Его обещания, данные вскоре после приезда в Тифлис, не разошлись с делом... Все лояльные князья и дворяне стали получать денежное содержание из казны на регулярной основе, и получили внеочередное производство в следующие чины⁴⁴⁰.

Именно Цицианову принадлежит идея стимулирования гражданских чинов, сделавших выбор в пользу службы в далекой Грузинской губернии (это помогло ликвидировать кадровый голод при заполнении бюрократического аппарата в новоприсоединенном крае). Он приравнял ее к Иркутской губернии, где *«по открытии... давали определяющим по два чина, с тем чтобы ранее шести лет оттоль не выезжать, а потом при отставке или увольнении и еще один чин получали, что по видимому и побуждало захавших добровольно к служению»*⁴⁴¹. Аргументация главноуправляющего была достаточно проста и понятна: *«Грузинская губерния хотя не так отдалена, как Иркутск, но если принять в уважение трудность пути, дороговизну здешней жизни, необычайность климата, от коего сначала претерпевают болезненные припадки, то и Грузинскую губернию поровнять можно с Иркутскою в выгодах, даруемых определяющимся на службу»*⁴⁴². Она была принята и понята императором, который по указу от 19 декабря 1803 г. разрешил князю Цицианову *«при назначении желающих вступить в Грузию в отправле-*

439. Там же. С. 23.

440. Там же. С. 38-43, 44-45.

441. Там же. С. 37.

442. Там же.

ние секретарских и разных канцелярских должностей награждать их следующими чинами» при условии их службы там не менее года. Если чиновник прослужит в крае в течении 4 лет и далее захочет либо покинуть Грузию, либо выйти в отставку, но он будет премирован еще одним чином⁴⁴³.

Эта практика, установленная при Цицианове, длительное время приносила свои плоды, т.к. вопрос пополнения гражданского аппарата был решен, однако со временем, уже в период существования Кавказского наместничества, она изжила себя и превратилась в злокачественную, т.к. гонка за чинами часто приводила на Кавказ проходимцев и нечистоплотных чиновников. Весьма опасным было и слабое знание местных реалий, которое, вместе с негативными личными качествами и излишней старательностью, иногда приводило к большим проблемам⁴⁴⁴. Все это не добавляло популярности и уважения русской администрации. Во второй половине XIX столетия от нее официально отказались, и перешли к варианту подготовки и выращивания собственных кадров, из местных жителей. Однако, еще раз подчеркнем, что в начальный период включения Кавказа в состав империи стимул, предложенный Цициановым, позволил быстро удовлетворить кадровый голод.

Князь упорядочил расходы и доходы подчиненного ему края, которые Коваленский привел еще в большее запустенье, чем до прихода русской власти в Тифлис. В столице был введен порядок, от которого уже давно отвыкли тифлисские жители. Специальная инструкция для этого была написана Цициановым только что назначенному коменданту Тифлиса майору князю Саакадзе⁴⁴⁵, где главноуправляющий, в частности, подчеркивал, что *«ласковое поведение, терпеливое выслу-*

443. Там же. С. 44.

444. Кипиани Д.И. Записки с 1820 г. // РС. 1886. Т. 50-51. Вып. 5. С. 269-272.

445. Полный текст инструкции см.: АКАК. Т. 2. С. 25-26.

шивание просьб, справедливое разбирательство ссор и убеждение к миру должны вас руководствовать во всех случаях». Результатом предписаний Цицианова явился целый ряд заметных улучшений: все передвижения воинских команд поставлены под жесткий контроль (включая посещения бань, на которые теперь отводились строго определенные дни, дабы избежать различных эксцессов, связанных с пьянством и дебошами солдат); лавки закрывались вовремя (все в 7 вечера) и везде тушился огонь для их безопасности и профилактики пожаров; по всем кварталам Тифлиса стали ходить специальные патрули для предотвращения грабежей и всякого насилия на улицах города, т.е. отвечали за сохранность как торговцев, так и их лавок (включая ночное время). С приходом Цицианова в Тифлисе стала соблюдаться чистота, ответственность за которую нес лично комендант⁴⁴⁶. Для этого же Цицианов распорядился вывести за город скотобойни⁴⁴⁷ и все кожевенные заводы⁴⁴⁸. Таким образом, недовольных в Грузии стало в разы меньше, чем при Коваленском, что следует признать прямой заслугой Цицианова, который отлично понимал, что быстрое и справедливое решение дел – это залог успеха на Кавказе для любой власти...

446. Пятый пункт предписания коменданту прямо говорил, что «за чистотой в городе смотреть вам неослабно и взыскивать с подчиненных, чтобы на улицы никто никакой нечистоты или стервы не кидал. Против чьего дома найдется, велеть тому вычистить» (Там же. С. 26).

447. Данное распоряжение князя вообще поражается своей заботой не только о городской чистоте, но и о здоровье самих горожан. Как подчеркнул в предписании, вывод за городскую черту нужен для того, чтобы «в городе никакой скотины не бить, а битую уже приносить в лавки и всегда чистым полотном покрывать, растолковав им (т.е. жителям – авт.), что от битья скотины в городе делается смрад и вредный для людей запах; покрывать же для того, чтоб не пылилось мясо и не безобразно было видеть, – что все делается оное для сбережения здоровья жителей и что здоровье дороже денег, а потому и жалеть последнего для первого глупо» (Там же. С. 26).

448. Последние выводились за город вследствие «худого запаха, когда квасят кожи», причем они должны находиться в отдалении как от реки, так и от бани.

Цицианов пользовался полным доверием и широкой поддержкой императора, почти все его предложения и просьбы удовлетворялись в Петербурге. Первые несколько месяцев интенсивной работы на посту главноуправляющего были высоко оценены Александром I, который в уже в марте 1803 г. объявил ему «полное благоволение» и наградил его орденом Св. Александра Невского⁴⁴⁹.

Как уже говорилось выше, помимо вопроса налаживания управления и обустройства Картли-Кахетии, перед Цициановым, как руководителем новоприсоединенного края, стоял целый ряд внешних угроз и вызовов. Бывшее царство, вошедшее в состав империи, оказалось своеобразным плацдармом русского присутствия по ту сторону Кавказских гор. Положение русской власти и войск на территории царства было крайне непростым, они оказались зажатыми со всех сторон сонмом полунезависимых владельцев и просто вассалов как турецкого султана, так и персидского хана. Помимо всего прочего, связь с метрополией, да и с материнской Кавказской линией, которая была ответственна за все тыловое обеспечение, была крайне ненадежной, и события 1802 и 1804 годов это отлично продемонстрировали Цицианову.

Среди ближайших внешних угроз, решение которых являлось насущной задачей командующего, были две – осетины и лезгины, жившие по соседству с Картли-Кахетией. Специфика их действий конечно же отличалась друг от друга. Лезгины (Джаро-Белоканская область, упиравшаяся в р. Алазань) совершали регулярные набеги и иногда доходили до самого Тифлиса. Часто грузинским царем было нечего противопоставить агрессивным соседям, которые уходили с территории царства с богатой добычей. Лезгинские набеги наносили огромный

449. Там же. С. 26.

ущерб экономике Грузии, можно сказать, временно парализовывали ее, и заметный людской урон. Как замечает В.В. Лапин, «в Джаро-Белоканской области охота за людьми с целью выкупа или продажи в рабство превратилась в главный источник доходов и отличалась высоким уровнем организации»⁴⁵⁰.

Узнав в начале 1803 г. о подготовке похода лезгин на Кахетию с участием царевича Александра, Цицианов приказал генералу Гулякову решить оба проблемных для российских властей вопроса – и усмирение лезгин, которые обязаны были принести присягу на верность, и получение Александра, чью выдачу надо было потребовать у них. Гуляков, форсировав Алазань, быстро дошел до Белокан и отбросил занявших оборону горцев. После их бегства селение было отдано на разграбление грузинской милиции, которая с радостью использовала возможность расплатиться за предыдущие десятилетия лезгинских набегов, потом сожжено. Последовавший затем стремительный марш-бросок русского отряда к Джарам заставил лезгин прислать старшин «с письменным и словесным объявлением, что Джарские вольные общества просят помилования и пощады жизни поселян и имуществу и соглашаются на все, что предписать им будет угодно». Беглый царевич уже давно покинул их, и этот вопрос был снят с повестки. Гуляков повернул назад, оставив Джары в неприкосновенности. Вслед за отрядом отправились поверенные от всех лезгинских вольных обществ, которые 12 апреля 1803 г. были лично представлены главноуправляющему⁴⁵¹.

Помощи от соседей лезгины так и не получили, даже наоборот, бывшие союзники, узнав об их поражении, бежали, грабя по дороге лезгинские земли. Например, как следует из доклада Цицианова, «*нухинский же Мамед-Хасан-хан, приведший войска и две пушки для*

450. Лапин В.В. Указ. соч. С. 341.

451. АКАК. Т. 2. С. 685.

вспоможения союзным соседям своим, при приближении войск В.И.В. к Джарам искал спасения постыдным бегством, разоряя бесчеловечно на пути своем селения своих союзников, о чем сие последние изъявили мне жалобы и крайнее их негодование»⁴⁵².

Депутаты лезгинских обществ были собраны в одном месте и приведены Гуляковым к присяге на верно-подданство⁴⁵³. Помимо присяги, поверенные согласились выплачивать ежегодную дань шелком в размере 220 пудов (двумя равными частями – 1 августа и 1 ноября) и дать из каждого селения по одному аманату из *«лучших и первых семейств»*. Они также обязывались не принимать царевича Александра и его сторонников и не *«давать убежища хищным дагестанцам, лезгинам и прочим народам, на Грузию покушения имеющим»⁴⁵⁴*. Подчеркнем, что это представляется чуть ли не главным условием: лезгины не должны были помогать другим горцам готовить набеги на грузинские земли.

Для контроля над приграничьем и для должной защиты Кахетии Цицианов поставил редут у брода Урдо через Алазань (после постройки он получил название «Александровский»), *«а для совершенного обеспечения как переправы через Алазань, так равно и важнейших местоположений, около лежащих»* учредил два поста *«при Царицыном Колодце... и вниз по течению при ур. Карагаче»⁴⁵⁵*.

В скором времени выяснилось, что лезгины своих обязательств выполнять не собираются. Они продолжили участвовать в набегах и пропускали через свою тер-

452. Там же. С. 686.

453. Данные об общей численности присягнувших обществ разнятся. На это обратил внимание В.В. Лапин: «Всего присягу приняли 27 вольных селений (5330 дымов) и 34 зависимых селения (3000 дымов). По мнению русского командования, в 1803 году в этих селениях проживало 90 тысяч человек, тогда как сами горцы называли цифру, более чем вдвое меньшую – 40 тысяч» (Лапин В.В. Указ. соч. С. 369).

454. АКАК. Т. 2. С. 686.

455. Там же. С. 686.

риторию других горцев, шедших на грузинские земли. В результате этих нападений понесли ощутимые потери и русские войска. Выдача аманатов тоже оказалась фарсом: вместо представителей лучших фамилий были отданы те люди, жизнь которых не особо ценилась и которых не рвались выкупать.

Это вызвало жесткую реакцию Цицианова, который выступил с грозным предупреждением (объявление старшинам Джарской провинции и всему народу, от 23 июня 1803 г.): *«Неверный народ, бесстыдные люди! Долго ли Вы будете еще от меня требовать невозможного? И желаете начать невыполнением одной из статей постановления, прося и беспокоя меня через генерала многожды? Неужто думаете вы, что вы затем в подданство великого нашего Г.И. приняты, чтобы не держать слова данного? Вы должны выкупать ясырей и до сих пор не выкупаете, все откладываете и еще смеете просить увольнения от оного. Неужто вы забыли, что вы 80 лет бедную Грузию разоряли и брали за ясырей то, что хотели, а не по 100 руб.? Короче сказать, если вы через месяц не выкупите, то увидите, что я сделаю и с ясырями и с вами... кто силу в руках имеет, тот с слабым не торгуется, а повелевает им»*⁴⁵⁶.

Однако ни джарцы, ни белоканцы не захотели выполнять условия присяги, в первую очередь, платить дань. Разгневанный Цицианов разразился двумя отдельными письмами – к белоканским и джарским жителям (от 3 октября 1803 г.)⁴⁵⁷, где пытался показать вели-

456. АКАК. Т. 2. С. 688.

457. Обращение кн. Цицианова белоканских жителям, от 3 октября 1803 г.:

«Мир и благословение Божие да будет с вами, Белоканские старшины и народ, буде вы дань следующую заплатите тотчас. Неприлично подчиненным учить начальника и говорить, что мне свойственно и что несвойственно; воробей орла и лисица льва учить не может, но я вам великодушно прощаю. Алия я выпустил, другой Белоканец взял на свой страх Армян и предал их граблению, а третий – известный

хищник. Я хищников истреблять должен и буду, а храбрые и честные Белоканцы будут мои дети и братья. Сие вам говорю, дабы вы знали мои правила и избирали или краткую жизнь или смерть. В доказательство моей милости к вам, Белоканцам, старшинскую вдову Чучу Софию я повелел отправить без выкупа и она мне объявила, что здесь пребывая, посрамления ни от кого не получила, за что я благодарю Бога по вере и закону моему. Слыша о сем моем поступке, взирайте на великодушие Россиянина и знайте, что он противных карает огнем и мечом, а добрых милует и покровительствует. Опомнитесь, и если вы хотите остаться в подданстве Российском, как присягали, и пользоваться всеми вашими добрами, пришлите дань на вас положенную и тогда в Белоканах, в домах ваших, посреди семей ваших оставлю вас; даже когда приду с огнем и мечем карать непослушных, то и в те часы смерти и печали никто не коснется до вас; дам вам охрану и защиту и, выгнав и сокруша и потребив с лица земли противников сих, отдам вам их земли и сберегу, защиту и покрою вас как отец детей своих. Вы – храбрые воины, вы должны храбрых и любить; кого-ж храбрее Россиян вы знаете? Пуля ваша 5-ти члов. не убьет, моя пушка картечью или ядром за один раз 30 человек повалит. Измеряйте все это; у вас бунтуют купцы и вашими руками хотят жар загребать. Будьте мои дети, я с вами соединюсь, и от соседей взятые земли отдам вам» (Там же. С. 689-690).

Обращение кн. Цицианова Джарским жителям, от 3 октября 1803 г.: «Я вижу из письма вашего, что одни обманы суть основанием всех ваших уверений; вижу и то, что кроткость моя и милосердие не действуют над вами. Вы бедностью отзываетесь, не будучи бедны; будь же шелка нет, пришлите за первый срок 11,000 руб. русских серебряных или 4,230 червонцев и 2 руб. сер.; приготовьте к 1-му ноября такую же сумму – и тогда я вам отец буду, тогда покажу я, как кротко и милостиво Российское правление. Но видно вы не чувствуете моей жалости к пролитию вашей крови реками и к лишению вас домов ваших и имения; ждите времени, соберите всех дагестанцев и готовьтесь перемерзнуть в снегу между гор, буде стоять устрашиться. Не обманете вы меня другой раз, потреблю вас с лица земли и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю, и хотя российские не привыкли жечь, попалю все то, что не займу войсками и водворюсь навеки в вашей земле. Увидим, помогут ли вам дагестанцы выгнать меня и будут ли в состоянии оное сделать. Знайте, что писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит как вода в котле, члены все дрожат от ярости, – не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашей и она покраснеет; но вы яко зайцы уйдете в ущелья и там вас достану и буде не от меча, то от стужи поколеете. Дагестанцы же, которых вы оставили зимовать, будут свидетелями тому и также помрут; вы хлеб увезли в ущелье, но со смертью своею его есть будете. Наконец, говорю вам, что ген.-м. Гулякову приказал я – от дня отправления сего письма с Алазани, буде через 4 дня не получите ни шелку, ни денег, донести мне, чтобы я начал мою вражду к вам тяжким наказанием ваших аманатов, и тогда собирайтесь все на защиту. Великий мой Г. И. повелел мне вас наказать, буде дани не заплатите. Он уже изволил ведать о том, что а августе месяце шелк не привезен» (Там же. С. 690).

кодушие и милостивое отношение русских, но при этом напоминал о жестких карах за измену и обман. Читая эти и другие послания, понимаешь, почему донесения, да и любые тексты, вышедшие из под пера Павла Дмитриевича, пользовались популярностью в Петербурге – он был мастером эпистолярного жанра.

Это стало последним предупреждением, на которое лезгины никак не прореагировали, после чего в январе 1804 г. командующий отправил специальную экспедицию для их наказания под командованием Гулякова. Однако второй его поход нельзя назвать успешным.

Русский отряд переправил через Алазань и быстро прорвал оборону лезгин около Джар, которое было брошено жителями. Однако генерал не остановился на достигнутом, и сразу бросился преследовать отступавшего противника, несмотря на предостережения других генералов и офицеров не двигаться вперед без предварительной разведки. Преследование горцев по незнакомой местности закончилось для Гулякова трагически: он оказался в тесном Закатальском ущелье, где отряд попал под стремительную контратаку притаившихся лезгин, в ходе которой генерал был убит, а части вынуждены отступить обратно к Алазани. Как докладывал Цицианову поручик Воронцов, бывший в этой экспедиции, *«Василий Семенович (Гуляков – В.М), водим будучи одною храбростью, пустился со всем отрядом в такое неприступное место, что ежели бы оно было нам и знакомо, никак нельзя было в оное войти. Он по обыкновению своему опередил всех и шел вперед, не открыв места, – без фланкеров и без всего. Одни грузины были еще дальше впереди и это была главная его ошибка, ибо лезгины только что бросились с саблями на грузин, они все побежали назад и кинулись на нас; место не позволило никак выстроиться, так что и нас сначала было опрокинули. Василия Семе-*

новича убили у первого орудия и возле него был и со мною тоже бы случилось, ежели бы бежавшая грузинская толпа вместе с неприятелем не столкнула меня с прекрутого яра, откуда я слетел и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на других, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты. Как можно скорее я взлез опять на верх и нашел, что наши опять стали собираться и в скором времени лезгин оттуда сбили»⁴⁵⁸. Тем не менее, как признается молодой граф, «идти вперед невозможно было, ретироваться казалось тоже невозможно, однако же с большим трудом отошли, не оставя ничего позади нас... Бог знает, как мы оттуда вышли, никто из нас не думал пережить этот день». Отряд вернулся на место временного лагеря, потеряв в ходе жаркого боя в ущелье около 300 солдат и значительное число офицеров убитыми и ранеными, а главное, лишился своего командира⁴⁵⁹. Им, по разным подсчетам, противостояло до 7 тыс. горцев.

Потери лезгинских обществ были весьма большими и трудновосполнимыми, поэтому некоторые из них принесли повторную присягу на верность. Как отмечает Лапин, «Цицианов понимал, что после неудачи экспедиции Гулякова трудно рассчитывать на что-то большее, и, отправив владетелям Джаро-Белоканской области несколько грозных посланий, не стал проводить новых карательных операций»⁴⁶⁰. Итоговый окрик князя, в письме от 31 марта 1804 г., был очень впечатляющим: «Неверные мерзавцы! Я вас много раз уговаривал, а вы призвали дагестанцев и теперь хо-

458. АКАК. Т. 2. С. 690.

459. Поручик Воронцов в том же письме Цицианову подчеркивает, что, хотя отряд и находится в потрепанном состоянии, но не потерял свой боевой дух и настрой: «Снарядов, а паче патронов у нас очень мало, провианту не более как на 9 дней; отступать же не хочется, да и стыдно» (Там же. С. 690).

460. Лапин В.В. Указ. соч. С. 372.

тите, чтоб я вам поверил и помиловал, да и дерзаете писать что мне неприлично. Вы верно думаете, что Я Грузинец и вы смеете так писать? Я родился в России, там вырос и душу Русскую имею. Дождетесь вы моего посещения и тогда не дома я ваши сожгу, – вас сожгу, из детей ваших и жен утробы выну. Вы думаете до снятия хлеба быть покойными, но я Вас Богом уверяю, что не будете есть вы Джарского хлеба, доколе не заплатите требуемого. Вот вам изменникам последнее мое слово!»⁴⁶¹.

Таким образом, лезгинскую проблему Цицианов полностью решить не смог, будучи занят ханствами, а потом и военными действиями с персами, однако сумел приглушить ее остроту. Две проведенные по приказу князя экспедиции оказали свое заметное влияние на ситуацию и на горцев: понесенные в их ходе большие потери заставили лезгин вести себя более умеренно и спокойно рядом с русскими войсками⁴⁶².

Если лезгинскую угрозу он полностью снять не успел, то выступления осетин и их действия против Военно-Грузинской дороги были им полностью прекращены в ходе военных действий (экспедиция 1804 г.). Подчеркнем, что осетины же представляли собой серьезную угрозу главной коммуникации, связывавшей Кавказскую линию с Закавказьем, – Военно-Грузинской дороге, т.е. связи нового края с метрополией. Они собирали дань с проезжавших на дороге, в некоторых случаях просто перекрывали путь и блокировали его, нападали на воен-

461. АКАК. Т. 2. С. 691.

462. Окончательное покорение джаро-белоканских лезгин произошло в 1830 г., после чего была образована Джаро-Белоканская область. 4 марта того же года были изданы правила по ее управлению, по которым создавалось специальное временное правление области, подчинявшееся начальнику области. В этот орган вошли 2 российских представителя и 6 местных жителей «из числа почетнейших старцев». В 1840 г. область была преобразована в Белоканский уезд и включена в состав новообразованной Грузино-Имеретинской губернии.

ные конвои и гражданские караваны. Все это создавало большие проблемы российской власти в Закавказье.

В 1802 г., как пишет Потто, *«беспорядки распространились даже на Военно-Грузинскую дорогу... Самым опасным местом на этом пути считалось Ларское ущелье, находившееся во владении одного из осетинских старшин, Ахмета Дударова, который жил на высокой горе, увенчанной каменным замком. Отсюда, с толпой преданных слуг, он выезжал на разбои, грабил проезжающих и собирал дань с проходивших мимо купеческих караванов. Теперь, как только колонна Буткова (рота солдат вместе с 200 казаками – авт.) показалась в ущелье, Дударов поднял красное знамя – сигнал военной тревоги, но, к счастью, Бутков принадлежал к людям энергичным и решительным. Не давая врагу времени собраться с силами, он бросился в деревню Чим, принадлежавшую Дударову, и все, что было вне укрепленного замка, предал истреблению... А со стороны Владикавказа в это время показались пушки... Дударов понял бесполезность сопротивления»*⁴⁶³.

Через два года, осетины во главе с Дударовым опять оказались активными участниками антироссийского выступления, но на этот раз под воздействием мятежных грузинских царевичей. Как подчеркивает М.М. Блиев, *«в самый сложный момент начала русско-иранской войны (в 1804 году) осетинские повстанцы числом 3000 человек во главе с Ахметом Дударовым закрыли Военно-Грузинскую дорогу, атаковали поместье грузинского князя Казбеги,... и повели длительную осаду Степан-Цминды, где была расположена русская команда»*⁴⁶⁴. В июле они заняли Степанцминду, а затем и Казбекское укрепление, маленький гарнизон

463. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 300.

464. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006. С. 49.

которой сдался⁴⁶⁵. Вслед за этим было совершено нападение на Владикавказскую крепость. Такая активность подпитывалась и тем, что грузинские царевичи Юлон и Парнаоз энергично стали заниматься антироссийской пропагандой среди осетин. Например, последний специально обращался к куртатинским осетинам с призывом оказать помощь тагаурским в борьбе с русскими войсками, которым надо было блокировать движение в любом удобном месте. Царевич Парнаоз, как пишет Г.Д. Тогошвили, *«взамен от своего имени и от имени персидского шаха обещал большие подаяния»*⁴⁶⁶.

Цицианов был вынужден осенью 1804 г. лично возглавить карательную операцию, т.к. перекрытие Военно-Грузинской дороги и другие действия осетин, направленные против российских войск, ставили под удар успех войны с Персией. Еще до его прибытия оба мятежных царевича были пойманы, а сам князь жестоко подавил выступление, Дударов был изгнан со своих земель.

О его заслуженной и поучительной для остальных участи Цицианов напомнил всем тагаурским старшинам и народу (в послании от 26 октября): *«Вы видели, как поступлено с Дударуко за его дерзости и за то, что он вас вводил в несчастье; таковой точно участи и вы ожидайте, буде с получения сего не исполните то, что написано ниже. Не Кноррингово теперь время; не стану я с вами договоры делать; у кого есть штыки, тому денег платить не следует. Клянусь Богом, в которого верую, что камня на камне у вас не оставлю, и не генерала пришлю, а сам приду с войском»*⁴⁶⁷.

Заметим, что командующий пытался также привести существовавшие у осетин традиции сбора с проезжающих к фиксированной норме, дабы ликвидировать

465. Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, 2012. Т. 1. С. 324.

466. Там же.

467. АКАК. Т. 2. С. 555.

откровенной произвол на дороге отдельных предводителей типа Дударова, но, несмотря на его обращения и призывы к порядку, это начинание оказалось неосуществленным, после чего князь и обратился к самому испытанному средству – *ultima ratio regis*⁴⁶⁸. Теперь, после демонстрации силы командующим, осетины были вынуждены отказаться от любых необоснованных поборов на дороге и ограничиться фиксированным сбором, разрешенным им еще со времен Потемкина, а именно *«по 30 к. с пешего и по 70 к. с конного, а с товаров ничего, также с казенных вещей ни одной полушки не думать брать никогда»*. На участке от Ларса до Казбека, как писал им Цицианов, *«доколе дорога еще новая не сделана, позволяется вам брать за вьючную лошадь и вьюк от 9 до 10 пуд по 2 руб. сер., с человека же без клажи по 1 руб.»*⁴⁶⁹. Кроме того, осетины были обязаны вернуть все награбленное из Степанцминды и Ларса. В случае соблюдения этих правил, а также выдачи и своевременной замены аманатов, князь обещал им бесплатное выделение соли и снятие всех ограничений по покупке хлеба в городах края⁴⁷⁰.

Подчеркнем, что необходимость обеспечения безопасности единственной коммуникационной линии, связывающей силы русской армии в Закавказье с тылом и определило жесткость действий командующего по отношению к осетинам. Основной задачей карательной экспедиции по Военно-Грузинской дороге на осетинском участке являлось именно восстановление бесперебойного движения по этому важнейшему пути, и надо признать, что данная задача на период управления регионом Цицианова была решена...

Бесспорно, что для закрепления российского присутствия в регионе как политического, так и военного,

468. Последний довод королей (лат.).

469. АКАК. Т. 2. С. 555.

470. Там же.

было жизненно важно расширение имевшегося плацдарма, что решало бы и проблему безопасности как самого бывшего царства, так и его жителей, постоянно страдавших от разорительных набегов горцев, так и от регулярных конфликтов с соседними землями. Цицианов задумывался и над выходом к морскому берегу, т.к. его наличие означало получение альтернативных путей, и соответственно, связи с метрополией (помимо Военно-Грузинской дороги). Дальнейшее расширение российских владений позволяло получить естественную и, соответственно, более удобную границу с двумя соседними империями. Признаем, что князь Цицианов действовал согласно логике и принципам ответственного военачальника и дальновидного государственного деятеля.

Князь не считал эффективным банальное задабривание закавказских владетелей подарками и деньгами. Он был категорическим противником любого заигрывания с местными правителями и особенно – раздачи им регулярных денежных вознаграждений – по сути подкупа, который не давал ни преданности, ни ручательства в соблюдении недавно принесенной присяги. *«Все они враждуют между собою, – писал князь графу Н.П. Румянцеву (от 21 декабря 1802 г.). – В Азии политика есть – сила; лучшая добродетель владельца – храбрость, способы для найма войск – деньги. И так, чем беднее, тем покойнее»*⁴⁷¹. Заметим, что это стало одним из пунктов политического завещания Цицианова, которое, к счастью, было понято и со всей серьезностью воспринято его преемниками, в первую очередь, генералом Ермоловым.

Как справедливо замечает В. Лапин, *«пост главнокомандующего в Грузии предполагал не только защиту и «обустройство» Карталино-Кахетинского царства, но и дальнейшее распространение границ*

471. Богданович М.И. История царствования императора Александра I. М., 1869. Т. 1. С. 287.

империи в Закавказье. Включение владений Грузии XII в состав России предопределило судьбу Имеретии, Гурии, Мингрелии, Абхазии, Лечгума, Сванетии, некогда находившихся под властью одного царя. Объяснялось это не только предьявлением прав на наследство Багратионов. Западные княжества служили источником постоянной угрозы, поскольку тамошние князья не собирались отказываться от вооруженных нападений как привычного способа решения конфликтов с соседями. Все владетели Западного Закавказья находились в зависимости от Порты и при каждом конфликте Петербурга и Стамбула автоматически становились союзниками последнего, а их земли служили плацдармом для вторжений в Грузию. Кроме того, через Имеретию, Гурию и Мингрелию можно было проложить путь в закавказские владения России. Войска и грузы доставлялись морем из Крыма, Одессы и Таганрога в район Поти, а затем следовали по суше через Кутаиси до Тифлиса. Наконец, названные государства постоянно раздирали внутренние распри, в ходе которых одна из сторон искала поддержки у северного соседа»⁴⁷².

Если переговоры с мингрельским князем, находившемся в весьма тяжелом положении, прошли достаточно быстро и успешно по причине большой заинтересованности последнего в российском покровительстве и помощи, то царь Имеретии Соломон II был вынужден обратиться к Цицианову под воздействием ухудшившейся для себя обстановки. С одной стороны, Картли-Кахетия, где стояли русские войска, с другой – Мингрельское княжество, оказавшееся под покровительством Петербурга. Выбор был простым: либо Россия, либо Турция. Причем турки, особенно ахалцихский паша, как ближайший сосед, обещали помощь и поддержку, но явно не собирались из-за Соломона ввязываться в войну с Российской

472. Лапин В.В. Указ. соч. С. 460.

империей. И у имеретинского владельца практически исчезла почва для маневра. Вслед за этим почти автоматически и также бескровно была решена судьба Гурии.

Владетельный князь Мингрелии Григорий Дадиани, еще в 1802 г. сделал попытку при посредничестве царевича Давида попроситься под покровительство российского императора, ссылаясь на отсутствие сил сражаться в одиночку с имеретинским царем, который его гораздо сильнее и воюет вместе с мусульманами. Князь Дадиани жаловался на Соломона II, который *«с лезгинцами и с своими войсками приступил ко мне и из областей мне подвластных меня хочет исторгнуть, но я и наши ближние все обще вместе находимся. До сего времени его войско, вспомоществуемое неверными, с нами сражается»*⁴⁷³. Первое подобное обращение, пришедшее на рассмотрение генералу Кноррингу, было оставлено без положительного ответа, т.к. русское командование не хотело ввязываться в конфликт между мингрельским и имеретинским владельцами. Тем более, что Петербург до приезда Цицианова не давал разрешения на новые территориальные приобретения.

В конце 1802 г. положение Дадиани продолжало ухудшаться, и он обратился напрямую к представителю российской администрации, коллежскому советнику Соколову, с которым был лично знаком: *«... вверяю вам мое дело, ибо я имею желание войти под покровительство всемилостивейшего Государя, дабы избавиться от рук сильного царя Соломона»*. В противном случае владетельный князь намерен был обратиться к султану. *«... ежели в сем моем намерении ни в чем не пособите, то дайте мне волю, чтобы я с моим именем и семьей вошел в подданство и протекцию Оттоманской Порты»*⁴⁷⁴, написал он Соколову в письме от 20 декабря 1802 г.

473. АКАК. Т. 2. С. 452.

474. Там же.

Цицианов решил воспользоваться ситуацией и не отталкивать от России мингрельского князя. Он стал настаивать на необходимости принятия Мингрелии под покровительство, о чем и написал в Петербург в своем рапорте императору от 17 марта 1803 г. Аргументируя свою позицию, главноуправляющий, в частности, писал: *«Пристань Поти, множество строевого корабельного леса, судоходная р. Рион, богатые рудники в Мингрелии, находящиеся без употребления, а паче всего утверждение естественных и удобнейших к удержанию пределов наших от Черного моря до Каспийского побуждают меня обратить мое внимание на сию раззоренную, но плодородную область и вкупе сожалеть о невозвратной утрате оной для России, коль скоро просимое Дадиани покровительство не удостоится милосердного воззрения В.И.В.»*⁴⁷⁵. Более того, Цицианов практически гарантировал успех в случае согласия Александра I: *«... приемлю смелость донести В.И.В... если бы благоудно было В.И.В. поручить мне занятие Мингрелии, то чрез месяц по получении Высочайшего повеления российский гарнизон будет в Поти, и Мингрелия присягнет на верноподданство В.И.В.»*⁴⁷⁶.

Император поддержал инициативу князя Цицианова и согласился как с принятием Мингрелии, так и с условиями (т.н. «просительными пунктами») вступления владетельного князя Григория Дадиани в российское подданство⁴⁷⁷. Согласно просительным пунктам,

475. Там же. С. 453.

476. Там же. С. 454.

477. Как зафиксировано в Высочайшем повелении на имя Цицианова от 23 мая 1803 г., «во уважение причин, изъясненных Вами, соглашаюсь Я принять Мингрелию в подданство Российское; вы с получения сего объявите о соизволении Моем владетелю сей земли кн. Дадиани и, условясь с ним, приступите к занятию войсками Моими всех мест, которые оными снабдить нужным сочтете. По совершении оногo и по приведении жителей области сей на верноподданство к присяге, возложите на кн. Дадиани знаки ордена св. Александра Невского, которые для сего к вам препровождаются...» (Там же. С. 732).

утвержденным императором и подписанным князем Дадиани⁴⁷⁸, последний признавался законным владельцем, и подтверждались наследственные права княжеские дома Дадиани, однако при этом вводилось правило подтверждения из Петербурга для каждого нового наследника⁴⁷⁹. За владельческим князем сохранялась судебная функция. Как указано в документе, *«предоставлены будут мне и преемникам моим суд и расправа во владениях моих и во Всероссийском подданстве находящихся» (включая смертную казнь и “лишение членов”)*. Однако здесь фиксировался и ее временный характер: *«До издания же сих Высочайших законов (российских – авт.), да позволено будет продолжать наказание по прежнему для обуздания злодеяний, могущих умножиться по необычности народной к кроткому управлению»*⁴⁸⁰.

При этом он получал реальную помощь от России в виде военных гарнизонов, которые будут поставлены в Мингрелии *«на вечное пребывание для защиты от внешних врагов и супостатов и для водворения спокойствия и тишины посреди самих владений»*. Также владельческому князю гарантировалась доля от всех доходных статей, получаемых на подконтрольной ему территории, будь то золотые, серебряные или иные рудники, города, денежные поступления от портовой таможни, или корабельный лес⁴⁸¹.

478. Полное Собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. Т. 28. Приложения 1804. № 21328а. С. 6-8.

479. Пункт № 2 гласил: *«Да благостью Его Императорского Величества Всемилостивейшего моего Государя и Повелителя, предоставлено будет мне, детям моим и всему моему потомству, по старшинству колена, пользоваться правами и преимуществами владельца со всеми обязанностями верноподданного раба Всероссийского Государя Императора, яко Верховного моего и преемников моих Великого Государя и Повелителя. На что да буду я осчастливлен Высочайшею Его Императорского Величества грамотою, так как и преемники мои при всяком новом вступлении во владение кого-либо из следующих по старшей линии да будут утверждены подобными высочайшими грамотами»* (Там же. С. 7).

480. Там же.

481. Там же. С. 7, 8.

В свою очередь, он вместе со своими преемниками обязывался *«повиноваться во всем... властям, от Его Императорского Величества поставленным, как то Главноуправляющему Грузией или кто от сего из генералов будет прислан»*⁴⁸². Взамен предоставляемой защиты и доходов князь Дадиани должен был обеспечить русскому контингенту дома с отоплением и освещением⁴⁸³, а также предоставлять съестные припасы за умеренную цену и снабжать в случае необходимости открывшие рудники запрашиваемым числом работников⁴⁸⁴.

Рассматриваемый нами документ содержал еще две интересных, если хотите, показательных особенностей. Во-первых, в утвержденных императором владениях князя Дадиани были перечислены такие, которые ему на данные момент не принадлежали и были, по крайней мере, спорные – Лечгум (за который шел спор с Соломоном II), а также самостоятельные Абхазия и Сванетия⁴⁸⁵. Во-вторых, при заключении этого своеобразного договора вышла и заметная протокольная неурядица. В первом же пункте князь Григорий Дадиани передавал себя со всем своим потомством и землями в «вечное и верное рабство», тогда как слова «раб» и «рабство» были запрещены к употреблению во всех официальных документах указом от 11 февраля 1786 г., однако *«в грузинском языке нет слова, равносильного верноподданному, да и все азиатцы не понимают иначе подданства, как под именем рабства, то и суждено было оставить оное в переводе»*⁴⁸⁶.

482. Там же. С. 7.

483. Показательно уточнение этого пункта: «... то есть доставляя через моих подданных дрова и свечи или сало баранье на свет» (Там же. С. 8).

484. Там же.

485. Там же. С. 6.

486. Там же. С. 6-7.

По итогам всех необходимых мероприятий Цицианов доносит в Петербург, что *«сколько из слов посланцев и слога писем, кн. Дадиани ко мне писанных, заключить я могу, то радость его и всего народа искренна и безмерна, провидя блаженство свое во Всероссийском подданстве»*⁴⁸⁷.

Поняв, что остался в одиночестве, Соломон II попытался сыграть на опережение Цицианова и отправил в Петербург своего посланника князя Соломона Леонидзе для представления своих условий принятия российского покровительства. Россия должна была гарантировать царский статус ему и его потомству, по первому требованию оказывать военную помощь (1 тыс. солдат), а главное, имеретинский царь хотел иметь при петербургском дворе своего постоянного посланника⁴⁸⁸..

При этом Соломон пытался продемонстрировать себя ярым сторонником России и блюстителем ее интересов. Он сумел произвести впечатление и на самого Цицианова, который в письме канцлеру графу А.Р. Воронцову от 12 июня 1803 г., в частности, писал: *«Правитель канцелярии моей н. с. Бронеvский, посланный мною по сему делу в Имеретию, был свидетелем усердных подвигов царя Соломона в наклонении царицей Грузинских Юлона и Парнаоза к выезду в Россию»*⁴⁸⁹.

Цицианов даже задумывался об экономическом развитии царства и росте как его благосостояния, так и империи. Как отмечал главноуправляющий, *«Имеретия имеет нужду в торговле, которая в скором времени прольет в нее многие источники изобилия, рукоделия и промышленности. Р. Рион может служить к тому удобнейшим путем. Нужны только помощь и посредство России, чтоб Имеретинские продукты доставляемы были беспрепятственно к пристани Поты, где не*

487. АКАК. Т. 2. С. 463.

488. Там же. С. 347.

489. Там же. С. 347.

умедлит открыться Российская торговля, для Имеретии весьма выгодная, а наипаче если первый торг с Россией будет состоять в строевом корабельном лесе, который в изобилии растет в Имеретии»⁴⁹⁰.

В результате, по рекомендации Цицианова, император решил оказать покровительство Соломону. Последнего за такую заметную демонстрацию приверженности к России наградили орденом Св. Александра Невского, алмазные знаки которого были незамедлительно отправлены к нему для вручения. Александр I, поверив в искренность намерения Соломона и его действий вступить в российское подданство и признав серьезность аргументов Цицианова в пользу этого, отправил в Тифлис свой рескрипт от 2 августа 1803 г., где приказал начать процесс присоединения царства к империи. *«Уважая представление ваше о знатных выгодах для торговли и мореплавания Россиян по Черному морю, имеющих воспоследовать от приобретения Имеретии, рассуждая при том, что Кайнарджинским трактатом освобождено царство сие от ига Турецкого, соглашаюсь принять оное под защиту и покров России и по прибытии сюда посла Имеретинского объявлю на то соизволение Мое, поручая Вам заблаговременно принять нужные меры к произведению оногo в действо»⁴⁹¹*, – писал Александр I.

Тем не менее, процесс принятия Имеретии затянулся по причине двойной игры Соломона, всячески затягивавшего его и одновременно пытавшегося выторговать себе новые, прямо говоря, лучшие условия и преференции. В то же время имеретинский царь активно вел антироссийскую деятельность, препятствуя по возможности распространению российского влияния в регионе. Он по-прежнему враждовал с Мингрелией,

490. Там же.

491. Там же. С. 352.

не взирая на российское покровительство последней. Кроме того, по данным Цицианова, *«он старается посредством тагаурского старшины Дударуко препроводить царевичей Грузинских Юлона и Парнаоза через Кабарду и Кавказское ущелье в Дагестан, откуда вредить нашим пределам могут они приобрести более способов; но доселе еще помянутые царевичи находятся в Имеретии»*⁴⁹².

К осени 1803 г. достаточно ясно проявилась его неискренность и фальшь в отношениях с Россией. Цицианов несколько раз докладывал в Петербург *«о вероломстве и варварских поступках»* имеретинского царя⁴⁹³. В столице тоже осознали ошибочность политики «мягкой силы» и необходимость силового давления на несговорчивого, а самое главное, ненадежного имеретинского владыку. Например, в сентябрьском послании Цицианову граф А.Р. Воронцов писал: *«... двоякость поведения царя Соломона, обнаруживая и замыслы его и недоброхотство к нам, содействуют более необходимым приобретение Имеретии, через которую занятие Мингрелии легко учинится, а не менее нужно оно и к утверждению спокойного владения нашего в Грузии»*⁴⁹⁴.

В одном из октябрьских посланий канцлера Воронцова выражена более четкая оценка Соломона и прописаны предполагаемые шаги Цицианова: *«Двоякость поступков Соломона, отправившего сюда кн. Леонидзе для постановления условий, на которых имеет он покорить Имеретию под верховную власть России, и в то же время чинящего через посланника своего в Константинополе жалобы на нас, в намерении встретить Порту на счет видов наших в том крае, обнаруживает неискренность его в предложении нам*

492. Там же. С. 356.

493. Например см.: Всеподданнейший рапорт князя Цицианова, от 12 сентября 1803 г. // АКАК. Т. 2. С. 356.

494. Там же. С. 357.

сделанном и мало подает надежды, чтобы он обязательства, которые им приняты будут, выполнил. Вероятнее полагать можно, что, убоясь оружия Российского, решился он то поставить себе в выслугу, чему противиться он не в состоянии и, предав будто бы добровольно Имеретию в руки наши, искать случая оною паки самовластно завладеть и таким образом, под личиною подвластного России правителя, был бы он скрытый враг Империи, повседневно сплетающий ковы на гибель войск Российских, тамо пребывающих... повторяю в.с., что буде найдете вы в состоянии, не обнажа границ Грузии и не оставляя оные без защиты от впадения лезгин как из Дагестана, так и со стороны Ахалциха, отделить достаточный отряд для занятия Кутаиса и крепких мест в Имеретии, исполните то без отлагательства, тем паче, если Соломон до получения вами сего предписания не исправил поведения своего»⁴⁹⁵. Приказ о занятии ряда мест в Имеретии, в первую очередь, Кутаиса, был подтвержден высочайшем повелением от 26 октября 1803 г.⁴⁹⁶

495. Там же. С. 358.

496. Император с раздражением писал: «Обнаруженное коварство царя Соломона, искавшего предать себя и царство свое под покровительство и верховную власть России и в то же самое время просящего у Порты Оттоманской защиты противу нашего оружия, а паче всего безчеловечие, содеянное им над посланными кн. Дадияни и преступившее пределы всякого чаяния, показали какие меры надлежит принять для упреждения замыслов его ко вреду нашему и побудили Меня повелеть приостановить начатую негоциацию с прибывшим сюда посланцем Имеретинским.

Не остается уже места никакому сомнению, что кротость и увещание бездейственны будут к обращению на путь правый сего закоснелого в пронырстве владельца и что настало время принять меры осторожности, должнствующие предохранить Грузию от тех неустойств, которые в Имеретии день ото дня усиливаются.

Занятие Кутаиса и крепких мест Имеретии, сделавшись таким образом необходимым, имеете вы в избранное вами для сего удобное время отрядить в Имеретию столько из состоящего под начальством вашим войска, сколько по усмотрению вашему нужно окажется» (Там же. С. 359).

Поход на Гянджу, состоявший в конце 1803 г., отсрочил конец независимого существования Имеретии. Цицианов, рапортуя в декабре в Петербург о текущей обстановке, писал, что *«по совершении при помощи Всевышнего экспедиции на Гянджу, имеющей недолго продолжаться, поспешу приступить к скорейшему выполнению сего Высочайшего повеления»*⁴⁹⁷. В ответ на это Цицианов получил послание от канцлера, который подтверждал принятую линию в отношении ненадежного владетеля: *«Владельца Имеретинского Соломона, я думаю, в вероломствах его добрыми средствами, конечно, исправить нельзя, а хорошенько его по-азиатски постращать, то и будет он гладок, в чем мы на вас и полагаемся»*⁴⁹⁸. Решение было принято, и Петербург ждал результата...

Известие о взятии Цициановым Гянджи и гибели во время штурма Джавад-хана стало крайне неприятным звоночком для Соломона, который стал ожидать русские войска у себя. Предчувствие не подвело его, Цицианов после завершения похода на Гянджу вплотную занялся Имеретией.

Для последнего увещевания в Кутаис к царю был отправлен молодой гвардейский офицер – поручик лейб-гвардии Преображенского полка М.С. Воронцов (кстати, племянник канцлера). Соломон II продолжал всячески оттягивать момент принятия окончательного решения и просто тянул время. Несколько раз имеретинский царь банально отменял аудиенции для Воронцова, а когда встреча, наконец, состоялась 20 марта, *«объявил, что пунктов подписать не может, а желает, отложить оные, присягнуть на верность Г.И.»*⁴⁹⁹. Переговоры с царем не привели к подписанию «просительных пун-

497. Там же. С. 362.

498. Там же.

499. Там же. С. 371.

ктов», аналогичных мингрельскому варианту. Более того, Соломон требовал признать за ним Лечгум, который уже был внесен в число владений мингрельского князя.

Цицианов, недавно вернувшийся из Гянджинской экспедиции, не очень хотел идти в подобный поход на Кутаис (по труднодоступной и лесной местности) и гнать туда уставших солдат, тем более, что и в наличии у него их было весьма малое количество (6 рот 9-го Егерского полка и 2 гренадерских батальона с неполной сотней казаков)⁵⁰⁰. Князь решил попытаться решить все вопросы в ходе личного свидания с царем (на границе владений последнего). 19 апреля такая встреча состоялась «на открытом поле при ур. Элазнаури с назначенным числом свиты», однако царь вновь стал требовать «оставить Лечгумскую провинцию за Имеретию; ... и конференция... не имела никакого успеха». Цицианов прервал бесплодные переговоры и объявил Соломона, что «с сожалением вижу себя в необходимости иметь с ним уже другого рода свидание, т.е. на ратном поле с шпагою в руках»⁵⁰¹.

Дальше князь действовал стремительно и, главное, крайне решительно: уже на следующей день, 20 апреля, «рота егерей с пушкою при капитане и с подпол. кн. Эристовым заняла ближайшую имеретинскую дер. Серабай, в 3-х верстах от Вахани, и собранные крестьяне при их помещике приведены были к присяге на верность России; в то же время послан был ордер ген.-м. Тучкову с 2 батальонами вверенного ему полка с получения следовать на Кортохскую дорогу, ведущую в Имеретию и, расположась лагерем при последней грузинской дер. Али, послать в имеретинские дер. Колбеури и Бретш сильный отряд для склонения

500. Там же.

501. Там же. С. 374.

обывателей к присяге на верность Российской Империи, что и исполнено в сих деревнях полк. Козловским, а в Серабае кн. Эристовым, с невероятною радостию и с безмолвным повиновением от обывателей»⁵⁰².

Имеретинский владыка, убедившись в решительности Цицианова и реальности его обещаний, пошел на попятную, и уже 25 числа торжественно принес присягу на верность и подписал все предложенные Петербургом «просительные пункты». Единственная серьезная уступка, на которую пошел Цицианов, не желая смазывать достигнутый успех, заключалась в предоставлении владельцу права «*приносить жалобы на главноуправляющего Грузией*» напрямую в Петербург, к императору⁵⁰³. Его получал только Соломон, мингрельские князья такого прямого доступа не имели. Как докладывал в столицу главноуправляющий, царь Имеретии «*облечен был орденом Св. Александра Невского, Высочайше В.И.В. ему дарованным с украшенными алмазами звездою и орденом. За ним присягнули на верность первостатейные князья с ним бывшие... В заключении сего, выслав всех из палатки, царь умолил меня по Азиатскому обычаю заклаться на нем находящимся крестом, что он до конца дней своих останется царем и все написанное будет исполнено*»⁵⁰⁴.

«Просительные пункты» в большинстве своем являлись типовыми и повторяли аналогичные статьи, предложенные ранее мингрельскому владельцу. Пер-

502. Там же.

503. Там же.

В отдельном разъяснительном письме Соломону от 25 апреля 1804 г. князь Цицианов подтверждал данное право: «В. выс. вольно будет писать Г. И. жалобы на главноуправляющего Грузию генерала, уверены будучи, что письмо, написанное Е.И.В. в собственные руки, никто не дерзнет распечатать и не доставить Е.И.В., а если бы то сверх всякого чаяния могло быть, то в. выс. имеете способы доставить прямо и будете вняты в справедливости» (АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 822).

504. Там же. С. 375.

вые одиннадцать были идентичны (признавался статус и владение; подтверждались наследственные права на них потомков Соломона, за которым временно, до введения российских законов, сохранялись «суд да расправа»); выделялся военный контингент для защиты Имеретии, который размещался там в виде отдельных гарнизонов; царю гарантировалась доля от всех доходов с территории царства – золотые, серебряные или иные рудники, иные природные ресурсы, города; обязывался вместе с преемниками повиноваться российским властям в лице главноуправляющего Грузией; он был обязан обеспечить войска кровом, дровами и съестными припасами, а также снабжать в случае необходимости открывшие рудники запрашиваемым числом работников). Схожая формулировка была и в пункте № 16, по которому он получал долю со всех российских таможенных доходов.

Однако несколько остальных статей писалось специально под имеретинского царя. В частности, согласно 12-му пункту он соглашался *«всех пленных, взятых из владения кн. Дадиани, возвратить, так как и крепости, взятые в Одишской и Лечгумской провинциях с их округами, очистить и никогда не претендовать на них, – одним словом, ни мне, ни преемникам моим до владения кн. Дадиани никогда притязания не чинить»*. В следующем пункте фиксировалось обязательство царя привести в порядок и *«сделать арбяною (повозочною) дорогою, содержа ее во всей исправности»* – путь *«от Грузинской границы через Вахан лежащую к Кутаису, оттоль в Одиши и Потю»*, а также ответственность Соломона *«за целостность и невредимость по оной проезжать имеющих транспортов и разного рода людей, кольми паче военных служителей»*. Любые переселения с территории Имеретии в Грузию должны происходить с

ведома и согласия царя, так же, как обратное движение должно получать одобрение главноуправляющего⁵⁰⁵.

Процесс принятия в подданство и Мингрелии и Имеретии можно считать завершенным 4 июля 1804 г., когда в Петербурге император Александр I подписал две высочайшие грамоты на их имя⁵⁰⁶. Цицианов подтвердил российское покровительство Гурии, княжеский дом которой сотрясали распри и конфликты. Ему удалось снизить накал родственной схватки, дабы это не привело к полнейшему разорению княжества. Процесс же официального присоединения Гурии к Российской империи затянулся до 1810 г., когда 19 июня князь Мамия Гуриели подписал «просительные пункты» о принятии в подданство и присягнул на верность⁵⁰⁷.

В 1810 г. закончилась и история самостоятельности Имеретии. Соломон II не выдержал роли верноподданного императора и поднял мятеж, который был достаточно быстро подавлен (несмотря на войны с Турцией и Персией). Бывший имеретинский владыка, как уточняет В.А. Потто, *«окончил жизнь изгнанником, вдали от своей родной Имеретии. Он умер в феврале 1815 года сорока двух лет от роду, в Трапезунде, и погребен в ограде тамошней православной греческой церкви»*⁵⁰⁸.

Несмотря на последующие меры, направленные на дальнейшее включение этих территорий в состав империи, нельзя не согласиться с мнением Владимира Лапина, что *«Имеретия и Мингрелия оказались под российским скипетром практически бескровно»*

505. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 822-823.

В этом документе, как и в предыдущем, подписанным мингрельским князем, владетель передавал себя со всем своим потомством и царством в «вечное и верное рабство».

506. Высочайшая грамота мингрельскому князю Г. Дадзиани см.: АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 824; Высочайшая грамота имеретинскому царю Соломону см.: АКАК. Т. 2. С. 393.

507. АКАК. Т. 4. С. 436-438.

508. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 429.

и «в этом, несомненно, была огромная заслуга князя Павла Дмитриевича Цицианова, проявившего, помимо полководческих, незаурядные дипломатические способности»⁵⁰⁹.

Петербург поддерживал наступательную политическую линию, предложенную Цициановым, и требовал дальнейшего продвижения в регионе, теперь уже в направлении Каспийского побережья. Фактически князь получил своеобразную инструкцию для применения и реализации: «Утвердившись таким образом на Черном море, обратите вы помышления ваши на бережные провинции Каспийского моря. А так как для утверждения в тех краях должного уважения к Российской Империи попускать не надобно, чтоб тамошние владельцы дерзали играть принятыми с нами обязанностями, имеете вы также приступить к приведению в исполнение тех постановлений, кои заключены были между вами и Али-верди-беком, посланцем Бакинского хана. Я тем более обнадеживаюсь в успехе начинания сего, что с помощью флотилии нашей на Каспийском море, в распоряжении вашем находящейся, найдется вы в состоянии отвратить затруднения, которые вам предстоять могут. С занятием Баку и Сальяна жребий прочих ближайших к России бережных мест на Каспийском море уже в руках наших находится будет. По совершении предписания сего, займетесь вы учреждением беспрепятственного сообщения между Баку и Грузиею, которое по занятии Имеретии и Мингрелии, соединив так сказать Каспийское море с Черным, – откроет торговле нашей новый путь, тщетно донныне желанный по причине суровости нравов жителей тех мест»⁵¹⁰. Обо всем этом говорилось в высочайшем повелении Цицианову от 26 октября 1803 г.

509. Там же. С. 489.

510. Там же. С. 359-360.

О том, что главная цель дальнейшего наступления в Закавказье – это обеспечение безопасности российских владений, настаивает и военный историк В.А. Потто. По его мнению, *«уничтожив в 1803 году старинных врагов Грузии, лезгин, издавна периодически опустошавших Кахетию и покрывавших ее почву кровью ее сынов и пеплом пожаров, Цицианов, для ограждения русских владений от персов и турок, задумал в том же году овладеть ближайшим к Грузии Ганжинским ханством, потом идти на Эривань, взять Баку и таким образом утвердить русское влияние на Каспийском побережье Закавказья»*⁵¹¹.

Цицианов начал двигаться по дороге на Каспий – с Гянджи, которая ранее входила в состав единого грузинского государства, и, тем самым, князь обосновывал свое движение целью воссоединения разрозненных грузинских земель. Тем более, что Гянджа давно превратилась в один из главных источников угроз для Грузии: оттуда тоже шли нападения, туда потом угоняли жителей царства, хан Гянджи, как персидский вассал, регулярно присоединялся к войскам шаха, шедшим на Закавказье и разорявшим его, в том числе, и грузинские земли. Например, гянджинский Джевад-хан принимал участие в печально известном разорении Тифлиса 1795 года.

Уже к концу 1802 г., т.е. фактически ко времени приезда Цицианова в Тифлис, у русских властей скопилось огромное количество претензий к соседнему владельцу, который вел себя отнюдь не по-соседски, а, наоборот, дерзко и вызывающе, открыто претендовал на Шамшадильскую провинцию. Поводов для традиционной военной экспедиции было более чем предостаточно. Среди обид, нанесенных российской короне,

511. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 314.

в рапорте главноуправляющему, назывались следующие: насильственное переселение до двух тысяч семей шамшадильских армян и татар; связи и поддержка интриговавших против России мятежных царевичей (членов Грузинского царского дома), и, в первую очередь, царевича Александра Ираклиевича. Хан обвинялся в снабжении последнего и «всего сброда его всяческим пособием и даже подкреплением на чинимые от них иногда в Грузию воровские впадения» (именно Джевад-хан договорился со старейшинами Джар и Белокан о временном проживании царевича у них)⁵¹².

Гянджинский владетель чинил препятствия купцам и промышленникам, которые ездили через Гянджу, требовал от них денег, банально занимаясь вымогательством. Более того, дело дошло до того, что по приказу хана в Гяндже более 20 тифлисских купцов *«задержаны там в оковах и истязываются немилосердно, по требованию от них ханом 3,000 р., в числе коих и получил уже он 2,000 р. продажею за полцены всех найденных при них товаров и вещей»*⁵¹³.

При его поддержке, или даже по его приказу, организовывались набеги конных партий на грузинскую территорию, фиксировались попытки грабежа и захвата лошадей, а также нападений на воинские команды, и обывателей. Показателен отрывок из одного из рапортов Цицианову от 8 января 1803 г.: *«... с 3-го на 4-е число сего месяца партия, состоявшая из 200 доброконных хищников, высланная от Джевад-хана Гянджинского, для впадения в границы Грузинские, с намерением отогнать казачий табун при отряде войск наших в Шамшадилях или нанести отряду сему, либо обывателям какой либо вред...»*⁵¹⁴. В результате партия отог-

512. АКАК. Т. 2. С. 586.

513. Там же. С. 587.

514. Там же.

нана казаками, но это был крайне тревожный сигнал, на который опытный военачальник не мог не обратить внимание.

В феврале Цицианов отправил с посланцем хана письмо, в котором подчеркивал, что за все российские дела на Кавказе отвечает он, и к нему Джевад-хан должен обращаться по всем вопросам, а главное, если последний хочет реально получить покровительство Российской империи, то он должен выслать в Тифлис в качестве аманата своего старшего сына Угурлу-агу⁵¹⁵.

Князь отлично понимал, что гянджинский хан, находившийся под покровительством Тегерана, совершенно не стремится в российское подданство, и это всего лишь уловка, дабы отвлечь внимание Цицианова от Гянджи. Тем временем Джевад-хан активно готовился к обороне, понимая, что Цицианов нагрянет в его владение. Весной в Тифлис пришло известие о том, что хан помирился с соседним шушинским владельцем Ибрагимом и пытается сколотить антироссийскую коалицию. Ибрагим-хан даже прислал в Гянджу две пушки⁵¹⁶. На это объединение обратил внимание и Н.Ф. Дубровин: *«Союз этот, усиливая гянджинского хана, был вреден для наших интересов тем более, что поведение Джевад-хана и без того было всегда враждебно России»*⁵¹⁷.

Цицианов больше не делал попыток сблизиться или продолжить переписку с ханом. Все было ясно, и князь стал готовиться к походу. Под экспедицию на Гянджу командующий попытался собрать сильный отряд, в частности, *«он приказал двум полкам: Нарвскому драгунскому и 9-му егерскому двинуться с Кавказской линии в Грузию, и сделал распоряжение о сборе из Демурчасал, Борчалы и Казах по 100 человек конных татар, кото-*

515. Там же. С. 588.

516. Там же.

517. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 4. С. 126.

рым приказано было иметь с собою провианта на шесть недель»⁵¹⁸. Задержка экспедиции была связана с эпидемией чумы, резко осложнившей снабжение войск и организацию похода⁵¹⁹, а также с ожиданием новых частей: Цицианов ждал прибытия двух новых полков – Севастопольского мушкетерского и 15-го егерского⁵²⁰. В итоге, командующий смог повести на Гянджу всего 6 батальонов и 3 эскадрона⁵²¹, к которым присоединились «грузинские и татарские волонтеры»⁵²².

29 ноября 1803 г. русский отряд под командованием Цицианова вступил на территорию ханства. Здесь командующий поступил в лучших традициях рыцарства, т.к. зайдя на территорию противника, он известил его об этом и сразу же озвучил причины войны и условия возможного мира. *«Вступив во владение Ганджинское, объявляю Вам о причинах моего прихода сюда: 1-я и главная, что Ганджа с ее округом во времена царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостию царей Грузинских отторгнута от оной; Всероссийская же Империя, приняв Грузию в свое высокомогущее покровительство и подданство, не может взирать*

518. Там же. С. 127.

519. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802-1837. М., 2012. С. 71-72.

520. Как уточняет Н.Ф. Дубровин, «11-го ноября прибыл Севастопольский полк и расположился в 10-ти верстах от Тифлиса, а 15 егерский полк 12-го ноября находился еще в 70 верстах от столицы Грузии». Причем ожидания оказались практически бесплодными, т.к. «полки эти до того были изнурены переходом через горы в ненастное время года, что, при трехбатальонном составе, в Севастопольском полку осталось лошадей годных только для поднятия обозов двух батальонов; а 15-й егерский полк князь Цицианов не решился брать с собой» (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 136).

521. По подсчетам Дубровина, «действующий отряд состоял: из двух батальонов Севастопольского полка, двух батальонов 17-го егерского, находившихся в Шамшадиле, на пути в Ганжу, одного батальона Кавказского гренадерского полка, трех эскадронов Нарвского драгунского полка и 2-х рот 17-го егерского полка шефского батальона, а остальные две роты этого же батальона должны были присоединиться к ним, по возвращении из Владикавказа, куда они сопровождали царицу Дарью» (Там же. С. 137).

522. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С.72.

с равнодушием на расторжение Грузии и несогласно бы было с силою и достоинством высокомогущной и Богом вознесенной Российской Империи оставить Ганджу, яко достояние и часть Грузии, в руках чуждых. 2) В. высокостеп. на письмо мое, писанное по приезде моем в Грузию, коим я требовал сына вашего в аманаты, отвечали, что Иранского государя опасаетесь, забыв, что 6 лет тому назад были Российскими подданными и в кр. Ганджинской стояли высокостепные Всероссийские войска. 3) Купцы Тифлиские, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворения от в. высокост., – а по сим трем причинам я сам пришел с войсками брать город, по обычаю Европейскому и по вере мною исповедуемой, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить вам о сдаче города и требовать от вас в ответ двух слов, по вашему выбору да или нет, т.е. сдаете или не сдаете? Да будет вам известно также, что допустя войска перейти в такую непогоду и вступить в ваше владение, никаких договоров принято быть не может, а сдачу на волю мою вам предназначаю и тогда испытаете неограниченное милосердие Е.И.В. всемилостивейшего Государя моего»⁵²³, – писал Цицианов. В противном случае князь предрекал безжалостный штурм: «... ждите несчастного жребия, коему подпали некогда Измаил, Очаков, Варшава и многие другие города. Буде завтра в полдень не получу я ответа, то брань возгорится, понесу под Ганджу огонь и меч, чему вы будете свидетели и узнаете, умею ли я держать мое слово»⁵²⁴.

Джевад-хан, будучи неробкого десятка, ответил резким письмом в подобном же угрожающем стиле: «... Если ты замышляешь со мною войну, то я готов; если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих; если твои пушки длиною в 1 аршин, то и мои в

523. АКАК. Т. 2. С. 588.

524. Там же. С. 588-589.

3 и 4 аршина, и успех зависит от Аллаха... Если хочешь воевать, будем воевать. Ты предсказываешь мне несчастье, если я не приму твоего предложения; но я полагаю, что несчастье преследует самого тебя, которое завлекло тебя из Петербурга сюда»⁵²⁵. Кроме того, хан предупреждал о гарантиях защиты со стороны Персии и предрекал русскому командующему войну с ней в случае дальнейшего наступления Цицианова: «... теперь, слава Аллаху, Персидский шах находится в близости моей и посланный его главнокомандующего уже прибыл сюда; также прибыло войско и еще оного прибудет... Откуда известно, что ваши войска храбрее Персидских? Вы только видели свои сражения, а войны с персиянами не видели»⁵²⁶.

Декабрь 1803 г. русский отряд встретил обзревая предместье Гянджи. Для штурма самого города необходимо было овладеть всем предместьем, состоявшим из ряда раскидистых садов, каждый из которых оказался окруженным либо высокой оградой, либо стеной. Т.е. пригород представлял собой прекрасные защитные сооружения, пригодные для обороны. 2 декабря Цицианов двумя колоннами начал штурм предместья. Как писал Дубровин, «в садах наши войска встретили сильное сопротивление и должны были выдержать упорную борьбу. Высокие землебитные, из глины, заборы на всяком шагу доставляли неприятелю закрытие и средство к обороне, а для нас отдельное укрепление, которое приходилось брать штурмом. Несмотря, однако же, на сильный огонь, отчаянное сопротивление неприятеля и весьма невыгодное наше положение, войска в течение двух часов успели очистить предместье, состоявшее почти исключительно из одних садов, протянувшихся на 1 ½ версты от города»⁵²⁷.

525. Там же. С. 590.

526. Там же. С. 589, 590.

527. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 139-140.

В числе прочих частей, выделенных на эту операцию, были два батальона 17-го егерского полка, а одной из рот егерей командовал капитан Петр Котляревский. Он во главе своих солдат, не имея штурмовых лестниц, пошел на сады и во время взятия одного из них под огнем противника был *«ранен в правую ногу пулею навылет»*⁵²⁸. С поля боя его вытащил молодой гвардейский поручик Михаил Воронцов (будущий блистательный кавказский наместник!). Подхвативший Котляревского с другой стороны егерь его же роты Иван Богатырев был мгновенно убит *«пулею в сердце»*. Как пишет биограф победителя персов В. Соллогуб, *«Котляревский до глубокой старости вспоминал об этом случае, послужившем началом его неразрывной 48-ми летней дружбы с настоящим Кавказским наместником»*⁵²⁹.

В ходе борьбы за предместье, противник потерял 250 человек убитыми, Цицианов – 70 человек убитыми и 30 ранеными, одним из которых и стал капитан Котляревский. Закрепляя успех, командующий в тот же день заложил там батареи, прикрывать которые он поставил 3 батальона и 2 эскадрона драгун. После чего, как фиксировал Дубровин, *«крепость была окончательно обложена и открыто бомбардирование, продолжавшееся довольно успешно»*⁵³⁰. Помимо Воронцова, в деле взятия Гянджинского предместья отличился и другой известный персонаж эпохи – тогда еще молодой флигель-адъютант граф А.Х. Бенкендорф⁵³¹.

Цицианов, надеясь, что Джевад-хан, пораженный быстрой потерей предместья и мощью русских войск, задумается над почетной сдачей, поэтому снова затеял с ним переписку. В течение месячной осады князь

528. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 74.

529. Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С. 31.

530. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 140.

531. Соллогуб В. Указ. соч. С. 31.

написал ему еще 5 посланий (от 9, 11, 26, 28 и 29 декабря 1803 г.)⁵³². Ключевая мысль, которую князь пытался донести до хана, помимо ясного требования сдачи крепости, заключалась в том: *«кто слышал на свете, чтобы российские войска, обложив крепость, отошли без взятия оной сдачею или штурмом? Первое благоденствие сдающихся утверждает, а последнее кровию омывается и Бог покажет при последнем, в чьих руках Гянджа останется»*⁵³³.

Затягивать осаду не было смысла. Ее участник – А.Х. Бенкендорф – позже вспоминал: *«Персы неоднократно делали вылазки, особенно ночью; их самообладание и ответы Джеват-хана на предупреждения князя доказывали нам, что осада протянется долго; артиллерия наша была слишком слаба, чтобы расшатать стены крепости, а снабжение наших войск затруднялось; итак, следовало испробовать последнее и единственное средство для овладения Гянджей – штурм»*⁵³⁴. Перед принятием окончательного решения о штурме командующий отправил своему визави последнее письмо (от 29 декабря), где еще раз единым списком повторил все условия бескровной сдачи⁵³⁵, в

532. АКАК. Т. 2. С. 590-591.

533. Там же. С. 590.

534. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 74.

535. Из письма князя Цицианова Джеват-хану от 29 декабря 1803 г.:

«Статьи, на коих сдача г. Ганджи может быть принята.

1) Джеват-хан Ганджинский должен присягнуть на подданство Всероссийскому Г. И. и все жители его владения тоже должны исполнить.

2) Крепость должна вове быть очищена и занята со всеми орудиями и военными снарядами российскими войсками.

3) Джеват-хан Ганджинский, находясь в подданстве Российском, управляет своим владением на прежних правах и прибудет данником России, платя по 20,000 р. в год и за 1804 год должен всю оную сумму заплатить при подписке сих статей.

4) Войска, расположенные в крепости и по дороге к Шамшадилу должен снабдить провиантом и фуражем, а именно в год пшеницы 2, 605 тагар, круп 243 ½ тагары, ячменя 601 ½ тагара, – все на Ганд-

частности, помимо самой передачи крепости под российский контроль, он требовал присяги на подданство при сохранении прежних прав Джевад-хана на его владения и выдачи аманатом его сына Хуссейн-Кули-аги.

Ожидание Цицианова в итоге оказалось бесплодным, и потеряв всякую надежду на бескровное получение крепости, командующий утром 3 января 1804 г. пошел на штурм закавказской твердыни. Войска были разделены Цициановым на две колонны: первая – под командованием генерал-майора Портягина (2 батальона гренадер и 200 спешенных драгун), вторая – под командованием полковника Карягина (2 батальона 17-го егерского полка). Артиллерия была отведена на майдан под охрану казачьей сотни и в сражении не участвовала. По задумке Цицианова, штурм нужно было начинать в полной тишине, чтобы воспользоваться фактором внезапности, а также удачной местной особенностью, заключавшейся в том, что сады захваченного предместья подходили вплотную к крепостной стене, и это позволяло скрытно подвести к ней колонны, так сказать, «на ближайший выстрел»⁵³⁶. По словам Дубровина, *«диспозиция была исполнена с точностью; колонны подошли так тихо, что огонь из крепости был открыт только тогда, когда наши солдаты были не далее как в 15 са-*

жинскую меру, а под сено отвести луга, ценою же пшеницу здешнею монетою в 4 р., крупу в 6 р. и ячмень в 2 р. 40 к. каждую тагару. Для избежания же могущих встретиться споров, тагара должна быть вымерена и запечатана печатью главного начальника войск Российских.

5) На Шамшадиль и жителей оной провинции никакого притязания не иметь, а оставаться им как они ныне состоят, под управлением Грузинского правительства.

6) В верность сохранения всего вышеописанного Джевад-хан Ганджинский должен сына своего Хусейн-Кули-агу отдать аманатом для всегдашнего пребывания при главноуправляющем Грузию, коему будет производимо по 10 р. в день» (АКАК. Т. 2. С. 591).

536. Как уточняет Н.Ф. Дубровин, «половина 6-го часа утра назначалась для начала движения колонн к штурму, чтобы, пользуясь темнотою ночи, можно было приставить лестницы к земляной городской стене» (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 145).

женях от земляной стены, за которую впрочем оказалась другая – каменная. Неприятель начал кидать в атакующих камни и стрелы, а между земляным валом и каменной стеною бросал “подсветы”, сделанные из свернутых бурок, обмокнутых в нефть и зажженных для освещения штурмующих»⁵³⁷.

Колонна Карягина должна была произвести ложную атаку и отвлечь на себя все внимание оборонявшихся. Однако она даже перевыполнила задачу, т.к. первой взобралась на крепостную стену и захватила две башни с орудиями, а затем разблокировала и открыла крепостные ворота. В ходе боя за обладание одной из башен погиб и сам хан: «Сев верхом на самую большую пушку из находившихся в крепости, Джевад-хан с саблей в руках защищался до тех пор, пока не был изрублен»⁵³⁸. Другая колонна овладела еще тремя башнями, после чего крепость пала.

Как писал сам Цицианов по итогам штурма, «добыча наша состоит в 12-ти орудиях, 6-ти фальконетах, в 1-м штандарте, 8-ми знаменах, в 55-ти пудах пороха и в большом хлебном запасе. Урон с нашей стороны в убитых 1 штаб- и 2 обер-офицерах и 35 нижних чинах, да ранено легко штаб 1, обер-офицеров 8, нижних чинов 122 и тяжело обер-офицеров 5 и нижних чинов 70 человек. Потеря с неприятельской стороны состоит, в 1,500 убитых и 17,224 в плен взятых, мужеска и женска пола, а о раненых неизвестно. Местоположение Ганджинской крепости, держав в страхе весь Адзербайджан, заставляет приобретение сие почитать наиважнейшим для России...»⁵³⁹. Интересное и в то же время весьма показательное резюме под операцией подвел Дубровин: «Ганжинская крепость, почи-

537. Там же.

538. Там же.

539. АКАК. Т. 2. С. 592.

тавшаяся лучшей во всем Азербайджане, не устояла против русских войск и пала перед ними полтора часа после начала штурма. Джевад-хан и его средний сын Гуссейн-Кули-хан пали жертвою своего упорства. Но, к чести наших солдат, ни одна из 8,600 женщин, взятых в ханом в город из деревень, в залог верности их мужей, и ни один младенец не погибли»⁵⁴⁰.

Цицианов вскоре после штурма вернулся в Тифлис, оставив в захваченном городе-крепости в качестве гарнизона 17-й Егерский полк под командованием полковника Карягина. Гянджа в знак вычеркивания из памяти была переименована в Елизаветполь, в честь императрицы, супруги Александра I. Кроме подтверждения переименования города, в феврале из Петербурга пришли известия о Высочайшей благодарности и наградах: командующий стал полным генералом (генералом от инфантерии)⁵⁴¹, а будущий герой русско-персидской войны капитан Петр Котляревский, раненый в боях за предместье Гянджи, пожалован среди прочих орденом Св. Анны 4-й степени⁵⁴². Его главные награды были еще впереди...

* * *

Цицианов после гянджинской победы собрался на Эривань. Эриванский поход, организованный князем весной 1804 г., означал уже лобовое столкновение с персидским правителем. Последний не мог безучастно наблюдать, как падает под ударами русского оружия власть одного подвластного ему хана за другим.

К лету 1804 г. война была не на пороге, она уже настойчиво и требовательно стучала в дверь: первый

540. Дубровин Н.Ф. Указсоч. Т. 4. С. 146.

541. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 162об. Копия.

542. Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 74.

летний месяц – июнь – стал и первым месяцем войны между двумя империями. До своей трагической гибели под стенами Баку в 1806 г. активный Цицианов уже в ходе военных действий с персами смог присоединить Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства, а также Шурагельскую провинцию.

Таким образом, признаем, что именно при Цицианове был создан тот необходимый территориальный каркас, позволивший России в течение первых десятилетий XIX столетия завершить присоединение Кавказа... Именно князем с грузинской кровью заложены основы той самой политической линии, соблюдение которой позволило спустя полстолетия объявить весь Кавказ частью Российской империи. Цицианов стал первым из «могучей кучки» российских администраторов и военачальников, взвалившей на себя огромное дело присоединения Кавказа к империи. Затем шли Ермолов, Воронцов, Бярятинский, но Цицианов все равно останется первым, неким предтечей российских наместников Кавказа, навеки скрепив свое имя с этим краем. Именно он создал определенный, во многом жесткий стиль общения с местной элитой, который в значительной мере был перенят знаменитым «проконсулом Кавказа» Ермоловым.

И наконец, именно он начал войну с Персией за обладание Закавказьем и достиг серьезных успехов, однако его трагическая гибель затормозила успехи русского оружия, и только благодаря военному гению его сподвижников и подчиненных, беспримерному мужеству и героизму простых русских солдат эта долгая военная эпопея закончилась подписанием в Карабахе, в местечке Гюлистан, мирного договора с Тегераном.

ГЛАВА 6.

Война 1804-1813 гг. и подписание Гюлистанского договора

Успехи русского оружия и расширение сферы русского влияния за Кавказом возмущали Тегеран. 23 мая 1804 г. Фетх-Али ультимативно потребовал немедленного вывода российских войск из Грузии. Это требование было отвергнуто, и князь П.Д. Цицианов, в свою очередь, потребовал выдачи беглых грузинских царевичей, добавив, что «...надеясь на Бога, покровительствующего непобедимое Его Императорского Величества оружие, пришествие персидских войск может прибавить к оному новые лучи славы»⁵⁴³. 10 июня 1804 г. шах приказал начать военные действия против русских. На ход этой войны повлияли необходимость вести одновременную борьбу в Закавказье и с Турцией, а также состояние дел на европейском направлении⁵⁴⁴.

В ночь с 20 на 21 марта во рву Венсенского замка был расстрелян похищенный французскими жандармами на территории нейтрального герцогства Баденского принц Луи-Антуан-Анри де Бурбон, герцог Энгийенский. Наполеон был уверен в его виновности в организации покушения на свою жизнь и желал смерти принца⁵⁴⁵. Теперь монархам Европы предстояло решить, оправ-

543. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). М., 1961. Сер. 1. 1801-1815. Т. 2. Апрель 1804 г. – декабрь 1805 г. С. 71.

544. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 4. С. 437.

545. Записки князя Таллерана-Перигора. М., 1861. Ч. 3. С. 66-67, 77-78.

дывало ли такая решимость такое решение. 5 апреля 1804 г. на совещании у Александра I была оглашена позиция России: *«Вторжение, которое французы позволили себе сделать во владения Германской империи, чтобы схватить там герцога Энгиенского и повести этого принца немедленно на казнь, – событие, которое служит мерилom того, чего можно ожидать от правительства, не признающего более границ в своих насилиях и попирающего самые священные принципы. Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять доле сношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников; и, несмотря на свое могущество, оно тем не менее заслуживает этого названия. Покушение, совершенное Бонапартом, должно бы привлечь на Францию крик мести и осуждения со стороны всех государств Европы и подать знак ко всеобщей оппозиции; но если другие державы, пораженные ужасом и бессилием, униженно хранят молчание в подобную минуту, то прилично ли России следовать этому примеру? Не ей ли, наоборот, следует первой подать пример, которому остальная Европа должна следовать, чтобы спастись от неизбежного переворота, который ей угрожает. Его Императорское Величество в силу этих соображений, следуя велениям своего отзывчивого и благородного сердца и чувства достоинства, считает необходимым наложить на свой двор траур по случаю смерти герцога Энгиенского и намерен выразить открыто все свое негодование на незаконные поступки Бонапарта. Его Величество тем более*

желал бы следовать этому образу действий, что нарушение международного права произошло во владениях принца, близко связанного с императором узами родства, и оскорбление, нанесенное в этом случае всему сонму европейских государств, и самому человечеству, может в силу этого лишь вдвое оскорбить его. Наш августейший Государь, признавая с этих пор постыдным и бесполезным продолжать связи с правительством, которое столь же мало уважает истинную справедливость, как и внешние приличия, и перед которым совершенно бесполезно вступаться за право и против угнетения, считает своим долгом прекратить с ним сношения и намеревается отослать отсюда французскую миссию и в то же время отозвать из Парижа русскую»⁵⁴⁶.

Вопрос о войне с Францией стал вопросом времени. По планам союзников, Россия должна была выставить свыше 180 тыс. чел. (на 1 янв. 1805 г. все ее сухопутные силы равнялись 550 496 чел., из которых полевая армия – 276 032 чел.); Австрия – 250 тыс. чел. (из армии численностью 373 435 чел.). Русские силы должны были разделиться на несколько армий: 1-я, численностью 50 тысяч, выступала в Галицию из гор Радзивилова Волынской губернии; 2-я, также 50-тысячная, выдвигалась в Богемию из Бреста; 3-я, 40-тысячная армия, располагалась на границе с Пруссией. 16-тысячный корпус перевозился морем в Штральзунд, т.е. в шведскую Померанию, для совместных действий со шведами и англичанами в направлении Голландии. 25-тысячный корпус должен был быть высажен в Неаполе из Корфу. Александр I стремился присоединить к коалиции и Пруссию, которая обязалась пропустить через свои земли 56 тысяч русских и 16 тысяч шведских солдат в северную Германию. Император рассчитывал, что присоединение

546. ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 693.

Пруссии вызовет цепную реакцию и к коалиции примкнут Дания и мелкие немецкие государства, что даст ей армию численностью 622 тыс. чел., которая будет действовать от Неаполя до Голландии, везде имея преимущество в силах. Численность французской армии оценивалась в 464 505 чел⁵⁴⁷.

Крупных сил для действий против Персии Россия выделить не могла. За Кавказом у Цицианова имелось только 6 810 штыков и 1 400 сабель и шашек⁵⁴⁸. Тем не менее, кампании 1804-1805 гг. проходили достаточно удачно. Война началась с боев в Эриванском ханстве, владелец которого вздумал страшить Цицианова гневом шаха. В поход, как оказалось, возможно было выставить только 3400 пехотинцев, 1200 кавалеристов и 12 орудий⁵⁴⁹. Из-за отсутствия осадной артиллерии Цицианов не смог овладеть Эриванской крепостью, блокада ее также не удалась, так как окрестности были разорены персидской кавалерией и снабжать войска стало невозможно. К своему глубокому разочарованию русский главнокомандующий вынужден был снять осаду. Тем не менее, 20 июня 1804 г. он разбил 20-тысячную персидскую армию под командованием наследного принца Аббас-мирзы под Эчмиадзином, 25 июня – на реке Аракс. 17 июля принц понес поражение под Эриванью⁵⁵⁰. Петербург к этому времени окончательно сформулировал цели войны. 18 августа князь Адам Чарторыйский сообщил их послу в Турции А.Я. Италинско-

547. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С.11-12, 20-21, 23, 28.

О русско-английских и русско-австрийских переговорах по выработке плана действий союзников см.: ВПР. Сер. 1. Т. 2. С. 235-246, 392-395.

548. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 437.

549. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 1. С. 301.

550. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь. 1994. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. С. 324, 356-358.

му на случай возможной инициативы Константинополя о посредничестве: «В откровенности же, для сведения Вашего и для соображения с тем объяснений Ваших, имею Вам сказать, что план наш относительно тех краев состоит в том, чтоб иметь границую реки Кура и Аракс и ввести войска наши в ханства Бакинское, Нахичеванское, Шушинское и Ериванское...»⁵⁵¹.

Отношения с Бакинским ханом были сложными. В 1796 г. он признал свою зависимость от России, возникли даже планы создания в Баку военного порта. Павел отказался от этого плана, и войска в ханство так и ввели. В 1799 г. здесь были разорены русские купцы, и в ответ к городу направили фрегат №1 и бомбардирский корабль «Кизляр». На фрегате было всего 2 пушки, но бомбардирский корабль нес 2 трехпудовые мортиры, 2 пудовые гаубицы и 12 шестифунтовых пушек. 6 февраля 1799 г. они обстреляли крепость, и через несколько часов она сдалась. Хан согласился выплатить компенсации ограбленным и наказать виновных⁵⁵². В 1805 г. к России были присоединены Ширванское и Шекинское ханства, вслед за чем Цицианов приступил к длительным переговорам с бакинским ханом о возможности принятия им подданства⁵⁵³. В Закавказье в этот момент он имел 15 мушкетерских, 9 егерских и 3 гренадерских батальона, 5 эскадронов и 4 казачьих полка. Во всех частях был значительный некомплект – страшные потери наносили разнообразные болезни. Всего в строю находилось 6810 штыков и 1400 сабель и шашек⁵⁵⁴.

Аббас-мирза попытался переломить ситуацию в свою пользу и нанести удар по Карабаху. Вход в равни-

551. ВПР. Сер. 1. Т. 2. С.127.

552. Ал. Ск. Астраханский порт с 1783 по 1827 год // Морской сборник. 1851. № 1. С. 5.

553. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 129.

554. Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. СПб., 1893. Ч. 3. С. 221.

ну, ведущую к столице ханства – Шуше, прикрывала Аскеранская крепость. Сюда двинулась персидская армия численностью до 40 тыс. чел. Из Елизаветполя (бывшая Гянджа) сюда направили отряд полковника П.М. Карягина – 500 егерей 17-го егерского полка и тифлисских мушкетёров при 2 орудиях. В ходе сражений под Аскераном и в замке Шах-Булах 24 июня – 16 июля 1805 г. персов остановили. Для обороны в маленьком замке, куда егерей провел проводник-армянин, необходимы были пушки – солдаты провели их через глубокую канаву по себе, построив «живой мост». В строю у Карягина под конец боев осталось только 345 чел. Героическая оборона позволила Цицианову перегруппироваться и собрать отряд в 14 рот пехоты при 10 орудиях – всего 2371 чел. 16 июля он нанес персидскому наследному принцу поражение. Персидская армия в беспорядке отступила, оставив лагерь и раненых, среди которых был грузинский царевич Теймураз. Планы повторить нашествие Ага-Мухаммеда на Картли-Кахетию провалились⁵⁵⁵. Со своей стороны русская армия и флот также попытались активизировать свои действия.

В июне и августе 1805 г. были предприняты попытки диверсии силами флотилии на Решт и морская демонстрация у Баку. Обе оказались неудачными. Небольшой десант в Гиляне ничего не мог сделать, оказавшись во враждебном окружении на болотистой местности. Действия кораблей против бакинской крепости также стали неудачными. Флотилия была ослаблена, бомбардирские суда списаны, на оставшихся в строю кораблях (1 фрегат, 4 галиота, 1 шхоут и 1 яхта) стояли орудия небольшого калибра – они не могли нанести ущерба крепостным стенам. 8 сентября корабли ушли

555. Русская военная сила. М., 1889. Вып. 9. С. 72-74.; Шабанов Д.Ф. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Тифлис, 1871. Ч. 1. С. 68-83; Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 222-236; Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 209.

от Баку. Цицианов был разгневан и вскоре лично направился на Апшерон⁵⁵⁶.

Численность войск, следовавших за русским главнокомандующим, была невелика – только 1 700 чел. при 10 орудиях. Это затянуло переговоры – хан не мог прийти к решению, чью сторону ему безопаснее занять. После двух месяцев переговоров он стал склоняться к принятию условий Цицианова⁵⁵⁷. Генерал поверил Гусейн-Кули, которого знал и ранее, и 4 февраля 1806 г. отправил ему следующее письмо: *«Любезный Гуссейн-Кули-хан! Посылая Вам официальную депешу, в лице русского генерала, долгом считаю, по старому знакомству, отнести к Вам, как брату и другу. Как Вы предаетесь в мою волю, то уверяю Вас всемогущим Богом, в которого верую, что не только не оставлю Вас, как Вы в письме своем изъяснили, но выгоды собственные Ваши и Ваших подданных буду соблюдать как мои, зная, что милосердие всемилостейвейшего Государя и ангело-подобного Императора беспредельно. Все старое забудем и останемся на вечные времена друзьями»*⁵⁵⁸.

Договорились о личной встрече Цицианова и Гусейн-Кули, на которую они должны были явиться с 2-3 сопровождающими⁵⁵⁹. Выполнить свои обещания генералу не удалось. 8 февраля 1806 г. во время переговоров о капитуляции гарнизона крепости Баку он был вероломно убит ханом⁵⁶⁰. Тот расположил в лощине у назначенного места свидания небольшой кавалерийский отряд, а при начале переговоров один из его приближенных выстрелил из пистолета в затылок Цициа-

556. Ал. Ск. Указ. соч. С. 8-11; Sykes P.M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 412.

557. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 129.

558. Там же. С. 130.

559. Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808. М., 2011. С. 338.

560. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 325.

нову. Выскочившие из засады всадники начали рубить остальных и, обезглавив убитых, бежали в крепость⁵⁶¹. Осаждающие вынуждены были временно снять осаду и отступить, а в Тегеране, куда отправили отсеченную голову генерала, праздновали победу⁵⁶².

После убийства Цицианова ханы Северного Азербайджана, имеретинский царь Соломон II при поддержке кахетинского царевича Александра открыто восстали против русской власти. Почувствовав ее временную слабость, немедленно восстановили свои набеги горцы⁵⁶³. *«Вероломный поступок Бакинского хана, – докладывал в Петербург 3 мая 1806 г. командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Г.И. Глазенап, – ободрив Баба-хана, вселил в него решительные намерения совершить предприятия свои на Грузию. Собрав многочисленные силы, мнит о впадении в границы наши нижеследующим образом: сам Баба-хан вступит в карабахские, нухинские и елисаветпольские пределы, а шах-зада (наследник престола – авт.) с Александром, царевичем грузинским, в Бамбакскую и Шурагельскую провинции. Лезгины же, им возмущенные, должны в то же самое время атаковать вдоль реки Алазани»*⁵⁶⁴.

Считая, что русской власти пришел конец, ей изменил карабахский хан, в его владения через Аракс вошла 20-тысячная персидская армия во главе с Аббас-мирзой, персы активизировались и на других направлениях⁵⁶⁵. Русское командование успело восстановить контроль над ситуацией в Карабахе. Майор Д.Т. Лисаневич⁵⁶⁶ тщетно пытался подействовать словами на Ибрагим-ха-

561. Записки Сергея Алексеевича Тучкова ... С. 339.

562. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

563. Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 242-243; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 384.

564. ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 148.

565. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 131.

566. Командир батальона 17-го егерского полка, стоявшего в Шуше.

на Карабахского, ожидавшего прихода персов в укреплении в 4 верстах от города. Хан был недоволен необходимостью выплачивать дань в 8 тыс. руб. сер. Убийство Цицианова, казалось, явно указывало на то, что военное счастье склонилось на сторону персов. Кроме того, хана заметно раздражало присутствие русских войск в Шуше. После того, как он заявил о своем подчинении Тегерану, Лисаневич внезапной вылазкой разгромил и уничтожил отряд Ибрагим-хана, который сам погиб в схватке⁵⁶⁷. Положение усугубило предательство Соломона II Имеретинского, а попытки активизации турок и царевича Александра создали крайне опасную ситуацию.

Соломон призывал персов, стоявших в Эривани, к совместным действиям: *«Я имею 30 000 вооруженных храбрецов, готовых пролить кровь. Если персидское войско выступит против проклятого Гудовича в Тифлисе, все затруднения будут преодолены и мы также, из нашего владения, двинемся против него. Одним словом, если ваши войска, совместно с нашими, двинутся против неприятеля, то он будет уничтожен нашими мечами; его пушки и заряды, до единого, будут нами отбиты. Стоит только вам с войском прибыть в Тифлис, и все хлынут на встречу царевича Александра. Проклятые русские будут вооружать против себя враждою и ненавистью ознауров и беков, живущих на побережьях»*⁵⁶⁸. Однако вскоре инициатива вновь вернулась к русским войскам. В 1806 г. были взяты Дербент, Баку и Куба, после чего наступило временное затишье⁵⁶⁹.

В это время резко ухудшилось положение России. Наполеоновской дипломатии в лице посла в Констан-

567. Шабанов Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 85; Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 243-246.

568. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 495.

569. Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 209.

тинополе дивизионного генерала О. Себастиани удалось убедить султана Селима III разорвать союзные отношения с Россией. В сентябре 1806 г. Турция закрыла Проливы для любых русских судов. В Константинополе были уверены, что Россия находится в глубоком упадке, в связи с чем она будет не в состоянии защищать свои интересы⁵⁷⁰. 10 сентября 1806 г. русский посланник А.Я. Италинский обратился к султану с протестом против закрытия Проливов по требованию французов, предупреждая Селима III о том, что настоящая угроза для его империи исходит от присоединения к планам Наполеона, а не от его несуществующих в Далмации войск. Султан должен был выбрать для себя союзников. Ими могли быть или Россия и Англия, или Франция.

«Соблаговолите, Ваше Императорское Величество, – писал русский дипломат, – взвесить с присущей Вам глубокой мудростью преимущества и отрицательные стороны как одного, так и другого решения. Прикажите представить Вам географическую карту и внимательно изучите, каковы возможности России и Англии, с одной стороны, и Франции – с другой, как для защиты Ваших владений, так и для нападения на них»⁵⁷¹. Тем не менее, сочетание кнута и пряника завершилось успехом именно у французов. 17 сентября Италинский вынужден был предупредить турецкое правительство о том, что если смещенные ранее по требованию французов господари Молдавии и Валахии не будут восстановлены, он вынужден будет покинуть Константинополь⁵⁷².

Сложившаяся ситуация полностью отвечала интересам Наполеона, стремившегося оттянуть часть русских сил с Запада на Восток. В результате Петербург, желая избежать войны, оказался вынужденным задействовать

570. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 32.

571. ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 325.

572. Там же. С. 330.

силу и изменить свою политику скрытой поддержки потенциальных союзников. 22 сентября генерал от кавалерии И.И. Михельсон получил приказ передать вождю сербского восстания Кара-Георгию 13 тыс. червонцев⁵⁷³. 16 октября 1806 г. последовал Высочайший рескрипт на имя Михельсона, повелевавший ему перейти Днестр и занять Молдавию и Валахию. Формально Александр I имел основания для подобных действий.

С 1774 г. сюзеренитет султана над Дунайскими княжествами уже не был безусловным. Восстановление власти Турции над этими территориями после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. было связано с рядом обязательств, которые взял на себя Константинополь и которые теперь нарушались. Статья № 16 Кючук-Кайнарджийского мира предоставляла России право покровительства Дунайским княжествам⁵⁷⁴. Десятый параграф этой статьи, целиком посвященной условиям возвращения Порте Молдавии и Валахии, гласил: *«Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обеих сих Княжеств Министры Российского Императорского Двора, при Блистательной Порте находящихся, могли говорить в пользу двух Княжеств и (Порта – авт.) обещает внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным Державам уважением»*⁵⁷⁵. Это обещание в 1806 г. не соблюдалось. Демонстрация силы на Дунае, по планам, должна была подействовать на султана охлаждающим образом, и предотвратить войну, тем более, что Турция не была к ней готова⁵⁷⁶.

Однако война началась, и она оказалась длительной. Закрытие Черноморских проливов совпало с учас-

573. Там же. С. 333.

574. Палаузов С.Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859. С. 147, 153-154

575. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005. С. 34.

576. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 42-43.

тием России в континентальной блокаде. Торговое значение Босфора и Дарданелл в это время было далеко не таким, каким оно станет позже, но все же это был чувствительный удар. Если в среднем 1802-1806 гг. торговый оборот портов Балтийского моря составил 59,2 млн. руб. сер., Белого – 3,3 млн. руб., а Черного и Азовского – 6,6 млн. руб., то в 1807 г. эти показатели опустились до 47,5; 2,6 и 0,6 млн. руб. сер., в 1808 г. – до 10,6; 1,7 и 5,1 млн. руб. сер., в 1809 г. они составили 26; 5,6 и 2,8 млн. руб. сер.⁵⁷⁷. Финансовое положение России и без того было весьма тяжелым и не позволяло выделить сколько-нибудь значительные силы на персидское направление. В 1805 г. доходы государства равнялись 100,8 млн. рублей, расходы – 125,448 927 млн.; в 1806 г. 100 и 122,5 млн. руб., 1807 г. – 121,6 и 170 млн. руб. При этом расходы на армию и флот в 1805 г. составили 57,184 млн., в 1806 г. – 60 млн. и в 1807 г. – 80,5 млн. руб.⁵⁷⁸

В сентябре 1806 г. правитель Гилянской провинции мирза-Муса, пользовавшийся особым расположением шаха, обратился с письмом к преемнику Цицианова – графу И.В. Гудовичу, которое привез в Астрахань его доверенный чиновник Мамед-Али. Мирза-Муса предлагал восстановить мир, объявляя причиной войны действия Цицианова. Посланца вместе с письмом отправили к командиру в Георгиевск, 17 сентября Гудович ответил правителю Гиляна следующим предложением: *«Твердость и постоянство мира зависят наипаче от постановления постоянных, твердых и самую натурою показуемых границ, как, например, реки Кура и Аракс. Ежели доброе и искреннее намерение к миру с вашей стороны есть и сей первый о вышеписанных границах*

577. Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.-Л., 1966. С. 293.

578. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 86.

пункт поставлен будет основанием мира, то я осмелюсь о том донести всеподданнейше Е.И.В. и надеюсь, что великий Государь Император мой даст свое Высочайшее мне повеление на дальнейшее постановление мирного договора и затем великодушное признание может последовать владеющего ныне Персидскими провинциями в настоящем его по прежним обыкновениям Персидским достоинстве»⁵⁷⁹.

Предложения Гудовича были полностью поддержаны Александром I. В рескрипте от 4 октября 1806 г. он указал генералу на необходимость заключения перемирия с Персией на следующих предварительных условиях: 1) временное прекращение военных действий; 2) сохранение status quo post bellum; 3) начало переговоров о мире. В качестве будущей границы (в случае заключения мира) указывались реки Кура и Аракс⁵⁸⁰. Персы не ответили на предложение, сделанное русским командующим, и 14 ноября 1806 г. министр иностранных дел барон А.Я. Будберг приказал Гудовичу повторить его: *«Имея в руках Дагестан и часть Адербейджана Ваше сиятельство можете без унижения Российского достоинства отозваться к баба-хану прямо с повторительными предложениями мира. Сей поступок не иначе может быть почитаем, как явным опытом умеренности Российского Двора и не чаятельно, чтобы Персияне учинили из сего другое заключение. А между тем, я должен открыть Вам, что мир с баба-ханом весьма нужен в теперешних обстоятельствах, чтобы иметь развязанные руки на случай войны с Портою Оттоманскою и чтобы самих Персиян обратить против Турок, буде сие возможно»⁵⁸¹.*

579. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1869. Т. 3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича. 1806-1809. С. 419.

580. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 294.

581. АКАК. Т. 3. С. 424.

В результате 10 декабря 1806 г. Гудович обратился с письмом к визирю Фетх-Али, предлагая начать переговоры о мире на русских условиях в Шуше⁵⁸². В Тебриз для предварительных консультаций отправили адъютанта командующего майора Степанова, он был хорошо принят Аббас-мирзой, но желаемых результатов первые встречи так и не дали⁵⁸³. Гудович нуждался в скорейшем решении вопроса. 12 февраля 1807 г. он инструктировал Степанова: *«Бонопарте потерял баталию, разбит и прогнан и теперь лежит при смерти болен в Прусском владении, – может, уже и умер, а ежели и останется жив, то он занесся столь далеко, что пагуба его неизбежна и Россия сокрушит его гордость. У Турков взяли наши все крепости по Дунай, завладели всею Молдавиєю и Валахиєю. Внушите секретно визирю, чтобы они спешили делать с нами мир, ибо будучи в войне, потеряют только людей, а сделавши с нами союз, могут в одно лето приобрести от Турок знатные бывшие персидские провинции, как, например, Эрзерум, Баязет и я им помогу. Турки чрезвычайно слабы и на пагубу свою послушали совета Бонопарте, который старается обманывать. Ничего не значущий Черный Георгий взял у них крепость большую Белград и соединился с нашими войсками. Англичане – союзники и друзья наши, пришли с большим флотом к Константинополю и могут стрелять по сералю»⁵⁸⁴.*

Вскоре в Тегеран пришли другие новости из Европы и Турции, и миссия Степанова завершилась частичным успехом⁵⁸⁵. Предложенные условия являлись тяжелыми для персидской стороны, однако перемирие было принято и что особенно важно – накануне начала русско-

582. Там же. С. 426.

583. Там же. С. 429-430.

584. Там же. С. 430.

585. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 5. С. 113, 116, 120-122.

турецкой войны. Объяснялось все просто: Каджары не были заинтересованы ни в успехах русских, ни в турецких победах. Персидская армия находилась в разгромленном состоянии, а персидско-турецкие отношения – чрезвычайно натянутыми из-за пограничных споров и конфликтов⁵⁸⁶.

Активные военные действия на Кавказе и в Закавказье начались с весны 1807 г. Русская армия здесь оставалась крайне немногочисленной – две дивизии пехоты и 8 казачьих полков⁵⁸⁷. Всего это составило около 22 тыс. чел., причем 19-я пехотная дивизия располагалась на Кавказской линии, а 20-я – в Грузии, прикрывая новые провинции от возможного нападения со стороны Персии⁵⁸⁸. Положение русских войск было чрезвычайно тяжелым. Тем не менее, планам имперетинского царя Соломона о разгроме русских не дано было сбыться. Новый главнокомандующий граф И.В. Гудович быстрыми и энергичными действиями за лето 1806 г. восстановил порядок, нанеся поражения и мятежникам, и персам, и грабительским экспедициям горцев, после чего он вступил в переговоры о перемирии с персами. Это дало генералу возможность сосредоточить свои незначительные силы против турок⁵⁸⁹.

Желая овладеть инициативой, Гудович решил действовать сразу на четырех направлениях: он начал одновременное наступление на турецкие крепости Анапу, Поти, Ахалцих и Карс. Это решение оказалось ошибочным. Если Анапа была взята с помощью Черноморского флота, то остальные крепости удержались. Русские штурмы были отбиты, что весьма подняло дух

586. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 295.

587. Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского высочества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 48.

588. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 289.

589. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 385-391.

противника, решившегося выйти в поле. В июне 1807 г. 6-тысячный отряд генерала Гудовича нанес поражение 24-тысячной турецкой армии под Арпачаем. Турецкая опасность в Закавказье была на время ликвидирована⁵⁹⁰. Военные действия шли с большими перерывами во времени, русское командование оказалось вынужденным постоянно перебрасывать незначительные силы то против турок, то против персов, и никогда не имело их достаточно для глубокого проникновения вглубь территории врага. Со своей стороны, и Тегерану нужна была передышка для приведения в порядок войск и поиска союзников.

Один из них обнаружился в Европе. С начала 1805 г. Наполеон не переставал уделять внимание Персии в связи со своими планами похода в Индию. В январе того же года, получив письмо от шаха, он отправил к нему своих представителей, которые должны были ознакомиться с Персией и попытаться установить там французское влияние. Фетх-Али, находясь под впечатлением от успехов Франции, отправил свое посольство ее императору. Оно застало его в Восточной Пруссии. 4 мая 1807 г. в лагере под Финкенштейном подписали франко-персидский договор, по которому Наполеон гарантировал целостность персидских владений, обещал вернуть шаху Грузию и приложить все усилия для того, чтобы принудить Александра I вывести войска из Закавказья, снабдить Персию оружием, инструкторами и мастерами для организации мануфактур. В ответ Фетх-Али должен был расторгнуть все контакты с англичанами, изгнать их из своих земель и объявить войну Англии, договориться с афганцами и прочими племенами для организации движения на Индию и, в случае

590. Савваитов П.И. Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 году. СПб., 1851. С. 5-21; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 391-393.

необходимости, дать пропуск французской армии на проход через Персию⁵⁹¹.

После подписания союза с шахом император французов отправил в Тегеран посольство главе с бригадным генералом Ш.-М. Гарданом. Инструкция Наполеона гласила: *«Персия должна считать русских своими естественными врагами: они отняли у нее Грузию, угрожают ее лучшим провинциям, до сих не признали настоящей династии, и, со дня восшествия ее на престол, находятся в постоянной войне с нею. Генерал Гардан укажет на все эти оскорбления и поддержит неприязнь персиян против России. Он возбудит их к новым усилиям, к новым наборам. Для последующих военных операций он даст им все те советы, каковыя внушит ему его опыт, и, ввиду этого, постарается сблизиться с принцем Аббас-Мирзой, командующим армиею, доверием которой он, кажется, пользуется. Необходимо, чтобы Персия произвела сильную диверсию к границам России и воспользовалась, для вторжения в провинции, отнятые у нее силою оружия и интригами моментом, когда русские ослабили свою кавказскую армию передвижением части войск в Европу. Грузия, которую они заставили последнего грузинского князя уступить себе, плохо ими обеспечена, и население ее, кажется, жалеет о своих прежних властителях. Цепь гор, прикрывающая входы в Персию, тянется на севере Грузии; существенно важно было бы, чтобы Россия не осталась владельницею всех горных проходов. Генерал Гардан употребит все усилия, чтобы Персия и Оттоманская Порта, насколько возможно,*

591. Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру в 1800 и в 1807-1808 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 61-63.

согласовали бы свои операции на пространстве между Черным и Каспийскими морями»⁵⁹².

Аббас-мирзе была обещана помощь оружием, инструкторами и войсками – от 4 до 5 французских батальонов с артиллерией для обучения персидской армии, 10 тыс. ружей и 30 орудий⁵⁹³. Французское посольство прибыло в Тегеран 4 декабря 1807 г.⁵⁹⁴, т.е. уже после Тильзита, когда отношения Парижа и Петербурга переменились к лучшему, франко-персидский договор формально не действовал, однако в деятельности своей, судя по всему, оно продолжало руководствоваться полученными 10 мая 1807 г. инструкциями⁵⁹⁵. Наполеоновские дипломаты заверяли шаха, что вслед за изгнанием русских за Кавказ начнется подготовка к совместному франко-персидскому походу на Индию. Фетх-Али поначалу колебался, но, убедившись в том, что надежды на помощь из Лондона или Калькутты не оправдываются, согласился⁵⁹⁶. Гардан имел 2 плана возможных действий французской армии: первый предполагал высадку с согласия турок десанта в Александретте; второй, несколько фантастический, – отправление эскадры с транспортными кораблями через Атлантику в Индийский океан для высадки войск у входа в Персидский залив. Сопровождавшие Гардана офицеры должны были помогать персидской армии и вести топографические съемки для подготовки похода⁵⁹⁷.

Уже летом 1807 г. стало ясно, что русско-персидское перемирие не будет продолжаться долго. 31 августа

592. Там же. С. 69.

593. Там же. С. 72.

594. Там же. С. 64.

595. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 5. С. 187.

596. Напомним, что еще в январе 1801 г. в Тегеране подписаны два англо-персидских договора – о взаимной помощи и торговле, которые, однако, не были ратифицированы.

Hopkirk P. The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. N-Y.-Тоkyo-L., 1992. P. 31-33.

597. Проект экспедиций в Индию ... С. 70.

1807 г. царевич Александр издал очередное воззвание к грузинскому народу, обещая освободить его от «господства чужих»: *«Я имею с собою силу и казну трех великих держав – всего Ирана, османов и англичан для вашего освобождения из рук чужих. Это есть минута вашего счастья, когда вы можете возобновить усердие ваших предков и принять честь, подобающую великим и малым; когда вы пожалеете ваших домашних крестьян и имения, и для мирного охранения вашего поспешно и с усердием выйдете ко мне на границу Грузии, откуда дойдет до вас весть о моем прибытии. А если не захотите, то я не отвечаю за ваши огорчения, чего отнюдь я не желаю, так как весь мой неусыпный труд предпринят только из любви к вам»*⁵⁹⁸. Военные действия возобновились в конце 1807 г. и почти сразу же закончились неудачами персидской армии, шах и Аббас-мирза вновь предложили переговоры, почти остановившиеся в феврале 1808 г., т.е. сразу же после своего начала⁵⁹⁹.

Свою роль в этом сыграла дипломатия Наполеона. Его представители по-прежнему активно действовали в Тегеране, стараясь добиться тройственного персидско-турецко-французского соглашения, направленного как против Англии, так и против России⁶⁰⁰. *«По собственному признанию Персиян известно, – докладывал 7 марта 1808 г. Гудович государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву, – что продолжаемые мною переговоры о мире никогда не имели встречаемой доселе медленности и затруднений, если бы Баба-хан не опирался на тех обещаниях, кои деланы оному от Франции при существовавшей войне с Россиею. Ожидание Персиян, что в силу тех обещаний возвращены им будут все*

598. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 5. С. 250.

599. АКАК. Т. 3. С. 447.

600. Проект экспедиций в Индию ... С.73.

места, завоеванные Россией в здешнем краю, удерживает их и теперь согласиться на мир с теми пожертвованиями, коих требует от них Россия и которые они сами, как мне известно, ценят не очень дорого, ибо Персияне сами признаются, что часть Адербейджана, находящаяся ныне под владением России, всегда им ненадежна была»⁶⁰¹.

В июле 1808 г. дело, как могло показаться, сдвинулось с мертвой точки. К Гудовичу приехал посланник шаха с предложением заключить перемирие сроком на 1 год с тем, чтобы в течение этого времени заключить мир в Париже при посредничестве Франции⁶⁰². 6 июля Гудович докладывал Румянцеву о том, что французский посол в Персии «...верно не внушил Тегеранскому кабинету о том, что Франция не может теперь выполнить своих обещаний, вредных для России, деланных во время войны...»⁶⁰³. Французские офицеры (правда, их было только 4) продолжали обучать регулярную пехоту Аббас-мирзы в Тебризе⁶⁰⁴. 4 августа канцлер известил Гудовича о нежелании Александра I принять посредничество Парижа. Император требовал заключить мир с Персией при условии границ по Куре, Араксу и Арпачаю, а в случае отказа Тегерана или затяжки переговоров разрешал ему возобновить военные действия. 2 сентября Гудович сообщил Аббас-мирзе эти требования, добавив, что ожидает скорого ответа, добавив, что если ответ задержится «я уже никаких переписок не ожидаю»⁶⁰⁵.

В дело немедленно вмешалось французское посольство, стремившееся не допустить окончательного решения русско-персидской проблемы в интересах

601. АКАК. Т. 3. С. 449.

602. Там же. С. 477.

603. Там же. С. 480.

604. Там же. С. 484.

605. Там же. С. 485-486, 488-490.

Петербурга. Его сотрудники вели активную работу по подготовке похода на Индию. Офицеры миссии Гардана лично провели рекогносцировку 86 маршрутов возможного движения экспедиционного корпуса и по расспросам составили описание еще 38 маршрутов⁶⁰⁶. Однако перспективы оказания помощи со стороны Тегерана в организации похода оставались туманными. 28 августа 1808 г. Гардан докладывал в Париж: *«Персия ничего не предпримет против Индии, пока находится в войне с Россией. Характер персиян склонен к преувеличениям, и уверенность, с которою Его Величество шах говорит о легкости этой экспедиции, является следствием приведенного свойства характера. Шах давал даже несколько раз понять, что желал бы быть поддержанным только, и незначительным числом французских войск, на которые будет смотреть, как на вспомогательные. Но Его Величество не скрывает при этом, что он не может и думать об экспедиции, пока русские занимают Грузию»*⁶⁰⁷.

Надежды Александра I (если таковые, действительно, имели место) на то, что формальные союзники – французы будут содействовать русским планам в Закавказье, быстро развеялись. Уже в ноябре 1808 г. Гудович докладывал, что французская миссия в Персии *«приносит нашим делам даже больший вред, чем тогда, когда Россия была в состоянии войны с Францией»*⁶⁰⁸. На разных этапах войны, в зависимости от обстановки в Европе, Персии оказывали помощь не только французы, но и англичане. Если Париж был заинтересован в продолжении войны, которая отвлекала внимание и силы Петербурга от европейских дел, то Лондон исходил из других расчетов, в основном, вызванных опасениями. В сентябре 1808 г. в Персию прибыло английское

606. Проект экспедиций в Индию ... С. 101.

607. Там же. С. 92.

608. ВПР. Сер. 1. Т. 4. С. 415.

посольство и в результате долгих переговоров в марте 1809 г. было заключено прелиминарное соглашение об оказании Тегерану ежегодной финансовой помощи в 120 тыс. туманов⁶⁰⁹, поставке 20 тыс. ружей и 20 орудий со всеми необходимыми для них запасами⁶¹⁰.

Шах нуждался в новых друзьях и субсидиях, поэтому он с готовностью пошел на подписание договора с Англией, тем более, что посольство начало с того, что преподнесло ему в дар от короля Георга III довольно приятный подарок – несколько крупных бриллиантов. Игра стоила свеч... Фетх-Али обязался не предоставлять свою территорию третьей стране для нападения на Индию и заменить в своей армии французских инструкторов на английских⁶¹¹. Союз с Англией добавил шаху решимости, кроме того, его явно вдохновляла затянувшаяся война России с Турцией. В результате военные действия между Персией и Россией возобновились. Против персидской армии Гудович смог выставить только 3-тысячный отряд, который, тем не менее, действовал весьма успешно. В сентябре 1808 г. был взят Эчмиадзин, в октябре – Нахичевань⁶¹².

Несмотря на успехи, положение русской армии оставалось весьма непростым. Ее численность на Кавказе и в Закавказье равнялась 42 тыс. чел., но при этом на Кавказской линии было сосредоточено 23 531 чел., а в Грузии, где необходимо было противостоять и туркам, и персам – 18 490 чел.⁶¹³ После очередных неудач Тегеран вновь перешел к переговорам, которые опять

609. Туман – персидская золотая монета, чеканившаяся с конца XVIII века. До 1879 г. содержала в себе 3,22 грамма золота 900 пробы, после – 2,59 гр. чистого золота.

610. Monteith W. Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 56-57.

611. Hopkirk P. Op. cit. P. 35-36.

612. Шабанов Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 89-92.

613. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 522.

затянулись. Новый главнокомандующий генерал от кавалерии А.П. Тормасов 17 апреля 1809 г. оценил обстановку следующим образом: «...Персияне, ища мира, не остаются однако же в недеятельности, а собирают войска и делают военные приготовления»⁶¹⁴.

Для того, чтобы лишить персов опорной позиции на Араксе – крепости Мегри, откуда совершались набеги на Карабах, – 11 мая к ней направили 3-й батальон 17-го егерского полка под командованием полковника П.С. Котляревского в составе 400 чел. 15 июня она была взята штурмом. Гарнизон из 1200 сарбазов потерял около 300 чел. убитыми, остальные бежали. Русские потери составили 6 убитыми и 29 ранеными. Попытки персов вернуть крепость окончились неудачей⁶¹⁵, как, впрочем, и затянуть время. Причина миролюбия персов на переговорах русскому генералу была абсолютно ясна – он понимал, что Аббас-мирза хочет выгадать наиболее удобный момент для вторжения в Грузию. Тем не менее, передышка была выгодна обоим сторонам, а переговоры – бесцельны, так как русские требования не менялись, как, впрочем, и персидские приемы по затягиванию времени. Тормасов надеялся на переговоры о перемирии с персами, что существенно улучшило бы положение России в Закавказье. Однако эти надежды не оправдались. В сентябре 1809 г., не прерывая переговоров и задержав русских уполномоченных в Тебризе, Аббас-мирза возобновил военные действия⁶¹⁶.

Перелом в них так и не последовал, хотя персы и были отражены. Воспользовавшись наступившей вслед за этим передышкой на персидском направлении, 15 ноября 1809 г. русские войска овладели штурмом

614. АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Александра Петровича Тормасова. 1809-1811. С. 682.

615. Шабанов Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 95-100.

616. АКАК. Т. 4. С. 686-688, 690, 693.

прибрежной крепостью Поти, существенно ослабив турецкое влияние в нижнем течении Риони⁶¹⁷. Положение Персии оставалось стабильно тяжелым. Ставка на Францию и ее помощь не оправдала себя, и 14 марта 1810 г. был заключен персидско-английский союзный договор. Персия обязалась охранять дальние подступы к Индии. Со своей стороны Англия обещала в случае войны шаха с *«какой-либо из европейских держав»* выставить вспомогательный корпус или оказывать ежегодную финансовую помощь в 200 тыс. туманов и при заключении мирного договора *«употребить все свое влияние в пользу Персии»*. Договором предусматривалось и направление английских инструкторов в персидскую армию⁶¹⁸.

Для обучения персов из Индии прислали миссию инструкторов: офицеры и сержанты армии Ост-индской кампании должны были помочь Аббас-мирзе модернизировать персидские войска и познакомить их с правилами и приемами европейских армий⁶¹⁹. Все это являлось продолжением британской реакции на Тильзитский мир и русско-французское сближение, которое, впрочем, никогда не было особо действенным в Персии. Британцы не очень преуспели, более того, попытка усилить армию за счет обученной по европейскому образцу пехоты не дала персам ни прочной пехоты, но к тому же ослабила и кавалерию⁶²⁰. Тем не менее, за счет субсидии в конце 1811 г. англичане поставили шахской армии 12 орудий, 12 тыс. зарядов к ним, 12 тыс. ружей и сукно для обмундирования 12 тыс. чел.⁶²¹

Поддержка Лондона позволила Фетх-Али ужесточить требования на переговорах в Аскерани, кото-

617. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 207.

618. Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 8.

619. Monteith W. Op. cit. P. 69-70.

620. Sykes P.M. Op. cit. L., 1915. Vol. 2. P. 411-412.

621. ВПР. Сер. 1. Т. 6. С. 329.

рые начались 19 мая 1810 г. Согласившись поначалу на российские предложения об условиях перемирия, представитель шаха внезапно для Торماسова резко переменял тон. 26 мая, получив известие из Тегерана, он категорически отказался признавать за Россией право на Дагестан, ультимативно потребовал признания за Персией Талышского ханства, выплаты стоимости потерь от набега союзного России хана Ширванского в 1809 г.⁶²², передачи части контролируемых русскими войсками территорий. Кроме того, персидская сторона требовала от России воздержаться от действий против турок в Карском и Ахалцихском пашалыках на время действия перемирия. Идти на такие уступки означало спровоцировать новые, предел которых не поддавался прогнозу. Тормасов немедленно прервал переговоры и вернулся в Тифлис. Из-за малочисленности своих сил (к весне 1810 г. в Грузии находилось только 12 тыс. русских солдат) генерал предпочел занять оборонительную позицию, предоставив инициативу противникам⁶²³.

Военные действия возобновились. Их исход оставался неизменным. В июне 1810 г. персы вновь потерпели ряд поражений при атаках русских передовых отрядов и крепостей, сам Аббас-мирза, попытавшись атаковать крепость Мегри, был отбит со столь значительным уроном, что оказался вынужден отвести войска в Тебриз. В июне принц запланировал нанести удар по Тифлису в обход русских войск, стоявших на Эриванском направлении. Для этого часть персидской армии должна была наступать на них от Аракса, в то время как около 10 тыс. отборных сарбазов должны были пройти к Карсу и оттуда на Ахалцих, где объединиться с турками и напасть на столицу Картли-Кахети. Эти планы были сорваны, вначале на Араксе, где персы потерпели поражение в

622. Речь шла о 15 тыс. баранов.

623. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 210-211.

конце июня, а вслед за этим и под Ахалцихом. Персидская и турецкая армии объединились здесь 13 августа, однако общего командования у них не было. Союзники не доверяли друг другу и стояли отдельно. Ахалцихский паша даже не вывел свои войска из крепости и не впустил в нее сарбазов, карский – остался на месте. Персы и турки активно подкупали курдов и лазов для участия в совместном набеге, и явно опасались того, чем это закончится в случае удачи похода⁶²⁴.

В результате несчастного случая на торжественных скачках в честь соединения был ранен карский паша, после чего недоверие союзников друг к другу только укрепилось.⁶²⁵ В конце концов персидская армия отошла к Ахалкалаки, где ее было легче снабжать. Таким образом, оказались созданы хорошие предпосылки для разгрома турок и персов поодиночке. Тормасов отдал приказ о наблюдении за действиями Аббас-мирзы на Араксе, и выделил отряд генерал-майора маркиза Ф.О. Паулуччи для движения на Ахалкалаки. 5 сентября персы были разгромлены, вслед за чем последовал распад турецко-персидского альянса. Неудавшиеся союзники обвиняли друг друга в трусости и небрежности и более не собирались действовать вместе. Аббас-мирза попытался исправить положение и в начале сентября с 15-тысячной армией перешел Аракс и двинулся от Эривани по направлению к Тифлису, однако 8 сентября 1810 г. был разбит и отступил под защиту стен Эриванской крепости⁶²⁶. Кампания в очередной раз закончилась срывом планов противников России, однако при отсутствии резервов снова исключалась возможность использования этих побед. Ни разбитые персы и турки, ни их победители не могли наступать.

624. Там же. С. 212-214.

625. Monteith W. *Op. cit.* P. 65-66.

626. Петров А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 215-219.

Собственное поражение под Ахалкалаки весьма сильно подействовало на персов, но еще более сильным было впечатление от другой русской победы. В ночь с 7 на 8 декабря 1811 г. эта крепость, считавшаяся неприступной, была взята штурмом всего лишь двумя батальонами Грузинского гренадерского полка под командованием доблестного полковника Котляревского⁶²⁷. В крепости было взято 16 орудий, 2 знамени и 40 пудов пороха⁶²⁸. В начале 1812 г., находясь под влиянием этих новостей, хан Эриванский от лица шаха обратился к Паулуччи с предложением о начале переговоров⁶²⁹. Персы вновь не торопились переходить от слов к делу, и на этот раз определенные надежды в Тегеране вызвало восстание в Кахетии. 1812 год оказался весьма тяжелым для русской власти в Закавказье. Наши войска не могли рассчитывать на подкрепления, а попытка собрать на логи в Грузии хлебом вызвала восстание в Кахетии. Грузия в это время находилась в тяжелейшем положении: эпидемия чумы в 1810 г., и неурожай 1811 г. привели к голоду, от которого только в Имеретии вымерло около 12 тыс. семейств (32 750 чел.). Для помощи населению Паулуччи было направлено 10 тыс. рублей серебром, кроме того, 10 тыс. четвертей хлеба доставили морем из Крыма. Однако до того, как власти успели распределить эту помощь, 31 января 1812 г. начались беспорядки. Свою роль в них сыграли призывы царевича Александра⁶³⁰.

К повстанцам примкнули хевсуры и осетины, которые также поднялись по призыву царевича, и еще ингуши. Все это чрезвычайно осложнило положение

627. АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-лейтенанта маркиза Федора Осиповича Паулуччи и генерала от инфантерии Николая Федоровича Ртищева. 1811-1816. С. 185.

628. Казбек Г. Указ. соч. С. 63.

629. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 40.

630. Там же. Т. 5. С. 452-453, 464, 481.

на Военно-Грузинской дороге⁶³¹. Часть грузинского дворянства попыталась использовать недовольство для того, чтобы восстановить в полном объеме свои права, однако эта попытка потерпела крах. Благодаря исключительной распорядительности генерал-лейтенанта маркиза Ф.О. Паулуччи уже 4 марта 1812 г. восстание было подавлено⁶³². Тем не менее, для его подавления пришлось отозвать часть сил из Карабаха, чем немедленно воспользовался Аббас-мирза, нахлынув сюда со значительными силами. Здесь персам удалось добиться единственной по настоящему серьезной удачи – под Шах-Булахом они окружили и принудили к сдаче батальон Троицкого мушкетерского полка⁶³³.

7 апреля 1812 г. разрешение начать переговоры с шахом и соответствующие инструкции получил уже преемник маркиза – генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев. Император соглашался отказаться от требований по проведению границы по Араксу, Куре и Арпачаю. Россия и Персия сохранили бы, таким образом, территории, которыми они фактически владели на момент начала переговоров. Тегеран должен был согласиться на исключительное право России на содержание военноморского флота на Каспии, в ответ Петербург был готов признать шахом Фетх-Али, а его преемником – Аббас-мирзу⁶³⁴. В сентябре 1812 г. попытка переговоров с целью заключения мира в очередной раз провалилась: Аббас-мирза начал их с требования возвращения карабахского, ширванского и шекинского ханств, а позже потребовал уступки Баку, Кубы, Дербента, Елисаветпо-

631. Киняпина Н.С. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 119.

632. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 461-467.

633. Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 287; Казбек Г. Указ. соч. С. 64-65.

634. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 40-41.

ля и Шурагеля. Подобное поведение объяснялось новостями об успехе наполеоновского вторжения в Россию. Переговоры были прерваны и вновь начались военные действия, на чем настаивал генерал Котляревский, считавший, что единственным путем к ускорению мира будет полная победа над противником⁶³⁵.

Вновь активизировал свои действия царевич Александр, который собрал наемников горцев и в ночь на 6 сентября 1812 г. вторгся в Кахетию. Объявив себя царем, он взбунтовал Телавский уезд, но серьезной поддержки так и не получил. Отряды генерал-майора князя Г.Е. Эриванского и генерал-майора князя Д.З. Орбелиани быстро расправились с новоявленным монархом, который вынужден был бежать в горы к пшавам, а затем к сванам.⁶³⁶ Ртищев вновь попытался призвать царевича прекратить борьбу. *«Взгляните на ужасную картину тех бедствий, – писал он к Александру Ираклиевичу 31 декабря 1812 г., – в которое ввергнут вами Кахетинский народ, и спросите совесть вашу, удобное ли дело сделали вы пред Богом и пред человечеством, учинившись орудием напрасного пролития крови христианской и несчастья тысяч семейств? Потом посоветуйтесь с сердцем вашим и с рассудком совести вашей, – тогда, верю, они научат вас, что вам теперь делать и чем вы можете умилостивить правосудного Мздовоздаятеля как в сем, так и в будущем веке»*⁶³⁷. Ртищев предлагал беглецу амнистию и сообщал ему, что князь Орбелиани уже получил соответствующие приказы по его встрече⁶³⁸.

Царевич немедленно обратился к Эриванскому хану и воспитателю Аббас-мирзы. Первому он сооб-

635. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 5. С. 222-226, 230.

636. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 58-59, 64-68.

637. АКАК. Т. 5. С. 367.

638. Там же. С. 368.

щал заведомо ложные сведения о том, что русские терпят от него одно поражение за другим, и что, в случае необходимости, он сможет поднять в Кахетии и 80, и 100 тысяч человек. Второго царевич просил о финансовой помощи, заверяя: *«Бог свидетель, что пока во мне есть душа, я не отступлюсь от хлеба-соли Иранского государя и шах-заде и от верности им, будучи готов проливать кровь из усердия к ним»*⁶³⁹. Об искренности чувств царевича можно судить хотя бы потому, что 15 февраля 1813 года, т.е. через две недели после этих обращений, он написал письмо Ртищеву, в котором называл персов врагами, которые, правда, *«не отнимали нашего царского скипетра»*. Назвал Александр и причины своего отказа принять амнистию: *«Приглашаете меня вы, избранная и правдивая особа, умиленная христиански-отеческим милосердием, а не указываете источников, откуда буду иметь содержание и какой прием будет находящимся со мною; назначьте жалуемое мне место содержания и тогда мысль моя успокоится»*⁶⁴⁰. Беспокойство царевича и его желание найти место между двумя стульями было легко объяснимо. Его покровителей преследовали неудачи.

20 октября 1812 г. Котляревский наголову разбил войска Аббас-мирзы в построенном английскими инженерами укреплении Асландуз. Несмотря на заключение мира между Россией и Англией и приказ Лондона покинуть Персию, британская военная миссия осталась с персидской армией и приняла участие в сражении, потеряв при этом несколько офицеров⁶⁴¹. Их попытки привести в порядок персидскую армию разбились о противоречивые команды наследника персидского престола, который немало способствовал хаосу при от-

639. Там же. С. 369.

640. Там же. С. 371.

641. Monteith W. Op. cit. P. 88-95.

ступлении⁶⁴². Персидская армия насчитывала до 30 тыс. чел., из которых 14 тыс. составляла регулярная пехота⁶⁴³. Поражение было полным, на поле боя осталось 1200 убитых сарбазов, в плен захвачено 565 чел., 3 знамени и 11 орудий⁶⁴⁴. Русские потери были незначительны (28 убитых и около 100 раненых). Аббас-мирза бежал в сопровождении всего 20 всадников. Его придворный историограф отметил, что *«когда принц, воодушевляя ратников, предался размышлениям о средствах к спасению, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась в глубокую яму, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю»*⁶⁴⁵.

Конец года привел к значительному улучшению ситуации в Закавказье. Разбитый Аббас-мирза укрылся в Персии, эпидемии закончились, хороший урожай способствовал решению проблем со снабжением. Оставалась только одна проблема – персидский форпост в Талышском ханстве – крепость Ленкорань. Именно сюда отправился Котляревский с отрядом из 1,5 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов с 6 орудиями⁶⁴⁶. Ленкорань была блокирована в декабре 1812 г. Поскольку эту крепость незадолго до этого заново укрепили при помощи английских офицеров⁶⁴⁷, ее 4-тысячный гарнизон был полностью уверен в ее неприступности, и комендант категорически отверг предложение о сдаче на условиях сохранения жизни и имущества. *«Напрасно Вы думаете, генерал, – отвечал он Котляревскому, – что несчастье, постигшее моего Государя, должно устра-*

642. Sykes P.M. Op. cit. Vol. 2. P. 413.

643. Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 297.

644. Из них 10 единиц оказались английского производства, с надписью «от короля над королями шаху над шахами», а еще два орудия было потеряно персами во время бегства.

645. Казбек Г. Указ. соч. С. 93; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 86.

646. Соханская Е. Генерал Котляревский // Военный сборник (далее – ВС). 1871. № 3. С. 190.

647. Monteith W. Op. cit. P. 87.

шить меня. Один Бог располагает судьбою, и знает, кому пошлет свою помощь»⁶⁴⁸.

Получив известие о том, что к крепости на помощь идет из Тебриза Аббас-мирза, Котляревский понял, что отступление может закончиться уничтожением его отряда и назначил на 1 января 1813 г. штурм. Накануне Котляревский написал: *«Мне, как русскому, остается только победить или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского»⁶⁴⁹*. В приказе войскам говорилось: *«Истощив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию оружием Российскому, как только силою штурма. Решась приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или всем умереть, затем мы сюда присланы»⁶⁵⁰*. В результате 3-часовой атаки крепость была взята и ни один из ее защитников не оставлен в живых. Из 1500 штурмовавших ее русских воинов погиб 341 чел., ранено – 609 чел. Трофеями стали 2 знамени, 8 орудий, 320 пудов пороха и значительные склады продовольствия и оружия⁶⁵¹.

Весть о падении крепости вызвала панику в Персии⁶⁵². *«Известие о взятии Ленкорани, – породило в делах Ирана некоторую слабость. Персидские военачальники спешили обратить свои лица к стороне Тавриза»⁶⁵³*. Иначе говоря, они побежали. Вынужден был вернуть-

648. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 5. С. 234.

649. Соханская Е. Указ. соч. С. 192.

650. Бобровский П.О. Указ. соч. Ч. 3. С. 304.

651. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 510-514; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 5. С. 234-238.

652. Monteith W. Op. cit. P. 97.

653. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 99.

ся и Аббас-мирза, так и не решившись атаковать отряд, в котором осталось чуть более 500 здоровых солдат и офицеров, а командир которого был сильно искалечен. Значение этой победы не поддается переоценке. *«Обладание Ленкоранью, и только оно, – докладывал императору 4 марта 1813 г. Румянцев, – сделает мир прочным и обеспечит безопасность, которая только и может придать ему цену – безопасность от нападения Персии в будущем, если бы Вашей империи пришлось, как сейчас, воевать в Европе. Аббас-мирза, столь хорошо понимающий государственные интересы державы своего отца, рассматривает Ленкорань как ключ к Персии; это действительно так»*⁶⁵⁴.

Судьба войны была решена. В апреле 1813 г. в Тегеране появился представитель Наполеона с радостным известием о том, что его император *«выполнил данное шаху обещание и завоевал Россию, что скоро он распорядится вернуть Персии все ее владения в Грузии, но желает, чтобы прежде шах обязался выдворить из своих владений англичан и принять французского посланника»*⁶⁵⁵. Эта миссия закончилась полным провалом. В Персии уже знали, чем закончилось «завоевание России», и эмиссар Парижа был выдан англичанам. Для того, чтобы усилить желание шаха завершить войну, Ртищев начал демонстрировать готовность приступить к десанту на каспийское побережье Персии. У берегов Талышского ханства была собрана небольшая эскадра с войсками на борту. Это весьма подействовало на Тегеран, где решили более не затягивать с началом переговоров о мире. Они начались в местечке Гюлистан в Карабахе⁶⁵⁶. Большое значение для начала переговоров имело и то, что в обычно лояльном Каджарам Хорасане началось восстание. Восстали также и туркмены. Вско-

654. ВПР. Сер. 1. Т. 7. С.98.

655. Там же. С. 201.

656. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 122.

ре, правда, Фетх-Али удалось справиться с восставшими, что немедленно сказалось на перспективах мира⁶⁵⁷.

Переговоры опять шли сложно, несмотря на то, что в этот раз английская миссия в Тебризе и Тегеране активно старалась ускорить их, правда, без особого успеха. *«Неблагоденность, лукавство и вероломство Персиян затрудняли его (т.е. посредничество – авт.) до сих пор до невозможности, – писал один из английских дипломатов 9 июля 1813 г., – и если бы Русские им не задали прошедшей зимой двух или трех уроков самых порядочных, то я никак не поверил бы, что могли склонить их к примирению»*⁶⁵⁸. Эти уроки и осознание того, что помощь извне не придет, возымели действие. 12 октября 1813 г. в Гюлистане был подписан мирный договор. Персия признавала переход к России Северного Азербайджана, Восточной Грузии, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии (ст.3). Россия получала исключительное право держать флот на Каспийском море (ст.5), купцы обеих стран получали право свободной торговли (ст.8), пошлинные сборы не должны были превышать 5% (ст.9), перебежчикам обеих сторон даровалась амнистия (ст.6). Шах признавал условия за себя и своих преемников, Россия обязалась признать его наследником того из сыновей Фетх-Али, кого выберет он сам, но имя наследного принца так и не было названо. В случае спора между сыновьями шаха Россия обязывалась не вмешиваться в события вплоть до просьбы персидского монарха, если таковая последует (ст.4)⁶⁵⁹. До последнего момента шах надеялся на британскую помощь: английский посол даже обещал продолжить субсидирование Персии, пока Талышское ханство и Мугань не будут возвращены под власть Тегерана, но обещания так и не

657. Sykes P.M. Op. cit. Vol. 2. P. 414.

658. АКАК. Т. 5. С. 720.

659. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812-1815. № 25466. С. 641-645.

были выполнены. Юридически Лондон сохранил за собой свободу рук – англо-персидский договор так и не был ратифицирован⁶⁶⁰.

С другой стороны, практически все силы России в 1813-1814 гг. были задействованы в борьбе с Наполеоном в Европе, и не в интересах Англии было продолжать в такое время противостояние с союзником в регионе, откуда пока что решительно никто и ничто не угрожало британским интересам. В июне 1814 г. в Тифлис прибыло персидское посольство для дальнейшего следования в Петербург, где должен был состояться обмен ратификационными грамотами⁶⁶¹. Однако, из-за отсутствия Александра I в столице, эта церемония произошла в Тифлисе 15 сентября 1814 г.⁶⁶² Бухарестский и Гюлистанский договоры юридически оформили проникновение России в Закавказье, вызванное по преимуществу соображениями защиты единоверцев. Этого уже было достаточно для того, чтобы сделать неизбежным и рост почти маниакальной и поэтому опасной подозрительности среди английских и особенно англо-индийских политиков, и войну с горцами Северного Кавказа, лишенными привычной добычи для своих набегов, и дальнейшее ухудшение отношений с Ираном.

660. Monteith W. Op. cit. P. 100.

661. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 130-131.

662. ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25466. С. 641.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ После Гюлистана...

§ 1. Персидская миссия Ермолова

Своевременное заключение мирных соглашений с турками и персами позволило России сконцентрировать все свои усилия на борьбе с самым грозным соперником той эпохи – Наполеоном. План последнего по растягиванию российских сил на несколько направлений не удался благодаря блистательным действиям русских генералов и солдат, в первую очередь, Михаила Кутузова, окружившего войско великого визиря и заставившего его капитулировать, а Стамбул – подписать Бухарестский мир за месяц до начала вторжения Наполеона. Своевременность заключения мира хорошо иллюстрирует следующий факт: договор был ратифицирован Александром I в Вильно 11 июня 1812 г., то есть за день до начала наполеоновского вторжения⁶⁶³, а манифест о заключении мира последовал лишь после размена ратификационными грамотами, 5 августа того же года, когда французы уже глубоко вторглись в Россию⁶⁶⁴. Значимость персидского направления в большой стратегии России была тогда не столь велика – оно не притягивало к себе такого количества сил и средств, как турецкое. Символично и то, что император ратифицировал Гюлистанский договор 21 мая 1814 г. уже в Па-

663. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812-1814. № 25100. С. 322.

664. Там же. № 25199. С. 405-406.

риже⁶⁶⁵. Впрочем, это никак не умаляет заслуги генерала Петра Котляревского, чей военный гений позволил с минимальными силами поставить на колени Персию, вынужденную в начале 1813 года просить о мире.

Российская политика была сосредоточена на европейском направлении вплоть до падения власти Наполеона и завершения Венского конгресса. Следующий период политической активности на Востоке связан с именем одного из героев войны с Наполеоном – прославленного генерала Алексея Петровича Ермолова, уже ставшего легендой в рядах русской армии.

Среди главных задач Ермолова следует перечислить урегулирование отношений с Персией, элита которой жаждала реванша, и сохранение завоеванных закавказских территорий, с пресечением дальнейших претензий персов на них (однако заданная политическая линия не должна была привести к новому конфликту с Тегераном), а также выстраивание единой и действующей системы управления в новоприсоединенном регионе и утверждение фактического контроля русской администрации над территорией Северного Кавказа.

Нормализация отношений с Персией стала первой задачей для генерала, назначенного в 1816 г. чрезвычайным и полномочным послом в Тегеран, главноуправляющим в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, а также командующим Отдельным Грузинским корпусом.

Показательно, что желающих занять данный пост и нести ответственность за беспокойный регион оказалось в Петербурге немного. Как вспоминал сам Ермолов, император в разговоре с ним заявил, что это назначение состоялось только благодаря его собственному желанию и готовности поехать на Кавказ: *«Объяснением сим*

665. Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1825 год. // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армию (далее – КС). Тифлис, 1900. Т. 21. С. VI.

государь истолковал мне, какого он о Грузии мнения. Сего достаточно было, чтобы на месте моем утратить многих, но я решился поверить себя моему счастью. Не с равным удовольствием принял я назначение меня послом в Персию. Меня утрашали дела, по роду своему совершенно мне незнакомые. Я наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян и отчаивался исполнить с успехом поручение государя. Ничто так не оскорбляет самолюбия, как быть обманутым, а я никак не надеялся избежать того»⁶⁶⁶.

При этом, необходимо отметить, что начиная с заключения Гюлистанского мира персидская властная верхушка мечтала о реванша и готовилась к нему. По-прежнему в расчет бралась и антироссийская деятельность грузинской аристократической фронды во главе с часто упоминаемым в предыдущих главах царевичем Александром. Как вспоминал впоследствии А.П. Ермолов, «Персия и по заключении с нами мира не переставала пересылать деньги всем вредным для нас людям, в числе коих почитала беглого грузинского царевича Александра, сына царя Ираклия. Сей во всех возмущениях Грузии являлся в Кахетии, сопровождаемый большим количеством лезгин, и склонное к измене грузинское дворянство, обращаясь к нему, увлекало с собой добрый и простодушный черный народ. Лезгины, грабежом ненасытимые, обогащались добычей, в глазах подлого беглеца царевича толпами отгоняемые были пленные грузины и продаваемы в рабство отдаленнейшим народам. Царевич содействующему ему дворянству раздавал грамоты на имения тех, которые, оставаясь верными правительству, ему противились»⁶⁶⁷.

666. Цит. по: Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 16.

667. Ермолов А.П. Записки 1798-1826 гг. М., 1991. С. 280.

Предприятия царевича имели все основания для поддержки среди горцев, т.к. после установления русской власти в Грузии резко снизилось количество грузинских рабов, которых они могли продавать туркам в Анапе. Царевич был женат первым браком на черкесской княжне. Она после своей смерти оставила ему обширные родственные связи среди горских обществ, которыми он охотно пользовался при сборе наемников. Деньги для этого, правда, небольшие, давал шах. Они быстро заканчивались, и тогда единственным способом расплатиться для Александр-мирзы, как его называли в Персии, оказывалось разрешение грабить и захватывать рабов⁶⁶⁸. Русские войска легко отражали эти набеги, но наибольший, если не единственный вред они наносили мирным жителям.

Гюлистанский мир застал царевича в горных районах Дагестана, где он первоначально воспользовался обычаем гостеприимства, и откуда время от времени обращался к русским властям с жалобами на их предшественников, которые якобы не дали ему возможности перейти под покровительство императора, что и заставило его брать деньги у шаха. Предложения приступить к переговорам на неизменных для всех Багратидах условиях традиционно приводили к ссылкам Александра Ираклиевича на невозможность выезда из гор, на различного рода препятствия и т.п. 27 января 1817 г. Ермолов, которому, судя по всему, порядком надоела эта демагогия, ответил на упреки царевича в адрес своих предшественников: *«Сие также далеко от истины, ибо напротив того, они искренно всегда открывали вам путь к благополучию вашему и готовы были вас принять как сына знаменитого царя Ираклия. Однако*

668. Monteith W. Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 72-76.

же в. св. с своей стороны добрые их вам услуги каждый раз обращали во зло»⁶⁶⁹. Генерал известил беглеца о том, что теперь его судьбой будет заниматься лично, и что если царевич не приедет на переговоры до весны, то Ермолов отдаст приказ «...прервать всякие сношения с вами, как с человеком лживым, не имеющим ни совести, ни доброй воли»⁶⁷⁰.

Поскольку согласия на русские условия в очередной раз не последовало, а укrywшийся в Дагестане Багратид продолжил свои интриги, то 18 сентября 1817 г. Ермолов обратился к Аббас-мирзе с протестом против поддержки деньгами, которую оказывал эриванский сердар царевичу, и с требованием прекратить ее. Генерал предупреждал, что в случае, если Александр Ираклиевич проберется в Персию и будет принят там, то «...почту я нарушением мира и не сомневаюсь, что е.в. шах, столько дружелюбия оказывающий Российскому Императору, для пользы беглеца не прервет доброго согласия»⁶⁷¹. В ответ наследный принц дал обещание не принимать беглеца и не помогать ему, которое, впрочем, было быстро нарушено⁶⁷². В сентябре 1818 г. царевич с небольшой группой своих сторонников сумел просочиться через русские заставы на турецкую территорию, в Ахалцих, где его с удовольствием принял местный паша. Турки планировали использовать беглеца в своих целях, для организации восстания в Имеретии, но смена хозяев не входила в планы Александра. Со своей стороны, немалые усилия для того, чтобы вернуть его в свои руки, прилагали и персы. В начале января 1818 г. царевич переехал в Эриванское ханство, где его ждал

669. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (далее – АКАК). Т. 6. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова. 1816-1827. Тифлис, 1874. Ч. 1. С. 284.

670. Там же.

671. Там же. С. 292.

672. Там же. С. 293.

торжественный прием⁶⁷³. Персы решили содержать Александр-мирзу в ожидании благоприятных обстоятельств на будущее. Ему было даровано несколько деревень недалеко от Тегерана, где он проживал в положении полу-гостя и полу-пленника, а также ежегодная субсидия в 2 тыс. туманов для содержания своего «двора» и сторонников⁶⁷⁴.

Помимо подогрева антироссийских настроений в регионе, персидский двор пытался повлиять на Петербург и с помощью традиционных дипломатических действий. Напомним, вторая статья Гюлистанского мира декларировала принцип *status quo ad presentem*, «дабы каждая сторона осталась при владении теми землями, ханствами и владениями, какие находятся в совершенной их власти». Так как Талышское ханство в ходе войны неоднократно переходило из рук в руки, то на этом участке русско-персидская граница должна была быть проведена после заключения мира, «избранными с обеих сторон комиссарами со взаимного согласия, кои под руководством главнокомандующих с обеих сторон сделают верное и подробное описание земель, деревень и ущелий, также рек, гор, озер и урочищ, кои до настоящего времени находятся в действительной власти каждой стороны, и тогда определится черта границ Талышинского ханства на основании *status quo ad presentem*, таким образом, чтобы каждая сторо-

673. Там же. С. 308, 311-312.

674. Monteith W. Op. cit. P. 116.

Крайне показательно, что по окончании войны 1826-1828 гг. денежная субсидия была прекращена, и царевич жил довольно бедно. Его вторая жена – Мария Сааковна, дочь армянского мелика, вместе с сыном приняла русское подданство. По распоряжению императора Николая I в 1835 г. ей было назначено содержание в 11 320 руб. ассигнациями в год. Сын – Ираклий Александрович – был определен в Пажеский корпус с содержанием в 3 050 руб. ассигнациями в год и неприкосновенным капиталом в 75 тыс. руб. ассигнациями в год (АКАК. Т. 8. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии барона Григория Владимировича Розена 1-го. 1831-1837. Тифлис, 1881. С. 216, 221, 227-228).

на осталась при своем владении»⁶⁷⁵. Таким образом, в этом районе граница была не только не демаркирована, но и не проведена.

Именно эту статью Гюлистана Тегеран попытался использовать для контригры на дипломатическом поле. В январе 1816 г., еще до эпохального назначения Ермолова, персидский посол в Петербурге Абуль Хасан-хан предъявил МИДу ноту с призывом пересмотреть Гюлистанский договор. В документе обращалось внимание на «великодушное» обещание Александра I возвратить шаху часть завоеванных территорий, причем речь шла о Карабахе, Гяндже, Шеки, Ширване, Дербенте, Кубе, Баку, Тальше, Лорийской, Шамшадинской, Зангезурской и Шурагельской областях. Т.е., за исключением грузинских и дагестанских земель, практически все территории, полученные Россией по условиям мирного договора 1813 года, предлагалось вернуть шаху.

Выдвигая столь значительные и явно нереальные требования, Тегеран твердо надеялся получить назад хотя бы что-нибудь⁶⁷⁶. Главной целью шаха являлось возвращение Карабахского, в случае невозможности – Талышского ханства или, по крайней мере, его южной части⁶⁷⁷. В Петербург отправилось специальное персидское посольство, формально под предлогом поздравления императора с восстановлением мира. Представитель шаха прибыл в столицу в начале 1815 г. и был принят с подобающими почестями, однако из-за отсутствия Александра I в России ему пришлось дожидаться его возвращения. Аудиенция состоялась 22 декабря 1815 г., вслед за чем начались и переговоры⁶⁷⁸.

675. ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25466. С. 643.

676. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. М., 1871. Т. 6. С. 265; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 204.

677. Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1825 год.// КС. Т. 21. С. VII.

678. Там же. С. VI.

Посольство Фетх-Али для обоснования своей позиции ссылалось на возвращение туркам Дунайских княжеств в 1812 г., что, на взгляд персидской дипломатии оправдывало ее предложения. Нессельроде 4 марта 1816 г. изложил свою позицию по вопросам о переговорах с Персией. Она сводилась к трем основным пунктам: 1) граница должна быть удобной; 2) территории, населенные христианами, не должны уступаться ни в коем случае; 3) ханам, перешедшим на сторону России, в случае возвращения части земель должна быть гарантирована защита от возможной мести шаха. Вице-канцлер был готов рассмотреть вопрос об уступке части Талышского ханства и части равнины от Аракса до гор Карабаха, но окончательное решение этого вопроса он оставлял за Ермоловым⁶⁷⁹.

Попытка Тегерана вернуть Восточную Грузию и Северный Азербайджан была поддержана англичанами, предложившими свое посредничество, но сразу отвергнуто Россией и не очень сердечно принято персами. Конфиденциальным путем посол шаха известил Нессельроде, что не хотел бы принимать предложение Лондона⁶⁸⁰. В Тегеране, естественно, занимали другую позицию и перед возвращением домой посол пошутил, что русское гостеприимство было великолепным во всех отношениях, за исключением того, что его не сослали в Сибирь⁶⁸¹. Он явно опасался недовольства своего монарха. Но, так или иначе, но надежды Фетх-Али и его попытки добиться возвращения потерянных земель окончились провалом⁶⁸². 23 марта 1816 г. Нессельроде

679. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 117.

680. Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее – ВПР). М., 1974. Сер. 2. 1815-1830. Т.1(9). Ноябрь 1815 – сентябрь 1817. С. 148-149.

681. Monteith W. Op. cit. P. 101.

682. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1890. Т. 2. 1826-1827. С. 11-12; Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 31-51.

в беседе с послом Фетх-Али объяснил, что туркам никогда еще не возвращались земли, уступленные Портой по договорам, и поэтому Бухарестский мир не может являться прецедентом для персидских предложений.

Александр I не хотел обострения отношений с Ираном, но в то же время нельзя было и поощрять его претензии, которые могли только возрасти. Поэтому персидскому послу заявили, что Россия сможет дать окончательный ответ только после досконального обследования новой границы и завершения работы специальной дипломатической миссии в Тегеране, которую и возглавил в ранге чрезвычайного и полномочного посла Ермолов⁶⁸³. По справедливому замечанию современного историка Ирины Стамовой, *«Александр I хотел поскорее уладить спорные проблемы в Закавказье с минимальными потерями для России, а еще лучше – без них, если возможно. Ему нужен был прочный мир и регулярные дипломатические отношения с Ираном, чтобы установить там свое влияние и ослабить британское. Император поручил Ермолову на месте изучить суть иранских территориальных претензий и реальные возможности удовлетворения их»*⁶⁸⁴.

В тот день, когда он был назначен послом в Персию, Ермолов получил и персональные инструкции от императора: они вводили генерала в курс предшествовавших его посольству двухсторонних переговоров и позиции Петербурга в них. Помимо сохранения мира, самодержец подчеркивал важность приобретения для России коммерческих выгод в Персии и необходимость обеспечения нейтралитета Персии в случае возможных внешнеполитических осложнений⁶⁸⁵. В связи с пос-

683. ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С.125.

684. Стамова И.И. Кавказ в политике России, Ирана и Англии: 1814-1826 гг.// Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008. С. 45.

685. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 122-124.

ледним, возникала другая проблема, т.к. французское влияние, весьма ощутимое в Тегеране до 1814 г., после поражения Наполеона было вытеснено английским⁶⁸⁶. Одновременно с ростом британского влияния в Персии нарастали антирусские настроения⁶⁸⁷.

Перед Ермоловым была поставлена задача не допустить закрепления монопольного влияния англичан в Тегеране. *«Сколь ни тесны Мои сношения с Великобританским правительством, – инструктировал генерала император, – Я не могу однако же равнодушно видеть, чтобы власть его усиливалась в соседственном со мною государстве, о котором по необходимости я должен стараться, чтобы оно не было подвержено постороннему Европейских держав влиянию. Англия естественно должна желать, чтобы все виды и помышления Персидского правительства были обращены к северу и будет возбуждать в нем против нас подозрения, дабы отвлечь его внимание от юга. Меня не занимают замыслы, чтобы посредством Персиян потрясти власть Англичан в Индии и, следовательно, я неоспоримое имею право стараться всеми мерами, дабы остановить действие такой системы, которая со временем легко обратиться может и к той цели, чтобы вредить Моим владениям за Кавказом. Вследствие сего Я признал за нужное при самом начале устранить всякое посредничество Англии в переговорах, с персидским послом здесь (т.е. в Петербурге – авт.) производившихся, ибо легко было предвидеть, что всякое*

686. Как отмечал Н.В. Ханьков, «англичане, сменившие французов в Персии, чувствовали себя в период 1815-1825 годов всемогущими при дворе принца-регента. Этому способствовали ежегодные взносы в шахскую казну, деятельность корпуса офицеров-инструкторов, дружески навязанного персидскому правительству, и особенно – исключительное расположение Аббас-Мирзы, предпочитавшего англичан другим европейцам» (Ханьков Н.В. Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 47).

687. Monteith W. Op. cit. P. 102-106.

его соучастие в столь важном обстоятельстве открыло бы ему множество способов и предлогов вмешаться час от часу более в дела Персии»⁶⁸⁸.

При этом Ермолов должен был исключить возможность обострения отношений с англичанами. В крайнем случае, ему дали право напомнить персам о поражениях в войне 1804-1813 гг., которые Россия вела мизерными силами, в то время на момент посольства она имела возможность сконцентрировать за Кавказом куда более значительную часть своей армии. Впрочем, сам Александр I не намерен был использовать это обстоятельство для давления на Тегеран с целью изменения границ в свою пользу: *«По Моим правилам Я не имею даже в помышлениях воспользоваться превосходством сил Моих, дабы принудить их к новым уступкам»⁶⁸⁹.* Ермолов был противником территориальных уступок, более того, он считал, что единственной нормальной русско-персидской границей должен стать Аракс. *«Думаю, – докладывал он императору 9 января 1817 г., – напротив, что Персия со временем должна будет понять потерю областей, лежащих между нами и Араксом. Первая война должна отдать их в наши руки. До того не будет твердой и покойной со стороны Персии границы»⁶⁹⁰.* Естественно, что генерал быстро развеял последние иллюзии шаха и Аббас-мирзы относительно возможности возвращения потерянных в 1813 г. земель. Прибыв в Тегеран летом 1817 г., он сразу отверг территориальные претензии на первой же встрече с министрами шаха, которая состоялась 12 августа.

«Отодвинуть границу – значило бы, таким образом, – заявил Ермолов, – разрушить порядок вещей, который укрепляется день ото дня благодаря со-

688. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 125.

689. Там же. С. 126.

690. Там же. С. 142.

стоянию мира; это значило бы осложнить существующие отношения, породить неуверенность среди народов, подвластных обеим державам, вновь пробудить преступные надежды и открыть источник местных неурядиц, неизбежно ведущих к серьезным последствиям общего характера. Тогда вместо того, чтобы упрочить достигнутый благодетельный мир, мы заронили бы зерно новой войны между двумя странами, призванными вкушать все блага счастливого согласия»⁶⁹¹. Ермолов, считавший, что уступки будут истолкованы как проявление слабости и отнюдь не приведут к гарантии мира, категорически отказался следовать унижительной процедуре челобитья шаху, снятия обуви и одевания красных чулок перед аудиенцией⁶⁹². В отличие от англичан и французов, русское посольство приняло без этих формальностей⁶⁹³. Возможные обиды в какой-то степени были компенсированы богатыми подарками, сделанными шаху, его старшей жене, старшему и младшему сыновьям, визирям и т.п.⁶⁹⁴ Более того, по оценке В.А. Потто, именно «умение посла затронуть слабые стороны повелителя Персии более всего способствовало успешному и блестящему окончанию переговоров»⁶⁹⁵.

691. ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). Октябрь 1817 г. – апрель 1819 г. С. 189.

692. Берже А.П. Посольство А.П. Ермолова в Персию // Русская старина (далее – РС). 1877. Том 19. Вып. 7. С. 390-391, 395, 402-406.

693. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 248.

694. Посольство вообще было обставлено довольно пышно – оно обошлось казне в 40 950 руб. серебром (Берже А.П. Указ. соч. // РС. 1877. Т. 19. Вып. 6. С. 259-260, 261).

695. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 43.

Военный историк привел весьма красочное описание шахской аудиенции и последовавшей за ней процедурой знакомства с привезенными из Петербурга подарками: «Богатство и изящество подарков с первого взгляда очаровали шаха; он невольно остановился у входа в палатку и только после изъявления Ермолову своего удовольствия стал переходить от одного предмета к другому, рассматривая каждую вещь до мельчайших подробностей. Особенное восхищение вызвали в шаху зеркала громаднейших размеров, каких ему еще не приходилось видеть. В первый раз в жизни увидел себя так хорошо во весь

14 августа 1817 г., т.е. через два дня после аудиенции у шаха, Ермолов обратился к жителям закавказских ханств и Дагестана из Султанье со специальным обращением. Указав в нем на распространяемые слухи о возможности передачи части территорий Персии, генерал категорическим образом опроверг их: *«Я вас именем великого нашего Государя уверяю, что не только областей, ниже одного шага земли не уступает Он шаху Персидскому и границы наши не переменяются: их охраняет Всемогущий Бог, великий Государь и верные Его народы»*⁶⁹⁶. На следующий день великий визирь вручил русскому послу ответную ноту, в которой Персия соглашалась на проведение демаркации Гюлистанских границ, работы по разграничению должны были начаться в апреле 1818 г.⁶⁹⁷

К глубокому разочарованию Тегерана, Александр I отказался также официально признать Аббас-мирзу наследником престола. Император не хотел брать на себя обязательств на случай очередной междоусобицы в Персии⁶⁹⁸. Принц был явно раздражен и открыто заявил Ермолову, что не видит цели его посольства, если

рост. По рассказу Ермолова, он долго и неподвижно рассматривал самого себя и обливавшие его алмазы и бриллианты, в бесчисленных сияниях отражавшиеся в глубине волшебного трюмо. Все молчали, никто не смел нарушить очарования шаха, который хотел не раз отойти от зеркал и снова с ним возвращался. Осмотрев остальные подарки, состоявшие из драгоценных хрустальных сервизов, мехов, парчи и, наконец, бриллиантов, шах еще раз поблагодарил Ермолова и удалился во дворец, заметив во прощанье, что ему было бы несравненно легче приобрести миллионы, чем эти подарки русского венценосца, которые он не променяет ни на какие сокровища в мире. Впоследствии шах говорил своим придворным, что он чрезвычайно доволен Ермоловым, что перед ним, как государем, более Ермолова почетливым быть невозможно» (Там же. С. 42-43).

696. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 162.

697. ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 189.

Данные работы были в целом закончены в начале июля 1825 г. (Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1825 год. // КС. Т. 21. С. 18-26).

698. Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 2. 1826-1827. С. 13-14.

она, конечно, не ограничивается обменом подарков⁶⁹⁹. Впрочем, недовольство не помешало ему просить у посла разрешения на ввоз оружия из России, а шаху – фарфоровые и хрустальные изделия в подарок⁷⁰⁰.

Таким образом, Алексею Петровичу Ермолову, несмотря на сильное давление со стороны высших персидских чиновников и наследника престола Аббас-мирзы, удалось отстоять все российские приобретения по Гюлистанскому миру. Как подчеркивает Ирина Стамова, *«Ермолов избрал тактику углубления раскола правящей иранской элиты, отнюдь не монолитной в своем отношении к вопросу о территориальном разграничении в Закавказье. С Фетх-Али-шахом он говорил языком лести, блестяще имитируя цветистую восточную и исламскую риторику. А с шахскими министрами он общался в жестком тоне, эффективно используя внушительные тембры своего голоса и внушительные черты своего лица. С помощью всего этого «театрального» арсенала Ермолов лишил иранских переговорщиков всяких надежд на пересмотр Гюлистанского договора... Внешне дипломатическую победу Ермолова символизировало награждение его высшим иранским орденом Льва и Солнца I степени и огромное количество богатых подарков от шаха и его министров»*⁷⁰¹.

«По большому счету ермоловская дипломатия не блистала утонченностью (возможно, англичане вообще не назвали бы это «дипломатией»). Но, быть может, именно потому она и принесла успех. Ермолов предпочел действовать не по канону, а по ситуации, которая подсказывала ему, что любая его уступка будет воспринята как слабость и повлечет

699. Monteith W. Op. cit. P. 101.

700. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 182.

Отметим, что просьба шаха была удовлетворена, и в октябре 1820 г. ему вручили новые подарки из России (ВГР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 603-607).

701. Стамова И.И. Указ. соч. С. 45-46.

нежелательные для России последствия. И в принципе он оказался прав. Об этом свидетельствует наступивший после ермоловского посольства период почти десятилетнего относительного спокойствия на русско-иранской границе в Закавказье. Иранское руководство по достоинству оценило тот весомый в его глазах факт, что оно имеет дело с жестким оппонентом не только на полях сражений, но и за столом переговоров»⁷⁰². С подобной оценкой Ирины Стамовой трудно не согласиться.

§ 2. Политика Ермолова в Закавказье

Помимо успокоения отношений с Персией крайне насущной задачей для Ермолова представлялась проблема интеграции присоединенных земель и постепенное встраивание их в общероссийскую систему управления. Очевидно, что закавказские ханства, традиционно ориентированные на Тегеран, являлись наиболее слабо контролируемой Россией частью региона. Отсюда же исходила серьезная угроза безопасности и спокойствию имперских владений за Кавказом. На это обстоятельство обращает внимание авторитетный кавказовед В.А. Потто: *«В Закавказском крае ко времени Ермолова наименее упроченными за Россией владениями оставались примыкавшие к Грузии с юга и юго-востока татарские ханства. Давно замиренные, они продолжали служить послушным орудием враждебной персидской политики и все еще стояли перед Россией вечной угрозой возмущения. Персия, потерявшая их по Гюлистанскому трактату, естественно искала случая вернуть себе эти богатейшие, некогда*

702. Там же. С. 46.

принадлежавшие ей провинции, и всеми силами старалась поддерживать в них свое влияние. Ханства, близкие к ней и религией и всем своим общественным азиатским строем, легко подчинялись этому влиянию, да и невозможно было ожидать ничего иного, пока они представляли собою какие-то совершенно автономные, самостоятельные государства, стоявшие к России в отношении только данников»⁷⁰³. Эту точку зрения разделяет и Яков Гордин, который замечает, что «ханы не были надежными и верными подданными. Их симпатии находились на стороне Аббас-мирзы, на стороне Персии, с которой их связывали религиозные и родственные связи, равно как и привычные способы управления подданными»⁷⁰⁴.

Потто также отмечает, что «Закавказье поразило его (Ермолова – авт.) незначительностью достигнутых русской властью результатов во внутреннем управлении. Пятнадцать лет минуло после присоединения к нам Грузии, закавказские владения, особенно благодаря победам Цицианова и Котляревского, раздвинулись от моря до моря и в самую глубь вчлено враждебных соседних земель, а между тем сделано было еще очень немного, чтобы успокоить эту цветущую окраину Русского государства и поставить ее на путь мирного развития. Пограничные магометанские ханства, богатые дарами природы, но управляемые алчными азиатскими деспотами, могли служить особенно резким примером неустройства закавказских дел, оставаясь, как и в момент их завоевания, все теми же ненадежными владениями, всегда держащими сторону сильного и готовыми отложиться при первом удобном случае, при первых успехах Персии или Турции. И прежде чем отправиться в Тегеран, Ермолов почел

703. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 588.

704. Гордин Я.А. Ермолов. М., 2012. С. 442.

необходимым ближе ознакомиться с ханствами и объехал их, чтобы с большей ясностью понимать задачи политического разграничения России с Персией. Из осмотра их он вывел еще то заключение, что под русским управлением ханства могли приносить России в десять раз больше доходов и выгод, чем при автономном управлении ханами»⁷⁰⁵. Алексей Петрович понимал всю ненадежность союза с ханами и поэтому одной из приоритетных задач своей деятельности в регионе он поставил именно ликвидацию ханств и превращению в области с прямым российском управлением.

Шекинское ханство стало первым, где было введено прямое российское управление. В августе 1819 г. ханство ликвидировали, а вместо него возникла Шекинская область, все жители которой были незамедлительно приведены к присяге на подданство императору Александру I.

Местный хан Измаил своими крайне жестокими, точнее, даже кровожадными действиями сразу привлек внимание генерала, только появившегося на Кавказе, подтверждением чему является собственноручное письмо Ермолова (от 3 ноября 1816 г.)⁷⁰⁶. Примерно

705. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 17.

706. «Господин ген.-м. Хан Шекинский! Едва приехал я сюда, как уже был закидан просьбами на вас; не хочу верить я им без исследования и приятно бы мне было, чтобы оные оказались несправедливыми, ибо в каждой из них описаны действия, одному злонравному и жесткому человеку свойственные. Я поручил удостовериться обо всем том чиновнику, заслуживающему веру. Если только откроет он те жестокости, которые делаемы по воле вашей, что могут доказать оторванные шипцами носы и уши, то я приказал всех таковых несчастных поместить в доме вашем до тех пор, как вы их удовлетворите. Чиновника вашего, который одного жителя бил палками до того, что он умер и тело его брошено в ров, я приказал взять и по учинении над ним суда, он будет лишен жизни. Советую вам, ген.-м. хан Шекинский, быть осмотрительным в выборе чиновников, назначаемых для приведения в исполнение воли вашей; паче еще советую, чтобы воля ваша не была противна милосердию и великодушию Государя, который управление ханством верил вам совсем не в том намерении,

через месяц состоялась личная встреча генерала с ханом во владениях последнего – в селении Мингечаур, во время которой Ермолов, по словам Потто, *«обошелся с ним крайне сурово. Он публично, при всем народе, высказал ему осуждение его зверских поступков и приказал, собрав всех несчастных, искалеченных им, разместить их в ханском дворце до тех пор, пока хан не обеспечит семейства их. Приставу майору Пономареву вменено было в обязанность «немедленно восстановить равновесие между ханской властью и народной безопасностью»*⁷⁰⁷.

Публичная отповедь, устроенная Ермоловым хану, имела свой положительный результат – укрепление авторитета российской власти и лично командующего среди местного населения. Как зафиксировано в одном из писем генерал-майору А.П. Кутузову (от 25 мая 1817 г.), *«все жители названного владения, от малого до большого довольны и благодарны Алексею Петровичу, что он укоротил руку тиранства и притеснения к ним Хойского племени. Власть ханствования Измаил-хана стала еще слабее против прежнего»*⁷⁰⁸.

Измаил почувствовал, что теперь он обязан считаться с российской властью в лице Ермолова и согласовывать с ней свои действия, поэтому должен отказаться от перегибов, характерных для восточной деспотии. Наличие рядом с ним русского офицера в статусе пристава стало фактическим ограничением ранее единоличной власти хана.

Последний, недовольный таким положением дел, стал готовиться к бегству в Персию, куда и стал даже перевозить богатства, а также начал активно контак-

чтобы народ его населяющий страдал во дни славного Его царствования и ручаюсь вам, что если найду я жалобы основательными, я научу вас лучше исполнять намерения всемиловитейшего вам Государя» (АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 723).

707. Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 592.

708. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 725.

тировать с соседними владельцами, негативно настроенными по отношению к России, например, с Мустафой-ханом Ширванским. В частности, майор Пономарев в рапорте генерал-лейтенанту И.А. Вельяминову (от 10 сентября 1818 г.) писал, что хан *«имел тайное в поле сношение с нарочными, приезжавшими от Ших-Али-хана»*⁷⁰⁹; *пропустил партию около 70 чел., состоящую из горцев, к Мустафа-хану...»*⁷¹⁰.

При этом пристав замечал, что *«относительно до положения жителей Шекинского ханства, то я ничего неблагонамеренного не замечаю. Они все спокойны, чему кажется есть самая главнейшая причина, что народ Измаил-хана с его людьми совершенно не терпит»*⁷¹¹. Стало очевидно, что хан становится ненадежным, а, главное, не контролирует ситуацию и не пользуется популярностью и уважением и жителей. Ермолу надо было принимать решение, однако все произошло само собой. В середине июля 1819 г. хан заболел, и через восемь дней болезни (24 числа) скончался близ деревни Ниж⁷¹².

Прямых наследников у него не было, другие родственники не имели ни тесных контактов с русской администрацией, ни, тем более, ее доверия. Поэтому Ермол 31 июля 1819 г. предписал Вельяминову *«вести в ханство российское управление»*. В тот же день командующий собственноручно написал прокламацию жите-

709. Бывший дербентский хан.

710. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 731.

711. Там же.

712. Интересные детали приводит В.А. Потто: «Некоторое время держался слух, что хан отравлен был ядом, причем одни обвиняли русских, другие втихомолку указывали, как на виновницу смерти, на его родную сестру. Слухи эти не имели никаких оснований. Хан умер от пьянства; в последнее время он пил без просыпу, пил голый ром бутылками – и в результате получил жестокое воспаление кишок, сопровождавшееся конвульсиями и кровавой рвотой» (Потто В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 592).

лям ханства, где уведомлял их о ликвидации ханской власти и введении прямого управления бывшего уже ханства, преобразованного в Шекинскую область⁷¹³.

В конце августа жители ханства были приведены к присяге. Все, согласно донесениям, прошло без всяких эксцессов, даже наоборот: *«беки и народ вообще во всех местах Шекинского владения приняли присягу не только без малейшего сопротивления, но и с приметным изъявлением своего удовольствия насчет присоединения Шекинской области под управление и непосредственную власть российского правительства. Здесь во всех местах существует совершенное спокойствие»*⁷¹⁴. Таким образом, можно отметить, что присоединение этого ханства не вызвало ни малейшего недовольства среди населения.

713. «Собственноручная прокламация ген. Ермолова жителям ханства Шекинского, от 31 июля 1819 года. – В лагере при сел. Андреевском.

По смерти ген.-м. Исмаил-хана Шекинского, у коего не осталось наследников, на основании Высочайше дарованного трактата, вводится в ханство Российское правление.

Я надеюсь, что жители ханства, увидев заботливость начальства о соблюдении их выгод, попечительность об охранении их собственности и спокойствия, окажут опыты усердия и верности великому Государю, всегда милосердному и справедливому.

Всякий из жителей должен быть уверен в своей собственности и начальство Российское признает ее за вещь священную и оной не касается.

Доходы, поступавшие в пользу хана, будут впредь входить в казну Императорскую и собираться особыми для того чиновниками.

Подати и повинности остаются те же самые, как были при управлении ханском.

Когда приведется в известность, в чем состояли сии доходы, буде окажутся таковые, которые отягощали верных подданных великого Государя, я сделаю о том всеподданнейшее мое представление и знаю, что Г. И. никогда не отказывает в милости и благотворений.

Отныне впредь уничтожается имя ханства и оное называется Шекинскую областью.

Предупреждаю жителей Шекинской области, что мне приятно будет слышать, что семейству и родственникам покойного хана окажут они уважение, принадлежащее покойному и отцу его, – обоим служившим с верностью великому Государю». (АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 739).

714. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 751.

Вторым ликвидированным ханством стало Ширванское. Это произошло в 1820 г., после бегства Мустафа-хана в Персию. Ширванский хан Мустафа, как и соседние владетели, традиционно посматривал в сторону Персии, он имел регулярные контакты с различными беглыми владетелями, вставшими на путь борьбы с Россией. Как писал сам Ермолов, *«Мустафа-хан ширванский способствовал живущим в горах беглому царевичу Александру и изменнику Ших-Али-хану дербентскому в тайных их с Персиею сношениях, пропускал чрез земли свои посланцев от горских народов, и сим Персия обещевала или дать деньги или умножить на границе свои войска, заставить нас развлечь силы наши и тем доставить средства дагестанцам производить опустошение в наших провинциях. Замыслы сии принадлежат Аббас-Мирзе, но в исполнение приводил их находящийся при нем Каймакам Мирза Бюзюрк, который, образуя его в юности и впоследствии сохранив над ним влияние, совершенно управлял им. По наружности же Мустафа-хан старался казаться приверженным, и я не имел до сего средств изобличить его в поведении, хотя многие весьма подробности о изменческих поступках его сообщены мне были одним из чиновников его, служившим в походе в Дагестан»*⁷¹⁵.

Помимо персидского направления, Мустафа Ширванский контактировал и с дагестанскими мятежными владетелями. В частности, он имел тесные связи с Сурхай-ханом Казикумыхским, открыто выступившим против российской власти. Как зафиксировал в своих записках Ермолов, *«в Акуше с достоверностью узнал я о связях Сурхай-хана Казыкумыцкого и Мустафы-хана Ширванского с Дагестана и о стараниях их возмутить оный против нас»*⁷¹⁶. Разгром Сурхай-хана

715. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 325-326.

716. Там же. С. 350.

Ермоловым в июне 1820 года при селении Хозрек заставил того бежать и как раз по территории Ширванского ханства. Показательно, что Мустафа-хан предоставил ему как временное убежище, так и своих нукеров для сопровождения. Это стало мгновенно известно командиру⁷¹⁷.

Вскоре же генерал получил еще более веские доказательства измены хана, т.к. был схвачен один из приближенных хана, который открыл все его намерения и связи. Ермолов сухо фиксирует: *«Сей открыл все его злодейства, связи в Дагестане, и средства, которыми возбуждал оный – сношения с Персиею, куда весьма часто посылаемы были от него чиновники к Аббас-Мирзе и принимаемы от него приезжающие. Описал дружеские связи его с Сурхай-ханом и что посредством его раздражает против нас акушинцев, с какими поручениями сам ездил неоднократно; что всех неблагонамеренных и вредных правительству людей принимает весьма дружественно и во всех злых совещаниях непременно участвует»*⁷¹⁸.

Владетель Ширвана, узнав об этом, сначала попытался путем подкупа отдельных чиновников, замаять это дело, выставив все как неправдоподобную информацию, а потом, боясь наказания со стороны Ермолова, собрав все имущество, семейство и бежал в пределы Персии.

Взятки чиновникам и офицерам для того, чтобы это дело избежало огласки, не дали результата. Как уточняет В.А. Потто, *«Мустафа решился было на подкуп, но*

717. «Таким образом в длину всей провинции безопасно проехал он в Ширванское ханство и в близком от главного города расстоянии был по приказанию Мустафы-хана принят одним из преданных ему беков... Обо всем тотчас дано было мне знать, но Мустафа-хан, оправдываясь, что совершенно не знал о проезде Сурхай-хана, не переставал уверять в преданности его и верности государю», – отмечается в записках А.П. Ермолова (Ермолов А.П. Указ. соч. С. 365).

718. Там же.

значительные денежные суммы, отправленные им к разным лицам в Тифлис и к приставу Макаеву, были представлены Ермолову и обращены в казну»⁷¹⁹. В частности, по данным пристава Макаева, хан послал своего адъютанта Ага-бека с 3 тыс. червонцев для надворного советника Иванова, который должен был раздать до 20 тыс. червонцев, «чтобы скрыть все его изменнические дела». Более того, в число адресатов попал и сам пристав, которому от хана прислали 400 червонцев⁷²⁰. Ермолов не мог обойти такой сюжет в своих записках: *«Мустафа-хан чрез откупщика рыбных промыслов, величайшего из мошенников, надворного советника Иванова, прислал письма ко всем своим знакомым, особенно при мне служащим чиновникам и переводчикам, поручая им не щадить ни денег ни подарков, а меня уверить, что он ни в чем участия не имеет, что о проезде Сурхай-хана не знал и пред сим задолго прервал с ним всякие связи, что хотя злодеи его повредить ему клеветою, будто умышляет он бежать в Персию. С армянином Ивановым приехал секретарь его (мурза Агмед), имея тысячу червонцев на подарки при первом случае, в моей канцелярии, Иванову же поручено было, по надобности, на имя его большие суммы. Деньги тысячу червонцев приказал я полицеймейстеру и коменданту взять в казну...»*⁷²¹.

Известия о его подготовке к побегу стали поступать командующему с начала августа. Например, пристав Макеев в своем рапорте ген.-л. Вельяминову (от 10 августа 1820 г.) прямо писал: *«Мустафа-хан отправил все имущество за Куру вчерашнего числа, бекские семейства ночью отправлены и сам хан всех своих жен*

719. Потто В.А. Указ. Соч. Т. 2. С. 599.

720. Об этом князь Макаев уведомляет в письме от 20 августа самого Ермолова: «Я их взял для доказательства в. выс-у, что я ни за какие миллионы не захочу потерять в. выс-а доверия. Сии деньги у меня – как прикажете?» (АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 811).

721. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 365-366.

из Фит-дага свел на низ, лошади и катера все собраны и стоят оседланы... мы ожидаем час от часу побега хана»⁷²². Последний 19 августа 1820 г. бежал из местечка Сулут и переправившись через р. Кура, ушел в персидские владения, («свита его состояла из 300 чел., в числе коих было почетных до 200 чел., а прочие – его нукеры») ⁷²³.

После получения окончательного известия о бегстве хана с семейством в Персию Ермолов выпустил прокламацию жителям Ширванского ханства успокоительного характера⁷²⁴. Командующий приказал скорейшем образом привести жителей к присяге, а ханство было преобразовано в провинцию. Как говорилось в предписании Ермолова генералу Мадатову от 27 августа, «*страшась справедливого наказания за гнусную измену, Мустафа-хан бежал в Персию и Ширванская провинция пос-*

722. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 809-810.

723. Там же. С. 811, 812.

724. «Со временем брака с дочерью дженки Хамбутае Казикумухского Мустафа-хан вошел с сим мошенником во все изменнические связи и замыслы. Долго старался я отклонить его от худых намерений; но душа коварного изменника не доверяла искренним моим советам. Он не преставал быть другом беглеца Ших-Али-хана, которого отец покрыл поруганием его семейство. Ему и дженки Хамбутае способствовал возмущать Дагестан против войск великого своего Государя; злодея Хамбутае и сына Ших-Али-хана недавно еще пропустил через Ширванское владение.

Сообразуясь с великодушием Государя кроткого и милосердного, долго снисходил я неблагодарному Мустафа-хану; но не видя конца злодействам, объявляю жителям Ширванским, что лишен он навсегда ханского достоинства и ханство принимается в российское управление.

Для сохранения в оном спокойствия вступят немедленно войска великого нашего Государя.

Почтенные беки и прочих состояний жители могут уверены быть в покровительстве и защите. Собственности каждого коснуться никто не посмеет; обыкновения земли сохраню я с удовольствием. От меня присланы будут чиновники для учреждения управления. Верным и усердным будут за службу награды. Боже сохрани тех, кои будут участниками в измене бывшего хана Мустафы. Кто осмелится поднять оружие в защиту злодея, таковых со всеми семействами постигнет ужасное наказание.

Желаю я, чтобы жители Ширвана были счастливы и для того предостерегаю их» (АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 812).

тупает в российское управление. Для введения оного назначаю я в. с., ибо провинция, состоя более 3-х лет в кругу начальствования вашего, более других вам известна...»⁷²⁵.

Сухой и лаконичный итог подведен Ермоловым во всеподданнейшем рапорте (от 24 сентября 1820 г.): *«С давнего времени видя изменническое поведение ген.-л. Мустафа-хана Ширванского, искал я случая изблечить его; наконец, схваченный один из его приближенных ему людей, знающий тайны его, открыл мне все его злодейства. В то самое время Мустафа дал тайно убежище в своем ханстве изгнанному из Казикумуха Сурхай-хану и проводил его в Персию; мне не переставал писать уверения в приверженности и усердии. На лживые письма я отвечал быстрым вступлением войск в ханство и изменник бежал в Персию, где заблаговременно приуготовил он себе пристанище.*

Ширванская область поступила в управление Российское. Жители изъявляют чистосердечную радость и В. И. В. Будут подданными верными.

Таким образом, в течении года поступили в управление два ханства без малейших со стороны нашей пожертвований и даже без самых беспокойств, уничтожена власть ханов, не приличествующая славному царствованию В. И. В. и я, имея в предмете полезную цель единоначалия, почитаю происшествия сии и потому достойными внимания, что оба ханства приносят не менее миллиона рублей асс. дохода, который при учреждении порядка легко возрасти может»⁷²⁶.

В 1822 г. после бегства Мехти-Кули-хана в Персию по приказу Ермолова ликвидировали и Карабахское ханство, вместо которого возникла одноименная провинция.

725. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 812.

726. Там же. С. 821.

Бегство хана было вызвано его длительным соперничеством с племянником, тоже претендовавшим на власть Джафар-Кули-агой. На последнего совершили нападение ночью, но ему удалось спастись, получив легкое ранение. Подозрение в организации подобного покушения пало на хана, который, не желая рисковать не жизнью, не имуществом, стремительно бежал в Персию. Об этой версии писал и сам Ермолов: *«Причины удаления его в Персию были следующие: родной племянник хана полковник Джафар-Кули-ага, nasledующий за ним ханское достоинство, имел с ним явную вражду, которую несколько раз старался я прекратить безуспешно и которая более усилилась от несправедливости хана при разделе между ними имения. Проезжая по городу Шуше в позднее время ночи, Джафар-Кули-ага неподалеку от ханского дома был ранен двумя выстрелами из ружей; следовавшие за ним несколько человек прислужников, испуганные, не имели смелости броситься на убийц, и они успели скрыться. Окружной в Карабахе начальник генерал-майор князь Мадатов по жалобе Джафар-Кули-аги, который по происшествии прямо к нему явился, произвел строжайшее исследование. На хана первого пасть должно было подозрение: сам Джафар-Кули-ага доказывал, что за несколько дней предупрежден он был о сем намерении хана, и потому взяты были под стражу люди, служащие при хане, и на которых, по известной особенной их предприимчивости, удобнее мог он возложить подобное препоручение. Между тем по другим совсем причинам арестован был знатнейший из беков, к которому наиболее имел хан доверенности, и хан, боясь, чтобы не быть изобличенным если не в намерении убийства, то в других каких-либо непозволительных поступках, паче же в худом управлении землю, против которого доходил до него ропот*

народа, бежал поспешно в Персию. До приезда моего приказал я отпустить в Персию оставшихся двух жен его, и не только позволил взять имущество свое, но и дал денег на дорогу»⁷²⁷.

Однако вскоре возникла версия, что смышленный племянник мог сам организовать ложное покушение на себя, дабы очернить хана и сбросить его с ханского престола. По выяснению этой версии событий, Джафар-Кули-агу с семьей по приказу Ермолова выслали, а ханство, оставшееся без владельца, было преобразовано в провинцию. *«Исследование на покушение на жизнь полковника Джафар-Кули-агу было довершено и совершенно обнаружилось, что хан не имел ни малейшего в том участия; напротив, весьма многие из лучших людей заключили, что Джафар-Кули-ага сделал то сам, с намерением взвести подозрение на хана, подвергнуть его наказанию и воспользоваться его местом. Наиболее производило сомнение то, что он прежде за несколько дней говорил многим, что известно ему намерение хана, а сам ни малейше не брал предосторожности, хотя генерал-майор князь Мада-тов особенно ему то советовал. Таковой поступок, худое расположение к Джафар-Кули-аге всего Карабаха и то обстоятельство, что будучи уже не раз изменником и находясь при персидских войсках во время нападения Аббас-Мирзы на Карабах, коему, по знанию мест, служил наилучшим провожатым в земле собственного отечества, заставили меня удалить его в Россию, положив ему достаточное содержание...»*⁷²⁸, – вспоминал впоследствии Ермолов.

Введение в Карабахском ханстве прямого русского управления, как и в других, не вызвало никаких беспорядков, наоборот, население выказало полную

727. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 381-382.

728. Там же. С. 382-383.

поддержку подобному изменению. Генерал оставил такую запись по тем событиям: *«Прибыв в Карабах, учредил я городской суд (диван); народ во всей провинции приведен был к присяге на верность подданства императору, и чиновникам поручено было, описав землю, привести в ясность принадлежащее казне имущество. Я оставил имущество каждого неприкосновенным, прежние права и обычаи в прежней силе. Главнейшего из беков, который именем хана управлял землю, пользуясь неограниченной его доверенностью, приобрел огромное имение и не надеялся сохранить его, оставил при прежних правах его, не отъемля его собственности. Словом, употребил я все средства, чтобы успокоить каждого и внушить приверженность к новому правительству. В исчислении доходов, казне принадлежащих, приказал я соблюсти умеренность, и все, что поступило в оную из частных имуществ, не оставил я без должного вознаграждения. Распоряжением сим оставил я всех довольными»*⁷²⁹.

Таким образом, ханства, закрепленные за Россией по условиям Гюлистанского мира, преобразованы в стандартные административные единицы империи и включены Ермоловым в единую систему управления. Подчеркнем, благодаря решительным действиям «проконсула Кавказа» система ханств была ликвидирована за первые пять лет его активного пребывания – с 1817 по 1822 гг.

Отметим, что административная деятельность Ермолова была направлена именно на создание единой системы управления подчиненным ему регионом, что заключалось в постепенном уничтожении ханской власти и введении прямого российского управления. Так и произошло с Шекинским, Ширванским и Карабахским ханствами. В одной из биографий Ермолова, хранящей-

729. Там же. С. 382.

ся в РГВИА, дается весьма понятный вывод: «В этом отношении заслуга Ермолова действительно велика: удалив ханов, он ввел единство в управлении и дал возможность сплотить ханства в одно целое, нераздельно связанное с составом империи»⁷³⁰.

§ 3. Персия: жажда реванша

В Петербурге после возвращения Ермолова из Персии решили, что вопрос, унаследованный после 1813 года, закрыт. 16 июля 1818 г. был издан Манифест «О восстановлении мира с Персиею по силе трактата с оною Державою, заключенного в Гюлистане 1813 года Октября 12 дня». В нем, в частности, подчеркивалось, что *«мир с Персией оградил спокойствием и безопасностью восточные пределы России. Он заключен был в час решительный: тогда, как Европа увидела новую судьбу свою и единодушие увенчалось победою. С того незабвенного времени наслаждаются Державы благодеяниями общего мира. Восстановленное между Россией и Персией дружество не преставало возрастать в продолжении последних четырех лет и ныне торжественным с обеих сторон, Посольствами утверждено на прочном и незыблемом основании»*⁷³¹. Император ошибался. Сразу же после отъезда Ермолова шах отправил посольство в Стамбул с предложением заключить союз против России. Оно было отвергнуто султаном, не доверявшим Фетх-Али⁷³². Тегеран продолжил подготовку к войне, по-прежнему надеясь и на

730. Неизвестная биография А.П. Ермолова / Публ., вступ. ст. и прим. В.М. Безотосного // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. Т. VII. М., 1996. С. 198.

731. ПСЗ. Собрание первое. Т. 35. № 27413. С. 343.

732. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 540-541.

внешнюю помощь. Численность русской армии в Закавказье и на Кавказе была не большой: силы Отдельного Грузинского корпуса⁷³³ не превышали в 1816 г. 56 тыс. чел. при 132 орудиях⁷³⁴.

С помощью английских специалистов наследный принц приступил к реформам, и, прежде всего – своей армии, которая оставалась его единственной опорой в возможных спорах с братьями о престолонаследии⁷³⁵. В октябре 1817 г., вернувшись из Тегерана, Ермолов подал Всеподданнейший рапорт, в котором отметил успехи этих преобразований: *«Регулярные войска устроятся на хорошем основании; артиллерия в отличном порядке и умножается очевидно. Есть литейный хороший завод и артиллерия делает запасы для арсеналов; учреждаются крепости по образцу европейских, извлекаются руды, и уже медь, свинец и железо в большом количестве; предназначается устройство суконных фабрик и заводы для очищения произрастающего в большом количестве сахара, дабы избежать угнетающей монополии Ост-Индской Компании... Теперь Персия имеет более 30 батальонов войск, каждый в 1000 чел., и до 100 полевых орудий и формирование продолжается. Собрание рекрут производится без затруднения и самые даже кочевые народы начинают давать оных. В Персии почти каждый поселянин – воин, и с ребячества приобывает к ружью, а потому каждый поступает на службу хорошим стрелком. Труды переносят терпеливо, в пище чрезвычайно умеренны, удобны к движениям, необычайно скорым, и в короткое время Персия может иметь пехоту, которая станет в ряду с лучшими в Европе»*⁷³⁶.

733. С августа 1820 г. стал называться Отдельным Кавказским корпусом.

734. Богданович М.И. Указ. соч. Т. 6. С. 269.

735. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 295.

736. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 178.

В 1818 г. боеспособность этой армии была проверена с переменным успехом в столкновениях с афганцами. Учитывая то, что практически весь XVIII век афганцы терроризировали своими набегами Персию, и такой результат представлялся вдохновляющим⁷³⁷. Подготовка к реваншу в Тегеране продолжалась. Он был необходим для упрочнения новой династии, начавшей с проигранной России войны, для обеспечения положения наследного принца, не пользовавшегося авторитетом среди старших братьев⁷³⁸. 8 мая 1819 г., вслед за торжественным провозглашением Аббас-мирзы наследником в Тегеране, последовало его признание в этом качестве со стороны Петербурга⁷³⁹. Этот шаг мало что изменил в положении дел как в Персии, так и в русско-персидских отношениях. Принц являлся лишь третьим сыном шаха, но его старшие братья оказались лишены прав на престол, так как рождены от рабынь. Таков был обычай племени Каджаров, но он не признавался большинством населения Персии. В 1822 г. один из старших братьев умер, но ситуация по-прежнему оставалась напряженной⁷⁴⁰. Признав Аббас-мирзу наследником, его старший брат Мегмет-Али открыто заявил, что подчиняется лишь воле отца и до того времени, покуда он жив⁷⁴¹. Существовали и другие претенденты на корону: всего в гареме Фетх-Али находилось 1500 жен, а у самого принца было 17 сыновей⁷⁴².

В 1821 г. Тегеран получил более серьезную возможность проверить свои реформы на деле. Во время волнений в Южном Азербайджане Персия обвинила турецкие власти в поддержке повстанцев, большая часть из

737. Потто В.А. Указ. соч. Т. 3. С. 11.

738. Там же. С. 6-7.

739. ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 19.

740. Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 7, 22.

741. Потто В.А. Указ. соч. Т. 3. С. 8.

742. Аббас-Мирза умер на год раньше отца, но наследником Фетх-Али в 1835 г. стал сын Аббас-Мирзы Мохаммед (1810-1848).

которых оказалась тюрками или курдами. Так как последние являлись в основном кочевниками, а значительная часть турецко-персидской границы в этот период не была демаркирована (в принципе как таковой границы просто не было, так как она определялась договором от 1639 г., дошедшим в двух копиях, имевших массу разночтений), то основания для претензий возникали постоянно. Они стали причиной персидско-турецкой войны.

Паша Эрзерума в очередной раз предоставил убежище двум племенам кочевников и отказался выполнить требование Аббас-мирзы об их выдаче, тогда как посланника, передавшего это требование, арестовали. Персидский наследный принц был оскорблен отказом. Кроме того, он надеялся на то, что вслед за греческим восстанием начнется и русско-турецкая война, что значительно упростило бы его задачи и создало бы возможность для территориальных приобретений. В 1821 г. армия Аббас-мирзы вторглась на соседнюю территорию и нанесла превосходящим турецким силам поражение под Эрзерумом. Затем турки были разбиты под Багдадом, и только смерть главнокомандующего персидской армией – старшего сына шаха – спасла город от взятия. Серьезных столкновений больше не последовало, так как в 1822 г. в этом районе Малой Азии началась холера, и при посредничестве англичан между турками и персами начались переговоры. В 1823 г. в Эрзеруме заключили мир на условиях *status quo ante bellum*, что в данных условиях было скорее выгодно для Персии, повысившей свой авторитет в регионе. Безусловно, что эта война придала Тегерану чувство уверенности в собственных силах⁷⁴³.

Вслед за этим последовал неизбежный рост требовательности со стороны Персии, представители кото-

743. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 554-555; Потто В.А. Указ. соч. Т. 3. С. 12-13; Sykes P.M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 416.

рой с 1823 г. все более и более настойчиво требовали уступок со стороны России. Желание представителей российского МИДа найти решение спорных вопросов путем переговоров воспринималось как явный признак слабости. Начались «случайные» нападения на российские пограничные посты⁷⁴⁴. Споры и столкновения представлялись до известной степени неизбежными, т.к. кочевников-тюрок в перешедших под русскую власть ханствах было трудно удержать от перехода границ, которые, к тому же, находились в процессе демаркации аж до лета 1825 г. Попытка сделать это вызвала протесты персов, пытавшихся использовать все разногласия для обострения обстановки.⁷⁴⁵ Ермолов считал, что чрезмерная уступчивость может лишь подтолкнуть Тегеран к действиям. В Петербурге не разделяли эти опасения и не поддерживали жесткой линии поведения с персами, за которую ратовал командующий Кавказским корпусом.

2 сентября 1825 г. министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде обратился к генералу со следующим письмом: *«Государь Император отдает полную справедливость усердию Вашего Высокопревосходительства к пользам Отечества, и уважает мнения Ваши о делах службы. Но при всем том не может он разделить опасений Ваших на счет враждебных замыслов персиян против России. Быть может, что мы встретим еще много затруднений в переговорах с министрами шаха и Аббас-Мирзою; быть может, что они пребудут неуклончивы и долго еще не согласятся уступить нам то, чего мы, по уверениям их, не имеем права требовать на основании точных слов Гюлистанского трактата. Но из сего трудно заключить, чтобы они решительно готовились к нападению и*

744. Потто В.А. Указ. соч. Т. 3. С. 15-16, 18-19.

745. Monteith W. Op. cit. P.120.

хотели силою овладеть уступленными и присоединенными к Грузии областями. До сих пор мы не видели в персидском правительстве признаков подобного ослепления, ни в шахе воинственного духа, напротив того, все дошедшие до нас известия, и самые донесения нашего поверенного в делах, свидетельствуют о его наклонности к миру. В таковых мыслях утверждает нас и последнее письмо Абдул-Гасан-хана (шахского визиря, информировавшего Петербург о компенсации за ограбленный караван русского подданного – авт.), с коего список, а равно и с ответа моего, Высочайше одобренного, у сего для сведения Вашего Высокопревосходительства препровождаются. По сим причинам Его Императорское Величество не может предполагать в шахе намерения действовать наступательно против России, и ожидает от Персии, если не искренней дружбы, то, по крайней мере, мира. С нашей стороны охранение оного принято за нерушимое правило, и все действия Ваши должны быть устремлены к сей главной, существенной цели»⁷⁴⁶.

9 сентября 1825 г. генерал-майор князь В.Г. Мадатов доложил начальнику штаба Ермолова, генерал-майору А.А. Вельяминову, о том, что, по сообщениям его агентуры, в Персии идет активная подготовка к войне, включая сбор войск в пограничной зоне и подготовку запасов продовольствия для армии⁷⁴⁷. Сведения были немедленно сообщены в Петербург, откуда 14 ноября вновь последовал ответ Нессельроде, в котором подтверждалось прежнее отношение к Тегерану: «Государь не хочет решительно войны с шахом, и уверен, что персияне сами не начнут ее при всем возможном к России недоброжелательстве, разве с нашей стороны последовали какие-либо неприязненные действия

746. Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1825 год. // КС. Т. 21. С. 51.

747. Там же. С. 68.

вопреки мирному договору Гюлистанскому»⁷⁴⁸. Получив в декабре 1825 г. известие о смерти Александра I, Фетх-Али немедленно отправил Ермолову фирман со словами скорби по поводу этого печального события, а 2 января 1826 г. Аббас-мирза известил генерала о желании его отца отправить посольство для поздравления нового императора Константина Павловича⁷⁴⁹. И в Тегеране, и в Тебризе, где правил наследный принц, надеялись воспользоваться началом нового царствования, чтобы попытаться вновь поднять вопрос о спорных территориях⁷⁵⁰.

В начале февраля 1826 г. в Тегеран пришло известие о восстании декабристов, и шах вместе с наследником сочли, что благоприятный момент для реванша настал. Они ожидали, что в России начнется гражданская война за обладание престолом⁷⁵¹.

По иронии судьбы, отголосок восстания декабристов действительно сказался на персидских делах. 13 декабря 1826 г. в Тифлис прибыл лейб-гвардии Сводный полк – в основном это были рядовые и унтер-офицеры гвардейских частей, вовлеченные обманом в мятеж декабристов и отправленные на Кавказ для того, чтобы смыть это пятно в боях с горцами⁷⁵². Паскевич предпочел использовать эту часть против персов и не ошибся. Ровно через год он докладывал начальнику Главного штаба генерал-адъютанту И.И. Дибичу: *«В многотрудной войне сей лейб-гвардии Сводный полк оказал столько усердия и твердости, сколько можно было ожидать оных от людей, искренно желающих искупить ненаме-*

748. Там же. С. 123.

749. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 329.

750. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 588.

751. Monteith W. Op. cit. P. 121.

752. Скрутковский С.Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. Эпизод из истории лейб-гвардии Гренадерского полка. СПб., 1896. С.10; Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1826 год // КС. Т. 27. С. 201.

ренную вину свою пожертвованием себя за Государя и Отечество. Я употреблял его исключительно там, где требовалось наиболее трудов и где предвиделось наиболее опасностей, и во всех случаях он являл постоянное мужество, непоколебимое усердие и самую строгую воинскую подчиненность»⁷⁵³. Именно этим солдатам была доверена честь конвоировать в Россию трон, золото, трофеи, в том числе и палатку Аббас-мирзы, его ковры, медные пушки, и взятые в счет контрибуции книги Ардебильской библиотеки⁷⁵⁴.

В начале 1826 г. о такой перспективе в Тегеране и подумать не могли. «От шаха, – вспоминал генерал М.Е. Коцебу, – не только скрывали истинное положение России, но рассказывали о двух армиях, якобы предводительствуемых спорящими братьями-венценосцами и тому подобные нелепости; уверяли, что большая часть Кавказского корпуса выступила в Россию; показывали письма, без сомнения, подложные, в коих именем Магомета умоляли шаха не оставлять своих единоверцев, ожидающих с нетерпением освобождения от ига христианского и обещающих при первом появлении персидской армии поднять оружие в пользу оной»⁷⁵⁵. От посольства в Петербург в Тегеране отказались, зато решили начать подготовку к сбору армии для похода против России⁷⁵⁶. 31 января 1826 г. Николай I обратился с письмами к шаху и его наследнику, извещая их о своем восшествии на престол, и о том, что для официального извещения об этом событии

753. Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1826 год // КС. Т. 27. С. 221.

754. Скрутковский С.Э. Указ. соч. С. 51-52; Александр Федорович Баговут, генерал от кавалерии. 1806-1883. Записки и очерк его жизни // РС. 1883. Т. 40. Вып. 10. С. 124-125.

755. Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 г. Сочинение из военных журналов, составленное обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского Корпуса полковником М.Е. Коцебу // КС. Т. 22. С. 14.

756. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 591.

он направляет в Персию посольство во главе с генерал-майором князем А.С. Меншиковым⁷⁵⁷.

Император готовился к войне с Турцией и хотел быть уверенным в нейтралитете Тегерана в этом конфликте⁷⁵⁸. К тому же, в намечавшемся весьма важном для решения «греческого вопроса» русско-британском диалоге тема «бескорыстия» не могла соседствовать с опасностью на ближних подступах к британской Индии⁷⁵⁹. Отправление посольства стало тем более необходимым после того, как 24 февраля 1826 г. Ермолов, ссылаясь на донесение русских консулов в Персии, доложил в Петербург о том, что шах и его окружение верят в слухи о гражданской войне в России и поэтому активно готовятся к военному реваншу⁷⁶⁰. Одной из задач, поставленных перед Меншиковым императором, являлась инспекция состояния Кавказского корпуса, как военная, так и политическая. Лояльность Ермолова вызывала сомнения у Николая I, и посол должен был удостовериться на месте, справедливы или нет эти подозрения⁷⁶¹. «Я, виноват, ему (т.е. Ермолову – авт.) менее всех верю» – признавался император в письме к Дибичу (от 12 декабря 1825 г.)⁷⁶². При посольстве находились и причисленные к Генеральному штабу офицеры, перед которыми стояла задача по сбору топографических и военных сведений о Персии⁷⁶³. Меншиков должен был убедить шаха прийти к мирному решению спорных вопросов при условии соблюдения статей Гюлистанского мира.

757. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 334.

758. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 110-111.

759. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М., 2004. С. 201.

760. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. С. 338.

761. ВПР. Сер. 2. Т. 6(14). С. 373-374.

762. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 590.

763. Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. СПб., 1894. Т. 2. 1826-1855. С. 18-19.

«Фетх-Али слишком дряхл, чтобы желать разрыва; к тому же он никогда не отличался воинственным нравом. – Инструктировал генерала в письме от 3 февраля 1826 г. Нессельроде. – Ничто, кажется, не обнаруживает у него враждебных намерений к России. Но его сын Аббас-Мизра, как полагает генерал Ермолов, преследует совершенно другие виды. Сведения, поступившие к нам на сегодняшний день от главнокомандующего и нашего поверенного в делах, заставляют полагать, что этого принца побуждают к войне как его собственное честолюбие и иностранные наущения, так и общее умонастроение персов. Как говорят, некоторые придворные хотят войны из личных соображений, имамы – вследствие своего религиозного фанатизма, наконец, простой народ – в надежде, что война с Россией может облегчить гнет Каджаров»⁷⁶⁴.

11 апреля Ермолов направил шаху письмо, извещая его о посольстве Меншикова, который «...в угодность обоим великим государей дать [может – авт.] большую прочность приятным отношениям окончанием дела о границах»⁷⁶⁵.

Еще ранее, 1 апреля глава МИДа известил Ермолова о близости разрыва с Турцией, так как император не намерен был более терпеть их неуважение к требованиям России. «Сколь мы не сильны, – писал граф Нессельроде, – но тягостно иметь в одно и то же время многих врагов, а особенно со стороны, Вашему управлению вверенной, где соседи и горские народы легкомысленные, коих удобно могут вооружить против нас недоброжелатели наши и тем озабочивать правительство. По сим уважениям Государю Императору угодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство подтвердили секретно всем, имеющим какое-либо

764. ВПР. Сер. 2. Т. 6 (14). С. 391.

765. Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. // КС. Т. 22. С. 60.

начальство на границе, уклоняться всемерно от малейшего повода, могущего подать персиянам основательную причину к негодованию... Его Величество уверен, что, при точном исполнении таковых распоряжений Ваших, шах персидский никогда не решится дать свое согласие Аббас-мирзе начать противу нас военные действия, имея при том в свежей памяти опыты прошедшей войны, – не выгоды, но важные потери им причинившей»⁷⁶⁶.

Шах, настроенный полуфантастическими известиями из России в пользу войны, узнав о посольстве Меншикова, начал склоняться к переговорам, что весьма взволновало Аббас-мирзу и верховного муфтия, которые сделали все возможное, чтобы ускорить начало конфликта⁷⁶⁷. Тем не менее, предварительно отправленная в Тебриз русская миссия была поначалу учтиво принята Аббас-мирзой⁷⁶⁸. Меншиков немного задержался в Грузии, для того, чтобы убедиться, что Кавказский корпус абсолютно спокоен и лоялен властям. Подозрений в отношении остальных и быть не могло. «*Статских чиновников, – докладывал генерал императору 30 апреля 1826 г., – занимающихся политическими суждениями, не встречал в Тифлисе. Грузинское же дворянство, по необразованности своей, еще меньшую имеет к тому склонность*»⁷⁶⁹. Казалось, ничего предвещало неудачи посольства, хотя оно прибыло в Тегеран, когда там уже господствовали весьма реваншистские настроения. Инструкция Нессельроде в отношении шаха, казалось, полностью соответствовала реалиям – наиболее воинственно был настроен его наследник и мусульманское

766. Там же. С.62.

767. Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 г. ... // КС. Т. 22. С.14.

768. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // РС. 1904. № 4. С. 79, 81-83.

769. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 601.

духовенство⁷⁷⁰. На самом деле войска уже собирались на границах – главные силы персов должны были ударить по Карабаху⁷⁷¹.

Меншиков успел добраться до столицы Персии 17 июня 1826 г., т.е. непосредственно перед началом военных действий, но не смог убедить шаха воздержаться от нападения. Правда, Фетх-Али принял его, однако аудиенция носила подчеркнута унижительный характер, шах явно был настроен в пользу сторонников войны, а весь народ, по словам посла, дышал ей. После беседы с Фетх-Али посольство отправилось в Тебриз, на встречу с Аббас-мирзой, где оно фактически попало в положение пленных. Точно такая же судьба ожидала посольство потом и в Эривани⁷⁷². Следует отметить, что последнее задержание было проведено местными властями без приказа Аббас-мирзы, что вызвало его недовольство. 22 августа принц отдал приказ проводить посольство с надлежащими почестями и уважением⁷⁷³. Немедленно вслед за этим Меншикову и его спутникам разрешили отправиться домой, хотя по пути из Эривани персы попытались организовать засаду на них. С трудом и редким везением, избежав этой ловушки, посольство только 5 сентября 1826 г. достигло Тифлиса⁷⁷⁴. В гораздо худшее положение попал офицер, который сопровождал подарок императора шаху – хрустальную кровать. С большим трудом и опасностью для жизни он прибыл в Тегеран 22 августа и практически сразу оказался под арестом⁷⁷⁵.

770. Monteith W. Op. cit. P. 122.

771. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 607.

772. Посольство князя Меншикова ... // РС. 1904. № 5. С. 297-304, 308; Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 36. Приложение № 15. С. 40-43; АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 349.

773. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 363.

774. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 608-609; Посольство князя Меншикова ... // РС. 1904. № 5. С. 316-317.

775. Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 11. С. 430-431.

Узнав о том, что в Талышском ханстве, населенном в основном родственным персам ираноязычным населением, началось восстание и убедившись в немногочисленности русской армии, шах решил действовать⁷⁷⁶. Новая русско-персидская война, не принесящая лавров победителя ни шаху, ни его наследнику, началась внезапно, без объявления. Николай I поначалу даже отказывался поверить в это. Только когда он получил подтверждение информации о том, что войну начал сам шах и ведет ее наследный принц, с надеждами на то, что произошла пограничная провокация, было покончено. 16 сентября 1826 г. в Петербурге издали декларацию «О начатии войны противу Персии»⁷⁷⁷, которая заканчивалась следующими словами: *«Столь явные оскорбления, столь неслыханное забвение всех обязанностей, не должны оставаться без наказания. Государь Император объявляет войну Шаху Персидскому; объявляет, что трактат Гулистанский уничтожен Персиянами и что Он не прежде положит оружие, как обеспечив совершенно безопасность границ наших, вознаградив Себя за потери и усилия, постановлением мира твердого, сообразного с достоинством и пользами Империи»*⁷⁷⁸. Таким образом, были изложены принципы будущего мира. Вскоре после первых успехов армии Аббас-мирзы последовали поражения, настолько тяжелые, что в 1828 г. они поставили судьбу династии под вопрос⁷⁷⁹. Статьи Гюлистана через два года после ее начала были переписаны в Туркманчае...

776. Monteith W. Op. cit. P.123.

777. ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 1. № 583. С. 944-946.

778. Там же. С. 946.

779. Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 3. С. 17.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Коллекция формулярных списков.

Опубликованные источники

- А.В. Суворов. Документы. В 4 тт. Т. 2. М., 1951.
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. В 12 тт. Тифлис, 1866-1904.
- Александр Федорович Багговут, генерал от кавалерии. 1806-1883. Записки и очерк его жизни // Русская Старина. 1883. № 10.
- Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову // Русская Старина. 1885. № 12.
- Армяно-русские отношения в XVIII в. Сборник документов. Ереван, 1990.
- Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768-1796). Ч. 1-2. СПб., 1869.
- Архив Государственного совета. Т. 2. Совет в царствование императора Павла I. СПб., 1888.
- Архив государственного совета. Т. 3. Совет в царствование императора Александра I. 1801-1810 гг. Ч. 2. СПб., 1878.
- Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802-1837. М., 2012.

- Берже А.П. Посольство А.П. Ермолова в Персию // Русская Старина. 1877. № 7.
- Берже А.П. История России, изложенная персиянином // Русская Старина. 1879. №1.
- Бумаги Булгакова. 1779-1792 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 47. СПб., 1885.
- Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. Ч. 2 // Архив князя Воронцова. Т. 9. М., 1876.
- Бумаги графов Александра и Семена Романовичей Воронцовых. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А.И. Вяземского, П.А. Левашева и И.В. Страхова. // Архив князя Воронцова. Т. 14. М., 1879.
- Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1774-1788 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 27. СПб., 1880.
- Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1789-1796 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 42. СПб., 1885.
- Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве министерства иностранных дел. 1772-1773 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 118. СПб., 1904.
- Бумаги князя Н.В. Репнина. 1776 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1870.
- Бумаги князя Н.В. Репнина за время управления его Литвою (годы с 1794 по 1796) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 16. СПб., 1875.
- Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1774-1793 гг. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6-8. СПб., 1893-1895.

- Бумаги тайного советника Александра Семеновича Мордвинова (1752-1832) // Архив графов Мордвиновых. Т. I. СПб., 1901.
- Бурнашев С. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С.Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 гг. / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1901.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия. 1. 1801-1815. Тт. 1-8. М., 1960-1972.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия. 2. 1815-1830. Тт. 1-6. М., 1974-1985.
- Восточные дела. 1748 // Архив князя Воронцова. Т. 25. М., 1882.
- Георгиевский трактат: Договор 1783 г. о вступлении восточной Грузии под покровительство России / Сост. В.Г. Мачарадзе. Тбилиси, 1983.
- Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906.
- Головкин Ф.Г. Двор в царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.
- Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1747 по 1787). Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 26. СПб., 1879.
- Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени (годы с 1788 по 1799). Т. 2 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 29. СПб., 1880.
- Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Оттоманской Порте (1775-1784) // Русский Архив. 1888. Кн. 1.
- Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XVIII вв. М., 1998.

- Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 49. СПб., 1885.
- Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1782-1791 // Русская Старина. 1876. № 8.
- Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. М., 1997.
- Записки князя Таллерана-Перигора. В 4-х ч. М., 1861.
- Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808. М., 2011.
- Ермолов А. А.П. Ермолов в Персии // Русская Старина. 1909. № 5-6.
- Ермолов А.П. Записки. 1798-1826 гг. М., 1991.
- Известие о произошедших между шахом Надыром и старшим его сыном Реза-кулы-мирзою, печальных приключениях в Персии, 1741 и 1742 годов, ныне сообщенное сочинением канцелярии Советника Василья Братищева. СПб., 1763.
- Кавказская война: истоки и начало. 1770-е – 1820-е годы. СПб., 2002.
- Кавказский вектор российской политики. Сборник документов Т. 1. XVI-XVIII вв. / Составители М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2011.
- Кавказский вектор российской политики. Т. 2. Кн. 1. 1762-1796 гг. / Составители М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2012.
- Кипиани Д.И. Записки с 1820 г. // Русская Старина. 1886. № 3, 5, 7-9.
- Князь Платон Александрович Зубов // Русская Старина. 1876. № 12.
- Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1825 год // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900.
- Материалы к истории персидской войны 1826-1828 г. 1826 год // Кавказский сборник. Т. 27. Тифлис, 1908.

- Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века / Сост. В.Г. Мачарадзе. Часть 3. Выпуск 1. Тбилиси, 1988.
- Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии. Вып. 1. Тбилиси, 1980.
- М.И. Кутузов. Сборник документов. В 5 тт. Т. I. М., 1950.
- Неизвестная биография А.П. Ермолова / Публ., вступ. ст. и прим. В.М. Безотосного // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. Т. VII. М., 1996.
- О Персидском походе, при Петре Великом бывшем // Русский Архив. 1899. Вып. 12.
- Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 г. Сочинение из военных журналов, составленное оберквартирмейстером Отдельного Кавказского Корпуса полковником М.Е. Коцебу // Кавказский сборник. Т. 22. Тифлис, 1901.
- Персидский поход в 1796 году. Воспоминания Варвары Ивановны Бакуниной. // Русская Старина. 1887. № 2.
- Письма князя А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Т. 13. М., 1879.
- Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М., 1992.
- Политическая переписка императрицы Екатерины II. (годы с 1776 по 1777) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 145. СПб., 1914.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649-1825). В 45 тт. СПб., 1830.
- Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // Русская Старина. 1904. № 4-5.

- Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. № 11.
- Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру в 1800 и в 1807-1808 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII.
- Рескрипт о сохранении персидского нейтралитета в войне с Турцией, 1769 года. // Русский Архив. 1915. Кн. 1.
- Русско-дагестанские отношения в конце XVI – начале XX в. Сборник документов. Махачкала, 1988.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Сборник документов. М., 1988.
- Собственноручные бумаги князя кн. Потемкина-Таврического. // Русский Архив. 1865. Кн. 4.
- Суворов А.В. Сборник документов в 4 тт. М., 1949-1953.
- Ультиматум персидского шаха Ага Магомет-хана грузинскому царю Ираклию II // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901.
- Ханыков Н.В. Экспедиция в Хорасан. М., 1973.
- Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1891.
- Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005.
- Monteith W. Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856.

Литература

- Ал.Ск. Астраханский порт с 1783 по 1827 год // Морской сборник. 1851. №1.
- Абдуллаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX в. Махачкала, 2006.
- Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 2009.
- Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.
- Айрапетов О.Р. Русско-персидские отношения и проблема войны 1826-1828 гг. // Кавказский сборник. Т. 5(37). М., 2008.
- Анчабадзе З.В. Избранные труды. В 2 тт. Сухум, 2010-2011.
- Берже А.П. Присоединение Грузии к России // Русская старина. 1880. Т. 28. № 5.
- Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006.
- Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т.1. СПб., 1882.
- Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. СПб., 1893.
- Бобровский П. Кубанский егерский корпус // Военный сборник. 1893. № 2.
- Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. В 6 тт. СПб., 1869-1871.
- Борисов В., Сыщанко А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642-1700-1886. СПб. 1888.

- Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и подготовленные Семеном Броневским. В 2-х тт. СПб., 2004.
- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. СПб., 1869.
- Ватейшвили Д.Л. Генерал П.С. Котляревский: Очерк жизни и боевой деятельности. Тбилиси, 1980.
- Висковатов А.В. Князь Павел Дмитриевич Цицианов. Тифлис, 1845.
- Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб., 1894.
- Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.
- Гордин Я.А. Ермолов. М., 2012.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
- Дегоев В.В. Внешняя политика и международные системы: 1700-1918 гг. М., 2004.
- Дегоев В.В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М., 2006.
- Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013.
- Дубровин Н.Ф. Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России. СПб., 1897.
- Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803-1806 гг. СПб., 1866.
- Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. СПб., 1871-1888.
- Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л. 1966.
- Зубов П. Жизнь князя Павла Дмитриевича Цицианова. М., 1823.
- Зубов Н.П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1. СПб., 1835.

- Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969.
- Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.
- Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977.
- Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского высочества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис. 1865.
- Керсновский А.А. История русской армии. В 4 тт. М., 1992-1994.
- Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. М., 1984.
- Кишмишев С.И. Последние годы Грузинского царства. Тифлис, 1898.
- Кишмишев С.Р. Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.
- Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. Т. 5. М., 1989.
- Кортуа Н.М. Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII века. Тбилиси, 1989.
- Лапин В.В. Цицианов. М., 2011.
- Лебедев П.С. Князь Павел Дмитриевич Цицианов // Русская старина. 1890. Т. 66. №4. С. 140-148.
- Магальян А. Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 8. М., 2010.
- Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.
- Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844.

- Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // АСТЮ NOVA 2000. Сборник научных статей. М., 2000.
- Палаузов С.Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859.
- Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812 гг. В 3 тт. СПб., 1885-1887.
- Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.
- Потто В.А. Кавказская война. В 5 тт. Ставрополь, 1994.
- Русская военная сила. Вып. 9. М., 1889.
- Савваитов П.И. Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под команду контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 году. СПб., 1851.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Скрутковский С.Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. Эпизод из истории лейб-гвардии Гренадерского полка СПб., 1896.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958.
- Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854.
- Соловьев С.М. Сочинения в 18 тт. История России с древнейших времен. Кн. 9. Тома 17-18. М., 1993.
- Соханская Е. Генерал Котляревский // Военный сборник. 1871. № 3.
- Стамова И.И. Кавказ в политике России, Ирана и Англии: 1814-1826 гг. // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008.

- Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Т. 1. Владикавказ, 2012.
- Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1-4. Тифлис, 1901-1904.
- Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 2008.
- Шабанов Д.Ф. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. В 3-х ч. Тифлис, 1871.
- Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 2. СПб., 1890.
- Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2006.
- Allen W.E.D., Muratov P.P. Caucasian battlefields: A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828-1921. Cambridge, 1953.
- Baddeley J.F. The Russian conquest of the Caucasus. L., 1908.
- Hopkirk P. The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. N.-Y.; Tokyo; L., 1992.
- Lang D. The last years of the Georgian Monarchy, 1652-1832. N.-Y., 1957.
- Suny R.G. The making of the Georgian nation. Indianapolis, 1994.
- Sykes P.M. A history of Persia. Vol. 2. L., 1915.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в русской политике	3
От авторов	9
Глава 1. «Диверсия» императрицы: отряд генерала Г.Г. Тотлебена в Грузии (1768-1774)	10
Глава 2. «Барьер» в Закавказье: стратегические планы князя Г.А. Потемкина (1774-1787)	57
Глава 3. Тифлисская катастрофа 1795 г.	132
Глава 4. «Просительные пункты» Георгия XII: смена российского курса в Закавказье (1797-1801) ..	190
Глава 5. Прорыв в Закавказье (1801-1804)	240
Глава 6. Война 1804-1813 гг. и подписание Гюлистанского договора	296
Вместо заключения. После Гюлистана... ..	331
Источники и литература	372

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

О.Р. Айрапетов, М.А. Волхонский, В.М. Муханов

ДОРОГА НА ГЮЛИСТАН...

Из истории российской политики на Кавказе
во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.

*На обложке использована картина Франца Рубо
«Живой мост» (1892 год)*

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 12.

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02